

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон
Пьеру Жозефу Прудону (1809–1865) не очень-то повезло в памяти потомков. Для многочисленных и разнообразных, но неизменно догматических и почти всегда авторитарных марксистов он остался – после ядовитого марксова памфлета «Нищета философии» (ревниво предвзятого и вопиюще несправедливого) – таким жалким идейным ничтожеством, недоучкой и путаником, каким-то недоразумением, полуэкономистом и полуфилософом. (Разумеется, подавляющее большинство этих марксистов, благоговейно читающих «Нищету философии», не дало себе труда обратиться ни к собственным трудам французского мыслителя, ни даже к ранним – восторженным – его оценкам тем же Марксом!). Для анархистов его заслоняют более поздние и, как кажется, более героические, более цельные и более последовательно революционные и либертарные фигуры Бакунина, Малатесты и Кропоткина.

Однако многие свои идеи Маркс без зазрения совести позаимствовал у Прудона (тем самым подтвердив известный тезис последнего о том, что «собственность – это кража»). А уж Бакунин, Герцен, Кропоткин и другие великие анархисты и либертарики обязаны Прудону если не всем, то очень многим, что до него было почти неведомо, а после него стало альфой и омегой анархической мысли: беспощадной критикой государственной власти, представительной демократии и либерализма, анализом глубинного тождества управления и эксплуатации человека человеком, осмыслением неразрывной взаимосвязи рыночной конкуренции и государственной монополии, подробным обоснованием идей федерализма и свободного договора, развенчанием веры в выборы, партии и парламенты (по Прудону «всеобщее избирательное право – контрреволюция») как формы манипуляции, теорией «мютюэлизма» (взаимности) и этикой, основанной на справедливости и человеческом достоинстве...

Если на Западе имя и идеи Прудона еще более или менее известны, то в России он доселе пребывает в почти полном забвении: при самодержавии и при нынешних властях, столь трепетно любящих самодержавие, его не издавали и не издадут как революционера (оказавшего решающее влияние на русское народничество), при большевиках – как оппонента Маркса. Главные труды Прудона: «Справедливость в Революции» и Церквыи и «Философия нищеты или Система экономических противоречий» (именно на эту работу обрушился Маркс в своем памфлете) спустя полтора века все еще ждут своего перевода на русский и издания в нашей стране. Литература о нем в России сегодня более чем скромна[1].

«Отец Анархии»! Да уж, действительно, отец, суровый, пуритански аскетичный, прямолинейный и строгий *pater familia*. Из песни слова не выкинешь: Прудон был одним из последовательнейших борцов против женской эмансипации и идейно обосновывал сексизм и крайний патриархат (с запираемостью женщины в семейную клетку без права освобождения, равноправия с мужчинами и участия в культурной и общественной жизни) в своей печально известной книге «Порнография, или Женщины в настоящее время»[2]. Чуткий к противоречиям буржуазного общества, Пьер Жозеф сам был воплощенным и ходячим противоречием: консервативный прогрессист, реформистский революционер, либертарный деспот, скромный мессия, этический максималист и эстетический слепец. Могучий боец и опасный полемист, в невероятной сутолоке и толчее партий во Франции 1840–1860-х годов Прудон воевал один против всех, ругал почем зря и либералов, и орлеанистов, и бонапартистов, и якобинцев, и коммунистов–государственников. Его меткие удары сыпались направо и налево, и там, где проходил этот удивительный и обаятельный даже в своей непоследовательности человек, названный Герценом «главой революционного принципа в XIX веке» (щедром на революционеров), возникало целое движение, сеялись семена либертарного сознания, давшие обильные всходы пару десятилетий спустя.

Горячий поборник свободы, он отказывался предоставить ее женской половине человечества. Пылкий революционер, он желал избегнуть «варфоломеевской ночи для собственников» и хотел осуществить радикальные преобразования через реформу. Плоть от плоти народа (рабочий, сын крестьянина из Безансона), талантливый самоучка, друг и заступник рабочих, он искал компромиссов с буржуазией и некоторое время питал иллюзии в отношении мнимой «социалистичности» бонапартистов – приверженцев Луи Наполеона. Пламенный враг собственности, он был также и врагом коммунизма, стремясь заменить буржуазную собственность – трудовой собственностью и владением и «приручить» и «очеловечить» беспощадную стихию рынка, изгнав из нее

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org монополизм и ростовщичество и выращивая кооперативные учреждения. Прудон во многом ошибался, многим чересчур увлекался, но во многом оказался и пророком, к примеру, одним из первых указав на губительные последствия растущего разделения труда и специализации на человеческую личность, и обосновав идеал всестороннего «интегрального» образования. Будучи избран рабочими Парижа в депутаты Национального Собрания, он промолчал во время бойни рабочих, устроенной буржуазией в июне 1848 года, но спустя несколько недель, осознав ужас происходящего и собственные ошибки, мужественно в одиночку сразился со всеми депутатами палаты. Он полной мерой изведal и крайнюю нищету, и тюремное заключение, и горечь эмиграции, и сладость всеевропейской славы. Александр Герцен считал Пьера Жозефа величайшим революционером и мыслителем современности, а Гюстав Курбе (выдающийся живописец, прудонист и впоследствии парижский коммунарь) запечатлел его на известном портрете [3].

Публикуемая книга «О политической способности рабочих классов» (вышедшая в России в переводе Н. К. Михайловского под нейтрально-бесцветным названием «Французская демократия» [4], способным усыпить бдительность царской цензуры) является последним, наиболее зрелым, итоговым и, быть может, наиболее интересным произведением в огромном литературном творчестве французского анархиста. В этой книге (где злободневные рассуждения соседствуют с общетеоретическими построениями) Прудон сводит последние счёты с политиками всех направлений и партий, последовательно противопоставляя парламентско-государственной политике и бюрократическим решениям интересы трудового народа, которые никто, кроме самих трудящихся не может защищать и представлять, и подробно раскрывает идею федерализма в ее связи с мютюэлизмом. По изложенному им замыслу, государство и капитализм должны коллапсировать и быть (по возможности мирно) заменены обществом кооперации и федерализма (основанного на делегировании снизу вверх и императивных мандатах), а на смену ценностям доминирования и наживы должны возобладать солидарность, взаимопомощь, свобода, равенство и справедливость.

А о чем только не писал в течение своей не слишком долгой жизни плодовитый Прудон! (В его наследии – около сорока книг и многие сотни статей). О языкознании и религии, о международном праве, о войне и мире (под влиянием бесед с ним и прочтения его книги «Война и мир» молодой Лев Толстой решил дать то же название задуманной им эпопее), о национальном вопросе, о вреде интеллектуальной собственности (пытаться «делить» идеи в культуре так же нелепо, как пытаться делить воздух в окружающей нас атмосфере) и о вреде собственности как таковой, об искусстве и о разделении труда, о морали и справедливости, о юриспруденции и о кооперации, о Великой французской революции и о женском вопросе... Множество сочинений, наполненных остротами, парадоксами и афоризмами, из которых двум: «Собственность – это кража» и «Анархия – мать порядка» суждены были всеобщая известность и всеобщее непонимание (без вдумывания в их смысл и знания об их авторе, как часто, впрочем, бывает с известными цитатами, обреченными на бессмертие и ставшими из шокирующего парадокса привычными банальностями).

Нет смысла и возможности здесь в кратком предисловии пересказывать биографию Пьера Жозефа Прудона, описывать комплекс его идей и, тем паче, излагать содержание книги, которую читатель и так держит в руках. Тем, кто желает подробнее уяснить себе место Прудона в анархической и социалистической мысли, я рекомендую обратиться к соответствующей главе моего «Краткого очерка истории анархизма в XIX–XX веках» и к фундаментальной и чрезвычайно сочувственной (даже апологетической) по отношению к П. Ж. Прудону монографии другого известного исследователя, историка и либертарного социалиста – А. В. Шубина [5]. В последней книге идеи Прудона не только предстают в систематическом, последовательном изложении и в историческом контексте (в заостренном противопоставлении марксизму), но и показывается и обосновывается их актуальность для XXI века и их влияние на социалистическую мысль последних полутора столетий.

Отмечу лишь самое главное в нескольких кратких словах. Человек, первым решившийся, эпатируя публику, сам назвать себя анархистом (и придавший этому слову не ругательный, а конструктивный смысл), яростный критик власти и собственности как двух сторон насилия над человеческой личностью, создатель основ либертарной социальной теории и инициатор появления массового всеевропейского анархического движения, враг централизации и бюрократии (превратившей, по его словам, всю землю в «бумажную планету», покрытую бесчеловечными декретами и бессмысленными инструкциями), мыслитель

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org и пламенный публицист (не «кабинетный теоретик», как многие «радетели за народ», а сам – часть народа, находящийся в его гуще и зарабатывающий на жизнь каторжным трудом), стремившийся согласовать свободу и равенство, личность и общество, многообразие и единство через федерализм и перевернувший руссоистски-якобинскую пирамиду государственной власти вверх тормашками и распыляющий ее в низовом самоуправлении, человек, своей проповеднической и организаторской деятельностью давший импульс рабочим организациям и кооперативам, покрывшим Европу (и вскоре породившим Первый Интернационал и героическую Парижскую Коммуну), язвительный полемист и обличитель либералов с их болтливим лицемерием и двоемыслием (по метким словам Прудона, «пытавшихся подстричь когти у Власти, но так, чтобы и у Свободы подрезать крылья»), чуткий оппонент любой якобинской и социалистической казармы, нивелирующей личность и передающей ее права в руки отеческого Государства, ранний проповедник (задолго до Г. Д. Торо, Л. Н. Толстого, М. К. Ганди и М. Л. Кинга) тактики гражданского неповиновения власти (в публикуемой книге он рекомендует рабочим активный бойкот выборов и неучастие в партийно-парламентских играх), Пьер Жозеф Прудон – при всей своей невероятной противоречивости и непоследовательности – стал отцом либертарного социализма XIX–XXI веков, одним из величайших критиков индустриальной буржуазно-государственной цивилизации (разрывающей живые связи между людьми, уничтожающей общество, нравственность и личность и атомизирующей индивидов перед лицом экспансии беспощадного и ненасытного рынка, бездушной государственной деспотизма и выходящих из-под контроля технологий, превращающих человека в часть Мега-Машины). Он попытался поставить диагноз болезни и наметить иной, принципиально отличный, путь для человечества. О том, что этот путь не закрыт и до сих пор и не является химерическим порождением галльского парадоксалиста, говорит хотя бы необъятный круг его прямых или косвенных идейных преемников: Герцен и Бакунин (друзья, соратники, ученики и критики Прудона), русские народники (Н. К. Михайловский, прудонисты 1860–х годов, землевольцы, чайковцы) и американские анархо-индивидуалисты (Б. Таккер, Э. Гольдман, Дж. Уоррен и другие), испанские и итальянские федералисты и анархо-инсургенты (К. Писакане, Ф. Пи-и-Маргаль), парижские коммунары, французские революционные синдикалисты и анархо-синдикалисты (Ж. Сорель), русские кооператоры (М. И. Туган-Барановский), многие крупные социологи и мыслители XX века (Р. Арон, Ж. Гурвич, Д. Герен)... Целая лавина идей, течений, движений, социальных проектов и прорывов. Лавина, у истоков которой стоял этот человек – Пьер Жозеф Прудон.

И сегодня, высокомерно ругая Прудона за те или иные ошибки и непоследовательности, вроде переоценки кооперации или недооценки роли забастовок (с высоты двухвекового исторического опыта), посмеиваясь над его наивными попытками проповедовать анархизм в парламенте или создать Народный Банк (с даровым кредитом без процентов, основанном на взаимности) в недрах капиталистического общества, справедливо негодуя по поводу его пещерного патриархализма, недовольно поживаясь от его пуританского суховатого морализма и мужицкого культа труда и бедности, подозрительно косясь на его догматическую убежденность в незыблемости Вечной Справедливости и на его самоуверенную претензию быть глашатаем абсолютных истин, сетуя на его оппортунизм, периодические апелляции к очередным «добрым царям» и безграничную просветительскую веру во всемогущие рациональные аргументы, – не стоит забывать о том, каким богатством первоначально свежих и ярких мыслей мы – нынешние анархисты – обязаны этому неудобному, неповторимому, творчески конструктивному, упрямому и неугомонному человеку, настоящему отцу Анархии, которая, как всякая повзрослевшая дочь, теперь живет своей собственной взрослой и самостоятельной жизнью, порой поругивая предков и вступая с родителями в конфликты и препирательства, далеко уходя в неизвестность от стен отчего дома, в который все же время от времени возвращается, ибо это – ее дом.

Кандидат философских, наук, доцент Петр Владимирович Рябов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Рабочая демократия вступает на политическое поприще.

ГЛАВА I.

Вечер 1-го июня 1863 года.

В понедельник, 1-го июня 1863 года около десяти часов вечера во всем Париже господствовало глухое волнение, напоминавшее 26 июля 1830 и 22 февраля 1848, и тот, кто в эту минуту поддался бы уличным впечатлениям,

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org счелъ бы себя накануне битвы. Вотъ уже три недѣли, какъ Парижъ, возвратившись къ политической жизни, пробудился отъ своего оцепененія, снова чувствуетъ въ себѣ жизнь, снова одушевленъ революціоннымъ духомъ! – такого рода возгласы слышались со всѣхъ сторонъ. «О! восклицали люди, ставшіе во главѣ движенія, въ этотъ часъ нельзя было узнать этотъ новый, монотонный городъ г. Гаусмана съ его прямолинейными бульварами, его гигантскими дворцами, съ его великолѣпными, но пустынными набережными; его печальной Сеной, въ волнахъ которой теперь носились только камни да песокъ; съ его дебаркадерами, которые, замѣнивъ ворота стараго города, лишили его самобытности; съ его макъ-адамами, скверами, новыми театрами и казармами; его легіонами мятежниковъ и его ужасною пылью; городъ, населенный англичанами, французами, нѣмцами, батавами, американцами, русскими и арабами; космополитическій городъ, гдѣ туземець чувствуетъ себя чужимъ. Этотъ городъ сдѣлался снова старымъ Парижемъ, тѣнь котораго явилась при сіяніи звѣздъ и при кликахъ шопотомъ: «да здравствуетъ свобода!»

Не смотря на напыщенность, рѣчь эта не лишена нѣкоторой доли правды; но тѣмъ не менѣе ночь прошла совершенно спокойно. Болѣе восемнадцати мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ. И въ настоящее время нѣтъ никакаго основанія думать, чтобы раньше іюня 1869 года Парижъ подалъ хотя малѣйшій признакъ жизни. Послѣ этой вспышки духъ великаго города снова упалъ.

Что же случилось? Какая старая новость заставила волноваться новыя Афины? На кого сердилась столица Порядка?

Молодой и милый писатель, г. Ферри, написавшій исторію выборовъ 1863 года, взялся объяснить намъ, что, по его мнѣнію, Законная Оппозиція, погребенная двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, воскресла, благодаря дѣятельности пяти и всеобщей подачѣ голосовъ. Вотъ оттого-то и ликовалъ Парижъ.

Я вамъ скажу читатель, что такое Законная Оппозиція; я вамъ покажу, что она дѣлаетъ; а пока съ васъ довольно знать, что подъ этимъ именемъ и съ помощью этой формулы стараются возстановить на мѣстѣ имперіи или февральскую республику, или монархію конституціонную, представительную и парламентскую, столь дорогую сердцамъ буржуазіи, почти въ томъ видѣ, какъ она существовала съ 1814 до 1840 года. Внѣ этого Законная Оппозиція не имѣетъ политическаго смысла.

И такъ Парижъ, неусыпный стражъ свободы націи, возсталъ на зовъ своихъ ораторовъ и отвѣчалъ самымъ сухимъ нѣтъ на всѣ заискиванья правительства. Независимые кандидаты получили рѣшительное большинство. Демократическій списокъ прошелъ цѣликомъ. Всѣмъ извѣстенъ результатъ выборовъ. Администрация была побѣждена; кандидаты ея были отвергнуты большинствомъ 153,000 голосовъ противъ 80,000. Народъ, главный виновникъ этого торжества, наслаждался своимъ успѣхомъ; буржуазія раздѣлилась на двѣ партіи. Одна обнаруживала нѣкоторое безпокойство, другая свободно выражала свою радость. – Какой ударъ! говорили одни; какая пощечина! – Дѣло серьезно, очень серьезно, прибавляли другіе: Парижъ въ оппозиціи – имперія потеряла столицу...

Такимъ образомъ объясняли сторонники законной Оппозиціи эту таинственную манифестацію, и уже высчитывали выгоды, которыя она принесетъ имъ. Конечно, мысль возвратиться къ іюльскимъ учрежденіямъ, быть можетъ, даже воспоминаніе о конституціи 1848 существовали въ умѣ избирателей. Это показали имена Тьера и Гарнье Паже, вышедшіе изъ урнъ какъ № № лоттерей. Но это ли только значеніе имѣли выборы. Далѣе мы займемся этимъ вопросомъ.

1 іюня 1863 было лунное затмѣніе; небо было великолѣпно, вечеръ прекрасенъ; легкой и пріятной вѣтерокъ, казалось, принималъ участіе въ невинныхъ тревоженіяхъ земли. Весь Парижъ могъ слѣдить за всѣми измѣненіями этого явленія, которое началось въ девять часовъ пятьдесятъ шесть минутъ вечера, въ тотъ моментъ, когда собраніе избирателей окончило свое засѣданіе, и прекратилось въ часъ и шестнадцать минутъ утра. Такъ, говорили остряки, меркнетъ деспотизмъ передъ свободой: демократія простерла свою широкую руку и затмила звѣзду 2 декабря... Пельтанъ, одинъ изъ избранныхъ въ то время, ораторъ, самый способный во всемъ парламентѣ раздражать нервы слушателей и читателей своимъ гіерофантскимъ слогомъ, не преминулъ сдѣлать это грозное предсказаніе въ одной изъ своихъ брошюръ. Скажите лучше, возражали побѣжденные, что затмился разумъ парижанъ. О, да вы возобновляете ваши фарсы 1830 и 1848! ну такъ берегитесь: вамъ придется хуже, чѣмъ въ 1830 и 1848.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Такъ тщеславіе смертныхъ истолковываетъ въ смыслъ своихъ страстей и интересовъ самые невинные признаки. Мы всегда считаемъ боговъ участниками въ нашихъ приключеніяхъ и нашихъ тревогахъ, и потомъ, когда событія разобьютъ наши иллюзіи, мы обвиняемъ боговъ. Но довольно съ насъ предсказаній и предзнаменованій. Мы жаждемъ истины и правды, которыхъ нѣтъ ни въ радости оппозиціи, ни въ горести министерскихъ чиновниковъ. Оставляя въ сторонѣ астрологическое совпаденіе, тѣмъ не менѣе вѣрно, что 1-го іюня 1863 года произошло два затмѣнія: одно на небѣ, другое на землѣ подъ 48° 50' сѣверной широты и 0 долготы. На небѣ, мы знаемъ, было лунное затмѣніе. Что же затмилось на землѣ? Имперія, демократія, парламентская система, оппозиція, буржуазія, социализмъ, или все это вмѣстѣ? Мы увидимъ это ниже, а пока, чтобъ всѣхъ успокоить, скажемъ. что ни имперія, ни демократія, ни абсолютизмъ, ни ограниченныя монархіи, ни оппозиція, ни буржуазія, ни пролетаріатъ не погибаютъ отъ своихъ затмѣній, какъ не погибаютъ отъ нихъ солнце и луна.

Въ толпѣ находилось нѣсколько человѣкъ, которые возставали не противъ подачи голосовъ, но противъ всякаго назначенія. Они дали гласность своему протесту, вкратцѣ изложивъ причины его. Чего хотѣли эти люди? Всего или ничего, таковъ былъ ихъ лозунгъ. Ничего, то есть остаться при status quo – безъ лицемерія, безъ ложныхъ конституціонныхъ прикрытій, безъ парламентскихъ мистификацій, безъ легальной оппозиціи; иди всего, т. е. всеобщей подачи голосовъ, съ ея условіями, ея гарантіями, ея формами, ея правомъ, ея философіей, ея политическими и экономическими послѣдствіями, – однимъ словомъ, со всѣми ея социальными реформами. Имъ надобно парламентскіе дебаты, и золотая середина, и среднія мнѣнія, и умѣренныя стремленія, и всѣ компромиссы и ухищренія доктринеровъ.

Вы побѣждены и замѣшаны въ пораженіе г. де Персиньи, говорили имъ побѣдители. Какъ побѣждены? Говорите, если вамъ угодно, о правительственныхъ кандидатахъ; ихъ мы вамъ уступаемъ; говорите о себѣ самихъ, присяжныхъ и узаконенныхъ оппозирующихъ союзникахъ имперіи, которыхъ презираютъ, не смотря на ихъ оппозицію. Что же касается до насъ, вашихъ настоящихъ противниковъ, то борьба между нами только что еще начинается. Вы хотѣли выборовъ – мы знаемъ для чего – мы же отвергли ихъ. Кто изъ насъ правъ – рѣшить будущее. Развѣ ваши 153,000 голосовъ могутъ служить отвѣтомъ на наши доводы? Развѣ вопросъ, который насъ раздѣляетъ, можетъ быть рѣшенъ простымъ большинствомъ голосовъ? Посмотримъ, что-то будетъ черезъ семь лѣтъ. – А пока мы имѣемъ 153,000 голосовъ, представляющихъ въ Парижѣ парламентскую оппозицію; а вы? сколько васъ? – Насъ пока восемнадцать человѣкъ, восемнадцать, которые стоятъ вашихъ ста пятидесяти трехъ тысячъ.

ГЛАВА II.

Планъ кампаніи, составленный воспріемниками оппозиціи, друзьями правительства. – Рабочая масса, слѣдуя въ первый разъ своей собственной идеѣ и дѣйствуя во имя ея, разрушаетъ всѣ ихъ расчеты. – Численный результатъ выборовъ. – Значеніе крестьянскихъ голосовъ. Послѣ того, какъ декретомъ 24 ноября сенату и законодательному собранію было возвращено до нѣкоторой степени право голоса, въ извѣстныхъ правительственныхъ сферахъ стали считать оппозицію 1857 года слишкомъ слабою даже въ интересахъ самой власти. Побѣды, одерживаемыя правительствомъ въ палатѣ, не доставляли ему славы; это вредило блеску императорской прерогативы. Первая уступка помазала націю по губамъ. Страна стала сожалѣть о политическихъ нравахъ іюльской монархіи. Эта прихоть могла сдѣлаться опасною. Нѣкоторые друзья имперіи желали для нея поэтому оппозиціи болѣе многочисленной, хотя умѣренной, а главное, не враждебной династіи.

Эта мысль, пущенная въ ходъ умными головами либеральнаго бонапартизма, была подхвачена на лету тою кликою, изъ которой могли выйти ораторы, въ особенности ораторы независимые. Вотъ причина, почему литераторы, журналисты, адвокаты, академики, профессоры и т. д. толпами повалили записываться въ кандидаты. Легитимисты и либералы, переключаясь съ обоихъ крайнихъ полюсовъ политическаго горизонта, пѣли Осанну примиренія. Наконецъ, думали они, можно будетъ помѣриться силами въ парламентѣ, хотя бы только ради назиданія страны и ради чести свободы. Чего было бояться императорскому правительству кандидатовъ, поддерживаемыхъ такими журналами, какъ *Presse*, *Opinion National*, *Siècle*, *Temps*, *Debats*?.. Съ другой стороны, какъ же было не радоваться этимъ журналамъ и ихъ кліентамъ, видя, что

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Имперія склоняется къ парламентаризму? Буржуазія этимъ удовлетворялась; воздавалась честь политикъ и учрежденіямъ 1830 года; сдерживалась вѣчно волнующаяся демократія; наконецъ, подъ покровительствомъ императора скрѣплялся союзъ, составленный старыми партіями въ 1848 году, въ славной улицѣ Roitiers, противъ соціальной революціи. И вотъ всѣ простофили принялись рукоплескать.

Избирательная кампанія была открыта согласно этому плану. Въ этомъ духѣ былъ составленъ списокъ кандидатовъ оппозиціи. Правительство разсчитывало по крайней мѣрѣ наполовину парижскихъ избирателей, какъ въ 1857 году; оно не испугалось бы тридцати оппозиціонныхъ депутатовъ, выбранныхъ департаментами. Списокъ кандидатовъ Сены былъ составленъ такъ, что не могъ возбуждать никакого безпокойства, предполагая даже самый неблагопріятный результатъ.

Единственная трудность, но за то очень важная, состояла въ томъ, чтобы недопустить демократію до какой нибудь возмутительной демонстраціи. Демонстрація эта могла выразиться или отказомъ подавать голоса, или подачей безыменныхъ билетовъ, или наконецъ избраніемъ лицъ, открыто и энергически враждебныхъ конституціи. Первое затрудненіе были увѣрены побѣдить съ помощію журналовъ, которые всѣ стояли за баллотировку, и при содѣйствіи буржуазіи, болѣе склонной, по примѣру прежнихъ вождей своихъ, говорить, чѣмъ молчать; что же касается безыменныхъ билетовъ, которыхъ боялись больше всего, то противъ нихъ можно было дѣйствовать тѣми же средствами, и кромѣ того большинство считало, что дѣйствовать такимъ образомъ все равно, что вовсе отказаться отъ участія въ баллотировкѣ. Наконецъ, со стороны народа правительство считало себя безопаснымъ. Въ 1848 народъ избралъ Лудовика Наполеона въ президенты; въ 1851 онъ принялъ плебисцитъ и участвовалъ въ государственномъ переворотѣ; въ 1852 онъ подаль голосъ за имперію. Не было никакихъ причинъ полагать, чтобы расположеніе его съ тѣхъ поръ измѣнилось.

Если бы этотъ планъ удался, – а все заставляло предполагать, что онъ удастся, – то переходъ отъ самодержавной монархіи къ монархіи конституціонной могъ бы совершиться безъ потрясеній и безъ опасности для Наполеоновской династіи, и притомъ въ самую благопріятную минуту. Буржуазія возвратилась бы къ своимъ старымъ обычаямъ; революціонное движеніе было бы снова отклоненно, и явилась бы возможность принять мѣры на будущее время противъ всякихъ нечаянностей всеобщей подачи голосовъ.

Что за тѣмъ произошло, извѣстно всякому. Династическая оппозиція въ Парижѣ обдѣлала свои дѣла слишкомъ хорошо. Администрація почти не получила представителей въ столицѣ; меньшинство ея въ Парижѣ было самое жалкое, и все это нанесло правительству сильный нравственный уронъ. Теперь намъ предстоитъ найти причину этого пораженія, непредвидѣннаго, неожиданнаго и до сихъ поръ необъясненнаго.

1) Парижскіе выборы. – Привожу цифры, ограничиваясь, относительно городскихъ выборовъ, Сенскими, такъ какъ движеніе болѣе или менѣе сильное было всюду одинаково. Вотъ какъ распредѣлились въ декабрь 1851 года, послѣ государственнаго переворота, голоса сенскихъ избирателей;

Внесенныхъ въ списокъ	392,026
Подающихъ голоса	296,390
За плебисцитъ	196,539
Противъ	96,497
Утраченныхъ голосовъ	3,354
Отсутствующихъ	95,636

Примѣчаніе. На этихъ выборахъ правительство 2 декабря имѣло на своей сторонѣ большинство 100,000 голосовъ противъ оппозиціи, которая состояла преимущественно изъ буржуазіи или, вѣрнѣе, изъ лицъ средняго класса, принадлежавшихъ къ прежней партіи National'я и Reforme'ы; ихъ поддерживала значительная часть народа. Но вообще родъ, которому было возвращено право всеобщей подачи голосовъ, стоялъ за государственный переворотъ.

Я не буду говорить о національныхъ выборахъ 1852 года, которые доставили Имперіи 300,000 голосовъ болѣе, чѣмъ сколько оно имѣло въ 1851: воспоминаніе о 2 декабря было еще слишкомъ свѣжо; народное мнѣніе не подвинулось впередъ; къ тому же извѣстно, что демократія имѣла свои, болѣе или менѣе уважительныя, причины держаться въ сторонѣ.

Наступили выборы 1857 года, и вотъ ихъ результатъ.

Внесенныхъ въ списокъ	356,069
Подающихъ голоса	212,899
За кандидатовъ администраціи	110,526
За кандидатовъ оппозиціи	96,299
Утраченныхъ голосовъ или антиконституціонныхъ	6,074
Отсутствующихъ или неподлежащихъ голоса	143,170

Примѣчаніе. – Хотя число лицъ, внесенныхъ въ списокъ избирателей, уменьшилось съ 1851 года на 35,957, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что число отказывающихся отъ баллотировки увеличилось на 48,134; – число голосовъ за правительство понизилось съ 196,530 на 110,526, т. е. на 86,013; – что число голосовъ оппозиціи осталось почти неизмѣннымъ: она потеряла около 198 голосовъ. Итакъ, въ 1857 въ Парижѣ существовала оппозиція въ 100,000 голосовъ, почти не измѣнившихъ своего мнѣнія въ теченіе семи лѣтъ, между тѣмъ какъ правительство понесло значительный уронъ, получивъ вмѣсто прежнихъ 196,539 голосовъ только 110,526. Къ какой партіи принадлежали неизвѣстные голоса, числомъ 44,000, увеличившіе собою въ 1857 число отсутствующихъ? Я, не колеблясь, говорю, что то были главнымъ образомъ народные голоса, голоса работниковъ, равнодушныхъ къ выборамъ или даже такихъ, между которыми начинало бродить неудовольствіе.

Выборы 1863 года даютъ слѣдующіе результаты:

Внесенныхъ въ списокъ круглымъ числомъ	326,000
Подающихъ голоса	240,000
За кандидатовъ правительства	82,000
За кандидатовъ оппозиціи	153,000
Безыменныхъ билетовъ	4,556
Отсутствующихъ или неподлежающ. голоса	86,000

Примѣчаніе. Число лицъ, внесенныхъ въ списокъ, еще уменьшилось съ 1857: изъ 356,069 остается только 326,000 – разница въ 30,000 голосовъ. Не смотря на это, число голосовъ, поданныхъ за правительство, понизилось съ 110,526, на 82,000, – разница въ 28,000, и, наоборотъ, 96,299 голосовъ, преданныхъ оппозиціи, усилились 57,000 голосовъ, перешедшихъ въ оппозицію изъ разряда отсутствовавшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти 57,000 голосовъ принадлежали народу, который со времени государственнаго переворота не являлся на выборы. По соображеніямъ, приведеннымъ нами выше, мы можемъ заключить, что изъ 153,000 голосовъ, поданныхъ за оппозицію въ 1863 году, по крайней мѣрѣ половина принадлежитъ рабочей демократіи.

Послѣ этого какое же значеніе, какой смыслъ имѣютъ эти выборы?

Въ исторіи, можетъ быть, не было примѣра, чтобы народъ, въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ сословія, въ противоположность дворянству, буржуазіи и церкви, заявилъ какимъ нибудь поступкомъ собственную мысль, собственную волю. Народъ умѣлъ всегда только кричать: Да здравствуетъ императоръ! или да здравствуетъ король! или да здравствуетъ господинъ! или да здравствуетъ хозяинъ! Римскій плебей, создавъ имперію, не основалъ ничего; напротивъ, онъ все разрушилъ. Онъ всегда неизменно выражалъ только одно: ненависть къ патриціямъ. Самъ онъ не произвелъ никакой идеи; распри его съ патриціями были просто бунты эксплуатируемыхъ кліентовъ, чтобы не сказать – рабовъ. Давъ Цезарю и его преемникамъ, до Августа включительно, безсмысленную диктатуру, римскій народъ уничтожилъ республику и замѣнилъ ее самодержавіемъ. Что значили во франціи народные выборы съ 89 года? Подражаніе или, вѣрнѣе, содѣйствіе мѣщанскимъ выборамъ. Народъ игралъ въ политику, какъ дѣти въ солдатики. Ни санкюлотизмъ, ни робеспьеризмъ, ни бабувизмъ, ни бонапартизмъ не могли дать всеобщей подачѣ голосовъ самобытности и значенія. Въ 1799, 1804, 1815 годахъ народъ вотировалъ за своего императора, а вовсе не за себя. Хартія 1814–1830 лишила массу права подачи голосовъ. Но что потеряла она чрезъ это? Что потеряла общественное право и свобода? Ровно ничего. Самъ народъ, повидимому, нисколько не жалѣлъ объ этомъ. Февральская республика возвращаетъ ему избирательное право. Но какъ онъ пользуется этимъ правомъ? Онъ выбираетъ преимущественно буржуа, орлеанистовъ, легитимистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ – кого ни попало, да вдобавокъ еще поповъ, монаховъ, поэтовъ и епископовъ. Въ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ большинство реакціонеры. Потомъ народъ избираетъ до трехъ разъ Лудовика Наполеона. Гдѣ тутъ, спрашиваю, державная, самостоятельная мысль?

И вотъ вдругъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ по возстановленіи имперіи, этотъ народъ безъ всякой видимой причины дѣлаетъ крутой поворотъ, и 57,000

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org избирателей, рукоплескавших в 1851 году государственному перевороту и с тех пор хранивших молчание, внезапно переходят на сторону оппозиции и численным перевесом рѣшают парижские выборы против правительства. Что же имеет народ против своего великаго избранника? На что онъ жалуется? Жаловаться! Это значило бы, что, по примѣру стараго дворянства, буржуазіи и духовенства, народъ понимаетъ себя, какъ сословіе; что на политику онъ смотритъ съ точки зрѣнія своихъ особенныхъ сословныхъ интересовъ и стремится управлять правительствомъ въ своихъ особенныхъ видахъ [6]. Но ничего подобнаго никогда не было ни прежде, ни послѣ революціи.

Вотъ это то и составляетъ характеристическую черту девятнадцатаго вѣка. Въ ней также нѣтъ ничего удивительнаго, какъ въ полигаміи и рабствѣ временъ патріарховъ, какъ въ феодализмѣ и папствѣ среднихъ вѣковъ.

Когда между монархіей божественнаго права и рабочей сельской и городской массой стояли посредствующіе классы духовенства, дворянства и буржуазіи, или средняго сословія, народъ не могъ выдти на политическую арену: онъ не принадлежалъ себѣ; каждый простолюдинъ зависѣлъ отъ какого нибудь патрона, отъ господина, епископа или аббата. Революція 89 года разорвала эту связь; народъ предоставленъ самому себѣ, и изъ него составился классъ пролетаріевъ, работниковъ на задѣльной платѣ, въ противоположность классу собственниковъ и капиталистовъ. Въ 1848 году социализмъ, овладѣвъ этой нестройной массой, далъ ей первую организацію: онъ создалъ изъ нея особое тѣло, вдохнулъ въ нее мысль, душу, создалъ ей права, внушилъ различныя идеи: право на трудъ, уничтоженіе задѣльной платы, пересозданіе собственности, ассоціацію, искорененіе пауперизма и т. д. Однимъ словомъ, простой народъ, который до 1848 былъ ничто, который едва отличался отъ буржуазіи, хотя съ 89 года и составлялъ отдѣльное сословіе *de jure et de facto*, вдругъ пріобрѣлъ самостоятельность, благодаря именно тому, что былъ лишень всего и противопоставленъ классу землевладѣльцевъ и промышленныхъ эксплуататоровъ. Теперь, подобно буржуазіи 1789 года, онъ стремится стать всѣмъ.

Теперь для насъ становится ясно настоящее и даже будущее. Въ 1848 году народъ еще не понималъ своего положенія; не зналъ, въ чемъ состоятъ его выгоды; не создалъ своей идеи, и еще менѣе могъ выработать изъ нея какую нибудь политическую систему. Первой мыслью толпы, привыкшей къ рабству, было избрать себѣ повелителя. Повелителемъ этимъ сдѣлался Наполеонъ. Такъ римскіе плебеи предалися Цезарю, такъ мятежные невольники предалися Спартаку.

Но возстановленіе имперіи не есть еще окончательное рѣшеніе. По странной прихоти судьбы вышло такъ, что Лудовикъ Наполеонъ, представитель народа, былъ въ тоже время избранъ покровителемъ интересовъ буржуазіи, блюстителемъ стараго общественнаго порядка, пересозданіе котораго очевидно составляетъ задачу современнаго плебея. Очевидно, что послѣ двѣнадцати лѣтъ ожиданія народъ отвернулся отъ него. Подобно буржуазіи, которая хмурится и дѣлаетъ оппозицію своимъ конституціоннымъ государямъ всякій разъ, какъ интересы ея страдаютъ, народъ вступилъ въ оппозицію противъ своего избранника. Мы уже знаемъ результатъ этой оппозиціи, и теперь важно не обмануться въ немъ.

Въ 1863 и 1864 народъ, вотируя за одно съ извѣстною частію буржуазіи и давая свои голоса ея кандидатамъ, вовсе не имѣлъ въ виду поддерживать систему парламентской монархіи и дѣлать законную оппозицію; онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ правленія, обыкновенно называемаго Орлеанизмомъ. Его не обманула интрига, имѣющая цѣлю, съ помощію іюльскихъ постановленій и конституціи преобразовать имперію въ пользу Бонапартовъ, устранивъ навсегда Орлеановъ. Онъ понялъ сокровенный смыслъ этой оппозиціи, узналъ маски, разгадалъ стремленія кандидатовъ. Онъ чувствовалъ, какое поруганіе нанесено свободѣ избирателей. Онъ былъ возмущенъ отступничествомъ и присягами нѣкоторыхъ лицъ, и въ людяхъ, которыхъ онъ посылалъ въ законодательный корпусъ, онъ уже видѣлъ враговъ своей идеи, союзниковъ реакціи. Могъ ли онъ не знать, что г. Жирарденъ, задушевный другъ принца Наполеона, человекъ, открыто проповѣдующій политическій индифферентизмъ, станетъ работать въ интересахъ императорскаго *status quo*? что г. Геру присталь къ имперіи съ большинствомъ сень-симонистовъ? что сердечное согласіе господствуетъ между господами Авеномъ и де Персиньи? Могъ ли онъ забыть, что г. Жюль Фавръ, эксъ-секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ во время республики, поддерживалъ въ 1848 президентство Наполеона противъ республиканскихъ кандидатовъ, за одно съ гг. Жирарденомъ, Викторомъ Гюго, Гарнье-Паже и т. д.; или какъ строго былъ въ Марсели къ социалистамъ г.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Эмиль Оливье, исполнявший должность префекта и при временном
правительстве, и при президентстве?

Какое же было дело народу до этих людей, до их мнений и до их прошлого? Он страстно хотел лишь одного: заявить свой разрыв с правительством, от которого он так мало ждал – и, чтобы вновь достигнуть своей цели, он забыл все нанесенным ему оскорблением, кроме последнего – отказа принять его кандидатов [7].

Никто не давал себе труда подумать, выгодно ли рабочему классу соединиться с буржуазией в великой избирательной манифестации? не нарушает ли его интересы принятие присяги, служащей залогом, если не безусловной преданности империи, то по крайней мере согласия на программу законной оппозиции? Не решительнее ли был бы голос народа, не решительнее ли был бы удар, если бы урны наполнились безыменными билетами и парижские выборы не состоялись бы? Но идеи еще недостаточно ушли вперед; общественное мнение еще не созрело; все воображали, что избраные представители составляют главную сущность пользования правом подачи голосов, и все были заняты только тем, чтобы выборы пали на людей, которые, независимо от их сокровенных стремлений, как кандидаты, были бы известны, как противники правительства.

Будем говорить правду с резкой откровенностью: кажется, будто рабочий класс, которому здесь впервые предстояло говорить от своего собственного имени, привыкнув больше действовать силой, чем работать головой, только о том и заботился, чтобы доказать, что у него большинство и сила и что к этим преимуществам он сумеет присоединить отныне волю и решимость; что для него также легко уничтожить, как и создать большинство, и что, дав Лудовику Наполеону в 1848 году пять с половиной миллионов голосов, в 1851 – семь с половиной, в 1852 – семь миллионов восемьсот двадцать четыре тысячи сто восемьдесят девять голосов, он также легко может и отвергнуть официальных кандидатов, если заблагоразсудит.

II. Сельские выборы. Здесь прежде всего представляется возражение, на которое необходимо ответить, чтобы дать полное понятие о выборах вообще и справедливо оценить народное движение не только в Париже, но и в департаментах. Мне весьма основательно замчали, что в приведенных мною таблицах выборов 1848, 1851 и 1852 годов городские и сельские голоса взяты безразлично вместе, между тем как по расположению работников Парижа и других больших городов никак нельзя судить о крестьянах, которые до сих пор остаются верны императору и продолжают идти под его знаменем. Так в 1863 году, когда Париж и другие большие города дали оппозиции 1,900,000 голосов, крестьяне дали правительству 5,500,000 голосов, что ставит его вне всякой опасности.

Оппозиция и ее журналы объясняют эти неблагоприятные для них результаты невежеством сельского народонаселения сравнительно с городским, его изолированным положением, его робостью; по их уверениям, было бы совсем не то, если бы можно было действовать на него и руководить им, как городскими работниками... На это отвечает г. де Персиньи в речи, произнесенной им в Роанне: он цитирует римскую историю, говоря, что различие результатов городских и сельских выборов доказывает зрелость мысли, благоразумие, последовательность и консерватизм, которые во все времена составляли отличительные свойства поселян сравнительно с беспокойной массой городского населения.

Из этого видно, как склонны все партии к самовосхвалению насчет своих противников, не обращая внимания на действительные факты и на истинные чувства народа. На чем основывается, спрашиваю, мнение, будто наши поселяне менее способны или более благоразумны, чем наши ремесленники? Не во сто ли раз рациональнее предположить, что как те, так и другие, будучи конечно способны заблудиться в политическом лабиринте, действуют прежде всего по внушению своих задушевных мыслей и своих интересов? Поэтому соображения парижской прессы всегда казались мне в высшей степени наглыми, равно как и историко-фантастическая измышления г. де Персиньи. Постараемся же узнать, в чем интерес крестьянина и что говорит ему его задушевная мысль, и тогда мы узнаем, что должно думать о большинстве голосов, данном им правительству.

В последние сорок лет тот же разрыв, на который мы указали выше в городском населении между работником и буржуа, обнаруживается и в

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
сельском населении между сельскими работниками и поземельными
собственниками, особенно живущими в городах. Так как этот антагонизм
имеет самый глубокий смысл, то мне, быть может, будут благодарны за его
объяснение.

В городах старый принцип феодализма удержался и продолжает развиваться, изменив лишь форму. Об этом свидетельствует с одной стороны промышленный и финансовый феодализм, так хорошо умулющий при случае вразумлять средний класс и пролетариат; с другой – стремление большей части буржуазии, недовольствуясь своим званием чиновников, капиталистов, подрядчиков и негодяев – присоединять ко всему этому еще звание крупных поземельных собственников, верховных обладателей почвы. Наконец, тоже доказывают извѣстныя коммунистическія тенденціи, нѣкоторыя плохо опредѣлившіяся корпоративныя идеи рабочих классов. Между тем крестьяне сосредоточились на одной мысли: все болѣе и болѣе упрочивать за собою свободное пользование землею. Понятие о собственности, одним словом, неодинаково у горожан и у поселян: отсюда и различіе въ их образѣ дѣйствія. Одинъ прежде всего добивается ренты, ищетъ чести обладанія; другой стремится къ независимому труду, желаетъ быть полнымъ господиномъ въ сельскомъ быту. Для перваго собственность есть ленъ, для втораго она все еще аллодь. Разумѣется, я употребляю эти выраженія для того только, чтобы яснѣе выразить мою мысль, вовсе не думая никому навязывать идеи, далеко превосходящія обыкновенныя рутинныя понятія. Въ самомъ дѣлѣ, не найдется ни одного крестьянина, ни одного буржуа, исключая однихъ юристовъ, которые понимали бы значеніе этихъ терминовъ нашего древняго языка. А между темъ эти слова, ленъ и аллодь, выражаютъ два различныя права, два разные порядка вещей, два противоположныя стремленія, проявляющіяся въ наше время въ такой же силѣ, какъ и въ средніе вѣка, и которыя, по моему мнѣнію, совершенно уничтожить даже невозможно. Теперь, какъ и прежде, мысль крестьянина сосредоточена на аллодіальномъ владѣніи. Онъ инстинктивно ненавидитъ горожанъ, корпорации, цехи, мастера, какъ ненавидѣлъ прежде помѣщиковъ-феодаловъ, и первая его забота состоитъ въ томъ, чтобы изгнать пришлыхъ рыночниковъ, по выраженію нашего древняго права. Онъ хочетъ владѣть землею нераздѣльно и, при помощи этого владѣнія, господствовать надъ городами и предписывать имъ свои законы. Эта мысль преобладанія земледѣлія надъ промышленностью есть та самая мысль, которая положила основаніе владычеству древняго Рима и рѣшила побѣду этого земледѣльческаго народа надъ могущественнѣйшими коммерческими и промышленными государствами древняго міра. Въ средніе вѣка она поддерживала феодализмъ, а въ XVIII столѣтіи была усвоена физіократами, но досель еще неисчерпана. Отсюда глухая борьба, которая уже замечается въ некоторыхъ областяхъ. Одинъ изъ моихъ друзей выразилъ недавно эту мысль приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: «мы идемъ къ открытой борьбѣ между городами и селами; крестьяне сдѣлались богаты; три четверти городскаго населенія находятся въ нуждѣ; первые, привлекаемые приманкою торговли и промышленности, мало по малу овладеваютъ городами, между темъ какъ вторые окончательно раздавлены этой новой конкуренціей и высшей буржуазіей, главная квартира которой – Парижъ».

И такъ одна и та же мысль руководитъ сельскими и городскими работниками. Въ городахъ рабочіе классы стремятся вытѣснить буржуазію возвышеніемъ заработной платы, ассоціями, коалиціями, корпоративными обществами, обществами взаимнаго вспоможенія; въ селахъ – возвышеніемъ цѣнъ на работу и жалованья слугамъ, цѣны на землю, устраненіемъ фермерствъ, дробленіемъ арендныхъ земель на мелкіе участки и упроченіемъ за собой мелкой собственности. И такъ, война эта ведется всюду, но до сихъ поръ, вслѣдствіе отсутствія основной мысли, организаци и тактики, не произвела рѣшительныхъ результатовъ. Люди взаимно тѣснятъ другъ друга, уничтожаютъ, давятъ; крестьянинъ, сосѣдъ или фермеръ, поденщикъ или слуга, старается всѣми силами вредить буржуа собственнику, но ничто не помогаетъ. Все остается по прежнему: классъ работниковъ и классъ собственниковъ, рента и аренда.

Республика 1848 года дала какъ крестьянамъ такъ и городскимъ работникамъ избирательное право. Но между темъ какъ городскіе работники, по примѣру буржуазіи, составляютъ оппозицію правительству, вотируя за одно съ нею, поселянинъ, справедливо или нѣтъ, продолжаетъ считать императора представителемъ аллодіальной системы, восторжествовавшей, благодаря революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Напротивъ того, въ король, протекторъ буржуазіи или главъ дворянства, онъ видѣлъ всегда представителя лена, который его подозрительный взглядъ видитъ теперь въ лицѣ капиталиста,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
фабриканта, директора торговых компаний, негодяя, литератора или судьи. Наполеон I понимал это, и за то, несмотря на свое вѣроломство, так долго пользовался популярностью. Объ этомъ можно судить по тому, что мы видѣли въ 1830, 1840 и даже въ 1852 г. Почти тоже теперь происходитъ въ Италіи, гдѣ крестьяне сожальютъ объ австрійскомъ правительствѣ, естественномъ врагѣ и противникѣ буржуазіи, и проклинаютъ конституціонное королевство, какъ памятникъ побѣды ненавистныхъ господъ, *maladetti signori*.

Устройство желѣзныхъ дорогъ сильно способствовало обогащенію многихъ департаментовъ, даже самыхъ отдаленныхъ отъ центровъ, особенно тѣхъ, гдѣ хлѣбъ не составляетъ главнаго предмета производства, какъ въ департаментахъ Эро, Гарда, Юры, Дуба и проч. [8]. Изобиліе състныхъ припасовъ, явившееся вслѣдствіе огромнаго развитія промышленности, обогатило крестьянина. Для него открылись иностранные рынки; многіе предметы производства, какъ то: вино, плоды, овощи, которые въ прежнее время потреблялись на мѣстѣ за ничтожную цѣну, перевозятся теперь черезъ огромныя пространства и продаются съ большимъ барышомъ. Поселянинъ не разсуждаетъ о причинахъ: *cum hoc, ergo propter hoc*; – всѣ эти блага достались ему въ періодъ имперіи, и онъ благодаритъ за нихъ императора. Ему необходима земля, какъ работнику капиталъ и орудія труда, и онъ добьется ея, купивъ ее.

И такъ, дѣло крестьянъ и ремесленниковъ дѣло общее. Сельская *Marianne* вполне соответствуетъ городской *Sociable*. У нихъ одни и тѣ же враги. До 1863 оба великіе класса, представляющіе трудъ, крестьяне и ремесленники, безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній вотируютъ за императора; крестьяне и въ 1863 и 1864 годахъ остались вѣрны императорскому знамени, между тѣмъ какъ ремесленники безъ достаточной причины перешли на сторону буржуазіи. Я не говорю, что они поступили бы лучше, послѣдовавъ примѣру своихъ сельскихъ братьевъ; но мнѣ кажется, что было бы достойнѣе ихъ подать имъ примѣръ, объявивъ, что на будущее время они хотятъ дѣйствовать самостоятельно. Промышленная демократія Парижа и другихъ большихъ городовъ, ушедшая впередъ, должна позаботиться о примиреніи между своею партіею и сельскою демократіею; ей слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы не казаться аллодіаламъ поборницею лена. Конечно, Наполеон III, какъ и Наполеон I, представляется еще массѣ врагомъ стараго порядка, покровителемъ поселянина противъ буржуазнаго феодализма. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія крестьяне вотируютъ за кандидатовъ правительства. Но наполеоновская идея старѣется, какъ и все на свѣтѣ; старыя порядки далеки отъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ на немъ налегъ густой слой новыхъ идей, законовъ, интересовъ; въ обществѣ почувствовались новыя потребности, и уже можно предвидѣть день, когда и въ провинціи произойдетъ крутой поворотъ, какой случился въ прошломъ году въ департаментъ верхней Сены. На очереди стоятъ громадныя задачи, разрѣшить которыя власть неспособна. Дѣло идетъ о томъ, чтобы сочетать земледѣліе съ промышленностію и этимъ примирить сельское и городское населеніе; перестроить собственность по принципу взаимности и федеративнаго права; дать земледѣльческому классу новыя учрежденія; рѣшить въ пользу крестьянъ и ремесленниковъ вопросы о кредитѣ, о застрахованіи, о наемной платѣ, о пекарняхъ, бойняхъ, огородничествѣ, о напиткахъ и т. д.

Крестьянинъ питаетъ непреодолимое отвращеніе къ фермерству и арендаторству, какъ работникъ къ задѣльной платѣ; гораздо легче помочь ему сдѣлаться собственникомъ и потомъ взять съ него большой налогъ, какъ законную долю общества съ поземельной ренты, чѣмъ согласить его вѣчно дѣлиться съ отсутствующимъ собственникомъ произведеніями земли и стадъ, добытыми тяжелымъ трудомъ.

И такъ, не смотря на кажущееся и въ настоящихъ выборахъ дѣйствительно существующее разномысліе между сельскими и городскими работниками, въ основаніи стремленія ихъ одни и тѣ же. Цѣль ихъ – полное освобожденіе работника, уничтоженіе поденной платы, изгнаніе рыночнаго барышника. Съ обѣихъ сторонъ подавали голоса (т. е. тѣ, кто подавалъ голоса, потому что съ обѣихъ сторонъ многіе вовсе не вотируютъ) съ одинаковымъ стремленіемъ къ реформамъ, съ одинаковымъ сознаниемъ силы и съ одинаковымъ слѣпымъ увлеченіемъ.

И вотъ каковъ результатъ этихъ выборовъ, одинаково непонятныхъ, какъ тѣмъ, кому они благопріятны, такъ и тѣмъ, кто передъ ними дрожитъ, какъ оппозиціи, такъ и министерству. Между тѣмъ какъ непонятые крестьянскіе выборы поселяютъ увѣренность въ правительствѣ и приводятъ въ отчаяніе нашихъ мнимыхъ либераловъ, городскіе, болѣе ясныя, сбили всѣхъ съ толку. Они не только поразили правительство ужасомъ, поставили втупикъ и смутили

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org представителей либерального бонапартизма, покрыли позором официальных сводниковъ, думавшихъ сочетать цезаризмъ съ плебействомъ, подвергли мистификаціи самихъ мистификаторовъ, – они все разрушили, обратили коалиціонный списокъ въ списокъ разрыва, доказали нелѣпость парламентаризма. Устройайте послѣ этого конституціонную монархію при этихъ ураганахъ всеобщей подачи голосовъ!..

Выборы обратили въ ничто легальную оппозицію, подняли на смѣхъ честолюбцевъ и заклеили присягавшихъ. О, если народъ хотѣлъ этимъ предостеречь своихъ патроновъ, то онъ вполне достигъ своей цѣли! Онъ поступилъ какъ быкъ, который, чувствуя голодъ и желая разбудить спящаго пастуха, протыкаетъ ему ребра рогами.

По поводу этого я имѣю честь замѣтить державному народу:

Да, Властелинъ, ты большинство и сила, и изъ того, что ты большинство и сила, слѣдуетъ, что ты обладаешь правомъ, которымъ по справедливости ты долженъ пользоваться; но ты еще долженъ имѣть идею, изъ которой вытекаетъ для тебя другое право, болѣе высокое. Почему же на этихъ выборахъ, гдѣ ты такъ прямо заявилъ себя, ты не сдѣлалъ ничего для этого другаго твоего права? Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы проводить твою идею съ свойственной тебѣ энергіей, ты поступилъ какъ разъ противъ нея? Зачѣмъ ты, сильнѣйшій изъ сильныхъ, былъ грубъ и рѣзокъ тамъ, гдѣ слѣдовало быть благоразумнымъ? Знаешь ли, что своимъ поведеніемъ на выборахъ вмѣсто того, чтобы подвинуть дѣло впередъ, ты произвелъ только всеобщую путаницу? Выслушай же, что я тебѣ скажу: пока ты будешь только цифра и сила безъ идеи, ты будешь нуль; держава не будетъ принадлежать тебѣ; твои кандидаты будутъ отвергнуты, и ты останешься вьючнымъ скотомъ.

ГЛАВА III.

Предварительный судъ исторіи надъ 1864 годомъ. Революціонное состояніе. Правительство и оппозиція одинаково не сознаютъ этого состоянія. Оппозиція осуждена на безсиліе. Оппозиція подстрекаетъ императорское правительство на деспотизмъ. Невозможное положеніе. [9]

Послѣдніе выборы во Франціи были повтореніемъ прежнихъ: – интригой завязались одни, интригой кончились и другіе. Чего хотѣлось интриганамъ, то и дѣлали избиратели, и какъ въ первый разъ – безъ спора и разбора. Какъ и прежде, толпа съ увлеченіемъ бросилась на баллотировку; какъ и прежде, рабочіе представители были принесены въ жертву кандидатамъ буржуазіи; какъ и прежде, наконецъ, рѣшенные выборы были выраженіемъ одной лишь народной раздражительности; сами по себѣ эти выборы не выражаютъ ничего. Какой въ нихъ смыслъ?

И такъ, выйдемъ изъ этой арены всеобщей подачи голосовъ.

Но если однако на выборахъ 1863–64 г. г. рабочій народъ впервые заявилъ свою волю; если по этому случаю онъ пробормоталъ свою мысль; если намъ извѣстенъ притомъ интересъ, которымъ одушевлено сельское населеніе; если оно съ почину одержало большую побѣду и въ то же самое время сдѣлало большую ошибку, то начнемъ съ того, чтобы доказать этому чернорабочему народу послѣдствія его пробнаго почина.

I. Неужели народы осуждены, въ самомъ дѣлѣ, на долгое безсознательное существованіе? Или уроками исторіи можетъ пользоваться одно лишь потомство? Кто изъ насъ осмѣлится сказать теперь, что вѣрить всеобщей подачѣ голосовъ? – Не скажутъ этого республиканцы, ея основатели, которыхъ она принесла въ жертву возстановленію стараго порядка. Не они ли сами, наконецъ, устами Жюля Симона, сознаются уже, согласно съ правительствомъ, что всеобщая подача голосовъ не можетъ быть предоставлена самой себѣ и нуждается въ руководствѣ? Не вѣруютъ въ эту подачу и защитники имперіи, которые въ свою очередь такъ жестоко разочаровались результатами народныхъ выборовъ. Не вѣруютъ въ нее, конечно, и поборники конституціонной, мѣщанской монархіи, несовмѣстной съ демократическими учрежденіями. Притомъ народъ ясно уже доказалъ на выборахъ, что ему вовсе не хочется возвращаться къ орлеанской династіи и ея порядкамъ.

И такъ, кромѣ невѣжественной городской и сельской толпы, никто не довѣряетъ всеобщей подачѣ голосовъ. Не смотря на это, я полагаю, однако, что никто не осмѣлится предложить уничтоженіе этого учрежденія. Всеобщая подача голосовъ стала для насъ роковой необходимостью, а между тѣмъ мы ей не довѣряемъ, не

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
сознаемъ ея значенія! Вотъ почему мы и не смыслимъ ничего въ нашей современной исторіи; вотъ почему и настоящее, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ, также загадочно для насъ, какъ и будущее.

Хватить ли у правительства на столько смѣлости, чтобы высказать правду о выборахъ 1863–64 г. г.? – Нѣтъ, у него не достанетъ духу даже взглянуть на нихъ прямо. Притомъ, ему совершенно непонятны стремленія сельскаго населенія. Забота о самосохраненіи велитъ правительству предаваться иллюзіямъ, и оно не въ состояніи отказаться отъ самообольщенія. – И такъ, правительство не понимаетъ смысла своей исторіи, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ дѣлается и что оно само дѣлаетъ.

А оппозиція, которая восторжествовала на выборахъ, эта оппозиція, это пугало министровъ съ портфелями и безъ портфелей, будетъ ли она на столько добросовѣстна, что рѣшится сказать истину на счетъ парижскихъ выборовъ? О нѣтъ, интересъ оппозиціи, ея самолюбіе и предрасудки не допустятъ такой откровенности. – И такъ, оппозиція тоже не понимаетъ ни своего происхожденія, ни значенія, ни цѣли; она не смыслитъ ничего ни въ своемъ призваніи, ни въ своей исторіи.

Да и сама нація, наконецъ, ничего не знаетъ и не понимаетъ, потому что весь народъ, буржуазія и чернь, городское и сельское населеніе, повинувшись минутной страсти, бессознательно колеблются между оппозиціей и правительствомъ.

И вотъ эту-то истину, горькую для власти, скрытую оппозиціей и неизвѣстную публикѣ, приходится теперь громко высказать, что я и сдѣлаю въ немногихъ словахъ.

«Выборы настоящаго и прошлаго годовъ доказываютъ, что 1) императорское правительство по своему значенію не ладитъ ни съ характеромъ, ни съ интересами, стремленіями и нравами буржуазіи; 2) народъ, на который оно могло опереться, видимо отстаетъ отъ него, – пока въ городахъ, а потомъ и по деревнямъ, гдѣ населеніе продолжаетъ подавать еще голосъ въ пользу правительства, но уже въ духъ чисто революціонномъ.

Отсюда слѣдуетъ, что пока рабочіе классы не заявятъ ясно своей мысли и не обратятъ всѣхъ въ свою вѣру, до тѣхъ поръ не устоитъ во Франціи ни одно политическое учрежденіе. Вотъ почему нація находится теперь въ хаотическомъ броженіи, а государство въ шаткомъ состояніи.

Только то и спасаетъ пока страну, что одни не сознаютъ грозящей опасности, другіе отрицаютъ ее, а остальные смѣются надъ ней.

О, какъ становится больно на сердцѣ, когда подумаешь, что три четверти населенія Франціи – все городское и сельское населеніе и часть мелкой буржуазіи – фатально увлечены уже въ движеніе къ соціальной и экономической реформѣ, а какъ оглянешься кругомъ, что за идеи, что за политика, что за люди!! А они хотятъ еще руководить толпой, просвѣщать ее, умѣрять ее порывы!

Вся опасность настоящаго положенія происходитъ отъ того страшнаго разлада, который царствуетъ въ средѣ націи. Ничто не соединяетъ ее въ одно цѣлое: ни императорское правленіе, ни парламентская система, ни идея рабочихъ классовъ, которую такъ мало еще понимаютъ.

Развѣ правительство, напримѣръ, можетъ имѣть притязаніе на выраженіе народной воли – то самое правительство, отъ котораго отрекается теперь буржуазія и городское рабочее населеніе? Подобное притязаніе невозможно уже, тѣмъ болѣе, что и сельская демократія въ сущности одушевлена такими же стремленіями, какъ и городская. Если въ деревняхъ и продолжаютъ еще подавать голоса за существующій порядокъ, между тѣмъ какъ горожане становятся въ хвостъ буржуазіи, то это происходитъ только по недоразумѣнію; ни сельскіе, ни городскіе работники не сознаютъ еще, что для достиженія своихъ общихъ цѣлей они должны прямо заявить свою самостоятельность, чуждаясь всякаго постороннаго интереса и вліянія. Рѣшится ли правительство объявить лозунгъ поселянина: «вонъ рыночныхъ барышниковъ»? Нѣтъ, оно не рѣшится, какъ и буржуазія никогда не заикнется о правѣ на трудъ...

Но способна ли, въ свою очередь, представлять народъ, выражать смыслъ демократіи или, по крайней мѣрѣ, волю своихъ избирателей та законная

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
оппозиція, которая состоить теперь изъ пятнадцати или шестнадцати
депутатовъ съ демократическими замашками и двадцати или двадцати двухъ
защитниковъ старыхъ династій? – Посмотримъ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что оппозиція присягала на повиновение конституціи и на вѣрность императору, чего не дѣлали избиратели. Кроме того, мы видимъ, что въ составъ оппозиціи входятъ элементы разнородные, враждебные и противные; пожалуй, депутаты способны еще выразить болѣе или менѣе верно смыслъ прошедшаго и его различныхъ эпохъ, но ни въ какомъ уже случаѣ не могутъ они быть представителями будущаго, которое имъ даже и не грезится во снѣ. Оппозиція, подобно правительству, глядитъ не впередъ, а назадъ; дальше своего носа она не видитъ ничего; нѣтъ у нея общей и руководящей мысли, и она положительно неспособна заявить ее; за это можно вполне ручаться. Оппозиція – чему? по поводу чего? Кто отвѣтитъ на эти вопросы? Вы разсуждаете о государственныхъ расходахъ! Да это счетное дѣло, дѣло администраціи, практики; вопросъ, коренной вопросъ не въ такихъ дѣлахъ, а въ принципахъ. Оппозиція шестнадцати не выражаетъ ни одной положительной и основной мысли: ни утвержденія, ни отрицанія, ни возраженія, ни вызова. Всѣ пренія въ законодательной палатѣ сводятся на одну лишь пустую критику подробностей съ различныхъ точекъ зрѣнія, по прихоти каждаго депутата; въ сущности, эти пренія – ничто.

Гражданинъ, избранный всеобщей подачей голосовъ, на политическомъ языкѣ называется повѣреннымъ, а избиратели – довѣрителями. Но гдѣ тутъ довѣренность? Ея нѣтъ, и депутаты не могутъ представить даже бланковой надписи. Какимъ образомъ могутъ они знать, наконецъ, чего хотятъ и ожидаютъ отъ нихъ сами довѣрители, когда послѣдніе въ раздоръ и взаимной враждѣ лишены самосознанія?..

И такъ, полномочіе депутатовъ – чистая выдумка. Мало того, по особенной наклонности они постоянно стремятся расширить свою власть и считаютъ всякое спеціальное и отвѣтственное полномочіе ограниченіемъ своего депутатскаго права. Вотъ почему эти мнимо-повѣренные, болтая о всемъ вкривъ и вкосъ, ничего не значать и ничего не знаютъ. На нихъ надо смотрѣть, какъ на поддѣланныхъ куколъ; они стремятся быть всѣмъ и, не желая играть роль простыхъ помощниковъ императора, доброхотныхъ совѣтниковъ, обращаются буквально въ ничто; если ихъ не сочтутъ заговорщиками, то имъ нельзя и названія придумать. Когда бы двѣсти-восемьдесятъ-три члена законодательнаго корпуса походили на депутатовъ оппозиціи; другими словами: когда бы весь законодательный корпусъ составилъ оппозицію, тогда правительству пришлось бы только заново созвать избирателей съ тѣмъ, чтобы узнать отъ нихъ путемъ опредѣленной и подробной подачи голосовъ, чего они отъ него ожидаютъ и какое дали порученіе своимъ депутатамъ. Тутъ бы намъ представилось иное зрѣлище: избиратели принуждены были бы сознаться, что ни въ чемъ не могутъ согласиться между собою, и что нація знаетъ менѣе всего, о чемъ она думаетъ.

Нечего сказать, хороша эта пресловутая оппозиція, и много же въ ней смысла!

Но вотъ что печальнѣе всего: изъ числа членовъ оппозиціи одни уже открыто стали сторонниками имперіи и порываются поминутно подслужиться ей, будто бы въ либеральномъ духѣ; другіе прикидываются равнодушными, ожидая благопріятнаго случая вступить въ сдѣлку съ властью, лишь только она сдѣлаетъ первый шагъ къ сближенію; самые неукротимые – и тѣ готовы отказаться отъ сопротивленія императору, если онъ пріобрѣтетъ прежнюю популярность, которая способна упрочить его династію и укрѣпить его правительство. Не они ли, эти неукротимые, слѣдуя примѣру Эмиля Оливье, громогласно объявили: «Мы не пессимисты!»

Въ концѣ концовъ, оппозиція настоящему порядку выражается не людьми, а самымъ положеніемъ и ходомъ дѣлъ. Пусть только это положеніе, которое одно и можетъ беспокоить власть, станетъ болѣе затруднительнымъ и натянутымъ, пусть только на горизонтѣ покажутся громовыя тучи, поколеблется администрація, – и оппозиція, которая по влеченію льнетъ теперь къ правительству, тотчасъ же отступится отъ него, тотчасъ же приметъ враждебное, мстительное положеніе, осудитъ всю систему правленія и, въ случаѣ надобности, сдѣлается ея палачомъ. Да, достойна довѣрія эта коварная оппозиція безъ принципа и чести, занятая только тѣмъ, чтобы исказать, скрывать истинную мысль своихъ избирателей демократовъ! И какъ много у ней правъ на званіе представительницы народной воли!

Французская демократія. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
II. По своему смыслу оппозиція ни подь какимъ предлогомъ не можетъ представлять народъ; этого мало: она не въ состояніи быть ему полезной и неспособна служить ни прогрессу, ни свободѣ. Между тѣмъ, какъ массы пламенно желаютъ реформъ, оппозиція взамѣнъ всякаго облегченія можетъ наградить ихъ только возстановленіемъ стараго порядка, то есть, доктринерской реставраціей.

Не забудемъ, что демократія и буржуазія, принимая участіе на выборахъ и назначая своихъ представителей, тѣмъ самымъ уже поставили себя на почву императорской законности. Такимъ образомъ, если, вслѣдствіе послѣднихъ выборовъ, и образовалась оппозиція, то она вовсе не означаетъ еще разрыва съ властью, а только простое несходство взглядовъ, какое-то неопредѣленное неудовольствіе, которое нисколько не измѣняетъ законныхъ отношеній и не допускаетъ ни малѣйшаго нарушенія конституціи.

И такъ, пока особенныя, чрезвычайныя событія не произведутъ рѣшительнаго переворота въ дѣлахъ, мы принуждены разсуждать въ смыслъ установленной законности, тѣмъ болѣе, что вооруженная власть, опираясь на данное ей право, способна заставить повиноваться cadaго, кому пришла бы фантазія сопротивляться.

Теперь возникаетъ вопросъ: въ какое же положеніе ставитъ оппозицію, демократію, народъ и наконецъ правительство эта самая законность въ связи съ выборами 1863–64 гг.

Выборы 1857 года дали демократіи только пять представителей; теперь, если не ошибаемся, число ихъ возросло до пятнадцати. Присоединяя къ этой ничтожной, хотя и шумной, кучкѣ и депутатовъ–консерваторовъ, избранныхъ безъ содѣйствія демократіи и покровительства власти, оказывается, что въ общемъ итогъ 283 членовъ законодательнаго корпуса меньшинство или оппозиція состоитъ много–много изъ 35 демократовъ. Такова въ данную минуту законная, конституціонная сила оппозиціи! Чего ждать путнаго отъ подобной оппозиціи? Способна ли она на борьбу съ правительственной системой и можетъ ли быть серьезнѣе и сильнѣе оппозиціи пяти въ теченіе 1857–63 годовъ? – Нисколько. Напротивъ того, говорю я, – судя по игрѣ конституціи 1852 г., въ продолженіе 17 лѣтъ правительство императора должно непременно упрочиться, если только какой нибудь неожиданный переворотъ не сломитъ его.

Предположимъ теперь, что въ 1869 году число депутатовъ оппозиціи возрастетъ въ той же пропорціи, въ какой оно возрасло къ 1863 г., т. е. увеличится всемеро. При этомъ предположеніи, конечно, очень выгодномъ для оппозиціи, она все-таки составитъ меньшинство; консерваторы по прежнему будутъ многочисленнѣе и сильнѣе. Но допустимъ даже, что правительство потеряетъ поддержку большинства законодательной палаты и должно будетъ измѣнить свою политику и конституцію въ духе новой оппозиціи. И опять-таки эта перемѣна совершится путемъ законныхъ, конституціонныхъ обрядностей; что же касается самой конституціи, то она измѣнится только въ томъ смысле, въ какомъ этого требовалъ неизмѣнный Тьеръ, т. е. насъ обратитъ вспять къ старой парламентской системѣ. Демократическая оппозиція по своему численному ничтожеству и политическому безсмыслию не дастъ намъ ничего новаго. Много, много, если создадутъ для нея одно или два лишнихъ министерства, и все кончится рѣшительнымъ союзомъ демократіи съ императорскимъ правительствомъ.

И такъ, Наполеонъ III, какъ и дядя его въ 1815 году, можетъ отдѣлаться одной лишь перемѣной конституціи. Такимъ образомъ, все политическое развитіе Франціи съ 1830 до 1870 года сведется на простую смѣну династій. Гдѣ же тутъ отмѣна стараго порядка, гдѣ прогрессъ? Наполеонъ III самъ предвидѣлъ эту развязку: онъ зналъ, что только одна демократическая и социальная революція дала ему ту чрезвычайную власть, которой онъ пользовался съ 1851 года; онъ зналъ, что, подавивъ революцію, ему придется со временемъ возстановить конституціонное правленіе въ болѣе или менѣ скромномъ видѣ. Объ этомъ онъ самъ позаботился заранѣе объявить Франціи, когда сказалъ ей, что увѣнчаетъ свое зданіе.

Такъ ли все кончится? Вѣроятно ли, что послѣ всѣхъ страданій, раздоровъ, споровъ, оппозицій, выборовъ и клятвенныхъ обѣщаній народъ и демократія отшатнутся на сорокъ лѣтъ назадъ, а имперія съ наполеоновской династіей взамѣнъ опаснаго произвола заведетъ парламентскій порядокъ? Вотъ вопросъ.

Нѣтъ, ничто не доказываетъ, что въ 1869 году оппозиція будетъ имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ. Къ этому времени правительство успѣетъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
еще поразмыслить, собраться съ силами и обезпечить успѣхъ своего дѣла;
выгоды его положенія громадны.

За императора прежде всего созданная имъ конституція, на которую присягала оппозиція; затѣмъ – установленная законность, которую онъ можетъ толковать по своему; далѣе за него сенатъ, родъ верхней палаты, которая единодушно отстаиваетъ новую реставрацію; въ законодательномъ корпусѣ или палатѣ депутатовъ на сторонѣ императора подавляющее большинство; – кромѣ ораторовъ этого большинства, болтунамъ оппозиціи возражаютъ опытные и искусные сановники: въ недавнихъ спорахъ съ адвокатами демократіи они доказали свою силу и чаще были побѣдителями, чѣмъ побѣжденными. Но это еще не все: въ департаментахъ каждая сельская община обратилась теперь въ контору префектуры; деревенская чернь возбуждена противъ оппозиціи «господъ» (messieurs); отборная національная гвардія поддержана многочисленной и вѣрной арміей; что же касается, наконецъ, до массы избирателей, то она стоитъ за императора; на будущихъ выборахъ за него будетъ не менѣе 5.500,000 голосовъ противъ 1,900,000.

Развѣ съ такими страшными силами трудно уничтожить въ пять лѣтъ всякую оппозицію?

III. Эту почти несокрушимую силу, какую даетъ правительству императора присяжная законность, эту силу оппозиція старается еще обратить въ орудіе разныхъ стѣсненій. Она поминутно подстрекаетъ власть къ деспотизму, то газетными статьями, то рѣчами, то подачей голосовъ. Не будь парламентскаго большинства, не будь министерскихъ депутатовъ, избранныхъ чернью, я, право, не знаю, что съ нами бы случилось.

Касательно внѣшней политики, напримѣръ, императоръ имѣетъ право въ силу конституціи предпринять все, чего пожелаетъ самъ, наперекоръ министрамъ и государственному совѣту. Онъ можетъ по своей волѣ объявить войну, кому вздумается, и завязать потасовку съ цѣлой Европой. – Оставимъ въ сторонѣ всѣ болѣе или менѣе вѣрныя соображенія, почему императоръ не рѣшится на подобное дѣло, и обратимъ вниманіе только на ту огромную власть, которой пользуется правитель съ точки зрѣнія политическаго и гражданскаго права, законности и, наконецъ, народнаго самодержавія. Судя по отзывамъ официальныхъ газетъ имперіи, надо полагать, что по настоящее время Наполеонъ III не пускался на вздорныя предпріятія, по поводу гольштейнскихъ, венгерскихъ, итальянскихъ и прочихъ сомнительныхъ дѣлъ, болѣе всего изъ уваженія къ совѣтамъ преданныхъ и близкихъ придворныхъ, большинства членовъ законодательнаго корпуса и сената. Онъ чувствовалъ, что при всей неограниченности правъ, какими наградила его конституція, здравый смыслъ велитъ, однако, пользоваться ими съ крайнею умѣренностью и осторожностью. Онъ сознавалъ, что первый долгъ государя – согласовать свою волю съ общественнымъ мнѣніемъ, а не съ текстомъ конституціи.

Но что же дѣлали газеты и депутаты оппозиціи? Чѣмъ продолжаютъ они заниматься по настоящее время? Они постоянно твердятъ ему о его верховной власти и подстрекаютъ на самовольное рѣшеніе, на безотчетный произволь. Эти мнимые демократы, которые подчасъ выставляютъ себя врагами самовластія, всегда готовы рукоплескать ему. Они проповѣдуютъ безъ умолку, что правое дѣло покрываетъ неправду формы и прихоть рѣшенія, и потому императору не слѣдуетъ колебаться: самый щекотливый либерализмъ не найдетъ тутъ ничего предосудительнаго. Такимъ образомъ, оказывается, что они порицаютъ въ политикѣ правительства уже не проявленіе его личнаго характера, какъ это дѣлалось до 1848 года, а просто порицаютъ его за неловкость, за то, что его величество не дѣлаетъ того, чего имъ хочется.

Вотъ какъ оправдываетъ существующій порядокъ оппозиція, выдвинутая на сцену выборами 1863–64 года! Вотъ какъ уничтожаетъ она завѣтныя преданія 89 года въ вопросахъ мира и войны! Другъ Лудовика XVI, Мирабо, когда народъ обвинялъ его въ измѣнѣ, – и тотъ никогда не требовалъ для своего короля даже сотой доли того самовластія, которымъ хотятъ наградить Наполеона III такъ называемые демократы.

Предположите теперь, что императоръ, поддаваясь ихъ безумнымъ желаніямъ, объявитъ войну Пруссіи, Австріи, Германскому союзу, предположите, что изъ угожденія Кошуту или Гарибальди онъ подыметъ противъ себя почти всю Европу и самовольно потребуетъ отъ Франціи сразу 400,000 людей и три миллиарда. Напрасно тогда сенатъ, большинство депутатовъ и масса народа – горожане и поселяне – стануть ужасаться: императоръ будетъ правъ; никто не осмѣлится

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
упрекнуть его въ деспотизмъ; мало того, по мнѣнію оппозиціи, мы должны
будемъ прославлять его...

Война объявлена. Одно изъ двухъ: императоръ побѣдитъ или будетъ побѣжденъ.
Въ случаѣ побѣды онъ запряжетъ оппозицію въ свою триумфальную колесницу, а
желаемой свободѣ опять отсрочка. Если же императора побѣдятъ, то его
назовутъ несчастнымъ героемъ, достойнымъ всей нашей любви и преданности, а
депутаты-патріоты непременно потребуютъ отъ насъ послѣдняго гроша и
послѣдняго рекрута.

Предположите, наоборотъ, что императоръ, повинувшись болѣе разумнымъ
внушеніямъ, не обратитъ вниманія на эти пошлыя подстрекательства и станетъ
рѣшительно слѣдовать мирной политикѣ. Въ этомъ случаѣ онъ пріобрѣтаетъ если
не расположеніе, то, по крайней мѣрѣ, молчаніе всѣхъ тѣхъ демократовъ или
недемократовъ, которые не преклоняются передъ геніями оппозиціи; и она
сама, рано или поздно, отрекаясь отъ своего воинственнаго азарта, должна
будетъ сознаться, что императоръ былъ умнѣе ея. – Какая, подумаешь, слава
нашимъ конституціоннымъ нравамъ! Какая честь демократіи! И какъ намъ,
краснымъ республиканцамъ и социалистамъ, простительно послѣ этого вопіять
противъ деспотизма власти!!.

И такъ, согласіе на шестилѣтнюю отсрочку всѣхъ демократическихъ требованій;
обязательство во имя и передъ лицомъ всего народа – уважать и поддерживать
существующій порядокъ, сначала въ теченіе шести первыхъ лѣтъ, а затѣмъ до
тѣхъ поръ, пока законодательное большинство не рѣшитъ иначе; да, возвратъ
къ старой парламентской монархіи, то есть, самое опасное отступленіе народа
къ прошлому; – тѣмъ временемъ, самовластное правленіе, которое будетъ
продолжать располагать по своему силами и судьбой Франціи, подстрекаемое
оппозиціей на военный деспотизмъ и на войну съ Европой, – вотъ
окончательный и непремѣнный результатъ выборовъ 1862–64 год., результатъ,
доказанный фактами, цифрами, фамиліями, газетными статьями и признаніями
выборныхъ оппозиціи.

Да, безъ сомнѣнія, парижане – народъ самый бойкій и остроумный; но при
этихъ рѣдкихъ качествахъ у него, по счастью, развита удивительная
способность самоотреченія и противорѣчія; не будь у парижанъ этой
способности, пришлось бы въ нихъ отчаяться. Недолговѣчны дѣти съ бойкимъ
умомъ.

IV. «Пусть будетъ по вашему», скажутъ мнѣ. «Революція 24 февраля,
государственный переворотъ 2 декабря и всѣ слѣдовавшія затѣмъ событія были
для народа, безспорно, страшнымъ несчастіемъ – несчастіемъ, похожимъ на
продолжительное сѣумашествіе. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что мы должны
упорствовать въ нашемъ безуміи? Развѣ мы должны постоянно гнуть шею подъ
игомъ желѣзнаго деспотизма, отказываться отъ всякой политической жизни и
держаться безконечно въ осадномъ положеніи наши города и деревни? Не лучше ли
намъ, напротивъ того, поскорѣе возвратиться къ тѣмъ свободнымъ и
правильнымъ учрежденіямъ, которыми прославлена наша исторія? Зачѣмъ намъ
отвергать, какъ безплодные, усилія тѣхъ людей, которые стараются вернуть
насъ къ прошлому порядку? – И такъ, да воскреснетъ народъ и да смирится
демократія! Вотъ мысль, которая должна одушевлять всѣхъ и cadaго въ
настоящую минуту».

И эту иллюзію, эту послѣднюю мечту приходится мнѣ разсѣять. Нѣтъ, говорю я,
возвратъ къ системѣ 1830 года и ко всякой ей подобной – къ конституціонной
монархіи или мѣщанской республикѣ, – такъ же невозможенъ, какъ и возвратъ
къ феодальной системѣ 1788 года. Не забывайте же, что при всеобщей подачѣ
голосовъ намъ приходится имѣть дѣло не съ одной только крупной и мелкой
буржуазіей, съ ея завѣтными политическими цѣлями и неизмѣнными
экономическими правилами. Не забывайте, что передъ нами стоитъ толпа, та
февральская толпа, которая чувствуетъ свое отчужденіе отъ буржуазіи и
громко заявляетъ передъ ней и противъ нея свою волю, свои интересы и
желанія. Эта толпа исповѣдуетъ иную экономическую вѣру и уже явно стремится
къ тому, чтобы поглотить и уничтожить старое среднее сословіе. Хотя эта
толпа не умѣетъ еще создать для себя особую конституцію, согласную съ
своими экономическими и социальными вѣрованіями, но она все-таки, рано или
поздно, создастъ ее. Мало того: въ политическихъ вопросахъ рабочая масса
расходится съ конституціонной буржуазіей несравненно болѣе, чѣмъ въ
вопросахъ о трудѣ, ассоціаціяхъ и задѣльной платѣ. Будьте увѣрены, что если
эта масса провозгласила сначала вторую имперію, а затѣмъ неожиданно
обратила часть своихъ силъ на сторону оппозиціи, то она сдѣлала это вовсе

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
не изъ довърїя къ ней, а просто съ досады на императорское правительство, которое обмануло ея надежды. Придетъ время, когда деревенскіе и городскіе работники узнають и поймутъ другъ друга – и тогда услышите нежданная новости.

Подумайте еще разъ о томъ, что рабочій народъ во Франціи добивается капитала и собственности; и этого народа нельзя уже согнать съ политической сцены, и этотъ народъ искренно ненавидитъ всъ мѣщанскія учрежденія, какими бы конституціями они ни заявлялись, въ какія бы династіи ни воплощались. Ни конституція 1830, ни 1848, ни 1852 годовъ, ни династія орлеанская или наполеоновская – ничто не по душъ народу.

И такъ, повторяю: вамъ нельзя ни стоять на мѣсть, ни отступать; единственное спасеніе – идти впередъ, рука объ руку и по указанію той самой толпы, силу которой вы уже знаете, но не знаете еще ея мысли. Вотъ почему я утверждаю, что выборы 1863–64 годовъ – настоящій ударъ обухомъ по головѣ, и положеніе дѣль, созданное этими выборами, – такая темная яма, въ которой не видно ни зги, и гдѣ не узнають себя ни демократія, ни оппозиція, ни правительство. Появленіе народа на выборахъ ошеломило всѣхъ и все перепутало. Правительство ожидало имѣть дѣло съ одной лишь либеральной и парламентской оппозиціей. Въ свою очередь, эта оппозиція воображала только воевать противъ политики правительства. И что же вышло? Оказалось, что и оппозиція, и правительство, нежданно, негаданно, увидѣли вдругъ передъ собой тотъ самый роковой социальный вопросъ, который считали давно погребеннымъ.

Вотъ почему теперь оппозиція не можетъ воспользоваться своей побѣдой; вотъ почему и правительство не въ состояніи упрочить своего значенія даже путемъ реформъ и уступокъ.

Партія дѣйствія и государственные люди демократіи создали ту отчаянную чепуху, о которой, кажется, мало думаютъ, а менѣе всего беспокоятся. Что будетъ, то будетъ!

Да, ничто такъ не отважно, какъ невѣжество...

Читатели! будьте увѣрены пока въ одномъ: намъ не избѣжать затрудненій и грозящихъ бѣдъ ни невѣденіемъ, ни отрицаніемъ, ни смѣхомъ; рано или поздно, волей-неволей, намъ придется поразмыслить кой о чемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Развитіе рабочей идеи. – Созданіе экономическаго права.

ГЛАВА I.

Политическая способность и ея условія. – Способность дѣйствительная и законная. – Сознаніе и идея.

Съ вопросомъ о представительствѣ рабочихъ, рѣшенномъ отрицательно, тѣсно связанъ вопросъ о политической способности работниковъ или, употребляя болѣе общее выраженіе, народа. Способенъ ли народъ, которому революція 1848 предоставила право голоса, быть судьей въ политическихъ вопросахъ, т. е. во первыхъ, можетъ ли онъ составить по вопросамъ, занимающимъ общество, свое самостоятельное мнѣніе, сообразное съ его выгодой, его положеніемъ и его будущностью? во вторыхъ, можетъ ли онъ произнести по этимъ вопросамъ, подлежащимъ прямо или косвенно его суду, основательный приговоръ; наконецъ, въ третьихъ, способенъ ли онъ опредѣлить исходную точку своихъ дѣйствій, выразить свои идеи, взгляды, надежды и привести въ исполненіе свои планы?

Если такъ, то нужно, чтобы народъ при первой возможности доказалъ эту способность. Для этого ему слѣдуетъ опредѣлить свой принципъ такъ, чтобы резюмировать въ немъ всъ свои идеи, какъ обыкновенно дѣлаютъ всъ преобразователи обществъ и какъ недавно пытались сдѣлать авторы манифеста; затѣмъ этотъ принципъ долженъ быть утвержденъ единогласно; въ случаѣ надобности, если бы пришлось избирать себѣ представителей въ совѣты страны, то народъ долженъ избрать въ это званіе такихъ людей, которые умѣли бы выразить его мысль, говорить его именемъ, поддерживать его права; которые были бы преданы ему душой и тѣломъ; о которыхъ онъ могъ бы сказать, не рискуя обмануться: это кость отъ костей моихъ, плоть отъ плоти моей.

Въ противномъ случаѣ народъ поступитъ благоразумнѣе, если продлитъ свое въковое молчаніе и перестанетъ участвовать въ выборахъ. Этимъ поступкомъ онъ окажетъ услугу какъ обществу, такъ и правительству. Сложивъ съ себя

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
власть, возложенную на него всеобщей подачею голосовъ и доказавъ такимъ образомъ свое уваженіе къ общественному порядку, онъ поступить гораздо честнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ, подавая, по примѣру буржуазіи, свои голоса за знаменитыхъ эмпириковъ, которые хвалятся своимъ безграничнымъ вліяніемъ на общество, хотя вовсе не знаютъ его. Если народъ не сознаетъ своей собственной мысли или, признавъ ее, безпрестанно отступаетъ отъ нея то ему остается только молчать. Пусть синіе и бѣлые грызутся между собой; народу же, какъ ослу въ баснѣ, остается смиренно нести свое бремя.

Одаренъ ли народъ политической способностью? Таковъ, повторяю, неизбѣжный вопросъ, поднятый кандидатурой рабочихъ, вопросъ, требующій немедленнаго отвѣта. Надо отдать справедливость шестидесяти: они смѣло отвѣчали утвердительно. Но за то какую бурю возбудили они противъ себя и въ журналахъ, мнимыхъ органахъ демократіи, и между кандидатами, и даже между своими сотоварищами. Всего прискорбнѣе здѣсь положеніе самой рабочей массы въ такомъ рѣшительномъ для нея случаѣ. Вслѣдъ за манифестомъ явился контрманифестъ, подписанный восьмьюдесятью рабочими. Эти восьмьюдесять человекъ открыто протестуютъ противъ самонадѣянности шестидесяти, говорятъ, что они вовсе не выразили народную мысль, упрекаютъ ихъ за поднятый ими социальный вопросъ, тогда какъ дѣло шло лишь о вопросахъ политическихъ; упрекаютъ ихъ за то, что они сѣютъ раздоръ, тогда какъ слѣдовало проповѣдывать союзъ; за то, наконецъ, что они хотятъ возстановить касты, вмѣсто того чтобы стараться сглаживать неравенство. Въ заключеніе они говорятъ, что свобода въ настоящее время есть единственное завоеваніе, къ которому слѣдуетъ стремиться. «Пока намъ не дадутъ свободы, говорятъ они, будемъ думать только о томъ, чтобы завоевать ее». Я полагаю, что люди эти, какъ граждане и какъ работники, не хуже и не лучше другихъ. Они, конечно, не отличились ни особенной оригинальностью, ни особеннымъ рвеніемъ, и, судя по аргументамъ, которые они приводятъ, можно заключить, что они съ успѣхомъ пользовались уроками *Presse*, *Temps* и *Siècle*, такъ что заискиванія Жирардена и Ко. не пропали даромъ.

Французскій народъ страдаетъ иногда припадками смиренія. Обыкновенно щекотливый и тщеславный, онъ доходитъ иногда до самоуниженія. Отчего этотъ народъ, жаждущій верховной власти, такъ нетерпѣливо желающій воспользоваться своимъ избирательнымъ правомъ, народъ, вокругъ котораго увивается цѣлая стая черныхъ фракковъ, этихъ подлипалъ кандидатовъ – отчего этотъ народъ такъ пренебрегаетъ людьми своего сословія? Между рабочей демократіей существуетъ очень много людей образованныхъ, умѣющихъ владѣть перомъ и языкомъ, знакомыхъ съ дѣломъ, въ двадцать разъ болѣе способныхъ и, главное, болѣе достойныхъ быть представителями народа, чѣмъ всѣ эти адвокаты, журналисты, писатели, педанты, интриганы и шарлатаны, которыхъ онъ выбираетъ. Онъ не хочетъ имѣть ихъ своими представителями. Демократія гнушается депутатами дѣйствительно демократическими. Она ставитъ себя за честь имѣть представителями людей съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Ужъ не думаетъ ли она облагородиться черезъ это? Если народъ созрѣлъ для верховной власти, то зачѣмъ же онъ прячется за своихъ отставныхъ опекуновъ, которые уже не покровительствуютъ ему и ни въ чемъ не могутъ помочь ему? Зачѣмъ онъ, какъ стыдливая дѣвушка, опускаетъ глаза передъ своими нанимателями [10]. Зачѣмъ, наконецъ, поставленный въ необходимость выразить свою идею и заявить на дѣлѣ свою волю, онъ такъ рабски подражаетъ своимъ прежнимъ патронамъ и даже повторяетъ ихъ любимыя изреченія.

Все это, надо сознаться, сильно говорило бы противъ эмансипаціи пролетарія, еслибы дѣло не объяснялось просто новизною положенія.

Съ самаго начала обществъ народъ находился въ зависимости отъ богатыхъ классовъ, слѣдовательно, подчинялся имъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и это зависимое положеніе оставило на немъ глубокіе слѣды. Революція 89 разбила эту іерархію; народъ почувствовалъ свою независимость и созналъ себя. Но ему до сихъ поръ еще трудно отдѣлаться отъ привычки во всемъ уступать этимъ людямъ. Понятіе, которое народъ составилъ себѣ о томъ, что называется политической способностью, крайне ошибочно и односторонне. Онъ ставитъ выше другихъ смертныхъ тѣхъ, кто въ старину были его господами, кто теперь сохранилъ надъ нимъ привилегію занимать профессіи, имянуемыя либеральными, хотя давно бы пора лишить ихъ этого названія. Прибавьте къ этому зависть, которую чувствуетъ всякій простолюдинъ къ тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, которымъ удалось возвыситься надъ своей средой.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если народъ, не смотря на перемену въ образъ жизни, не смотря на то, что преобразовались и его сознание, и

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
основная идея, которыми он руководствуется, все еще сохранила привычку к самоотвержению. Нравы, как и язык, не меняются с переменой религии, законов и права. Мы еще долго будем друг для друга милостивыми государями и всепокорнейшими слугами, но из этого не следует, чтобы на самом деле существовали господа и слуги.

Оставим же в стороне обожание, коленоупреждение и всякое суеверие, и постараемся на основании идей и фактов определить, какова в самом деле политическая способность рабочих классов сравнительно с классом буржуазии, и в чем состоит их будущее значение.

Здесь следует заметить, что способность, когда дело идет о гражданах, бывает двух родов: способность законная и способность действительная; первая дается законом и предполагает вторую, потому что невозможно, чтобы какой-нибудь законодатель признал право за людьми, которых считает от природы неспособными пользоваться им. Например до 1848, чтобы быть избирателем, нужно было платить 200 франков прямых налогов. Стало быть, тогда считали собственностью гарантию действительной способности. Вследствие этого 250,000 или 300,000 человек, платящих 200 и более франков, признавались единственными людьми, способными наблюдать за действиями правительства и направлять его политику. Это очевидная ложь, так как ничто не доказывает, чтобы между тогдашними избирателями не было, и даже в большом количестве, людей, по природе неспособных, несмотря на вносимые ими подати, точно также, как ничто не доказывает, чтобы вне этого круга между столькими миллионами граждан не нашлось множества способных людей.

1848 год, так сказать, перевернул эту систему введением всеобщей и прямой подачи голосов, без всякого ценза. Этой простой реформой все народонаселение мужского пола, достигшее 21 года, родившееся во Франции и имеющее в ней оседлость, признано законом – политически правоспособным. Правительство еще раз предположило, что право избирателя и известная степень политической способности нераздельно связаны с званием мужчины и гражданина. Но это очевидно новая фикция. Почему право избирательства должно быть скорее преимуществом гражданства, возраста, пола и места жительства, чем привилегией собственности? Достоинство избирателя в нашем демократическом обществе соответствует дворянскому достоинству феодальных времен. Каким образом может оно быть раздаваемо без разбору всем и каждому, когда дворянство давалось лишь немногим? Здесь уместно сказать, что всякое достоинство, как скоро оно принадлежит всем, теряет свое значение, и что то, что принадлежит всем, в сущности не принадлежит никому. Впрочем самый опыт уже доказал справедливость моих слов: чем более распространяется избирательное право, тем меньше придают ему значения. Доказательством этого служит число отказывающихся участвовать в баллотировке; их было 36 на 100 в 1857 и 25 на 100 в 1863. Нет сомнения, что наши десять миллионов избирателей как по уму, так и по характеру стоят несравненно ниже 300,000 цензовых Июльской монархии.

И так, раз приняв на себя обязанность рассмотреть политическую способность с исторической и философской точки зрения, мы должны, волей, неволей, оставить фракции, и обратиться к действительной способности. Мы ею одной и займемся.

Для признания какого-нибудь лица, корпорации или общества политически способными, нужно, чтобы они удовлетворяли трем условиям:

- 1) Чтобы данное лицо или общество сознавало себя, то есть понимало свое достоинство, знало себя цену, место занимаемое им в обществе, роль, которую оно в нем играет, должность, которую оно может занимать, интересы, которые оно представляет или олицетворяет.
- 2) Как результат этого самопознания, лицо или общество должно проводить свою идею, т. е. должно уметь заявить ее, выразить словами, объяснить ее смысл, принцип, последствия, доказать ее основание.
- 3) Оно должно, в случае надобности и по требованию обстоятельств, делать практические выводы из той основной идеи, которую оно исповедует.

Заметьте, что здесь нельзя ничего ни сбавить, ни прибавить. Одни люди чувствуют живее других, сильнее сознают себя, быстрее схватывают мысль и

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
съ большим умньемъ и энергіею выражаютъ ее, чѣмъ другіе, или обладаютъ такою силою творчества, какой рѣдко достигаютъ и самые сильные умы. Эти различія въ интензивности созавательной способности, мысли и примѣненіи ея, составляютъ степень таланта, но не сущность самой способности. Такимъ образомъ, всякій вѣрующій во Христа, исповѣдующій догматы его религіи и слѣдующій ея уставамъ, есть христіанинъ и потому способенъ достигъ вѣчнаго блаженства; но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы между христіанами были книжники и люди неученые, аскеты и малодушные.

Такимъ же образомъ и политическая способность не выражаетъ собою особой способности къ управленію государственными дѣлами, къ той или другой общественной должности; она не выражаетъ исключительной преданности гражданству. Все это, повторяю, дѣло таланта и спеціальности: подъ политическою способностью гражданина, часто молчаливаго, сдержаннаго, не имѣющаго общественной должности, я разумѣю нѣчто совершенно иное. Обладать политическою способностью значить созавать себя членомъ общества, быть солидарнымъ съ выражаемой имъ идеею и стремиться къ ея осуществленію. Всякій, обладающій этими тремя условіями – политически способенъ. Такъ, всѣ мы сознаемъ себя французами; мы вѣримъ въ какую нибудь конституцію, въ предназначеніе нашей страны, и для этихъ цѣлей поддерживаемъ своими напутствіями и голосами ту политику, которая, по нашему мнѣнію, всего вѣрнѣе выражаетъ наше чувство и всего лучше служитъ нашимъ убѣжденіямъ. Чувство патриотизма можетъ быть въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе развито; но сущность его одна и таже; отсутствіе его всегда уродство. Словомъ, мы обладаемъ созаваніемъ, идеею и стремимся къ ихъ осуществленію.

Такъ, вся задача политической способности рабочаго класса какъ и средняго сословія и какъ нѣкогда дворянства выражается слѣдующимъ: –

1) достигъ-ли рабочій классъ, съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ обществу и государству, самосознанія? отличается-ли онъ, какъ лицо юридическое, нравственное и свободное, отъ средняго сословія? отдѣляетъ-ли онъ свои интересы отъ интересовъ буржуазіи, и хочетъ-ли онъ не смѣшиваться съ нею? –

2) имѣетъ-ли рабочій классъ какую нибудь идею, т. е. создалъ-ли онъ себѣ понятіе о своемъ положеніи? знаетъ-ли онъ законы, условія и формулы своего существованія? предвидитъ-ли онъ свое предназначеніе, свою цѣль? понимаетъ-ли онъ свое отношеніе къ государству, націи и міровому порядку? –

3) наконецъ, въ состояніи-ли рабочій классъ вывести изъ своей идеи по отношенію къ организаціи общества свои собственныя, практическія заключенія, и въ состояніи-ли онъ, въ случаѣ упадка или отступленія буржуазіи, имѣя въ своихъ рукахъ власть, создать и развить новый политическій порядокъ вещей?

Вотъ что такое политическая способность. Само собою понятно, что мы говоримъ только о дѣйствительной способности, способности коллективной, порождаемой самой природой и обществомъ, и проистекающей изъ умственнаго развитія человѣчества; способности, которою, не смотря на неравенство таланта и созаванія, обладаютъ въ одинаковой степени всѣ индивидуумы и которая не можетъ сдѣлаться ничьей привиллегіею; способности, встрѣчающейся во всѣхъ религіозныхъ общинахъ, сектахъ, корпораціяхъ, кастахъ, партіяхъ, государствахъ, національностяхъ и т. д.; способности, которую не можетъ создать законодатель, но которую онъ обязанъ отыскивать и которую онъ во всякомъ случаѣ всегда предполагаетъ. Согласно этому опредѣленію политической способности, я отвѣчу относительно рабочаго класса и независимо отъ всѣхъ оплошностей и бараньихъ манифестацій, которыя мы видимъ къ сожалѣнію ежедневно:

На первый вопросъ: да, рабочій классъ сознаетъ себя, и мы можемъ даже опредѣлить, съ какихъ поръ онъ пришелъ къ этому самосознанію, а именно съ 1848 года.

На второй вопросъ: да, рабочій классъ обладаетъ идеею, соответствующею его самосознанію, и идея эта находится въ прямомъ противорѣчій съ идеею буржуазіи; можно только сказать, но она не была еще вполне выяснена ему, и онъ еще не преслѣдовалъ ее во всѣхъ ея послѣдствіяхъ и не успѣлъ сформулировать ее.

На третій вопросъ, относительно политическихъ примѣненій этой идеи, я скажу: нѣтъ, рабочій классъ, увѣренный въ себя и уже въ половину понявшій

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org принципы, составляющие новое върование, еще не пришелъ къ тѣмъ общимъ практическимъ выводамъ, къ которымъ они приводятъ; у него еще нѣтъ собственной политики: доказательствомъ этому служитъ его подача голосовъ за одно съ буржуазіею и разные политическіе предразсудки, которыхъ онъ придерживается.

Скажемъ безъ школьнаго фразерства, что рабочій классъ только что еще вступаетъ въ политическую жизнь: благодаря принятой имъ инициативѣ и своему численному превосходству, онъ перемѣстилъ центръ тяжести политическаго міра и встревожилъ экономическій порядокъ; но вслѣдствіе хаоса въ понятіяхъ его, а, главное, вслѣдствіе правительственнаго фантазерства, перешедшаго къ нему отъ буржуазіи, находящейся *in extremis*, онъ не счумьлъ еще утвердить свое преобладаніе, отсрочилъ свое освобожденіе и до нѣкоторой степени скомпрометировалъ свою будущность.

ГЛАВА II.

Чѣмъ отличается рабочій классъ съ 1789 года отъ буржуазіи и какъ, поэтому, онъ дошелъ до самосознанія. – Развратъ буржуазной совѣсти. Съ цѣлью лишить на дѣль рабочій классъ той способности, которая была по праву признана за нимъ всеобщю подачею голосовъ, журналы, особенно журналы демократической оппозиціи, пустили въ ходъ самую грубую хитрость. Едва только вышелъ манифестъ шестидесяти, какъ вся пресса стала хоромъ протестовать противъ притязанія рабочихъ составить самостоятельное сословіе. Стали толковать докторальнымъ тономъ, благоговѣйно ссылаясь на оракуловъ революціи, что съ 89 года не существуетъ болѣе кастъ; что идея о представительствѣ рабочихъ стремится воскресить ихъ; что если рачіонально допустить къ народному представительству простого рабочаго, какъ допускаютъ инженера, ученаго, адвоката, журналиста, то только съ условіемъ, чтобы этотъ рабочій былъ, подобно своимъ собратьямъ по законодательному корпусу, представителемъ цѣлаго общества, а не особаго класса; что иначе кандидатура такого рабочаго носила бы ретроградный и разъединяющій характеръ; что она пошла бы противъ правъ и вольностей 89 года и исказила бы публичное право, общественный порядокъ и нарушила бы общее спокойствіе, возбудивъ въ средѣ буржуазіи недовѣріе, страхъ и злобу. Недоставало еще, чтобы манифестъ шестидесяти, который по своему смыслу и выводамъ дѣйствительно клонился ко вреду оппозиціи, былъ принятъ за полицейскую продѣлку.

Авторы манифеста предвидѣли это обвиненіе своихъ противниковъ и протестовали заранѣе противъ клеветы; однако надо замѣтить, что ихъ оправданіе было не совсѣмъ удовлетворительно. Если бы они признали различіе сословій, то возбудили бы противъ себя политиковъ буржуазной партіи и сочли бы себя потерянными; въ случаѣ же отрицанія этого различія, ихъ спросили бы: къ чему же представительство отъ рабочаго класса? – Такова дилемма, которую я теперь намѣренъ разрѣшить.

Указывая на неудовольствіе буржуазіи, противники манифеста впадали въ противорѣчіе, сами того не замѣчая, и высказывали глубокую истину, которую манифесту слѣдовало заявить громогласно. Хотя въ наше время уже нѣтъ дворянства, а духовенство представляетъ собою только особый разрядъ чиновниковъ, но всѣ признаютъ охотно существованіе буржуазіи: можно ли отрицать дѣйствительность? На чемъ, въ такомъ случаѣ, основывалась бы система орлеанитовъ? Что такое была бы конституціонная монархія и парламентская политика? Чѣмъ бы объяснить тогда враждебное настроеніе извѣстнаго рода людей противъ всеобщей подачи голосовъ?... При всемъ томъ не хотятъ признать, что, кромѣ буржуазіи, существуетъ классъ рабочій; какъ объяснить подобную непослѣдовательность?

Въ тотъ самый 89 годъ, когда освящено было новое право и стали исчезать старые классы дворянства, духовенства и средняго сословія, классъ рабочій или пролетаріатъ отдѣлился отъ буржуазіи, какъ не отдѣлялся еще никогда, даже во времена феодальныя. Вотъ чего не замѣтили наши публицисты оппозиціи при всемъ своемъ обожаніи идей 89 года. Они не замѣтили что, до 89 года рабочій принадлежалъ къ корпораціи и цеху, какъ женщины, дѣти и слуги принадлежали къ семейству. Тогда, конечно, нельзя было предполагать отдѣльнаго существованія сословія рабочихъ, потому что классъ предпринимателей совмѣщалъ его въ себѣ. Но какъ съ 89 года корпораціи были уничтожены, а состояніе рабочихъ и хозяевъ не уравнилось, и не было ничего ни придумано, ни сдѣлано для распредѣленія капиталовъ, организаціи промышленности и правъ рабочаго народа, – то само собою установилось различіе между классомъ хозяевъ, владѣющихъ орудіями труда, капиталистовъ и

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
крупных собственников, и сословием простых наемных рабочих.

Отрицать теперь это различие двух классов, значило бы больше, чем отрицать тот разрыв, который произвел это различие и был сам по себе вопиющей несправедливостью. Это значило бы отрицать экономическую, политическую и гражданскую независимость рабочего – единственное вознаграждение, которое он получил; это значило бы уверять, что свобода и равенство 89 года не были дарованы ему на тех же основаниях, как и буржуазии; следовательно, это значило бы отрицать, что рабочий класс, существуя при совершенно новых условиях, без солидарности с буржуазией, способен сознавать себя и заявлять свою волю; это значило бы наконец объявить, что рабочий класс от природы лишен политической способности! Вот тут-то и необходимо доказать действительность этого различия, потому что только оно придает значение представительству рабочего класса; иначе это представительство утрачивает всякий смысл.

Как! Разве не правда, что, вопреки революции 89 года или, вернее, в силу этой революции, французское общество, состоявшее прежде из трех каст, разделяется теперь, после ночи 4 августа, на два сословия: одно живет исключительно своим трудом, и ему на семейство, из четырех человек приходится круглым числом в год меньше 1250 фр. задельной платы (я принимаю сумму 1250 фр. на каждое семейство за приблизительно среднюю цифру всего дохода или производства нации); другое сословие, даже когда трудится, живет не на счет своего труда; оно живет доходами с своей собственности, с своих капиталов, пенсий, акций, должностей и привилегий. На основании распределения капиталов, работ, привилегий и производств, у нас существуют, как и в былое время, только на других началах, две категории граждан; в просторечии их называют буржуазией и чернью, капитализмом и наемщиной. Эти две категории людей, которые прежде были соединены и почти смешаны, благодаря феодальному покровительству, глубоко разъединены в наше время, так что между ними остались только отношения, определенные уставом о найме и промышленности. И это неизгладимое разъединение составляет основание всей современной политики, общественной экономии, промышленной организации, истории и даже литературы; только крайняя недобросовестность и тупоумное лицемерие могут отрицать эту истину.

Так как разделение современного общества на два класса – на наемных тружеников и собственников–капиталистов–подрядчиков – совершенно неоспоримо и слишком очевидно, то следствием его было обстоятельство, которое никому не должно казаться удивительным: возник вопрос – порождет ли такой порядок вещей необходимостью или случаем? составляет ли он истинный результат революции? может ли он представить законные основания своего фактического существования? Одним словом, не может ли более правильное приложение законов экономии и справедливости уничтожить это опасное разъединение и слить оба новых сословия в одно, обладающее полным равновесием сил?

Для философов этот вопрос далеко не новость; но в рабочих классах он должен был зародиться в тот день, когда посредством всеобщей подачи голосов политическая революция поставила их в уровень с буржуазией и заставила их таким образом увидеть противоположность между их политическим господством и социальным положением. Только в таком случае, предложив себе этот великий общественный и экономический вопрос, рабочие классы могли прийти до самосознания; они должны были бы сказать себе словами Апокалипсиса, что тот, кому принадлежит царство, должен пользоваться его выгодами: *Dignus est accipere divitiam, et honorem, et gloriam*; тогда они предъявили свои притязания на представительство и на управление. Вот как в последние 16 лет сословие чернорабочих тружеников стало добиваться политических прав; и этим то французская демократия XIX века отличается от всех прежних демократий.

Манифестом своим шестьдесят заняли то положение, которое дали им народная жизнь и общественное право; они высказали это от полноты своего рабочего сознания. Будучи убеждены, что вопрос может и должен решиться в смысле утвердительно, они умеренно, но твердо указали на то, как долго обходили этот вопрос и что настало время заняться решением его. Не пускаясь в исследование того, практически ли таким путем требовать своего права и согласен ли такой образ действий с их идеей, они предложили, в знак желанья снова поднять этот вопрос, представительство одного из рабочих; по их мнению, рабочий, по самому положению своему, как

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
рабочаго, будетъ лучше всѣхъ представлять интересы рабочаго сословія.

Я утверждаю, что такое предложеніе въ связи съ другими подобными фактами послѣднихъ 16 лѣтъ, доказываетъ, что сословное чувство пробудилось въ рабочемъ классѣ небывалымъ доселѣ образомъ. Оно доказываетъ, что половина и болѣе французской націи вступила на политическое поприще и внесло съ собой туда идею, которая рано или поздно совершенно преобразуетъ общество. И вотъ, за то, что горсть людей попыталась выразить это сознаніе и эту идею, ихъ обвиняютъ въ намѣреніи возстановить касты! Ихъ устраняютъ отъ національнаго представительства, какъ ретроградовъ, людей опаснаго образа мыслей; на манифестъ ихъ указываютъ какъ на попытку возбудить въ гражданахъ взаимную ненависть. Журналы выходятъ изъ себя; мнимо-демократическая оппозиція раздражается взрывомъ негодованія; устраиваются контр-манифесты; съ напускнымъ пренебреженіемъ спрашиваютъ, не воображаютъ ли авторы манифеста, что лучше знаютъ свои права и выгоды, и съумѣютъ лучше защитить ихъ, чѣмъ Г. Г. Мари, Ж. Фавръ, Э. Оливье, Ж. Симонъ, Пельтанъ. Въ средѣ общества обнаруживается общественный фактъ, имѣющій громадное значеніе: самое многочисленное и самое бѣдное сословіе, бывшее доселѣ въ пренебреженіи, потому что не создало само себя, вступаетъ въ политическую жизнь. А глашатаевъ этого событія, рабочихъ, свидѣтельствующихъ о немъ, предають злобѣ буржуазіи, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, какъ злоумышленниковъ, какъ орудіе полиціи! Шуты!

Событіе это тѣмъ знаменательнѣе, что установленный нами принципъ необходимости для каждаго собранія людей – касты, корпораціи или племени – обладать самосознаніемъ, чтобы составить изъ себя государство или чтобы принять участіе въ управленіи обществомъ и возвыситься до политическаго существованія, – что этотъ принципъ, говорю я, можетъ быть принятъ, какъ законъ, общій всѣмъ народамъ и примѣнимый къ исторіи любой націи. Нѣкоторое время римскіе плебеи не имѣли самосознанія; они были кліентами патриціевъ и управлялись послѣдними по положеніямъ семейнаго права. Достигнувъ полнаго самосознанія и, вслѣдствіе этого, признавъ равенство свое съ патриціями, они потребовали участія въ брачныхъ союзахъ, въ жертвоприношеніяхъ и въ почестяхъ; они получили трибуновъ, veto которыхъ останавливало сенатскія рѣшенія; они добивались сообщенія имъ формулъ; они достигли собственности раздѣломъ завоеванныхъ областей и *ageris publici*. Къ несчастію, какъ я уже замѣтилъ (часть I, гл. II, № 1), отъ самосознанія они не умѣли возвыситься до сознанія новаго закона. Это было дѣломъ христіанства.

Въ Англіи, какъ и во Франціи, рабочіе классы достигли до сознанія своего положенія, права, назначенія. Они соединяются, организуются, готовятъ кѣ промышленной конкуренціи и не замедляютъ потребовать своихъ политическихъ правъ рѣшительнымъ установленіемъ всеобщей подачи голосовъ. По словамъ одного писателя, рабочее населеніе Англіи, пользуясь средствомъ, предоставляемымъ ему англійскими законами и недавно допущеннымъ нашимъ законодательствомъ у насъ, а именно, средствомъ коалиціи, составляетъ организацію въ шесть милліоновъ челоуѣкъ. А наши рабочія ассоціаціи заключаютъ въ себѣ меньше 100,000 лицъ. Что за раса, эти упорные, неукротимые Англо-Саксы, идущіе къ своей цѣли медленно, но вѣрно, которымъ въ великихъ экономическихъ и общественныхъ вопросахъ если не всегда принадлежитъ слава изобрѣтенія, за то такъ часто честь перваго осуществленія!

Исторія французской буржуазіи въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ подтверждаетъ этотъ законъ, хотя, правда, съ другой точки зрѣнія и въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Едва возникъ феодализмъ, какъ городское, промышленное и торговое населеніе пришло къ самосознанію, и результатомъ этого было учрежденіе коммунъ. Пока буржуазія имѣла передъ собой только два первыя сословія, духовенство и дворянство, сознаніе это сохранилось въ полной силѣ; мѣщанское сословіе отличалось, опредѣлялось, чувствовало себя, утверждало себя своимъ противоположеніемъ привилегированнымъ сословіямъ. Генеральныя штаты 89 г., гдѣ вначалѣ оно было удалено на задній планъ, рѣшили дѣло. Съ этихъ поръ духовенство и дворянство обратились въ политическомъ отношеніи въ ничто; среднее сословіе, по выраженіи Сіэйса, стало все. Но замѣтите: какъ скоро буржуазія стало все, то внѣ ея уже не могло ничего быть; не могло существовать другаго сословія, кромѣ ея; ее уже ничто не опредѣляло, и она начала утрачивать самосознаніе, которое омрачилось и нынѣ почти угасло. Я просто только указываю на этотъ фактъ, не выводя изъ него никакой теоріи.

Что такое буржуазія съ 89 года? Каково ея значеніе, ея существованіе,

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
какова ея общественная роль? Каковы тѣ интересы, которыхъ представительницею она служить? Что кроется въ глубинѣ этой двусмысленной, полу-либеральной, полуфеодальной, совѣсти? Въ то самое время, когда бѣдное, невѣжественное рабочее сословіе, лишенное вліянія и кредита, выдвигается впередъ, выясняетъ свое положеніе, заговариваетъ о своей эмансипаціи, о своемъ будущемъ, о перестройкѣ общественныхъ отношеній, которая должна измѣнить его теперешнее положеніе и освободить рабочихъ всего міра, – въ то самое время богатой буржуазіи, которая обладаетъ собственностью, знаніями и могуществомъ, рѣшительно нечего сказать о самой себѣ; съ тѣхъ поръ какъ она вышла изъ своей прежней сферы, она какъ будто лишилась будущности и исторической судьбы; она потеряла и мысль, и волю. Бросаясь изъ революціонерства въ консерватизмъ, отъ республиканскихъ идей въ легитимизмъ, доктринерство и умѣренность, влюбляясь на минуту въ представительныя формы парламентаризма, чтобы вслѣдъ за тѣмъ потерять даже самую способность понимать ихъ, не зная какой системы держаться, какое правленіе предпочитать, держась за власть только ради выгодъ, только изъ страха неизвѣстности и для сохраненія своихъ привиллегій, отыскивая въ общественныхъ обязанностяхъ только новое поле и новыя средства для эксплуатаціи, жадно добываясь отличій и денегъ, презирая пролетаріатъ гораздо сильнѣе, чѣмъ дворянство когда-либо презирало среднее сословіе, – буржуазія потеряла всякій опредѣленный характеръ; она не составляетъ по прежнему сословія, сильнаго численностью, трудомъ и дарованіями, мыслью и волею, сословія, которое производитъ и размышляетъ, повелѣваетъ и управляетъ; она превратилась въ сбродъ, въ меньшинство, которое занимается торгашествомъ и биржевыми спекуляціями.

Въ послѣдніе 16 лѣтъ она какъ будто приходитъ въ себя и начинаетъ опоминаться; ей хотѣлось бы снова заявить себя, захватить прежнее вліяніе. Но для этого нужна энергія совѣсти, сила мысли, пламенность сердца, а вмѣсто этого на лицо оказывается только холодъ смерти и безсиліе старости. Надо замѣтить еще вотъ что: кому современная буржуазія обязана этимъ усиленіемъ надъ собою, этими заявленіями безсодержательнаго либерализма, этимъ ложнымъ возрожденіемъ, въ которое Законная Оппозиція, быть можетъ, заставила бы вѣрить, еслибы его коренной недостатокъ не былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ? Къ кому отнести этотъ проблескъ разума и нравственнаго чувства, которому однако не удастся освѣтить и оживить міръ буржуазіи? Всѣмъ этимъ буржуазія обязана единственно проявленіямъ того юнаго сознанія, которое отрицаетъ новѣйшій феодализмъ; утвержденію того чернорабочаго сословія, которое рѣшительно беретъ верхъ надъ старымъ патронатствомъ; требованіямъ тѣхъ самыхъ рабочихъ, которымъ тупоумные политики отказываютъ въ правахъ, принимая въ тоже время изъ ихъ же рукъ свое политическое полномочіе!..

Извѣстно ли это буржуазіи или нѣтъ, все равно – роль ея кончена; она не можетъ идти далеко и не въ состояніи возродиться. Но пусть она съ миромъ испуститъ духъ! Возвышеніе рабочаго класса не поведетъ за собою устраненія буржуазіи: рабочій классъ не замѣнитъ буржуазію въ ея политическомъ преобладаніи, привиллегіяхъ, собственности и правахъ, и буржуазія не станетъ на мѣсто рабочаго класса. Теперешнее, весьма ясно обозначившееся различіе между обоими классами, – рабочимъ классомъ и буржуазіею – не болѣе, какъ простой революціонный случай. Оба класса должны слиться и поглотить другъ друга въ высшемъ сознаніи; а днемъ этого окончательнаго сліянія будетъ тотъ день, когда рабочее сословіе, составляя большинство, получитъ власть и, вдохновенное новымъ правомъ и формулами науки, провозгласитъ общественную и экономическую реформу. Народности, которая долго жили только однимъ антагонизмомъ, должны основать отнынѣ на новыхъ данныхъ свою политическую жизнь и независимость.

ГЛАВА III.

Выясненіе рабочей идеи. – 1. Система Люксамбургская.
Утверждая свое право и освобождая свою силу, рабочая демократія должна непременно стремиться къ тому, чтобы не только выразить свою идею, но и опредѣленно выяснитъ кодексъ своихъ ученій; такимъ образомъ она покажетъ міру, что то сословіе, которому неотъемлемо принадлежать право и власть, пріобрѣло себя и знаніе путемъ разумной и прогрессивной практики. Вотъ та цѣль, которую я себѣ задалъ въ этомъ сочиненіи. Отдавая свой предварительный трудъ на обсужденіе демократическаго мнѣнія, – я хотѣлъ теперь же дать эмансипаціи рабочаго класса высокую санкцію науки: дѣлаю я это не потому, чтобы думалъ навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія; но я убѣжденъ, что, хотя наука, особенно та, которая имѣетъ дѣло съ обдуманнѣйшими

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
дѣйствіями и самопроизвольными проявленіями массъ, и не поддается импровизаціямъ, ей тѣмъ не менѣе необходимы постоянно возобновляемыя синтетическія обозрѣнія, не вредящія своимъ личнымъ характеромъ никакимъ принципамъ, ничьимъ интересамъ.

Когда въ человѣческихъ обществахъ пробуждается сознаніе, т. е. право, за нимъ должно слѣдовать откровеніе идеи. Таковъ законъ природы, и онъ объясняется психологіею. У мыслящаго существа чувство является основаніемъ и первымъ условіемъ разума. Чтобы дойти до самосознанія надо прежде чувствовать себя: оттого-то французскія правительства такъ старательно преслѣдовали и запрещали народныя сборища, сходки, собранія, ассоціаціи, словомъ все, что могло пробудить сознаніе въ низшихъ классахъ. Имъ хотятъ помѣшать размышлять и толковать между собою; самое вѣрное средство для этого помѣшать имъ чувствовать себя. Пусть ихъ принадлежатъ къ семейству, какъ лошади, бараны, собаки; лишь бы только смутно сознавали себя, какъ расу и совсѣмъ не сознавали себя, какъ сословіе; лишь бы къ нимъ не проникала идея: тогда, если только откровеніе не блеснетъ передъ ними извнѣ, рабство ихъ будетъ упрочено на неопредѣленное время.

Во Франціи въ 1789 году народъ возсталъ заодно съ буржуазіею, съ которою онъ связанъ единствомъ крови и достоинства, общностью религіи, нравовъ и идей, и разъединенъ только экономическими отношеніями, которыя выражаются въ двухъ словахъ: капиталъ и наемщика. Но народъ предчувствовалъ, что революція совершится не столько въ его пользу, сколько въ пользу буржуазіи, и это предчувствіе ясно выразилось въ поджогъ дома Reveillon и въ другихъ подвигахъ печальнаго насилія. Подозрѣніе низшаго класса оправдалось; рядомъ съ партіями фельяновъ, конституціонистовъ, жирондистовъ, якобинцевъ и др., которыя всѣ принадлежали къ буржуазіи, это подозрѣніе породило народныя партіи или секты, которыя подъ именемъ санкюлотовъ, маратистовъ, гебертистовъ, бабувистовъ пріобрѣли въ исторіи страшную извѣстность, но обладали по крайней мѣрѣ тѣмъ неотъемлемымъ достоинствомъ, что съ 92 до 96 года дали сознанію низшихъ классовъ такой толчокъ, послѣ котораго ему невозможно стало вновь погрузиться въ сонъ.

Въ тоже самое время началось дѣло народнаго подавленія. Такъ какъ задушить народное чувство было уже невозможно, то принялись сдерживать его сильною дисциплиною, сильнымъ правленіемъ, войною, трудомъ, отнятіемъ политическихъ правъ, невѣжествомъ; но невѣжество заставляло краснѣть и потому нашли удобнымъ замѣнить его такимъ первоначальнымъ обученіемъ, которое не внушало бы опасеній. Status quo рабочихъ классовъ и полицейскій надзоръ надъ ними – вотъ что составляло предметъ постоянной заботливости Робеспьера и его якобинцевъ, термидорьянской партіи, директоріи, консульства, – словомъ всѣхъ правительствъ, которыя смѣнялись до нашего времени. Гизо оказалъ относительно либеральнымъ: оба собранія республики были рѣшительно преисполнены обскурантизма. Безсмысленный заговоръ! Когда плебейское сознаніе однажды пробудилось, пролетарію стоило только открыть глаза, только начать прислушиваться, чтобы дойти до своей идеи; его противники сами должны были уяснить ему эту идею.

Дѣйствительно, общественный вопросъ былъ поставленъ въ первый разъ не самими рабочими: ученые, философы, литераторы, экономисты, инженеры, военные, чиновники, депутаты, негоціанты, промышленники, собственники стали обличать наперерывъ другъ передъ другомъ аномаліи современнаго общества и совершенно незамѣтно додумались до самыхъ реформъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ консервативная буржуазія лѣстила себя надеждою, что рабочіе останутся глухи къ вызывающему голосу этихъ нововводителей; но 1848 годъ доказалъ ей, что она заблуждалась.

Рабочіе классы не отдались никакому вождю: Кабе, диктаторъ икарійцевъ, знаетъ это по собственному печальному опыту. Рабочіе классы слѣдовали своей инициативѣ, и сомнительно, чтобы въ настоящее время они отказались отъ нея. Въ этомъ и заключается залогъ ихъ успѣха.

Общественный переворотъ, начатый въ 89 году и продолжаемый на нашихъ глазахъ рабочею демократіею, есть превращеніе, совершающееся внезапно во всемъ политическомъ тѣлѣ и во всѣхъ его частяхъ. Это система, замѣняющая собою другую, это новый организмъ, который становится на мѣсто одряхлѣвшаго организма; но такое измѣненіе не можетъ совершиться мгновенно, съ тою быстротою, съ какою человѣкъ скидаетъ старое платье или кокарду; оно не приводится въ исполненіе волею учителя, располагающаго готовою теоріею, не

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org осуществляется под диктовку вдохновенного проповедника. Настоящая органическая революция – продукт всеобщей жизни; она имеет, конечно, своих исполнителей и избранников, но ее нельзя назвать чьим нибудь исключительным делом. Сначала такая революция является элементарной идеей, которая едва пробивается, как зародыш, и на первый взгляд не представляет ничего замечательного, потому что кажется заимствованной у самой обыденной премудрости; но она разрастается неприметно и неожиданно, как жолудь, зарытый в землю, как зародыш в яичной скорлупе, и наполняет мир своими формами.

История полна таких примеров. Что может быть проще римской идеи в ее начале: патрициат, клиентство, собственность. Вся система республики, ее политика, ее волнения, ее история – все основано на этом. В идеи империи мы видим ту же простоту: патрициат окончательно уравнен с плебейством, вся власть сосредоточена в руках императора, который эксплуатирует мир во имя выгод народа и находится в зависимости от преторианцев. Это породило императорскую иерархию и централизацию. В 89 году вся революция целиком выражается в праве человека. В силу этого права признается господство нации, королевская власть становится общественной обязанностью, дворянство уничтожается, религия превращается в мнение *ad libitum*. – Мы знаем, как развились, каждое в свою очередь, и христианство, и право человека.

То же самое происходит в XIX веке с идеей рабочих классов; явись она при других условиях, она была бы совершенно ничтожна и не имела бы ни законности, ни достоверности.

Что же случилось? Народ дошел до самосознания; он почувствовал себя; вокруг него шумели во имя его, и это пробудило его ум. Буржуазная революция доставила ему политические права. Имея возможность освободить свою мысль без помощи истолкователей, он руководствовался логикой своего положения. Прежде всего народ совершенно отделился от буржуазии и попробовал обратить против нее ее же собственные правила; он сделался ее подражателем. Потом, наученный неудачей и отказавшись от своей первой гипотезы, он стал искать спасения в самостоятельной идее. Таким образом в рабочих классах выяснились два противоположных мнения, которые еще до сих пор мешают им понять свое положение. Но такой ход политических обращений, такой ход человеческой мысли и науки. Чтобы вернуть доброту истины, делают уступки предрассудкам и рутине. Со стороны противников эманципации рабочих смешно считать своими трофеями эти несогласия, составляющие необходимое условие прогресса, даже самой жизни человечества.

Люксембургская система в основании одинакова с системами Кабэ, Р. Оуэна, Моравских братьев, Кампанеллы, Т. Мора, Платона, первых христиан и проч.; т. е. это система коммунистическая, правительственная, диктаторская, авторитетная, доктринальная; она исходит из того принципа, что личность существует подчинена обществу; что только от общества зависят жизнь и права отдельного лица; что гражданин принадлежит государству, как дитя семейству; что он находится вполне в его власти – *in manu* – и обязан ему подчиняться и повиноваться во всем.

В силу этого основного принципа верховности общего и подчиненности личного элемента, люксембургская школа в теории и на практике стремится передать государству или, что то же, общине все: труд, промышленность, собственность, торговлю, народное просвещение, богатство, равно как и законодательство, юстицию, полицию, общественные работы, дипломатию и войну. Затем все это должно быть возвращено и распределено именем государства или общины между всеми гражданами, как членами великой семьи, сообразно с их способностями и потребностями.

Я только что говорил, что рабочая демократия, отыскивая свой закон и противопоставляя себя буржуазии, прежде всего обратила против последней ее собственные положения.

Разбор люксембургской системы ясно покажет это.

Что было основным принципом древнего общества? То была власть, нисходящая с неба или выводимая, как у Руссо, из общества. Коммунисты говорили и делали тоже самое. Они относят все к верховной власти народа, к праву общества; их понятие о власти или государстве совершенно тождественно с

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org понятіемъ ихъ древнихъ учителей. Называйте государство имперіей, монархіей, республикой, демократіей или общиной, – дѣло отъ этого не измѣняется. Для людей этой школы право человѣка и гражданина цѣликомъ вытекаетъ изъ народнаго самодержавія; самая свобода лица есть отраженіе этого самодержавія. Коммунисты Люксембурга, икарійцы и проч. могутъ съ спокойною совѣстью принести присягу Наполеону III: ихъ политическія вѣрованія въ принципъ согласны съ конституціей 1852 г., но они несравненно менѣ либеральны.

Отъ политическаго строя перейдемъ къ строю экономическому. Отъ кого въ древнемъ обществѣ получалъ гражданинъ свое достоинство, владѣнія, привилегіи, прерогативы? Отъ закона, точнѣе, отъ верховной власти. Такъ напримѣръ, при господствѣ римскаго права, потомъ при феодальной системѣ, наконецъ подъ вліяніемъ идей 89 г., личная собственность была уступкой, даромъ государства, которое было единственнымъ естественнымъ обладателемъ земли; въ сущности государство одно было собственникомъ, и противъ этого напрасно было бы приводить всякіе доводы, ссылаясь на требованія приличія, своевременности, общественнаго порядка, семейныхъ нравовъ, даже условій промышленности и прогресса. То же самое видимъ мы и у коммунистовъ: по ихъ принципу, личность владѣетъ своими имуществами, способностями, почестями, должностями, даже талантами по полномочію государства. Древнее государство, по необходимости или по разсчету, отчасти отреклось отъ своей собственности; многія семейства дворянъ и мѣщанъ вышли изъ первобытной нераздѣльности и образовали множество мелкихъ государствъ въ государствѣ. Коммунизмъ хочетъ возвратитъ государству всѣ эти отторгнутые отъ него ключья власти и владѣнія, такъ что переворотъ, выполненный по люксембургской системѣ, было бы съ точки зрѣнія принципа не болѣе какъ возстановленіемъ стараго, то есть регрессомъ.

Такъ, подобно арміи, захватившей непріятельскія пушки, коммунизмъ только направилъ на ряды собственниковъ ихъ же собственную артиллерію. Рабъ всегда обезьянничаетъ господину, демократъ подражаетъ автократу.

Независимо отъ общественной силы, которою партія Люксембурга еще не могла располагать, она предлагаетъ и восхваляетъ, какъ средство осуществленія, ассоціаціи. Идея ассоціаціи не нова въ экономическомъ мірѣ. Мало того, самыя могущественныя ассоціаціи и ихъ теоріи были созданы именно древними и новыми государствами божественнаго права. Наше буржуазное законодательство (гражданскій и торговый своды) признаетъ нѣсколько родовъ и видовъ ассоціацій. Теоретики Люксембурга ровно ничего не прибавили къ этому новаго. Ассоціація была для нихъ то просто общность имущества и доходовъ (гл. 1836 и слѣд.), то простымъ соучастіемъ или коопераціей, то, наконецъ, компаніей или товариществомъ; чаще подъ рабочими ассоціаціями разумѣли могущественныя и многочисленныя товарищества рабочихъ, которымъ государство помогаетъ, даетъ заказы и которыми оно управляетъ, привлекая къ себѣ всю рабочую массу, забирая въ свои руки всѣ работы и предпріятія, захватывая всю промышленность, земледѣліе, торговлю, общественныя должности, всякую собственность; уничтожая частныя заведенія и предпріятія; давая, поглощая всякую личную дѣятельность, всякое частное владѣніе, частную жизнь, свободу, богатство, однимъ словомъ, поступая такъ, какъ теперь дѣйствуютъ большія анонимныя компаніи.

Такимъ то образомъ, по понятіямъ люксембургской партіи, общественное владѣніе должно уничтожить собственность; общая ассоціація должна ниспровергнуть или поглотить всѣ частныя ассоціаціи; конкуренція, обращенная сама противъ себя, должна привести къ уничтоженію конкуренціи; наконецъ, коллективная свобода должна поглотить всѣ корпоративныя, мѣстныя и личныя вольности. Въ томъ же духѣ разсматривался коммунистами вопросъ о правительствѣ, его гарантіяхъ и формахъ. Въ коммунистическомъ понятіи о правительствѣ также мало новаго, какъ въ ихъ идеяхъ объ ассоціаціи и правахъ человѣка: оно отличалось отъ прежняго только преувеличеніемъ. Политическую систему люксембургской теоріи можно опредѣлить такимъ образомъ: это плотная демократія, основанная, повидимому, на диктатурѣ массъ, но гдѣ массы имѣютъ власть лишь настолько, чтобы упрочить всеобщее рабство на основаніи слѣдующихъ формулъ и положеній, заимствованныхъ у древняго абсолютизма:

Нераздѣльность власти.

Всепоглощающая централизація.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Систематическое истребление всякой личной, корпоративной и мѣстной мысли, какъ разрушающей необходимое единство.

Инквизиціонная полиція.

Уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе семейства, а тѣмъ болѣе наслѣдственности.

Всеобщая подача голосовъ, организованная на то, чтобы служить вѣчною санкціею этой анонимной тираніи, давая перевѣсъ мелкимъ и даже ничтожнымъ личностямъ, которыхъ всегда много, надъ способными и независимыми гражданами, которые объявляются подозрительнымъ меньшинствомъ. Люксембургская школа объявила во всеуслышаніе, что она врагъ аристократіи ума и талантовъ.

Между коммунистами есть люди менѣе нетерпимые, неотвергающіе безусловно собственность, промышленную свободу, независимость и самостоятельность таланта; по крайней мѣрѣ, не запрещающіе положительными законами ни обществъ, ни союзовъ, возникшихъ по естественной необходимости, ни частныхъ имуществъ и предпріятій, ни даже конкуренціи частныхъ ассоціаций съ рабочими обществами, покровительствуемыми государствомъ. Но они пресѣдуютъ эти опасныя вліянія косвенно; они обезсиливаютъ, ихъ сплетнями, придирадками, налогами и множествомъ другихъ средствъ, заимствованныхъ изъ практики правительствъ стараго закала. Вотъ эти средства: прогресивный налогъ; налогъ на наслѣдства; налогъ на капиталъ; налогъ на доходы; налогъ на предметы роскоши; налогъ на свободные промыслы; съ другой стороны: льготы ассоціациямъ; вспоможеніе ассоціациямъ; поощреніе и поддержка ассоціаций; пріюты для инвалидовъ для труда, для членовъ ассоціаций и пр.

Словомъ это все таже древняя система привилегій, обращенная теперь противъ тѣхъ, кому она прежде приносила выгоды; все таже аристократическая эксплуатація, все тотъ же деспотизмъ, только употребляемые въ пользу народа. Государство-слуга дѣлается такимъ образомъ дойной коровою пролетаріата, который пасетъ ее на лугахъ и нивахъ собственниковъ. Въ результатъ мы получаемъ просто перемѣщеніе привилегій: высшіе классы низвергаются; низшіе возвышаются; но объ идеѣ, о свободѣ, о справедливости, о наукъ нѣтъ и помину!

Въ одномъ только отношеніи коммунизмъ расходится съ буржуазной системой: послѣдняя признаетъ семейство, которое коммунизмъ неуклонно стремится уничтожить! Но почему же коммунизмъ возсталъ противъ брака, требуя, по Платону, свободной любви? Потому что бракъ и семейство составляютъ оплотъ личной свободы, а свобода – камень преткновенія для государственной власти. Чтобы упрочить власть государства, чтобы избавить ее отъ всякой оппозиціи, всякихъ стѣсненій и помѣхъ, коммунизмъ не видѣлъ иного средства, какъ передать государству или общинѣ женъ и дѣтей заодно со всѣмъ остальнымъ. Это тоже самое, что еще называютъ эмансипаціей женщины. Во всѣхъ этихъ заблужденіяхъ коммунизму недостаетъ изобрѣтательности; онъ является простымъ подражателемъ. Когда ему представляется затрудненіе, онъ не разрѣшаетъ, а разсѣкаетъ его.

Такова сущность люксембургской системы, которая имѣетъ сторонниковъ, что неудивительно, такъ какъ она лишаетъ буржуазію правъ, милостей, привилегій и должностей и передаетъ ихъ въ томъ же видѣ массамъ. Образцы и подобія этой системы существуютъ во всѣхъ деспотіяхъ, аристократіяхъ, патриціатахъ, общинахъ, больницахъ, пріютахъ, казармахъ и тюрьмахъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Слѣдовательно, противорѣчіе между принципами этой системы очевидно, вслѣдствіе чего она никогда не могла обобщиться и упрочиться. Она всегда падала отъ перваго толчка.

Предположите на минуту, что власть находится въ рукахъ коммунистовъ. Рабочія ассоціации организованы; налогъ падаетъ на тѣ классы, которые при настоящемъ порядкѣ избавлены отъ него; все остальное передѣлано въ томъ же духѣ. Въ скоромъ времени всѣ лица, чѣмъ нибудь влаждующія, будутъ раззорены; государство станетъ владыкою всего. Что же потомъ? Не ясно-ли, что община, у которой на шеѣ очутятся всѣ несчастные, раззоренные и ограбленные ею, на которую падетъ вся тяжесть занятій, предоставленныхъ прежде свободнымъ предпринимателямъ, будетъ получать меньше того, что истребила? Не ясно-ли,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
что она не выполнить и четвертой доли своей задачи; что дефицит и голод
не дал бы как через две недели произвести всеобщую революцию; что все
придется начинать с изнова, и дело снова начнется с реставрации?

Вот к чему ведет эта допотопная нелюбовь, которая тридцать веков
ползком перебирается от одного народа к другому, как слизень по
цветам. Она соблазняла лучшие умы и знаменитейших преобразователей:
Миноса, Ликурга, Пифагора, Платона, Канпанеллу, Мора, Бабефа, Роберта
Оуэна, Моравских Братьев и проч.

Следует однако заметить два факта, говорящие в пользу коммунизма: во
первых, как первая гипотеза, он был необходим, чтобы приготовить путь
для истины; во вторых, он не отдал, как буржуазная система, политику
от политической экономии, не смотрел на них, как на вещи различные и
противоположные, но всегда утверждал, что принципы их тождественны; и
желал согласить их. Мы возвратимся к этому предмету в следующих
главах.

ГЛАВА IV.

2. Система взаимности или манифеста. – Идея взаимности выработана массами
новейшего времени совершенно самостоятельно. – Определение ее.
Полная самостоятельность составляет достойную черту народных
движений. Следует ли народу внешнему побуждению или наущению, или же
собственному вдохновению, сознанию и идее? – Этот вопрос заслуживает
самого тщательного исследования при изучении революций. Без сомнения,
идеи, волновавшие во все времена массы, рождались прежде в головах
мыслителей. В деле идей, мыслей, верований, заблуждений массы никогда не
были первыми по времени и, разумеется, не будут первыми и в настоящее
время. Во всяком умственном деле первенство принадлежит личности; на это
указывает самое взаимное отношение понятий первенства и индивидуальности.
Но идея, возникнувшая в уме отдельной личности, трудно проникнуть в массы;
идеи, способные увлечь массы, редко бывают вполне справедливы и полезны.
Поэтому для историка-философа особенно важно узнать, почему народ более
склоняется к одним идеям, чем к другим; каким образом обобщает он
их; как развивает он их в своих обычаях и учреждениях, которых
держится по преданию, пока законодатели и законники не овладеют
заклученными в них идеями и не обратят их в статьи законов и в
судейские правила.

Идея взаимности, как и идея общности, также стара, как и само общество.
По временам являлись высокие умы, предугадывавшие ее органическую силу и
важность; но до 1848 года она никогда не приобретала той важности, какую
имеет теперь, когда, повидимому, ей предстоит первая роль. В этом
отношении она сильно отстала от идеи коммунизма, которая, блеснув ярким
светом в древнем мире и в средние века, благодаря красноречию софистов,
фанатизму сектаторов и могуществу монастырей, – в наши времена, казалось,
готова была получить новую силу.

Принцип взаимности был впервые выражен с философскою глубиной и в
видах реформы в том знаменитом положении, которое повторяли все мудрецы
и которое, по примеру их, наши Конституции II и III годов включили в
объявление прав и обязанностей человека и гражданина:

«Не делай другим того, чего не желаешь себе;

«Делай другим то, чего желаешь от них себе».

Этот, так сказать, обоюдоострый принцип, который всегда уважали и
против которого никогда не возражали, начертан, по словам конституции
III года, природою во всех сердцах; он предполагает, что человек во
первых свободен; во вторых, что он способен к познанию добра и зла;
другими словами, что он по самой сущности своей способен к
справедливости. Эти две вещи, то есть свобода и справедливость, ставят
нас гораздо выше идеи власти, на которую, как мы видели, опирается
люксембургская система.

Говоря языком богословов-моралистов, эта великая истина была доселе для
народов лишь чем-то в роду совета. Судя по важности, которую она теперь
приобретает и потому, как требуют рабочие классы ее осуществления, она
должна сделаться заповедью, т. е. получить положительно обязательный

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
характеръ, словомъ, пріобрѣсти силу закона.

Укажемъ прежде всего на прогрессъ, совершившійся въ этомъ отношеніи въ рабочихъ классахъ. Манифестъ шестидесяти говоритъ между прочимъ: «Всеобщая подача голосовъ была признаніемъ нашего политическаго совершеннѣтїа; но намъ еще остается достигъ соціальной независимости. Свобода, которую такъ энергически завоевало себѣ третье сословіе, должна распространиться на всѣхъ гражданъ. Равноправность политическая необходимо предполагаетъ равноправность соціальную».

Другими словами это значить: «безъ соціальнаго равенства нѣтъ равенства политическаго, и всеобщая подача голосовъ бессмыслица». Это доказывается не силлогизмомъ, а уравненіемъ: политическое равенство = соціальному равенству. Основной принципъ этой новой формулы очевидно свобода личности.

«Буржуазія, достигшая раньше насъ независимости, поглотила въ 89 г. дворянство и уничтожила несправедливыя привилегіи. Намъ предстоитъ не уничтожать права, которыми справедливо пользуются средніе классы, а завоевать себѣ одинакую съ ними свободу дѣйствія».

И далѣе:

«Мы не мечтаемъ объ аграрныхъ законахъ, о химерическомъ равенствѣ, которое укладываетъ всѣхъ и cadaго на прокустово ложе; о дѣлѣжѣ, тахітум'ѣ, усиленномъ налогѣ и проч. Прочь эти обвиненія! Пора прекратить эти клеветы, распространяемыя нашими врагами и повторяемыя невѣждами. – Свобода, кредитъ, солидарность – вотъ наши мечты».

Онъ заключаетъ такъ: «Въ тотъ день, когда эти мечты осуществляются, не будетъ болѣе ни буржуа, ни пролетаріевъ, ни хозяевъ, ни рабочихъ».

Все это нѣсколько двусмысленно. Въ 1789 году у дворянъ не конфисковали имуществовъ; позднѣйшія конфискаціи были дѣломъ войны. Въ 89 г. ограничивались отмѣною нѣкоторыхъ преимуществъ, несовмѣстныхъ съ правомъ и свободою, которыми дворянство несправедливо присвоило себѣ. Эта отмѣна повлекла за собою уничтоженіе дворянства, какъ особаго сословія, его поглощеніе массою общества. Пролетаріатъ, правда, также не требуетъ, чтобы буржуазію лишали пріобрѣтенныхъ ею имуществовъ и всѣхъ ея правъ, которыми она пользуется справедливо. Но подъ юридическими и законными именами свободы, труда, кредита и солидарности онъ хочетъ провести нѣкоторыя реформы, результатомъ которыхъ будетъ, безъ сомнѣнія, уничтоженіе правъ, привилегій, словомъ, всего, что составляетъ исключительную принадлежность буржуазіи. Такимъ образомъ, теперь стремятся къ тому, чтобы не было ни буржуазіи, ни пролетаріата, то есть, чтобы буржуазія была поглощена въ массу общества.

Въ новую революцію пролетаріатъ точно также поступитъ съ буржуазіей, какъ поступила она съ дворянствомъ въ революцію 89 г. Какъ революція 1789 г. была вполнѣ такъ точно справедлива будетъ и новая революція, которая пріиметъ за образецъ свою старшую сестру.

Далѣе манифестъ развиваетъ свою мысль съ возрастающею энергіею.

«Мы не имѣемъ представителей, мы, которые не хотимъ вѣрить, что нищета – божественное учрежденіе. Милосердіе вполнѣ доказало и само признало свою несостоятельность быть основаніемъ соціальнаго устройства. Въ эпоху народнаго самодержавія, всеобщей подачи голосовъ, оно можетъ быть частной добродѣтелью... и только. Мы не хотимъ быть ни кліентами, ни опекуемыми; мы хотимъ быть равными. Мы отвергаемъ благодѣянїе и требуемъ только справедливости».

Смысль этого ясенъ: мы хотимъ того же, что получили вы, буржуа, наши старшіе братья.

«Наученные опытомъ, мы чужды ненависти къ людямъ. Мы хотимъ измѣнить самый порядокъ».

Таково заявленіе, предпосланное представителямъ, противъ которыхъ возсталъ мнимodemократическая оппозиція.

Такимъ образомъ авторы манифеста чужды старой коммунистической и буржуазной рутины. Они не хотятъ ни привилегій, ни исключительныхъ правъ; они

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org покинули фантазію абсолютнаго равенства, которое укладываетъ чловѣка на прокустово ложе; они стоятъ за свободу труда, осужденную Люксембургомъ въ вопросѣ объ урочномъ трудѣ; они признаютъ конкуренцію, также осужденную люксембургской системой, какъ грабежъ; они провозглашаютъ солидарность и отвѣтственность; имъ не нужно покровительства, не нужно іерархій. Они хотятъ равенства достоинства, неустаннаго дѣятеля экономическаго и соціальнаго уравненія; они отвергаютъ милостыню и всѣ благотворительныя учрежденія и замѣнь ихъ требуютъ справедливости.

Большинство ихъ члены общества взаимнаго кредита, взаимнаго вспоможенія, которыхъ, по ихъ словамъ, тайно существуетъ въ столицѣ тридцать пять; распорядители промышленныхъ обществъ, откуда коммунизмъ изгнанъ и замѣненъ принципами взаимности и соучастія, признанными закономъ.

Далѣе, эти рабочіе требуютъ рабочихъ и хозяйскихъ камеръ, которыя взаимно пополняли, контролировали и уравнивали бы другъ друга; исполнительныхъ синдикатовъ и присяжныхъ экспертовъ, словомъ, полнаго преобразованія промышленности подъ вѣдѣніемъ всѣхъ участвующихъ въ ней[11].

Во всемъ этомъ, говорятъ они, мы основываемся на всеобщей подачѣ голосовъ. Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ результатовъ ея должно быть, по ихъ мнѣнію, возстановленіе естественныхъ рабочихъ группъ, то есть рабочихъ корпорацій. Слово корпорація возбудило особенно сильное негодованіе; но мы пугаться его не будемъ. По примѣру рабочихъ, мы будемъ разсматривать сущность, а не слова.

Все это достаточно доказываетъ, что рабочіе классы проникнулись идеей взаимности и сдѣлали изъ нея совершенно новые и самостоятельные выводы; что они усвоили ее, глубоко поняли ее и вводятъ въ жизнь далеко не наобумъ; словомъ, это доказываетъ, что она стала ихъ исповѣданіемъ, ихъ новымъ вѣрованіемъ. Въ движеніи этомъ нельзя сомнѣваться, хотя оно еще очень слабо; ему предстоитъ поглотить уже не слабую горсть дворянства въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, а громадную буржуазію, считающую въ рядахъ своихъ милліоны людей. Ему суждено совершенно возродить все общество.

Разсмотримъ теперь самую идею.

Французское слово *mutuel*, *mutuation*, *mutualité*, синонимъ *récip roque*, *réciprocité*, взаимный, взаимность, происходитъ отъ латинскаго *mutuum*, что значить ссуда (потребляемаго продукта), а въ болѣе широкомъ смыслѣ – обмѣнъ. Извѣстно, что при ссудѣ на потребленіе ссужаемый предметъ потребляется заемщикомъ, который потомъ возвращаетъ уже не тотъ самый предметъ, а другой, равный ему и, одинакій или неодинакій, но во всякомъ случаѣ равноцѣнный. Предположите, что заимодавецъ въ свою очередь становится заемщикомъ: здѣсь будетъ, слѣдовательно, взаимный заемъ или обмѣнъ: такова логическая связь, заставившая дать одно и тоже имя двумъ разнымъ операціямъ. Посмотримъ же, какимъ образомъ эта идея взаимности обмѣна, справедливости, замѣнивъ идею власти, общинности или милосердія, привела въ политикъ и политической экономіи къ системѣ отношеній, совершенно противоположной нынѣшнему общественному порядку.

Во первыхъ спросимъ, подъ какимъ именемъ и вслѣдствіе какого вліянія идея взаимности впервые овладѣла умами?

Мы уже видѣли, какъ понимаетъ люксембургская школа отношенія чловѣка и гражданина къ обществу и государству: по ея мнѣнію, это отношеніе состоитъ въ подчиненіи. Отсюда организація, основанная на власти и общинности.

Противъ этого возстаютъ поборники личной свободы, по мнѣнію которыхъ общество должно разсматривать не какъ іерархію должностей и способностей, а какъ систему равновѣсія свободныхъ силъ, гдѣ всѣмъ гарантированы одинакія права, съ условіемъ нести одинакія обязанности; равныя выгоды за равныя услуги. слѣдовательно, эта система существенно основана на равенствѣ и свободѣ; она исключаетъ всякое пристрастіе къ богатству, рангамъ и классамъ.

По мнѣнію защитниковъ личной свободы, чловѣческая природа есть высшее выраженіе, чтобы не сказать – воплощеніе всемірной справедливости; поэтому право чловѣка и гражданина непосредственно вытекаетъ изъ достоинства его природы, какъ позже благосостояніе его прямо вытекаетъ изъ его личнаго труда и хорошаго употребленія своихъ способностей; умственное же развитіе

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
его – изъ свободного упражненія своихъ дарованій и качествъ. Слѣдовательно, государство есть ничто иное, какъ результатъ свободного союза людей равныхъ, независимыхъ и правосудныхъ; оно представляетъ такимъ образомъ только сгруппированныя вольности и интересы; всякое разногласіе между властью и тѣмъ или другимъ гражданиномъ есть въ сущности гражданская распря. И такъ, въ обществѣ нѣтъ другой прерогативы кромѣ свободы, иной верховной власти, кромѣ права. Авторитетъ и милосердіе отжили свой вѣкъ, говорятъ они; вмѣсто ихъ намъ нужна теперь справедливость.

Исходя изъ этихъ началъ, діаметрально противоположныхъ основаніямъ люксембургской школы, они хотятъ порядка, основаннаго на самомъ широкомъ развитіи принципа взаимности. Услуга за услугу, говорятъ они, прибыль за прибыль, ссуда за ссуду, обезпеченіе за обезпеченіе, кредитъ за кредитъ, порука за поруку, гарантія за гарантію: таковъ законъ. Это древнее возмездіе: око за око; зубъ за зубъ, жизнь за жизнь, перенесенное изъ уголовного права и жестокаго обычая вендетты въ область экономическаго права, въ отношенія труда и свободного братства. Отсюда вытекаютъ всѣ учрежденія, основанныя на взаимности: взаимныя страхованія, взаимный кредитъ, взаимное вспоможеніе, взаимное обученіе; обоюдныя гарантіи сбыта, обмена, труда, доброкачественности, вѣрной оцѣнки товаровъ и проч. Вотъ къ чему стремится система взаимности, желая съ помощію извѣстныхъ учреждений возвести свое начало въ государственный принципъ, законъ, скажу больше – въ государственную религію, тѣмъ болѣе, что путь къ этому для гражданъ также легокъ, какъ и выгоденъ; что онъ, не требуетъ ни полиціи, ни наказаній, ни гнета и ни въ какомъ случаѣ не можетъ никого обмануть или раззорить.

Здѣсь рабочій перестаетъ быть рабомъ государства, поглащаемымъ коммунистическимъ океаномъ; онъ человекъ свободный, настоящій властелинъ, дѣйствующій по собственной инициативѣ и подъ своей личной отвѣтственностью: онъ увѣренъ, что получить за свои произведенія и услуги настоящую цѣну, достаточно вознаграждающую его, и встрѣтитъ въ своихъ согражданахъ относительно всѣхъ предметовъ своего потребленія полную справедливость и гарантію. Точно также государство, правительство, перестаетъ быть властелиномъ; власть здѣсь не противорѣчитъ свободѣ; она служитъ здѣсь къ опредѣленію свободы, только съ другой точки зрѣнія: власть, правительство, государство и проч. являются здѣсь формулами, заимствованными изъ стариннаго языка для обозначенія въ извѣстныхъ случаяхъ суммы, единства, тождественности и солидарности частныхъ интересовъ.

Слѣдовательно, здѣсь уже невыносимы вопросы, какъ въ буржуазной системѣ или системѣ люксембургской – должны ли государство, правительство или община господствовать надъ личностью или быть подчинены ей; долженъ ли правитель стоять выше гражданина или гражданинъ выше правителя; угнетаетъ ли власть свободу или служить ей: всѣ эти вопросы – чистѣйшая бессмыслица. Правительство, власть, государство, община и корпораціи, классы, товарищества, города, семейства, граждане, – словомъ, группы и индивидуумы, нравственныя и реальныя личности, – всѣ равны передъ закономъ, и только одинъ законъ властвуетъ, судитъ и управляетъ: *Des potês ho potos*.

Взаимность предполагаетъ раздѣлъ земли, разграниценіе собственности, независимость труда, отдѣленіе другъ отъ друга различныхъ видовъ промышленности, спеціализацію отправленій, личную и коллективную отвѣтственность, смотря потому, каковъ трудъ, личный ли, или коллективный; она предполагаетъ приведеніе общихъ расходовъ къ *minimum*'у, истребленіе дармоѣдства, уничтоженіе нищеты. Община, іерархія, нераздѣльность, централизація предполагаютъ напротивъ умноженіе вѣдомствъ и органовъ власти, подчиненіе частной воли, потерю силъ, развитіе непроизводительныхъ занятій, безконечное увеличеніе общихъ расходовъ, слѣдовательно, развитіе тунеядства и нищеты.

ГЛАВА V.

Историческая судьба идеи взаимности.

Идея взаимности влечетъ за собою громадныя послѣдствія: она ведетъ между прочимъ къ общественному единству человечества. Эта мечта принадлежитъ еврейскому мессіанизму: но ни одна изъ четырехъ великихъ монархій, обѣщанныхъ Даніиломъ, не выполнила эту программу. Вездѣ слабость государства обуславливалась обширностью его предѣловъ: конецъ римскаго завоеванія былъ началомъ разложенія. Подѣливъ между собою пурпурныя мантии, императоры сами проложили путь возстановленію національностей. Папы потерпѣли такую же неудачу, какъ Александръ и Цезари: католицизмъ не

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org распространился и на половину населения земного шара. Но логика идеи взаимности стремится совершить то, что было не по силам ни могуществу великих империй, ни рвенію религіи; эта логика дѣйствуетъ снизу вверхъ; она начинается съ поработанныхъ классовъ и вторгается въ общество съ противоположной стороны, и потому должна восторжествовать.

Всякое общество образуется, преобразуется и измѣняется съ помощью идеи. Такъ было въ древности и такъ происходитъ въ наше время. Идея отеческой власти легла въ основаніе древнихъ аристократій и монархій: на ней построены патріархатъ или восточный деспотизмъ, римскій патріархатъ и новѣйшій; пифагорейское братство легло въ основаніе республикъ критской, спартанской и кротонской. Преторьянское самовластіе, папская теократія, средневѣковая феодализмъ, буржуазный конституціонализмъ – всѣ эти явленія знакомы намъ по опыту. За одно съ ними мы можемъ назвать страстное притяженіе Фурье, двуполое жречество Анфантена, эпикурейскій идеализмъ нашихъ романтиковъ, контовскій позитивизмъ, мальтузіанскую анархію и отрицательную свободу экономистовъ. Всѣ эти идеи стремятся къ господству: ихъ притязаніе на преобладаніе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но чтобы основать это новое и несокрушимое единство, необходимъ полезный, общечеловѣчскій, абсолютный принципъ, который стоялъ бы выше всякаго общественнаго строя и безъ котораго самое существованіе этого строя было бы совершенно невозможно. Мы находимъ этотъ принципъ въ идеѣ взаимности, которая сама есть ничто иное какъ идея взаимно-обязующей справедливости, прилагаемой ко всѣмъ человѣческимъ отношеніямъ и ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни.

Весьма замѣчательно, что до сихъ поръ справедливость оставалась чужда или равнодушна ко множеству такихъ вопросовъ, которые требуютъ ея вмѣшательства. Религія, политика, даже самая метафизика отодвинули ее на второй и на третій планъ. Всѣ націи выбирали себѣ въ покровительствующія божества или могущество, или богатство, или любовь, или храбрость, или краснорѣчіе, или поэзію, или красоту; но никому и въ голову не приходило, что Право есть самое великое и сильное божество, стоящее даже выше самого Рока. У древнихъ справедливость была только дочерью Юпитера или, пожалуй, супругой его, но супругой отвергнутой.

Въ первое время существованія обществъ это было совершенно естественно. Руководствуясь воображеніемъ и чувствительностью, человекъ сознаетъ прежде всего тѣ предметы, которые непосредственно касаются его; идеи рождаются въ немъ гораздо позднѣе, и изъ нихъ прежде всего возникаютъ идеи самыя конкретныя, самыя личныя, самыя сложныя, тогда какъ самыя общія и простыя идеи, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ всегда самыя отвлеченныя, начинаютъ пробиваться гораздо позднѣе. Ребенокъ прежде всего любитъ и уважаетъ отца и мать; потомъ онъ возвышается до идеи патріарха, князя, первосвященника, короля или царя; отъ этихъ личностей онъ мало по малу отвлекаетъ идею власти; но чтобы возвыситься до сознанія, что общество, та великая семья, къ которой онъ принадлежитъ, есть воплощеніе права – на это ему нужно 30 вѣковъ.

Одно только несомнѣнно: каковъ бы ни былъ принципъ, во имя котораго основалось общество, какимъ бы именемъ оно ни называло свое верховное божество, – оно можетъ существовать только одною справедливостью. Отнимите справедливость – общество тотчасъ развратится, государство распадется. За отсутствіемъ справедливости самое отеческое правительство превращается въ гнусную и нестерпимую тиранию. Идея, которую кладутъ въ основаніе общественнаго устройства, не можетъ обойтись безъ права; отрѣшаясь отъ него, она даже теряетъ всякій смыслъ, тогда какъ право существуетъ само по себѣ и въ строгомъ смыслѣ не нуждается ни въ чьей посторонней помощи.

Если идея справедливости примѣшивается къ каждой политической системѣ и составляетъ ея необходимое условіе, то очевидно, что идея эта есть выраженіе сущности общества; она – самое могущественное божество, ея культъ – высшая религія, ея изученіе – самое священное богословіе. Она освящаетъ науку и искусство: всякая истина, всякая красота, явившіяся внѣ ея, должны неминуемо обращаться въ ложь или заблужденіе.

Представимъ себѣ религію безъ справедливости: она была бы чудовищна. Несправедливое божество – синонимъ Сатаны, Аримана, духа зла; сама церковь говоритъ намъ, что откровеніе, даже сопровождаемое чудесами, но неимѣющее цѣлью совершенствованіе человека путемъ справедливости, слѣдовало бы приписать духу тьмы. Любовь безъ уваженія – безстыдство. Всякое искусство,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
всякій идеалъ, которые вздумали бы отрѣшиться отъ справедливости и нравственности, заслужили бы названіе искусства разврата, идеала позора.

Переберите весь рядъ человѣческихъ идей, переройте всю сокровищницу духовной и свѣтской науки, и вы не найдете другой идеи, равной справедливости. Къ ней-то стремится и взываетъ въ наши дни рабочая демократія, благодаря своему живому, хотя еще смутному чутью; ее-то и называетъ она взаимностью. Вотъ онъ, тотъ новый порядокъ, который, по народному преданію, французская революція призвана основать, соединивъ всѣ народы въ федерацію федерацій. Вотъ эта религія будущности, религія Справедливости.

Во времена Моисея еврейскій народъ былъ доступенъ лишь идее отеческой власти или патріархата, связаннаго съ властью Всемогущаго Бога, Небснаго Отца Израиля. Вотъ почему, не смотря на свое стремленіе къ справедливости, моисеевъ законъ на дѣль подчиняетъ ее власти отца, царя, первосвященника и религіозному культу.

Позднѣе, при римской имперіи, священство, царская власть и аристократія были полны злоупотребленій; но потерявъ уваженіе къ нимъ, народъ не могъ возвыситься до идеи справедливости. На мѣсто исказившейся отеческой и первосвященнической власти было поставлено братское милосердіе; была основана евангельская община, церковь.

Уже тогда явилась мысль, что милосердія, которое проповѣдовали въ этой общинѣ, недостаточно, если его не пополнить правомъ, идею справедливости. Теперь та же самая мысль руководитъ нашею демократіею, которая говоритъ устами Шестидесяти «Мы отвергаемъ благодѣяніе, мы требуемъ справедливости».

Сожалѣю, что принужденъ такъ долго занимать читателя этими нѣсколькими отвлеченными вопросами. Но повторяю: когда дѣло идетъ о революціи, которая уже струится въ жилахъ народа, о самой рѣшительной и глубокой изъ всѣхъ происходившихъ досель революцій, – мнѣ нельзя острить и вѣтряничать; говорить о такомъ явленіи надо не иначе, какъ совершенно серьезно. Пусть тѣ, которые ищутъ развлеченія въ разговорѣ о самыхъ великихъ интересахъ, читаютъ ежедневно послѣ объѣда по 10 моихъ страницъ и потомъ съ миромъ отправляются въ театръ или принимаются за фельетонъ. Что касается до меня, то я неспособенъ забавляться справедливостью или шутить надъ преступленіемъ и нищетою. Если подчасъ я говорю тономъ памфлета, то въ этомъ повинно только мое честное негодованіе.

Прослѣдивъ съ возможною точностью возникновеніе идеи взаимности, мы должны теперь разсмотрѣть ея сущность и значеніе. Если мнѣ не удастся быть краткимъ, я постараюсь, по крайней мѣрѣ, говорить ясно и рѣшительно.

ГЛАВА VI.

Могущество идеи взаимности; ея всеобщее примѣненіе. – Самый элементарный принципъ нравственности стремится сдѣлаться основаніемъ экономическаго права и новыхъ учрежденій. – Первый примѣръ: страхованія. Рабочіе классы выдали намъ свою тайну. Мы знаемъ отъ нихъ же самихъ, что, остановившись на минуту въ 48 году на идеяхъ общинной жизни, общиннаго труда, государства-семьи или государства-слуги, они скоро распрощались съ этою утопіею; мы знаемъ также, что съ другой стороны они протестуютъ рѣшительно противъ системы политической умѣренности и буржуазной экономической анархіи и что мысль ихъ сосредоточена на одномъ принципѣ, одинаково приложимымъ, по ихъ мнѣнію, и къ организаціи государства, и къ узаконенію интересовъ. Это принципъ взаимности.

Такъ какъ эта идея уже выдана на свѣтъ божій, то намъ нечего обращаться къ рабочимъ классамъ съ вопросомъ о томъ, какъ они понимаютъ свое будущее. На практикѣ они мало подвинулись въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ; что же касается доученія ихъ, то, зная принципъ его, мы при помощи логики можемъ узнать всѣ выводы, вытекающіе изъ него, и получить такое же полное понятіе объ ученіи ихъ, какое имѣютъ они сами. Подобно рабочимъ классамъ и даже лучше ихъ, мы можемъ вдуматься въ общечеловѣческое сознаніе, открыть его стремленіе и показать массамъ ихъ судьбу. Если бы имъ пришлось сбиться съ дороги, мы можемъ указать имъ ихъ противорѣчія и непослѣдовательность, короче, ихъ ошибки; потомъ, прилагая ихъ идею ко всякому данному политическому, общественному и экономическому вопросу, мы можемъ начертать имъ планъ дѣйствій, если у нихъ его не окажется. Такимъ образомъ, мы укажемъ имъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org заранее условія ихъ успѣха и причины ихъ пораженія, напишемъ заранее ихъ исторію въ формѣ діалектическаго вывода. Цивилизація дошла въ наше время до этой точки. Человѣчество начинаетъ узнавать себя и уже владѣетъ собою настолько, что въ состояніи надолго впередъ разсчитать свою жизнь; это можетъ послужить превосходнымъ утѣшеніемъ тѣмъ, кого огорчаетъ кратковременность жизни и кто хотѣлъ бы знать ходъ міровыхъ событій по крайней мѣрѣ на нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ своей смерти.

И такъ, обратимся вновь къ идеѣ взаимности и посмотримъ, что можетъ изъ нея сдѣлать рабочая демократія по законамъ логики и подъ гнетомъ обстоятельствъ.

Замѣтимъ прежде всего, что взаимность взаимности рознь. Можно отплачивать другъ другу зломъ за зло, какъ и наоборотъ – добромъ за добро. Можно отплачивать другъ другу рискомъ за рискъ, удачей за удачу, конкуренціей за конкуренцію, равнодушіемъ за равнодушіе, милостыней за милостыню. На мои глаза общества взаимнаго вспоможенія, которыя существуютъ въ наше время, составляютъ лишь простую переходную ступень къ порядку вещей, основанному на взаимности; они принадлежатъ еще къ категоріи чловѣколюбивыхъ заведеній и такимъ образомъ являются обременительными для рабочаго, если онъ не желаетъ оставаться безпомощнымъ въ случаѣ болѣзни или прекращенія работъ. Къ тому же разряду я причисляю ломбарды, лотереи съ благотворительною цѣлью, сберегательныя и пенсіонныя кассы, страхованіе жизни, пріюты, сиротскіе дома, больницы, дома призрѣнія, воспитательныя дома, *Quinze-vingts*, дома инвалидовъ, общественныя грѣльни и т. д. Уже по одному тому, что сдѣлало или пыталось сдѣлать религіозное милосердіе, можно судить, сколько дѣла предстоитъ современной взаимности. Общественное бѣдствіе такъ глубоко, а реформы, которыя имѣютъ въ виду улучшить судьбу многочисленныхъ бѣдствующихъ массъ, совершаются такъ медленно, что всѣ эти благотворительныя заведенія, быть можетъ, исчезнутъ еще нескоро. Но тѣмъ неменѣе, они не болѣе какъ памятники нищеты, а Манифестъ Шестидесяти сказалъ намъ: «Мы отвергаемъ благодѣяніе; мы требуемъ справедливости».

Истинная взаимность, какъ мы уже сказали, даетъ, обѣщаетъ и гарантируетъ услугу за услугу, цѣнность за цѣнность, кредитъ за кредитъ, гарантію за гарантію; замѣняя всюду суровымъ правомъ дряхлѣющую благотворительность, законностью договоровъ произволь обмѣновъ, устраняя всякое поползновеніе къ лихоимству, всякую возможность ажіотажа, приводя къ простѣйшему выраженію всякій неизвѣстный элементъ, распространяя рискъ на всѣхъ, – истинная взаимность систематически стремится организовать самый принципъ справедливости и обратить его въ цѣлый рядъ положительныхъ обязанностей и матеріальныхъ ручательствъ.

Чтобы уяснить свою идею примѣрами, я возьму сперва самый извѣстный и самый простой.

Всякій конечно знаетъ о страховыхъ обществахъ противъ пожаровъ, града, скотскихъ падежей, опасностей морскаго плаванія и т. д. Но неменѣе извѣстно, что эти общества имѣютъ вообще огромныя выгоды: между ними есть такія, которыя доставляютъ своимъ акціонерамъ 50, 100, даже 150 на 100 процентовъ на внесенный капиталъ.

Легко понять почему это такъ.

«Страховому обществу не нужно капитала: ему не приходится ни предпринимать работы, ни закупать товары, ни оплачивать рабочія руки. Собственники въ какомъ угодно количествѣ – чѣмъ больше, тѣмъ лучше, – беря въ соображеніе цѣнность страхуемаго имущества, принимаютъ, одинъ въ отношеніи другого, обязательство взаимно охранять другъ друга въ случаѣ утратъ, вызванныхъ непреодолимыми обстоятельствами или случайностью – вотъ что называется взаимнымъ страхованіемъ. При такой системѣ страховой взносъ, который долженъ уплатить каждый членъ, вычисляется только въ концѣ года или даже въ болѣе продолжительные періоды, если несчастные случаи были рѣдки или маловажны. Стало быть, онъ подверженъ колебаніямъ и никому не приноситъ выгоды.

«Но въ другомъ случаѣ капиталисты соединяются и предлагаютъ частнымъ лицамъ пополнять за ежегодный страховой взносъ x на 1,000 всѣ непредвидѣнные убытки, причиняемые имъ пожарами, градомъ, кораблекрушеніемъ, скотскими падежами, – словомъ, всякими несчастіями; это называется страхованіемъ за опредѣленный взносъ.» (*Manuel du spéculateur à la Bourse*, par P. J.

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org Proudhon).

Такъ какъ никто теперь необязанъ заботиться, въ чемъ бы то ни было, объ интересахъ другаго, и такъ какъ предложеніе и спросъ составляютъ законъ торговаго міра, то понятно, что, условливаясь между собою, страхуя другъ друга и разсчитывая рискъ и взносы такимъ образомъ, чтобы барышъ покрайней мѣрѣ вдвое превышалъ убытокъ, общества ежегодно удваиваютъ или утроиваютъ свой капиталъ.

Почему же взаимное страхованіе не замѣнило давнымъ-давно всякое другое страхованіе? А вотъ почему: потому что вы найдете весьма мало частныхъ лицъ, которымъ пришла бы охота заняться тѣмъ, что выгодно для всѣхъ, но никому не приноситъ прибыли; потому что правительство, которое могло бы взять на себя такую инициативу, отказывается отъ этого, будто это вовсе его не касается, такъ какъ, по его мнѣнію, это дѣло политической экономіи, а не правительства; потому что – и вотъ главная причина – это значило бы нанести ударъ обществамъ тунеядцевъ, жирныхъ дармоѣдовъ, роскошно живущихъ тою данью, которую имъ платятъ страхуемые; потому, наконецъ, что тѣ попытки взаимнаго страхованія, который дѣлались или помимо государственной санкціи въ слишкомъ маленькихъ размѣрахъ, или же самимъ государствомъ, но единственно въ видахъ доставить вѣрное обезпеченіе своимъ слугамъ, привели въ уныніе самыхъ ревностныхъ людей, такъ что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано для этой цѣли. Оставленное въ сторонѣ общественною властью, которая должна была принять его въ свои руки, взаимное страхованіе остается доселѣ только мечтою.

«Когда во Франціи пробудятся дремлющіе до сихъ поръ духъ инициативы и чувство солидарности, страхованіе обратится въ условіе между гражданами, въ ассоціацію, выгоды которой пойдутъ въ пользу страхуемыхъ, а не нѣсколькихъ капиталистовъ, и выразятся въ пониженіи страховой платы. Эта идея уже обнаружилась какъ въ обществахъ, такъ и въ совѣщательныхъ собраніяхъ въ видѣ государственныхъ страхованій». (Ibid).

Въ этомъ случаѣ можно опасаться только одного, именно, чтобы французское правительство, подъ предлогомъ общественной пользы, не создало такой же обширной монополіи, каковы напр. созданныя имъ монополіи желѣзныхъ дорогъ, газоваго освѣщенія, омнибусовъ, маленькихъ каретъ и т. д.; такая монополія дала бы средство одѣлать многихъ вѣрныхъ слугъ, которыхъ по бѣдности казны нѣтъ возможности вознаградить за ихъ продолжительную службу. И такъ, при томъ отсутствіи взаимной солидарности, которое характеризуетъ современный порядокъ во Франціи, мы французы подвергаемся то эксплуатаціи обществъ, то эксплуатаціи правительства, а все это происходитъ оттого, что мы неумѣемъ согласиться между собою и что намъ кажется гораздо удобнѣе смотрѣть, какъ привиллегія обогащаетъ немногихъ, чѣмъ избавиться общими усиліями отъ расхищенія и нищеты.

Эти факты извѣстны всѣмъ, и я вовсе не думаю сообщать читателю что нибудь новое на этотъ счетъ. Чего же требуютъ сторонники взаимности?

Заодно съ экономистами чисто либеральной школы, они охотно признаютъ, что свобода – первая изъ экономическихъ силъ, что ей должно быть предоставлено все, что она можетъ совершить одна; но они полагаютъ, что тамъ, гдѣ свобода оказывается недостаточною, здравый смыслъ, справедливость и общій интересъ заставляютъ прибѣгать къ вмѣшательству коллективной силы, которая въ этомъ случаѣ есть ничто иное, какъ взаимность; они полагаютъ, что общественныя должности были учреждены именно для потребностей этого рода, и что онѣ не имѣютъ другой цѣли. И такъ, они хотятъ, чтобы ихъ принципъ – въ теоріи признанный всѣми по вопросу страхованія, но неимѣвшій до сихъ поръ практическаго примѣненія, благодаря небрежности или злоумышленности, – получилъ наконецъ полное и совершенное приложеніе. Вотъ то тройное зло, на которое они указываютъ противоположной системѣ и которое они твердо рѣшились уничтожить, какъ только власть перейдетъ въ ихъ руки:

- 1) Нарушеніе принципа общественнаго и экономическаго права.
- 2) Принесеніе въ жертву части общественнаго имущества подъ видомъ преміи.
- 3) Премія, поддерживающая и создающая развращающее тунеядство.

Но это еще не все. Одна несправедливость ведетъ за собою другую. Въ дѣлѣ страхованія, какъ въ дѣлѣ налоговъ, тощѣ платятъ за жирныхъ, – это фактъ,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org который намъ трудно было бы подтвердить доказательствами, потому что мы не просматривали счетныхъ книгъ обществъ, но который тѣмъ не менѣе кажется намъ совершенно достовѣрнымъ. И дѣйствительно, несчастные случаи сравнительно гораздо рѣже постигаютъ маленькія квартиры, незначительныя движимости, мелкія промышленности, чѣмъ большія мануфактуры и обширные магазины; но не смотря на это, страховая премія при разныхъ побочныхъ взносахъ выше для мелкихъ страхованій, чѣмъ для крупныхъ.

Для взиманія премій общества учреждаютъ между собою особый капиталъ, который есть ничто иное, какъ стачка, относящаяся къ разряду стачекъ, запрещенныхъ прежде закономъ, но дозволенныхъ теперь собраніемъ законодательнаго корпуса, что составляетъ злоупотребленіе другаго рода. Тогда какъ общества взаимнаго страхованія брали бы не болѣе 0 фр. 15 сантимовъ на 100, страховыя компаніи съ преміями берутъ по 40%.

Но къ чему толковать о взаимности? Общества, учрежденныя по этому принципу, гораздо менѣе стремятся къ развитію путемъ уменьшенія взносовъ, чѣмъ къ тому, чтобы уподобиться другимъ обществамъ, вступая, подобно имъ, на путь монополіи. Они хотятъ наживаться. Добровольное бездѣйствіе однихъ доставляетъ поддержку другимъ.

При настоящемъ порядкѣ вещей, говорятъ сторонники взаимности, страховые взносы для большинства просто дань, которою страна оплачиваетъ всеобщую несолидарность. Но придетъ день, когда одна возможность подобныхъ спекуляцій будетъ вмѣнена въ преступленіе всякому правительству, способному до такой степени пренебрегать общими интересами.

ГЛАВА VII.

Экономическій законъ предложенія и спроса. – Насколько этотъ законъ долженъ быть исправленъ принципомъ взаимности.

Все что мы сказали о страхованіи можетъ послужить образцомъ для общей критики экономическаго міра. Правда, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самыми разнообразными явленіями: тутъ есть и нарушеніе справедливости вслѣдствіе пренебреженія къ принципу взаимности, и презрѣніе правъ общества, происходящее отъ нерадѣнія правительства, и расхищеніе общественной собственности подъ видомъ взносовъ, и неравенство, а слѣдовательно несправедливость въ сдѣлкахъ, гдѣ жертвуютъ слабымъ въ пользу сильнаго, гдѣ бѣдный платитъ больше богатаго, и, наконецъ, господство монополій, сопряженное съ уничтоженіемъ конкуренціи, и параллельное ему развитіе тунеядства и нищеты.

Наши филантропы изошряли свое лицемѣріе, отыскивая причины пауперизма и преступленій, но не нашли ихъ, потому что дѣло было слишкомъ просто. Причины эти сводятся къ одной основной причинѣ: къ повсемѣстному нарушенію экономическаго права. Найти лекарство тоже не слишкомъ трудно: оно заключается въ возвращеніи къ экономическому праву путемъ соблюденія закона взаимности. Вотъ пунктъ, на который я не перестану обращать вниманіе читателя, пока мнѣ не удастся совершенно убѣдить его въ этомъ.

Сейчасъ, говоря о страхованіи, мы упомянули о законѣ предложенія и спроса, на который такъ часто ссылаются. Въ отвѣтъ на всякое требованіе реформы консервативная мальтузьянская экономія никогда не забываетъ выдвинуть верховный законъ предложенія и спроса – ея любимый конекъ, ея послѣднее слово. Попытаемся же разобрать его и доказать, что въ этомъ знаменитомъ законѣ не все одинаково свято и непреложно.

Разногласіе, которое происходитъ между двумя частными лицами, продавцомъ и покупателемъ, по поводу цѣны какого нибудь товара, услуги, недвижимаго имущества или всякаго другаго предмета, называется предложеніемъ и спросомъ.

Политическая экономія учитъ и доказываетъ, что нѣтъ возможности опредѣлить точную цѣнность какого нибудь продукта, что она безпрестанно измѣняется; слѣдовательно, такъ какъ нѣтъ возможности установить цѣнность, она болѣе или менѣе подлежитъ произволу и есть вещь фиктивная, условная.

Продавецъ говоритъ: мой товаръ стоитъ 6 франковъ и потому я предлагаю его вамъ за эту сумму. – Нѣтъ, отвѣчаетъ покупатель, вашъ товаръ стоитъ всего 4 фр., и я спрашиваю его за эту цѣну; ваше дѣло рѣшить, можете ли вы отдать мнѣ его.

Можетъ статья, что собесѣдники – оба люди добросовѣстные. Въ такомъ случаѣ, уважая свое собственное рѣшеніе, они разстанутся, не покончивъ дѣла, если только, по особымъ соображеніямъ, не подѣлятъ разницу поровну и съ общаго согласія не оцѣнятъ товаръ въ 5 фр.

Но по большей части встрѣчаются два плута, которые стараются обмануть другъ друга. Продавецъ знаетъ, что стоитъ его товаръ своею выдѣлкою и на что онъ пригоденъ, и говоритъ себѣ, что его цѣнность = 5 фр. 50 сант. Но правды онъ не скажетъ, а запроситъ за него 6 фр. и даже больше, если только состояніе рынка и простодушіе покупателя дадутъ ему на это возможность. Вотъ что значитъ запрашивать. Точно также и покупатель, зная свою собственную потребность и соображая въ умѣ настоящую цѣну предмета, говоритъ себѣ: эта вещь можетъ стоить 5 фр., но дѣлаетъ видъ, что хочетъ дать только 4 фр. Это называется сбавлять цѣну.

Еслибы оба были искренни, то скоро согласились бы. Одинъ сказалъ бы другому: скажите мнѣ настоящую цѣну, и я въ свою очередь сдѣлаю тоже. Послѣ этого они разстались бы, ничѣмъ не кончивъ дѣло, еслибы одному не удалось убѣдить другаго, что онъ цѣнитъ не вѣрно и ошибочно. Ни въ какомъ случаѣ они не старались бы перехитрить другъ друга – продавецъ, рассчитывая, что его товаръ необходимъ, а покупатель, предполагая, что продавцу необходимо вернуть свой капиталъ. Если разсматривать такой расчетъ съ точки зрѣнія добросовѣстности, онъ окажется съ обѣихъ сторонъ безчестнымъ и столь же позорнымъ, какъ всякая ложь. Слѣдовательно, законъ предложенія и спроса не можетъ быть непогрѣшимымъ, потому что въ немъ почти всегда сталкивается двойное плутовство.

Во избѣжаніе этой низости, которая нестерпима всякому великодушному сердцу, нѣкоторые негоціанты и фабриканты уклоняются отъ спора предложенія и спроса; не будучи въ состояніи ни лгать, ни переносить обманъ, ни подвергаться обвиненію въ запрашиваніи, они продаютъ по неизмѣнной цѣнѣ; отъ васъ зависитъ брать или не брать. Придетъ ли ребенокъ или взрослый человекъ – съ нихъ спросятъ одинаковую цѣну; здѣсь всякій обезпеченъ неизмѣнностью цѣны.

Очевидно, чтобы продавать по неизмѣнной цѣнѣ, нужно больше добросовѣстности, и такая продажа имѣетъ больше достоинствъ, чѣмъ продажа съ торгомъ. Предположимъ, что всѣ негоціанты и производители дѣйствуютъ такимъ образомъ, – и вотъ у насъ взаимность въ предложеніи и спросѣ. Продавая по неизмѣнной цѣнѣ, можно конечно ошибиться въ стоимости товара; но замѣтите, что такого продавца сдерживаетъ съ одной стороны конкуренція, а съ другой – просвѣщенная свобода покупателей. Всякій товаръ недолго продается свѣше своей настоящей цѣны; если мы видимъ противное, то ясно, что по какой нибудь причинѣ потребитель не вполне свободенъ. Еслибы этого не было, то много выиграли бы и общественная нравственность, и правильность сдѣлокъ; дѣла пошли бы лучше для всѣхъ. И знаете ли, что было бы слѣдствіемъ такого принципа? Конечно, богатства накопились бы не такъ быстро и не сосредоточивались бы до такой степени въ однѣхъ рукахъ; но въ то же время было бы меньше банкротствъ, меньше случаевъ раззоренія и отчаянія. Страна, гдѣ не рассчитывали бы на ажіотажъ, гдѣ всякій предметъ продавался бы за настоящую свою цѣну, разрѣшила бы двойную задачу цѣнности и равенства.

И такъ, я говорю, не робѣя: въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и въ дѣлѣ страхованія, общественное сознаніе требуетъ обезпеченія, требуетъ болѣе точнаго опредѣленія въ области науки и образованія въ торговыхъ нравахъ. Къ несчастью такой реформы можно достигнуть только при инициативѣ, превышающей всякую индивидуальность, а свѣтъ состоитъ по большей части изъ людей, которые вопятъ про утопію при первой попыткѣ внести свѣтъ въ темные закоулки науки или прикоснуться топоромъ къ корню меркантилизма, которые жалуются на стѣсненіе свободы, когда грозятъ мошенничеству и двоедушію.

ГЛАВА VIII.

Приложеніе принципа взаимности къ труду и заработной платѣ. – О честной торговлѣ и ажіотажѣ.

До революціи 89 года и общество, и правительство, основанные оба на принципѣ власти, были облечены въ форму іерархіи. Въ противоположность чувству равенства, которымъ такъ обильно Евангеліе, сама католическая церковь освящала эту лѣстницу общественныхъ положеній и состояній, внѣ которой представляли себѣ только хаосъ. Въ церкви и въ государствѣ, въ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org экономическомъ и въ политическомъ мѣрѣ господствовалъ законъ, не возбуждавшій протеста и считавшійся выраженіемъ истинной справедливости – законъ всеобщаго подчиненія. Законъ казался столь разумнымъ, столь божественнымъ, что не возникало ни малѣйшаго протеста, а счастье все таки не давалось. Всѣмъ было плохо: работникъ и крестьянинъ, получавшіе самую ничтожную заработную плату, жаловались на жестокость буржуа, дворянина или аббата; буржуа, несмотря на свои хозяйскія права, на свои привилегіи и монополіи, жаловался въ свою очередь на налоги, на притѣсненія своихъ собратій, гражданскихъ и духовныхъ властей; дворянинъ раззорялся и, заложивъ или продавъ свои имѣнія, бывалъ принужденъ искать спасенія въ милости государя или въ собственной проституціи. Всякій искалъ, просилъ улучшения своей горестной судьбы: кто просилъ прибавки жалованья и задѣльной платы; кто увеличенія барышей; кто требовалъ сбавки арендной платы, которую другой наоборотъ находилъ недостаточною; громче всѣхъ вопили и жаловались аббаты, землевладѣльцы и откупщики, т. е. люди, одѣленные лучше другихъ. Словомъ, положеніе было невыносимо оно разрѣшилось революціею.

Съ 89 года въ обществѣ совершился громадный переворотъ, а положеніе, повидимому, все таки не улучшилось. Больше чѣмъ когда либо люди нуждаются въ хорошей пищѣ, въ хорошемъ жилищѣ, въ хорошей одеждѣ и въ уменьшеніи работы. Рабочіе соединяются и дѣлаютъ стачки, чтобы добиться уменьшенія рабочихъ часовъ и повышенія платы; хозяева, принужденные, повидимому, уступить съ этой стороны, прибѣгаютъ къ экономіямъ въ производствѣ въ ущербъ качеству товаровъ; даже дармоѣды начинаютъ жаловаться, что имъ невозможно прожить доходами съ своихъ прибыльныхъ мѣсть.

Чтобы добиться уменьшенія работы, которой они притомъ еще должны добиваться, чтобы возвысить задѣльную плату и успокоиться на сносномъ status quo, рабочіе соединяются не противъ однихъ только предпринимателей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они соединяются противъ конкуренціи работниковъ–чужестранцевъ и не допускаютъ ихъ въ свои города; они единодушно возстаютъ противъ употребленія машинъ, принимаютъ мѣры противъ допущенія новыхъ учениковъ и, чтобы добиться своего, наблюдаютъ за своими хозяевами, запугиваютъ ихъ, учреждая надъ ними невидимую, неодолимую полицію.

Съ своей стороны хозяева не остаются въ долгу въ отношеніи рабочихъ: тутъ идетъ борьба капитала съ наемщиною, борьба, гдѣ одолеваетъ туго набитые кошельки, а не густыя массы. Кто легче перенесетъ остановку работы – сундукъ ли хозяина или желудокъ работника? Теперь, когда я пишу эти строки, въ нѣкоторыхъ частяхъ Великобританіи идетъ такая ожесточенная борьба, что возникаетъ опасеніе, какъ бы свободный обмѣнь, изобрѣтенный для торжества англійскаго капитализма, великой англійской промышленности, не обратился противъ самой же Англійи, гдѣ ни народъ, ни общественный строй, ни рабочія массы не одарены тою упругостью, которою они отличаются во Франціи.

А надо бы пособить горю, надо бы отыскать лекарство противъ этого недуга. Что же говоритъ наука – я разумѣю науку официальную? Ровно ничего: она твердитъ свой вѣчный законъ предложенія и спроса, законъ совершенно ложный въ своемъ теперешнемъ смыслѣ, совершенно безнравственный, годный только на то, чтобы упрочить побѣду сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ.

Посмотримъ, не пособить ли намъ въ этомъ дѣлѣ взаимность, къ которой мы уже прибѣгали, чтобы преобразовать страхование и исправить законъ предложенія и спроса. Какъ примѣнить ее къ труду и платѣ?

Когда, при наступленіи зимы въ лѣсистыхъ странахъ приходится рубить лѣсъ, крестьяне собираются всѣ вмѣстѣ отправляются въ лѣсъ; одни рубятъ деревья, другіе дѣлаютъ вязанки изъ хвороста, а дѣти и женщины подбираютъ щепки; потомъ, раздѣливъ все на кучи, бросаютъ жребій. Это называется соединеннымъ трудомъ; если хотите, это можно назвать ассоціаціею; но мы хотимъ не того, и не то разумѣемъ мы, говоря о приложеніи взаимности къ труду и платѣ.

Выгорѣла цѣлая деревня; всякій жертвовалъ собою, чтобы отвратить несчастіе; общими силами спасли нѣсколько вещей, кое что изъ провизіи, скота, орудій. Прежде всего надо приняться за постройку жилищъ. Жители снова соединяются, дѣлятъ между собою трудъ; одни копаютъ новые фундаменты, другіе принимаются за постройки, третьи берутъ на себя плотничью и столярную работу и т. д. Всѣ работаютъ вмѣстѣ, и дѣло быстро подвигается, такъ что вскорѣ каждое семейство можетъ возвратиться въ свой увеличенный и украшенный домъ. Такъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org как всякій работаль за одно съ другими и всѣ работали на всѣхъ, такъ какъ помощь была взаимна, то трудъ носилъ на себѣ нѣкоторый характеръ взаимности. Но эта взаимность могла проявиться только при одномъ условіи и при временномъ сліяніи всѣхъ интересовъ, такъ что и здѣсь мы видимъ скорѣе временную ассоціацію, чѣмъ взаимность.

И такъ, для полной взаимности нужно, чтобы каждый производитель принималъ извѣстныя обязательства въ отношеніи къ другимъ, которые съ своей стороны обязались бы къ тому же въ отношеніи его, но въ то же время вполнѣ сохранялъ бы совершенную независимость дѣйствій, свободу поступковъ и индивидуальность предпріятій, потому что по самой своей этимологіи взаимность состоитъ не въ группированіи силъ и не въ сообщности работъ, а скорѣе въ обмѣнѣ услугъ и продуктовъ.

Группированіе силъ и раздѣленіе промышленностей составляютъ могущественную экономическую силу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно сказать то же самое и объ ассоціаціи или общинности. Но все это далеко не взаимность; все это не въ состояніи разрѣшить задачу свободнаго труда и справедливой платы, а въ настоящую минуту дѣло идетъ у насъ именно объ этой задачѣ, о спеціальномъ приложеніи взаимности.

Чтобы достигнуть этой цѣли намъ надо пройти долгій путь, надо затронуть не одну идею.

1. Съ 1789 года Франція превратилась въ демократію. Всѣ равны передъ гражданскимъ, политическимъ и экономическимъ закономъ. Древняя іерархія скрыта до основанія; принципъ власти ступался передъ объявленіемъ правъ и всеобщей подачей голосовъ. Мы всѣ обладаемъ правомъ собственности, правомъ предпріятія, правомъ конкуренціи; къ довершенію всего намъ дали право ассоціаціи и стачекъ. Это пріобрѣтеніе новыхъ правъ, которое въ былое время могло бы показаться возмущеніемъ, этотъ демократическій продуктъ составляютъ первый шагъ къ порядку вещей, основанному на взаимности. Долой лицепріятіе, долой привилегіи расъ и классовъ, долой сословныя предразсудки, долой, наконецъ, все, что мѣшаетъ свободнымъ сдѣлкамъ между гражданами, которые стали равны между собою! Равенство лицъ – вотъ первое условіе уравненія имуществъ, которое произойдетъ только путемъ взаимности, то есть, взаимной свободы.

Но не менѣе ясно и то, что это великое политическое уравненіе не разрѣшаетъ намъ слѣдующей задачи: какое отношеніе существуетъ, напримѣръ, между правомъ подачи голосовъ и установленіемъ настоящей задѣльной платы? между равенствомъ передъ закономъ и равновѣсіемъ услугъ и продуктовъ?

2. Идея установленія тарифа была первою, за которую взялась демократизированная Франція. Законы максимум'а – самые революціонные законы. Къ нимъ привелъ народный инстинктъ, а въ этомъ инстинктѣ есть большая доля юридической и разумной правды. Я уже давно предлагаю слѣдующіе вопросы, на которые еще ни разу не получалъ отвѣта. Что стоитъ пара лаптей? Во сколько можно оцѣнить рабочій день колесника? Что можетъ стоить день каменотеса, кузнеца, бондыря, портнихи, пивовара, прикащика, музыканта, танцовщицы, землекопа, поденьщика? Очевидно, что, зная мы это, вопросъ о трудѣ и платѣ былъ бы разрѣшенъ: нѣтъ ничего легче, какъ оказывать справедливость, а результатомъ справедливости было бы повсемѣстное спокойствіе и довольство. Сообразно этому, сколько надо будетъ платить доктору, нотаріусу, чиновнику, профессору, генералу, священнику? Сколько придется на долю государя, артиста, виртуоза? Сколько, по справедливости, буржуа, – если только буржуа будетъ существовать, – долженъ получать лишку противъ работника? Сколько назначить ему за его хозяйничанье?

«Предложеніе и спросъ,» отвѣчаетъ непоколебимый экономистъ англійской школы, послѣдователь Адама Смита, Рикардо, Мальтуса. Но вѣдь это изъ рукъ вонъ глупо! Всякое мастерство должно производить по крайней мѣрѣ столько, чтобы прокормить хоть того, кто имъ занимается; иначе, оно будетъ оставлено, и совершенно основательно. Стало быть, вотъ для задѣльной платы, а, слѣдовательно, и для работы первая граница минимум'а, за которую нѣтъ возможности перейти. Тутъ не устоитъ никакой законъ предложенія и спроса: надо, чтобы была возможность жить, работая, какъ говорили въ 1834 году ліонскіе рабочіе. Если этотъ минимумъ можно возвысить, тѣмъ лучше: мы не будемъ завидовать благосостоянію, котораго работникъ добьется своимъ трудомъ. Но въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ промышленности являются развѣтвленіями одна другой, гдѣ цѣны предметовъ постоянно вліяютъ другъ на

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org друга, улучшение посредством возвышения платы пойдет не далеко, – и это совершенно ясно. Всякій противится притязаніям своего ближняго, потому что, какова бы ни была добрая воля всѣхъ, возвышеніе задѣльной платы одного наноситъ, неизбѣжно, ущербъ другому. Стало быть, и это, по моему, совершенно разумно – нашъ вопросъ сводится къ слѣдующему: такъ какъ minimum расходовъ, необходимыхъ для существованія рабочаго, найденъ (предположимъ, что такое опредѣленіе возможно), то слѣдуетъ отыскать норму задѣльной платы, что для нашего общественнаго строя составляетъ условіе увеличенія всеобщаго благосостоянія.

Оставимъ же въ сторонѣ maximum, установленіе тарифовъ, регламентации и всѣ принадлежности 93 года. Намъ совсѣмъ не до того. Демократизируя насъ, революція поставила насъ на путь промышленной демократіи. Это былъ первый и огромный шагъ, который она заставила насъ сдѣлать. Изъ этого вышла вторая идея – опредѣленіе труда и задѣльной платы. Было время, когда эта идея возбудила бы скандалъ; теперь она считается логичною и законною: мы оставляемъ ее за собою.

3. Чтобы справедливо оцѣнить подневный трудъ рабочаго, надо знать, изъ чего онъ состоитъ; какія количества составляютъ цѣнность; не встрѣчаются ли въ ней посторонніе элементы, предметы, не имѣющіе никакой цѣнности?

Другими словами, здѣсь надо спросить, что хотимъ мы купить и что, по совѣсти, намъ приходится оплачивать въ трудовомъ днѣ рабочаго или вообще всякаго, кто оказываетъ намъ услугу?

То, что мы исключительно хотимъ пріобрѣсти и что оплачиваемъ всякому, отъ кого требуемъ услуги, не болѣе, не меньше, какъ сама услуга.

Но на практикѣ дѣло происходитъ не такъ: можно насчитать множество случаевъ, гдѣ сверхъ стоимости продукта услуги, мы платимъ за сословіе, рожденіе, знаменитость, знатность, почетное положеніе, значительность, громкое имя того лица, которое оказываетъ услугу. Такимъ образомъ, совѣтникъ императорскаго двора получаетъ 4000 фр., а президентъ 15000. Начальникъ департамента министерства имѣетъ 15000 фр., а министръ – 100,000. Нѣсколько лѣтъ назадъ приходскимъ священникамъ было назначено 800 фр. жалованья; прибавьте къ этому 50 фр. посторонняго дохода, выйдетъ 850, а епископы получаютъ по крайней мѣрѣ по 20,000 фр. Первый солистъ оперной труппы или первый актеръ французскаго театра требуетъ 100.000 фр. постоянного годоваго жалованья и извѣстное число бенефисовъ; а второстепенный актеръ получаетъ 300 фр. въ мѣсяцъ. Въ чемъ же заключается причина такой разницы? Она цѣликомъ заключается въ достоинствѣ, въ положеніи, въ званіи, въ томъ неуловимомъ метафизическомъ и идеальномъ отличіи, которое не оплачивается и недопускаетъ никакой продажности...

Такимъ образомъ, доходъ однихъ преувеличивается тѣмъ высокимъ мнѣніемъ, которое составляютъ себѣ объ ихъ обязанностяхъ и личностяхъ, а задѣльная плата и содержаніе гораздо большаго числа людей убавляются почти до нуля, благодаря тому презрѣнію, съ которымъ относятся къ услугамъ этихъ людей и тому низкому положенію, въ которомъ ихъ систематически держатъ. Одно составляетъ противоположность другому. Аристократія предполагаетъ рабство: на долю первой выпадаетъ изобиліе; слѣдовательно, на долю втораго достаются всякія лишенія. Во всѣ времена рабъ былъ лишень права на произведеніе своего собственнаго труда: при феодальномъ правѣ тоже самое дѣлалъ и баронъ, отнимавшій у своего вассала пять рабочихъ дней и оставявшій ему только одинъ день, чтобы заpastись провизіею на всю недѣлю. Съ 89 года за рабочимъ было признано право располагать своимъ трудомъ и продуктами этого труда. Но неужели кто нибудь воображаетъ, что въ наше время нѣтъ рабскаго труда? Я не говорю о совершенно безвозмездномъ трудѣ: такой трудъ невозможенъ. Но развѣ нѣтъ труда, который оплачивается меньше, чѣмъ того требуютъ настоятельная необходимость, простое уваженіе къ гуманности? Тому, кто сколько нибудь усомнился бы въ этомъ, я посоветую только открыть книгу Петра Венсара. Наши фабрики, наши мастерскія, мануфактуры, города и деревни биткомъ набиты людьми, которые живутъ на 60 сант. въ день и даже меньше; говорятъ, есть даже люди, получающіе меньше 250 (OCR: опечатка?). Описаніе такихъ бѣдствій кладетъ пятно на человѣчество; оно обличаетъ глубокую недобросовѣстность нашей эпохи.

Вы возразите мнѣ, что все это только счастливыя и несчастныя исключенія, что націи чтятъ самихъ себя, возвышая оклады и содержаніе своихъ должностныхъ лицъ и знаменитыхъ талантовъ, и что неразумно было бы

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
смѣшивать этихъ людей съ низкимъ сословіемъ промышленниковъ и рабочихъ.

Но спуститесь внизъ по общественной лѣстницѣ, сойдите съ ея вершины, на которую я васъ только что перенесъ, и къ крайнему удивленію вашему вы замѣтите, что во всякомъ положеніи люди судятъ о себѣ точно такимъ же образомъ. Докторъ и адвокатъ, сапожникъ и модистка берутъ доходъ съ извѣстности, которою пользуются; есть даже люди, которые дѣлаютъ оцѣнку своей честности, какъ та кухарка, которая за прибавку жалованья обѣщала не воровать. Покажите мнѣ человѣка, который не считалъ бы себя нѣсколько выше своихъ собратій и не воображалъ бы, что дѣлаетъ вамъ честь, работая для васъ за извѣстную плату. Когда самъ производитель опредѣляетъ задѣльную плату, вопросъ всегда раздваивается: здѣсь затрогиваются оба – и личность, *potior quia leo*, и работникъ. Во Франціи найдется цѣлая сотня хирурговъ, которые не затруднились бы вынуть пулю изъ ноги Гарибальди; но для знаменитаго раненнаго нуженъ былъ знаменитый операторъ; отъ этого Гарибальди показался въ десять разъ героичнѣе, а г. Нелатонъ въ десять разъ искуснѣе. Всякому досталось по рекламѣ: таковы порядки экономическаго міра.

Такъ какъ мы дожили до демократіи и всѣ пользуемся одинакими правами, такъ какъ законъ одѣляетъ насъ одинакими милостями и почетомъ, то я думаю, что, принимаясь за дѣла, мы должны устранить всякій вопросъ о первенствѣ и, оцѣняя взаимно наши услуги, должны принимать въ расчетъ только настоящую цѣнность труда.

Польза стоитъ пользы;

Должность стоитъ должности;

Услуга оплачиваетъ услугу;

Рабочій день равняется другому рабочему дню.

И всякое произведеніе должно оплачиваться произведеніемъ, на которое потрачена такая же сумма труда и издержекъ.

Еслибы при подобныхъ сдѣлкахъ пришлось отдавать чему нибудь предпочтеніе, оно не досталось бы тѣмъ блестящимъ, пріятнымъ, хорошо вознагражденнымъ обязанностямъ, которыя нравятся всѣмъ; оно выпало бы на долю тѣхъ тяжелыхъ работъ, которыя оскорбляютъ нашу деликатность и возмущаютъ наше самолюбіе. Положимъ, богачу взбрѣдетъ на умъ нанять меня въ лакеи: «Глупыхъ ремесль не существуетъ, скажу я себѣ; есть только глупые люди. Попеченія, которыя оказываются личности, стоятъ выше полезнаго труда; это подвиги милосердія, которые ставятъ оказывающаго ихъ выше того, кто ихъ принимаетъ. Я вовсе не желаю унижаться и потому поставлю слѣдующія условія моей службы: пусть тотъ, кто желаетъ имѣть меня лакеемъ, платитъ мнѣ изъ своего дохода 50 % на 100. Иначе, мы выйдемъ изъ предѣловъ братства, равенства, взаимности: скажу даже больше – мы выйдемъ изъ предѣловъ справедливости и нравственности; мы перестанемъ быть демократами и превратимся въ общество аристократовъ и халуевъ».

Но, возразите вы мнѣ, неправда, будто одна служба равняется другой, будто одна услуга оплачиваетъ другую, будто рабочій день одного равняется по цѣнѣ рабочему дню другаго. Противъ этого протестуетъ всеобщее сознаніе; оно говоритъ, что при такомъ управленіи ваша взаимность была бы вопіюще несправедливостью. Стало быть, волей или неволей, придется сообразоваться съ закономъ предложенія и спроса и ограничиться смягченіемъ его ложныхъ и дикихъ сторонъ образованіемъ и филантропіею.

Признаюсь, для меня такое разсужденіе все равно, что еслибы мнѣ стали доказывать, что промышленники, должностныя лица, ученые, негоціанты, работники, крестьяне – словомъ, всѣ работающіе, производящіе, трудящіеся люди – животныя разныхъ породъ и видовъ, которыхъ нѣтъ возможности сравнивать между собою. Можно ли сравнивать достоинство вьючной скотины съ достоинствомъ человѣка; можно ли мѣрить на одинъ аршинъ поработеніе перваго и благородныя, свободныя дѣйствія втораго?... Вотъ какъ разсуждаютъ теоретики неравенства. На ихъ взглядъ разстояніе между двумя людьми можетъ быть больше, чѣмъ между человѣкомъ и лошадыю. На этомъ основаніи они умозаключаютъ, что не только произведенія человѣческаго труда составляютъ величины несоизмѣримыя; но, не смотря на все, что было писано по этому поводу, они утверждаютъ, что и самые люди неравнаго достоинства и, слѣдовательно, не могутъ пользоваться равными правами, и потому все, что

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
дѣлается для уравненія ихъ, разрушается самую сущностью вещей. Въ этомъ-то неравенствѣ личностей, говорятъ они, и заключается принципъ неравенства положеній, сословій и состояній.

Кто ненавидитъ истину изъ за сословныхъ интересовъ или изъ за привязанности къ системѣ, тому легко отдѣлываться фразами. Отыскивая философію исторіи, Паскаль представлялъ себѣ челоѵчество единою, безсмертною личностью, которая собираетъ въ себѣ всѣ знанія и постепенно осуществляетъ всѣ идеи челоѵческаго прогресса. Вотъ какъ Паскаль представлялъ себѣ единство и тождество нашего рода; отъ этого тождества онъ восходилъ къ самымъ высокимъ мыслямъ о развитіи цивилизаціи, о вліяніи Провидѣнія, о солидарности государствъ и расъ. Тотъ же образъ пониманія приложимъ и къ политической экономіи. Надо смотрѣть на общество какъ на великана съ тысячью рукъ, который занимается всѣми промышленностями и производитъ одновременно всѣ богатства. Онъ одушевленъ однимъ сознаніемъ, одною мыслью и волею, и въ тѣсной связи его трудовъ проявляется единство и тождество его личности. Чтобы онъ ни предпринялъ – онъ всегда останется вѣренъ себѣ, всегда сохранить величавость и достоинство, какъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, такъ и въ самыхъ удивительныхъ комбинаціяхъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни это чудное существо остается неизмѣннымъ, и можно сказать, что всякое его дѣйствіе, всякое движеніе уравновѣшивается другимъ.

Но вы продолжаете настаивать и говорите: еслибы даже всѣ личности, составляющія общество, обладали одинаковою степенью нравственнаго достоинства, люди все-таки не были бы равны между собою по способностямъ, – а этого довольно, чтобы разрушить демократію и ея законы, подъ которые хотятъ насъ подвести.

Личности, которыя являются органами общества, неравны между собою по способностямъ, но равны по нравственному достоинству – это несомнѣнно. Изъ этого слѣдуетъ, что при этомъ изслѣдованіи надо оставить въ сторонѣ все, что дѣлаетъ насъ равными, и стараться только, по мѣрѣ силъ, измѣрить наши неравенства.

И такъ, оставляя въ сторонѣ челоѵческую личность, которую мы признаемъ неприкосновенною, отодвигая прочь и нравственную природу, и все, что относится къ сознанію, мы должны изучать челоѵка дѣйствія или работника по его способностямъ и произведеніямъ. Съ перваго же взгляда мы открываемъ слѣдующій замѣчательный фактъ: если двое людей и неравны между собою по способностямъ, то разница въ ту или въ другую сторону никогда однако не доходитъ до безконечности, а всегда остается въ довольно тѣсныхъ границахъ. Какъ въ физическомъ мірѣ намъ невозможно достигнуть ни крайняго жара, ни крайняго холода, и наши термометрическія измѣренія колеблются на небольшихъ разстояніяхъ въ обѣ стороны отъ средней точки, ошибочно называемой нулемъ, – такъ точно нѣтъ никакой возможности опредѣлить отрицательную и превосходную степень силы разума ни между людьми и животными, ни между творцомъ и міромъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, хотя бы на примѣръ относительно ума, – это начертать границы, конечно, произвольныя, выше и ниже опредѣленнаго, условнаго пункта, который назовемъ здравымъ смысломъ. Касательно силы мы тоже можемъ принять одну общую единицу, хотя бы на примѣръ силу лошади, и потомъ считать, сколько единицъ или дробей этой единицы каждый изъ насъ способенъ произвести.

И такъ, для измѣренія силы и ума, мы получимъ, какъ на термометрѣ, крайности и среднюю пропорцію. Большая часть людей будетъ подходить къ средней пропорціи, а тѣ, которые будутъ отходить отъ нея вверхъ или внизъ, будутъ составлять болѣе рѣдкія явленія. Я только что сказалъ, что между этими двумя крайностями разстояніе довольно незначительно, и дѣйствительно, челоѵкъ, который соединялъ бы въ себѣ силы двухъ или трехъ людей, былъ бы геркулесомъ, а тотъ, въ комъ соединялся бы умъ четырехъ челоѵкъ, былъ бы полубогомъ. Къ этимъ границамъ, которымъ подчиняется развитіе челоѵческихъ способностей, присоединяются условія жизни и природы. Maximum продолжительности челоѵческой жизни – 70 или 80 лѣтъ, изъ которыхъ надо вычесть періодъ дѣтства и образованія и періодъ старости и одряхлѣнія. Сутки для всѣхъ одинаково имѣютъ 24 часа, изъ которыхъ, смотря по обстоятельствамъ, можно удѣлить на работу 9–18 часовъ. Въ каждой недѣлѣ есть день отдыха, и, хотя годъ состоитъ изъ 365 дней, однако можно рассчитывать только на 300 рабочихъ дней. Изъ этого ясно, что хотя въ промышленныхъ способностяхъ и есть неравенство, но оно нисколько не мѣшаетъ существованію общаго уровня въ цѣломъ; это напоминаетъ ниву, гдѣ всѣ колосья неравны между собою, но которая, тѣмъ не менѣе, кажется совершенно ровною долиною.

Руководствуясь этими соображениями, мы можем определить рабочий день: во всякой промышленности и во всяком ремесле рабочий день – это вся сумма того, что может произвести или заслужить в данный срок человек средней силы, среднего ума и средних лет, хорошо знающий свое ремесло во всех его отраслях; срок этот можно считать в 10, 12 и 15 часов для труда, который можно оценивать по дням, или в неделю, месяц, год – для труда, требующего более продолжительного времени.

Так как дитя, женщина, старик, больной или слабый человек не могут достигнуть средней цифры труда нормального человека, то их рабочий день будет не более как дробью в отношении к нормальному, официальному, законному дню, принимаемому за целую единицу. – То же самое я скажу и о дне работника, занимающегося каким-нибудь чисто механическим делом, составляющим лишь часть труда, необходимого для данного производства; его труд требует более навыка, чем усилий ума, и не может сравниться с трудом настоящего ремесленника.

За то превосходный работник, тот, который задумывает дело, работает быстрее, поставляет большее количество продуктов лучшего качества, чем другой, а тем более тот, кто с этим совершенством исполнения соединяет умение управлять и силу повелевать, превзошел бы общий уровень и, следовательно, получил бы право на большую плату; он мог бы заработать в один день то, что стоят полтора, два, три и даже больше рабочих дня. Таким образом права силы, таланта, даже характера принимаются в соображение, как и права труда: если справедливость не обращает ни малейшего внимания на личности, за то она строго взвешивает способности.

Теперь я буду утверждать, что нет ничего легче, как проверить все эти счета, привести в равновесие цены, разрешить по справедливости все эти неравенства; это также легко, как выплатить 100 фр. золотыми монетами в 40, 20, 10 и 5 фр., серебряными монетами в 5, 2 и 1 фр. или медными в 2 и в 1 сантим. Каждая из этих величин составляет часть другой, и все они могут взаимно дополнять и заменять друг друга; короче – это самое простое арифметическое действие.

Но повторяю, чтобы произвести этот расчет необходимо добросовестно оценить труды, услуги и произведения; надо, чтобы трудящееся общество дошло до известной степени промышленной и экономической нравственности, чтобы все подчинялось законам справедливости, не взирая на знатность, первенство, положение, знаменитость, словом на все, чем дорожит общественное мнение. Надо принимать во соображение только полезность и качество произведения, труд и его стоимость.

Я повторяю и утверждаю, что такая оценка в высшей степени практична, и что наша прямая обязанность стремиться к ней всеми силами: она исключает лихоимство, тунеядство, гнет налогов, шарлатанство, эксплуатацию, притеснение; но ее никак нельзя обратить в домашнее дело, в семейную добродетель, в подвиг частной нравственности; оценка труда, постоянно возобновляемое установление стоимостей составляют основную задачу общества, такую задачу, которая может разрешиться только общественной волей и могуществом собирательной силы. Мне приходится повторить еще раз то, что я уже высказал: ни наука, ни правительственная власть не выполнили в этом отношении своего призвания. Мало того: несоизмеримость произведений была признана догматом, взаимность объявлена утопией, а неравенство преувеличено, чтобы за одно с всеобщей разьединенностью увякнуть бедствия массы и ложь революции.

Теперь пусть рабочая демократия принимается за этот вопрос: это ее дело. Пусть она скажет свое слово, и тогда под напором общественного мнения государство, этот орган общества, должно будет начать действовать. Если же рабочая демократия удовольствуется волнениями в мастерских, нападками на буржуа, манифестациями на бесполезных выборах, и останется равнодушной к принципам политической экономии, т. е. к настоящим принципам революции, то пусть же она знает, что отрывается от своего призвания и долга и что придет день, когда потомство заклеит ее.

Вопрос о труде и плате приводит нас к вопросу о торговле и агитации, которыми мы и закончим эту главу.

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Почти у всех народов на торговлю смотрели с недоверием и неуважением. Патриций или дворянин, который занимался ею, ронял свое достоинство. Духовенству был запрещен всякий торговый оборот, и обличение иезуитских спекуляций и оборотов произвело в XVII веке громадный скандал. В числе других торговых операций достопочтенные отцы упрочили за собою монополию хинины. – В чем же причина этого вкового проклятия, которого не искупили ни современные нравы, ни наши экономические принципы? Она коренится в недобросовестности, которая во все времена казалась необходимым свойством торговли и которую моралисты, богословы и государственные люди отчаивались вытеснить из нее. Пуническая честь была в древности клеймена позором. Но что такое эта пуническая честь? Совершенно тоже, что и греческая, аттическая, коринфская, еврейская, масилейская и даже римская честь – словом честь торговая.

Чтобы торговля была честна и безупречна, надо чтобы, независимо от взаимной оценки услуг и произведений, перевозка, распределение и обмен товаров производились по более дешевым ценам и с большею выгодой для всех. Для этого потребовалось бы, чтобы все производители, negociants, перевозчики, комиссионеры и потребители всякой страны взаимно обещали бы друг другу спрос и предложение работ, материалов, цен провоза и т. д., и кроме того обязались бы, одни поставлять, другие принимать условное количество товара на определенных условиях и по известным ценам. Таким образом пришлось бы постоянно публиковать статистические сведения о состоянии урожаях, о числе рабочих рук, о задельной плате, о рисках и несчастных случаях, о размере спроса, о рыночных ценах и т. д.

Предположим, например, что по самым подробным и точным вычислениям, производимым в продолжение цѣлаго года, окажется, что средняя цена производства пшеницы – 18 фр. за гектолитр; тогда продажная цена будет колебаться между 19 и 20 фр., давая земледельцу от 5,30 до 10 на 100 чистаго барыша. Если урожай будет плох, если будет дефицит хоть одной десятой, то цена должна будет возвыситься в одинаковой пропорции, чтобы с одной стороны весь убыток не падал на одного крестьянина, а с другой, чтобы общество не страдало от чрезмернаго повышения цен: пора ему перестать умирать голодной смертью. Ни по справедливости, ни по истинной политической экономии нельзя допустить, чтобы общее бедствие служило источником обогащения нѣскольким спекуляторам. Если же напротив хлеба родится в изобилии то, сообразно с его количеством, цена должна будет уменьшиться, чтобы с одной стороны упадок цены на хлеб не причинил крестьянину дефицита, как часто бывает, а с другой, чтобы общество пользовалось урожаем или во время текущаго года, или в послѣдующіе года; избыток же должен сохраниться в запасе. Из этих примѣров видно, каким образом производство и потребление уравновѣшивались бы одно другим, взаимно гарантируя друг другу сбыт и покупку хлеба по настоящей цене, и каким образом, благодаря разумным рыночным ценам и хорошей экономической полиціи, изобилие и недостаток, распределяясь равномерно на всю массу населения, не вели бы за собою ни чрезмернаго обогащения одних, ни крайняго дефицита для других; такой порядок вещей был бы самым прекрасным, самым плодотворным результатом взаимности.

Но очевидно, что такое благодѣтельное устройство может быть произведено только общей волею, а против этой-то именно воли и возстают либералы политической экономии, вопія против регламентации и правительственности. Они находят более удобным для себя присутствовать при вакханалиях барышничества, чѣм содѣйствовать прекращению правильно организованнаго, непреодолимаго грабежа, котораго нельзя побѣдить ни философскими доводами, ни частным правосудием: да развѣ совершенство возможно на земле, говорят они, и развѣ свобода не столь плодотворна, чтобы вознаграждать за свои оргіи?

На биржѣ и на рынкѣ, в судах и на базарах – вездѣ раздаются жалобы против ажіотажа. Но что такое ажіотаж самъ по себѣ? Один умный и послѣдовательный защитник ажіотажной торговли объяснил нам его недавно таким образом: в обществѣ, одержимомъ анархическимъ барышничествомъ, ажіотажъ есть искусство предвидѣть колебанія цен и, дѣлая во время покупки и продажи, пользоваться ихъ пониженіемъ и повышеніемъ. Что же вы находите безнравственнаго, спрашивалъ онъ, в оборотахъ такого рода, которые безъ сомнѣнія требуютъ высокихъ дарованій, чрезвычайной осторожности и множества познаній?... дѣйствительно, при данной обстановкѣ биржевой игрокъ в своемъ родѣ герой; я не брошу в него камень. Но мои противники должны будутъ в свою очередь сознаться, что хотя ажіотажная спекуляція и не можетъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org считается преступлением в таком обществе, где все на военном положении, – она тем не менее в высшей степени непроизводительна. Тот, кто обогатился лажем с промѣна, не имеет ни малѣйшаго права ни на благодарность, ни на уважение людей. Если даже он никого не обокрал и не надул (я говорю о достойном спекуляторѣ, который пользуется своим чутким гением, не прибѣгая къ обману и лжи), то все-таки он не может похвастать, что принесъ хоть малѣйшую долю пользы. Говоря по совѣсти, было бы въ тысячу разъ лучше, еслибы онъ, оставивъ въ сторонѣ цѣнности, направилъ свои дарованія къ другой цѣли и не взымалъ бы съ обращающихся капиталовъ барышей, безъ которыхъ общество весьма легко могло бы обойтись. Къ чему это сниманіе сливокъ, напоминающее акцизный сборъ у городскихъ воротъ, отъ котораго оно однако отличается тѣмъ, что не можетъ сослаться въ свое оправданіе на необходимость издержекъ на содержаніе города. Вотъ почему во всѣ времена ажіотажъ казался гнуснымъ не только моралистамъ и государственнымъ людямъ, но и экономистамъ. И взглядъ этотъ вѣренъ, потому что онъ основанъ на всеобщемъ сознаніи, которое въ противоположность нашимъ отсталымъ и переходнымъ законодательствамъ всегда бываетъ непреложно и непогрѣшимо въ своихъ сужденіяхъ.

Въ силу этого можно посовѣтовать тѣмъ, которые прикидываются очень строгими въ отношеніи къ спекуляторамъ и въ то же время благоговѣютъ передъ политическимъ и общественнымъ status quo, быть посплѣдовательнѣе и не останавливаться на полпути. Оставленная, при современномъ состояніи общества, на произволъ анархіи, лишенная руководства, необходимыхъ знаній, связующаго единства и принципа, торговля имеетъ совершенно спекуляторскій характеръ; иначе и быть не можетъ. Слѣдовательно, надо или осуждать все безъ исключенія, или все терпѣть, или все преобразовать.

Совершенно справедливо, чтобы человекъ, предпринимающій на свой рискъ обширный торговый оборотъ, которымъ будетъ пользоваться все общество получалъ за это приличное вознагражденіе при перепродажѣ своихъ товаровъ. Этотъ принципъ справедливъ въ самомъ строгомъ смыслѣ: трудно только сдѣлать изъ него безукоризненное приложеніе. На дѣлѣ выходитъ такъ, что, если и есть выгоды, приносимыя предпріятіями помимо ажіотажа, то тѣмъ не менѣе всѣ онъ заражены его духомъ: отдѣлить одно отъ другаго невозможно. Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ солидарности и необходимаго обезпеченія, всякій работаетъ для себя, нимало не заботясь о другихъ. При этомъ исчезаетъ различіе между законною и незаконною прибылью. Всякій старается взять самый большой барышъ; всѣ пускаются въ ажіотажъ: спекулируетъ торговецъ и промышленникъ, барышничаютъ ученый, поэтъ и актеръ; музыкантъ, танцовщица и медикъ ведутъ биржевую игру; знаменитый человекъ и публичная женщина равно преданы ажіотажу; только поденщики, работники, мастеровые и должностныя лица чужды ажіотажа, такъ какъ имъ дается опредѣленное жалованье или опредѣленная задѣльная плата.

Признаемъ же справедливость слѣдующей мысли: человекъ, который отдѣлилъ въ своемъ умѣ ажіотажъ отъ обмѣна, случайный элементъ отъ неизмѣннаго, выгоду, приносимую спекуляціей, отъ торговой выгоды, и, предоставивъ другимъ реальную сторону торговли, принялся спекулировать на колебанія цѣны, – такой человекъ только вывелъ слѣдствіе изъ нашего общественнаго порядка, полного вражды, эгоизма и недобросовѣстности. Онъ, такъ сказать, становится насчетъ общества обличителемъ торговли, разоблачая своими фиктивными операціями духъ несправедливости, управляющій операціями реальными. Наше дѣло пользоваться урокомъ, потому что простое полицейское запрещеніе биржевой игры и сдѣлокъ на срокъ принадлежитъ къ числу неосуществимыхъ предпріятій, столь же стѣснительныхъ, какъ и самый ажіотажъ.

Взаимность можетъ излечить эту язву, но, разумѣется, не карательными постановленіями, хотя справедливыми, но бесполезными, а тѣмъ болѣе не стѣсненіемъ свободы торговли, что было бы вреднѣе самой язвы: – она должна поступить съ торговлею также, какъ и съ страхованіемъ, т. е. обставить ее всевозможными общественными гарантіями и такимъ образомъ привести ее къ своему принципу. Сторонники взаимности знаютъ не хуже другихъ законъ предложенія и спроса; они ни въ какомъ случаѣ не преступаютъ его. Изданіе подробныхъ и часто пополняемыхъ статистическихъ таблицъ, собраніе точныхъ свѣдѣній о потребностяхъ и образѣ жизни людей, добросовѣстное опредѣленіе стоимости производства, предусмотрѣніе всѣхъ случайностей, такса для minimum'a и maximum'a прибыли, установленная съ общаго согласія самими производителями, потребителями и торговцами, сообразно съ рискомъ и трудностью, организація экономическаго равновѣсія: – вотъ, приблизительно, совокупность тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ сторонники взаимности

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org предполагают преобразовать рынок. Пусть свободы будет как можно больше, говорят они; но еще важнее искренность и взаимность, а главное, побольше знаний для всех. Когда это осуществится, выгода останется за теми, кто будет прилежным и честным. Вот их девиз, и неужели вы думаете, что через несколько лет после такой реформы наши торговые нравы не изменятся до самого основания к величайшему благу общества.

ГЛАВА IX.

Законодательные стремления к взаимности. Медленно совершается восхождение идей на горизонт человечества, а особенно медленно зарождаются те идеи, в которых выражается прогресс человеческого сознания. Было время, когда воровство считалось синонимом героизма и пользовалось почетом. Целый общественный переворот заключается в словах: не укради – *Lo thi gnob* – написанных Моисеем в заповедях. Действительно, в известный момент истории воровство, по выражению Гоббса, принадлежит к естественному праву. Римский закон одобряет кражу посредством игры слов; тем хуже для того, кто попадает в ловушку на словах! *Ut lingua nunc cupavit, ita jus esto*, говорит он.

Весьма замечательный факт, свидетельствующий о медленности прогресса, что Гражданский Устав, обнародованный в 1805 году, счел нужным оградить покупателей от скрытых недостатков покупаемого предмета.

Статья 1641. Продавец отвечает за скрытые недостатки проданной вещи, которые делают ее или вовсе негодной к употреблению, или столь негодной, что покупатель не приобрел бы ее или заплатил бы за нее меньше, если бы знал эти недостатки.

Ст. 1642. Продавец не отвечает за недостатки, которые на виду и которые покупатель мог заметить сам.

Вторая из приведенных статей доказывает, как велика осмотрительность законодателя. Оградить покупателя от скрытых недостатков было уже огромным усилием с его стороны; но когда дело зашло о видимых недостатках, он отстраняется и берет назад свою гарантию. Но как же решить, скрыть ли, или видны недостатки? К чему это различие? Следовало бы сказать просто, что продавец обязан гарантировать недостатки, которые делают предмет негодным к употреблению, кроме того случая, когда покупатель захотел бы приобрести предмет, не смотря на его недостатки; в таком случае это условие должно быть точно оговорено. Но вот чего я уже никак не пойму. Изложив в ст. 1646 правила действия, вытекающего из скрытых недостатков, составитель Устава прибавляет:

Ст. 1649. Это не относится к продажам, которые производятся по предписанию правосудия.

Что означает это исключение? Как?! юридическая власть лишает человека собственности, продает его дом, его скот и движимое имущество; в своем мeste, в ст. 1625, она гарантирует покупателям мирное владение купленными вещами, а между тем не гарантирует скрытых недостатков этих вещей, тогда как сама же требует такой гарантии от каждого продавца! Это доказывает, что, когда человек путем новых законов не возвышается до понимания социального права, общественное правосудие с своей стороны придерживается естественного права...

В 1838 году французское законодательство почувствовало необходимость снова заговорить о гарантии скрытых недостатков; но дело ограничилось перечислением подобных недостатков в лошадах, ослах, мулах, быках, баранах, что умножило трудность протеста со стороны недовольного покупателя. Гражданская власть побоялась, вероятно, что зашла слишком далеко! Но следовало руководиться совершенно противоположной мыслью: если вы хотите ввести в торговлю нравственность, остановить плутовство, гарантировать настоящее количество, качество, происхождение товаров, хлеба, напитков, скота и т. д., – вы должны прежде всего зорко следить за продавцом; вы должны возложить ответственность на него; вы должны, восходя к источнику, остановить скрытое зло или скрытые недостатки; вы должны облегчить покупателю возможность протестовать, а не защищать против него продавца. Не забывайте, что в торговле всегда скорее можно предполагать обманщика в продавце, а обманутого в покупателе. За что же последнему придется принимать такие предосторожности? Ведь в его деньгах

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
нѣтъ никакихъ скрытыхъ недостатковъ? Поражайте барышничество безъ всякой пощады, – заслуга ваша будетъ велика передъ лицомъ общественной нравственности. Будьте строги особенно въ отношеніи къ предложенію, – и вы будете справедливы ко всѣмъ: вы добьетесь взаимности.

Въ числѣ мѣръ, относящихся къ торговымъ гарантіямъ и обличающихъ въ государственной власти стремленіе къ взаимности, назовемъ еще законъ 28 іюля 1824 года, который относится къ фабричнымъ клеймамъ. Законодатель имѣлъ здѣсь въ виду только одно: защитить промышленника противъ поддѣлки и похищенія права. Но разъ что собственность и изобрѣтеніе изобрѣтателя и добрая слава фабриканта достаточно защищены, слѣдуетъ непременно, чтобы на нихъ падала и равносильная отвѣтственность и чтобы всякій продуктъ, выпущенный изъ ихъ магазина, могъ быть снова возвращенъ имъ, если окажется низшаго качества или будетъ заключать въ себѣ скрытые недостатки. Сколько товаровъ подверглось бы такой участи, если бы все дѣлалось по правиламъ взаимности! Мало ли найдется фабрикантовъ, которые, выпустивъ сначала хорошіе продукты, пріобрѣта такимъ образомъ практику и побѣдивъ конкуренцію, становятся недобросовѣстны и заслуживаютъ послѣ медали и поощренія зеленой шапки и самыхъ тяжкихъ пеней. Ежегодные убытки, которые общество терпитъ благодаря всѣмъ этимъ шарлатанамъ, простираются до сотней милліоновъ; за ними не усмотритъ, ихъ не предупредитъ никакая полиція; только преобразующая сила способна уничтожить ихъ.

ГЛАВА X.

Уменьшеніе квартирныхъ цѣнъ принципомъ взаимности.

Въ квартирныхъ контрактахъ законъ взаимности нарушается самымъ вопіющимъ образомъ. Тамъ, гдѣ населеніе густо, какъ напримѣръ въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсельѣ, Бордо, Тулузѣ, Лиллѣ, Руанѣ и т. д., всякому семейству невозможно быть собственникомъ своего жилища, хотя это весьма желательно; поэтому извѣстному числу частныхъ лицъ приходится взять на себя трудъ строить дома и содержать квартиры для другихъ, какому бы риску ни подвергались черезъ это интересы и свобода послѣднихъ. Но наемъ квартиры или договоръ или контрактъ, который заключаютъ домохозяинъ и жилецъ, есть одна изъ тысячи сдѣлокъ, изъ коихъ слагаются чловѣческое общество и торговля. Поэтому эта сдѣлка должна подлежать правиламъ права и даже надзору полиціи.

Въ Сенскомъ департаментѣ 1,800,000 душъ, населяющихъ пространство въ 30 квадратныхъ миль (что составляетъ 60,000 душъ на каждую квадратную милю), находятся въ зависимости отъ 25 или 30,000 собственниковъ. Не чудовищный ли это фактъ? Не долженъ ли онъ привлечь на себя все вниманіе и всю заботливость власти? Какъ живетъ это огромное населеніе, лишенное всякой защиты и вполнѣ зависящее отъ произвола 25,000 спекуляторовъ? Каковы условія пространства, обращенія, гигиены, цѣны, которымъ оно должно подчиняться? Возможно ли, чтобы власть, по ложному уваженію къ праву собственности и къ мнимой свободѣ сдѣлокъ, оставляла это населеніе въ жертву всѣхъ насилій монополіи и ажіотажа?

А между тѣмъ въ отношеніи къ найму квартиръ мы остались при старомъ римскомъ правѣ, при этомъ древнемъ, тиранническомъ культѣ собственности. Законъ покровительствуетъ собственнику и относится съ недоверіемъ къ жильцу; между ними нѣтъ равенства. Въ случаѣ спора или тяжбы предубѣжденія стоятъ на сторонѣ отдающаго въ наймы; на его же сторонѣ всѣ обезпеченія.

1. Въ силу статьи 2102, долговая претензія домовладѣльца пользуется преимуществомъ: на какомъ основаніи, осмѣлюсь спросить? Жилецъ покупаетъ въ долгъ мебель, которою уставляетъ свою комнату. Дѣла его идутъ плохо: годъ кончается, и онъ никому не платитъ, ни продавцу мебели, ни домовладѣльцу. Послѣдній имѣетъ право выгнать жильца и удержать мебель, которая стоитъ въ комнатѣ, тогда какъ мебельщикъ не имѣетъ права ни требовать назадъ вещей, которыя онъ доставилъ и за которыя не получилъ денегъ, ни предъявить свои притязанія за одно съ домовладѣльцемъ. На чемъ же основано это различіе? Изъ этого слѣдуетъ, что безчестный домовладѣлецъ, стакнувшись съ мошенникомъ, могъ бы, не платя ни копейки, омеблировать свой домъ. Справедливо ли, предусмотрительно ли это?

2. Въ силу статьи 1716 присягъ домовладѣльца вѣрять, если не существуетъ письменнаго контракта: почему же тоже самое не относится и къ жильцу? – То же различіе повторяется въ статьѣ 1781 по поводу найма рабочихъ:

«Хозяину, сказано въ уложеніи, вѣрять на слово касательно количества

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
жалованья, задѣльной платы за истекшій годъ, и жалованья, выданного взачетъ за текущій годъ.»

Спрошу еще разъ, чѣмъ съ 1789 года можетъ быть оправдано такое лицепріятіе?

3. Третье неравенство: «Если не было сдѣлано описи квартиры, гласить 1731 статья, то предполагается, что жилецъ получилъ ее въ хорошемъ состояніи.» Почему же предполагается? Развѣ дома не имѣютъ своихъ скрытыхъ недостатковъ, какъ рогатый скотъ, овцы и лошади? Кто же не знаетъ, что выгоды и неудобства квартиры можно узнать, только проживъ въ ней мѣсяцевъ шесть?

4. Поправки квартиры лежатъ на обязанности нанимателя: статья 1754 опредѣляетъ и исчисляетъ ихъ. Статья 1755 прибавляетъ, правда, что поправки необязательны для жильца, если вызваны ветхостью или непреодолимыми обстоятельствами. Но эта оговорка совершенно обманчива. Есть вещи, которымъ суждено не изнашиваться, а разбиваться рано или поздно отъ постоянного употребленія: таковы, напримѣръ, глиняныя вещи, фарфоръ, зеркала и т. д. Въ этомъ случаѣ необходима терпимость въ пользу нанимателя. Всѣмъ извѣстно, что ненаселенный домъ гораздо скорѣе приходитъ въ ветхость, чѣмъ населенный: неужели въ силу этой причины сводъ гражданскихъ законовъ взялъ на себя трудъ еще усилить отвѣтственность жильца?

5. Жилецъ отвѣчаетъ за пожаръ (см. статью 1733), если ему не удастся доказать, что пожаръ случился по непредвидѣнному обстоятельству, или по непредотвратимой причинѣ, или по недостатку въ самомъ зданіи, или что пламя сообщилось отъ сосѣдняго дома.

Статья 1734. – Если въ домъ нѣсколько жильцовъ, то всѣ солидарно отвѣтственны за пожаръ, если не докажутъ, что пожаръ начался въ квартирѣ одного изъ нихъ, въ каковомъ случаѣ этотъ одинъ и отвѣчаетъ; или если нѣкоторые изъ нихъ не докажутъ, что пожаръ не могъ начаться у нихъ, въ каковомъ случаѣ доказавшіе это не отвѣчаютъ.

Такимъ образомъ, дѣлаясь на время хозяиномъ, наниматель страхуетъ недвижимостъ: какою же премію платитъ за это страхованіе домовладѣлецъ? Въдѣ пожаръ – это рискъ, присущій всякому сгараемому предмету, тѣмъ болѣе домамъ. Добро бы еще въ контрактъ находился особый пунктъ, которымъ нанимателю запрещалось бы разводитъ огонь въ занимаемой имъ квартирѣ; тогда было бы понятно, что онъ долженъ отвѣчать за пожаръ. Но не тутъ-то было: дома нанимаются какъ разъ для того, чтобы въ нихъ грѣться и стряпать кушанья; и, несмотря на это, сводъ законовъ возлагаетъ на жильцовъ отвѣтственность за пожары. Да въдѣ это безсмыслица!

6. Всѣ экономисты признаютъ, что общество имѣетъ право на участіе въ выгодахъ, получаемыхъ домовладѣльцемъ сверхъ покупной цѣны земли, вслѣдствіе новыхъ построекъ, отъ установленія новыхъ кварталовъ, отъ приращенія населенія и т. д. Въ силу этого права, общество могло бы вступать въ квартирныя контракты и, оставляя въ неприкосновенности права города, оберегать жильцовъ отъ излишнихъ притязаній домовладѣльцевъ. Почему же законодатель не сдѣлалъ ничего подобнаго? Отчего это пренебреженіе значительными цѣнностями, которыя возникли совершенно помимо самого собственника и обязаны своимъ происхожденіемъ съ одной стороны промышленной дѣятельности жильцовъ, а съ другой – развитію города? Разсчитывая на повышеніе квартиръ и мѣсть и на покровительство закона и зная, быть можетъ, заранѣе намѣренія правительства, такой-то покупаетъ огромныя участки земли, которые обходятся ему по 30 фр. квадратный метръ, и потомъ перепродаетъ ихъ по 200 фр. Это знаютъ, но молчатъ. Почему?

Можно ли послѣ этого удивляться, что въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ квартирныя цѣны несоразмѣрно возрасли, что произволъ собственника сталъ совершенно невыносимъ. Здѣсь мѣсто, которое прежде было незанято, а теперь застроено зданіями, нанимается по 5 франковъ за кубическій метръ; въ другомъ мѣстѣ оно нанимается по 15, 20 и 25 франковъ. Такой-то домъ приноситъ 6 %, а другой 30 и 50 %. Притомъ собственникъ слѣдуетъ примѣру свода законовъ; онъ принимаетъ въ соображеніе если не лица, то ремесла. Такое то ремесло оказывается ему не по вкусу; или ему вздумается не принимать дѣтей; другой изгоняетъ семейныхъ жильцевъ и старается выбирать только одинокія четы.

Поэтому всюду раздаются жалобы. Работаешь только на собственниковъ и для

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org налога, говорятъ рабочіе и мелкіе мѣщане. Этой анархіи квартирныхъ контрактовъ слѣдуетъ приписать безчисленное множество банкротствъ, а ежегодный неправильный доходъ, который приносятъ квартирные условія во всей Франціи, можно оцѣнить почти въ милліардъ.

При общественномъ устройствѣ, основанномъ на взаимности, было бы въ высшей степени легко сдѣлать наемъ квартиръ правильнымъ, нисколько не нарушая при этомъ закона предложенія и спроса и слѣдуя требованіямъ чистѣйшей справедливости. Для этого слѣдовало бы употребить три непреложно-вѣрныхъ и безошибочныхъ средства.

а) Законъ 3 сентября 1807 года о таксѣ денежныхъ процентовъ.

Въ статьяхъ 1 и 2 этого закона сказано:

«Законный процентъ не долженъ превышать въ гражданскихъ сдѣлкахъ пяти %; въ торговыхъ же сдѣлкахъ шести %, и притомъ безъ вычета.»

Но законодатель не относилъ это къ однѣмъ только ссужаемымъ суммамъ или къ цѣнностямъ, которыя уплачиваются звонкою монетою; онъ разумѣлъ при этомъ всякаго рода капиталы, товары и продукты, всякое сырье, всякую недвижимость, а также и деньги. Такимъ образомъ негодіантъ, фабрикантъ или земледѣлецъ, который обязался поставить къ данному сроку извѣстное количество товаровъ и, не сдержавъ своего обѣщанія, понесъ убытокъ, платитъ по 5 или 6 % въ годъ съ капитала, смотря потому, будетъ-ли сдѣлка гражданская или торговая; точно также и покупатель, который не уплатилъ въ срокъ чистоганомъ подписаннаго имъ обязательства.

О деньгахъ упоминается въ законѣ только какъ о представителѣ цѣнностей, какъ о средствѣ выразить капиталы и продукты.

А что же такое наемъ квартиры? Это контрактъ, по которому одна сторона, называемая домохозяиномъ, предоставляетъ другой сторонѣ – нанимателю, домъ или квартиру на извѣстное время и за опредѣленную цѣну, выплачиваемую деньгами. Въ политической экономіи этотъ домъ или эта квартира равняются всякой другой цѣнности, всякому другому капиталу, всякому другому продукту; я скажу даже, что они такой же товаръ. Правда, что въ законѣ 3 сентября 1807 г. законодатель не понялъ этого. Опредѣленіе квартирной цѣны онъ предоставилъ на произволь договаривающихся сторонъ, хотя логическимъ образомъ квартирная такса должна быть непременно слѣдствіемъ установленія таксы на денежный процентъ. Такимъ образомъ, онъ далъ собственности еще одну лишнюю привиллегію, еще одно лишнее преимущество. Но ясно, что закону ничто не мѣшаетъ отнять эту привиллегію, уничтожить этотъ особый законъ и сказать домовладѣльцамъ: такса денежнаго процента при гражданскихъ сдѣлкахъ опредѣлена въ 5%, при торговыхъ сдѣлкахъ въ 6%, и это простирается на всевозможныя продажи, покупки, наймы, услуги, обмѣны и т. д., безъ различія движимостей и недвижимостей, капиталовъ, товаровъ, продуктовъ или денегъ. Вы больше всѣхъ пользуетесь этимъ ограниченіемъ и потому должны въ свою очередь подчиняться общему закону; вамъ будутъ платить тотъ же процентъ, который вы платите вашему банкиру, вашему поставщику. Взаимность – справедливость.

б) Другое средство къ обузданію домовой собственности заключается въ предьявленіи права общества на всю ту сумму, на которую поднялась покупная цѣна земли независимо отъ собственниковъ. Объ этомъ мы уже говорили.

с) Наконецъ, я предлагаю объявить, что наемъ квартиры есть торговая сдѣлка. Развѣ не торговцы тѣ, которые нанимаютъ домъ, меблируютъ его, а потомъ отдаютъ его снова въ наймы на недѣлю мѣсяцъ, годъ отдѣльными комнатами, номерами и квартирами? Развѣ не торговцы тѣ предприниматели, которые занимаются постройкою домовъ и потомъ сдаютъ или перепродаютъ ихъ совершенно также, какъ купцы, продающіе мебель или отдающіе ее напрокатъ? Чѣмъ же операціи, относящіяся къ домамъ и строеніямъ, отличаются отъ тѣхъ, которыя законъ называетъ торговыми сдѣлками: отъ мануфактурныхъ предпріятій, поставокъ, театровъ, построекъ, оснащенныхъ, найма судовъ и т. д.?

Кромѣ того изъ уподобленія найма квартиръ вышеозначеннымъ торговымъ операціямъ, изъ этого уподобленія, совершенно логичнаго и неопровержимаго, если притомъ законъ 1807 года будетъ распространенъ и на наемъ квартиръ и если признаютъ право города на излишекъ стоимости застроенныхъ земель

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
сверхъ покупной цѣны, вышло бы слѣдующее:

1) Все законодательство, относящееся къ найму квартиръ, должно было бы преобразоваться въ лучшемъ духѣ: не было бы этихъ преимуществъ собственникамъ; этихъ капризовъ, этихъ безумныхъ надбавокъ, которыя доводятъ семейства до отчаянія и раззоряютъ фабрикантовъ и лавочниковъ; произволь былъ бы вытѣсненъ изъ цѣлаго разряда сдѣлокъ, составляющихъ одинъ изъ главныхъ вопросовъ въ жизни массъ и важность которыхъ измѣряется во Франціи миллиардами. Стараніями власти была бы составлена статистика квартиръ: учредилась бы лучшая полиція, на которую было бы возложено попеченіе о гигиенѣ жилищъ; для покупки земель, постройки, содержанія и населенія домовъ могли бы образоваться артели каменщиковъ, которыя дѣйствовали бы въ видахъ общихъ интересовъ и составляли бы конкуренцію прежнимъ собственникамъ. Я оставляю въ сторонѣ подробности этой реформы, довольствуясь указаніемъ на принципъ и духъ ея.

Но кто не видитъ, что безъ энергическаго вмѣшательства общественнаго мнѣнія это великое дѣло возстановленія справедливости останется навсегда утопіей?

ГЛАВА XI.

Приложеніе закона взаимности къ условіямъ перевозки. – Отношенія между отправляющими товаръ, комиссіонерами, подводчиками и пріемщиками по экономическому праву. – Желѣзныя дороги и общественныя занятія. Еслибы ежедневные факты нашей жизни не убѣждали насъ, никто не захотѣлъ бы вѣрить, какъ медленно вырабатывается человѣческая нравственность, какъ трудно ей дойти до того, чтобы отличать справедливое отъ несправедливаго. Осужденіе и послѣдовавшія за нимъ запрещеніе и законное преслѣдованіе разбоя и воровства начались не болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но подъ словами воровство, разбой, мошенничество понимали до настоящей минуты только самыя насильственные и грубые факты похищенія чужаго достоянія; въ этомъ легко убѣдиться, просматривая перечень нарушеній собственности, указанныхъ и опредѣленныхъ въ сводѣ уголовныхъ законовъ. Премудрость древнихъ еще съ самаго начала предлагала намъ свое правило, проникнутое духомъ взаимности: «дѣлай другимъ то, чего себѣ желаешь; не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ.» Это высокое предписаніе права мы всегда считали простымъ совѣтомъ милосердія, выраженіемъ чисто-произвольной благотворительности, которая нисколько необязательна для совѣсти; мы жили подъ опекою палача и полиціи, и въ самыхъ важныхъ вопросахъ соціальной экономіи остались все такими же дикарями, какъ и первобытные люди, которые, утомившись убійствомъ, грабежемъ и насиліемъ, условились взаимно уважать чужое достояніе, чужихъ женъ и жизнь, и такимъ образомъ основали первыя общества.

Когда мы толкуемъ о взаимности, объ учрежденіяхъ, основанныхъ на этомъ ученіи, можно подумать, что мы проповѣдуемъ что-то новое. Простолюдинъ и буржуа, предприниматель и наемщикъ, финансистъ и торговецъ, собственникъ и фермеръ, чиновникъ и священникъ, экономистъ и юристъ, государственный человѣкъ и простой гражданинъ – всѣ едва понимаютъ насъ; наши разсужденія имъ недоступны, и наши непонятныя слова пропадаютъ для нихъ даромъ. Взаимное страхование – идея старая; ее охотно допускаютъ, но лишь въ теоріи, а не какъ выраженіе справедливости; лишь какъ видъ свободной сдѣлки, а не какъ обязательное право, въ силу котораго признавались бы виновными и тотъ, который спекулируетъ на несолидарность рисковъ и для своего обогащенія пользуется общественнымъ бѣдствіемъ, и правительство, допускающее такіе поступки, и общество, одобряющее ихъ. Если въ наше время общественное мнѣніе относится такимъ образомъ къ самой элементарной формѣ взаимности, къ взаимному страхованію, то чего же намъ ждать отъ него въ вопросахъ, касающихся опредѣленія цѣнностей, добросовѣстности въ торговыхъ сдѣлкахъ, обмѣна услугъ и продуктовъ, найма квартиръ и т. д.? Кого вы убѣдите, что скрытность въ дѣлѣ спроса и предложенія есть неделикатность, даже болѣе – настоящее нарушеніе справедливости, покушеніе на собственность? Какъ убѣдить работника, что, по совѣсти, ему также непозволительно цѣнить свой трудъ выше его стоимости, какъ непозволительно хозяину сбивать цѣну? «На здоровую кошку здоровая крыса; защищайтесь, и я буду защищаться; всякій за себя, Богъ за всѣхъ; на войнѣ по военному –» отвѣтятъ вамъ и наговорятъ еще цѣлую сотню подобныхъ правилъ, оставшихся намъ на память отъ эпохи варварства, когда грабежъ и воровство считались справедливою наградой воина.

Развѣ собственникъ не хозяинъ у себя въ домѣ? Развѣ онъ не получилъ этотъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
домъ въ наслѣдство отъ отца, не купивъ его на свои деньги, не построилъ его своими руками? Развѣ онъ не въ правѣ разрушить его или надстроить надъ нимъ одинъ или нѣсколько этажей, жить въ немъ съ своимъ семействомъ или превратить его въ сарай, въ магазинъ, въ хлѣвъ, замѣнить его садомъ или мѣстомъ для игры въ кегли? Что-жь вы тутъ толкуете о взаимности? Къ чему это хитрое поползновеніе сбавлять и опредѣлять закономъ квартирныя цѣны, подъ предлогомъ лихоимства, дешевизны капиталовъ, права общества на излишекъ стоимости земель сверхъ покупной цѣны, и т. д.? Настоящая собственность ведетъ за собою право приращенія, право накопленія капиталовъ, слѣдовательно, исключительное право на увеличенную цѣнность, которая есть благословеніе, ниспосылаемое собственнику самимъ небомъ. Уважайте же собственность; во всемъ этомъ дѣйствуетъ только законъ спроса и предложенія во всей своей энергичной и первобытной простотѣ; собственникъ связанъ только своимъ словомъ.

Вотъ что говорятъ люди, не дающіе себѣ даже труда замѣтить, что въ силу такой привилегіи, законъ предложенія и спроса является несравненно болѣе мягкимъ для домовладѣльцевъ, чѣмъ для купцовъ, фабрикантовъ и рабочихъ. У рабочаго выторговываютъ его задѣльную плату, у купца – его товаръ, у фабриканта – его услугу; всякій ставитъ имъ почти въ преступленіе недобросовѣстное повышеніе цѣнъ; а между тѣмъ, кто обратится съ подобнымъ упрекомъ къ домовладѣльцу? Онъ какъ бы воплощенъ въ своей недвижимости. Если его условія слишкомъ тягостны, проходите мимо, безъ замѣчаній. А какой ему почетъ отъ государства! Какъ его берегутъ! Полиція отнимаетъ у торговцевъ и выбрасываетъ сырые плоды, молоко, сболтанное съ водою, напитки сомнительнаго изготвленія, испорченную говядину, у нея есть законы противъ ростовщиковъ и спекуляторовъ; она въ случаѣ нужды умѣетъ ограничить нѣкоторыя монополіи. Прошло лѣтъ 40 съ тѣхъ поръ, какъ принципъ общественной пользы ограничилъ до нѣкоторой степени злоупотребленія собственности. Но какъ осторожно обращаются съ этою могущественной кастой, которая по прежнему считается благородною! Какъ заботятся о ея вознагражденіи! Сколько собственниковъ обогатились черезъ лишеніе собственности, благодаря тому, что государство возжелало ихъ наслѣдства, подобно сюзерену, удостоивающему своимъ взглядомъ дочь своего вассала!

Мы увидимъ, что эти предубѣжденія, принадлежащія эпохѣ, пресыщенной эгоизмомъ, пропитанной неправдою, еще болѣе развиты въ той отрасли промышленности, которая, не смотря на свою важность и древность, никогда еще не была проникнута чистымъ лучомъ права.

Какую связь солидарности, какую взаимность можно установить между публикою и предпринимателемъ перевозки? Перечитайте статьи 96–108 торговаго устава, и вы увидите, что законодатель, нимало не думая отыскивать здѣсь нить справедливости, старался только о томъ, чтобы обезпечить предпринимателя, строго опредѣливъ отвѣтственность подводчика. Это точно два разные враждебные другъ другу міра, которые, не смотря на свои временныя отношенія, постоянно остаются чужды другъ друга: когда кладъ сданъ прикащику, онъ на время становится будто ея собственникомъ: все, что относится къ доставкѣ, – способъ доставки, ея условія, ея продолжительность, все что можетъ случиться съ кладью въ дорогѣ, – все это исключительно его дѣло. Контрактъ между подводчикомъ и предпринимателемъ можно выразить двумя словами: полная отвѣтственность падаетъ на перваго; фрахтовыя деньги выплачиваются вторымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ, что относится къ обращенію продуктовъ, торговля, промышленность и земледѣліе вообще преданы на произволъ коммиссіонеровъ перевозки; отдыхъ и облегченіе наступаютъ только во время вражды, возникающей между предпринимателемъ и коммиссіонеромъ, но за вражду эту почти всегда платитъ публика.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ годину несчастій, когда государства воюютъ между собою, когда промышленность слаба, путешествія опасны, дѣла затруднительны, контракты взаимной гарантіи между публикою и предпріятіемъ перевозки становятся почти невыполнимы, коммиссіонеръ и подводчикъ, равно какъ и отправляющій и поручитель всегда предпочитаютъ сохранить свою свободу. Но отчего предприниматели перевозки никогда не умѣли согласиться съ торговцами въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ дѣла уже такъ давно достигли широкаго развитія и гдѣ обращеніе такъ безопасно? Въ продолженіе десяти лѣтъ я имѣлъ дѣло съ внутреннимъ судоходствомъ, и оно заглохло на моихъ глазахъ, потому что не могло организоваться. У насъ только тогда поняли, что въ дѣлѣ перевозки возможенъ справедливый договоръ, выгодный для всѣхъ интересовъ, когда правительство отдало желѣзныя дороги въ руки монополіи,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
присущей такого рода предпріятіемъ, въ руки союза компаній. А между тѣмъ
что можетъ быть проще идеи такого договора.

Для этого нужно, чтобы предприниматели перевозки объявили бы
промышленникамъ, торговцамъ, земледѣльцамъ тѣхъ мѣстностей, съ которыми они
имѣютъ дѣло: обезпечьте намъ ваши заказы, а мы съ своей стороны общаемъ
вамъ:

Всѣ доставки отъ пунктовъ А, В, С, D къ пунктамъ X, Y, Z.

Мы общаемъ вамъ доставку, когда хотите, медленнее или скорее, или въ
опредѣленный срокъ; мы общаемъ вамъ періодически отправлять транспорты
каждые два, три, четыре, пять дней; наконецъ, мы ручаемся вамъ, что будутъ
установлены опредѣленные цѣны, сообразно клади. Нашъ договоръ будетъ
взаимный, на годъ или на нѣсколько лѣтъ и будетъ измѣняться каждый разъ,
когда плата за комиссію понизится, вслѣдствіе какого нибудь нововведенія
или серьезной конкуренціи. Въ такомъ случаѣ вы должны будете увѣдомить
насъ заранее, чтобы дать намъ возможность принять свои мѣры и сохранить за
собою вашу практику.

Странное дѣло: при инициативѣ нѣсколькихъ личностей, въ транспортной
торговлѣ принципъ взаимности можетъ установиться прочнее и въ болѣе
обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ. Еслибы
преобразовался порядокъ обращенія, то этимъ самымъ была бы перестроена вся
система. Но таковъ рокъ, управляющій человѣческими дѣлами: компаніи
судоходства никогда не понимали этого простаго условія; они никогда не
предлагали его, и, кажется, публика съ своей стороны, едва ли согласилась
бы принять его. Публика похожа на компаніи: она любитъ рискъ, ажіотажъ.
Еслибы компаніи перевозокъ водой и главные комиссіонеры принялись
дѣйствовать такимъ образомъ съ 1840 года, то тарифы ихъ были бы приняты за
maximum, пріобрѣли бы законную силу, и въ наше время перевозъ обходился бы
странѣ съ человѣка и съ километра 5 сантимовъ за первое мѣсто и 2 с. за
второе; за товары, съ большою и малою скоростью, приходилось бы, какъ по
водѣ, такъ и по желѣзной дорогѣ, отъ 1 1/2 до 5 сантимовъ.

Вмѣсто того судоходство было почти повсемѣстно покинуто, а компаніи
желѣзныхъ дорогъ по тарифамъ, составленнымъ для нихъ недальновиднымъ
законодательствомъ, берутъ:

Съ пассажировъ: 10 сантимовъ, 5, 7. 7, и 5. 7 съ человѣка и на километръ.

Съ товаровъ: 9, 12, 14 и 21 сант. съ тонны и километра.

Съ хлѣба, съ котораго при неурожаѣ слѣдовало бы платить не болѣе 2
сантимовъ, платятъ теперь 5; – съ устриць, съ свѣжей морской рыбы и т. п.
товаровъ, требующихъ самой скорой доставки, платятъ 55 сантимовъ. Знаете
ли, какое вліяніе имѣетъ этотъ тарифъ на цѣны припасовъ? Когда въ Бордо и
Маконѣ дюжина хорошихъ персиковъ продавалась вездѣ по 10 сантимовъ, въ
Парижѣ ихъ нельзя было достать дешевле 15, 20 и 50 сантимовъ за штуку.

Если бы правительство Лудовика Филиппа, порожденное идеями 1789 года, было
менѣ ослѣплено своими идеями іерархіи и власти, если бы еще въ 1842 году
оно успѣло увѣдиться, что оно не болѣе какъ представитель или органъ
отношеній взаимности и солидарности всѣхъ родовъ, какіе только существуютъ
и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развиваются между гражданами, – то
въ постановленіяхъ о желѣзныхъ дорогахъ ему представлялся единственный
случай создать и дешевизну перевозовъ, и торговую и промышленную
взаимность, т. е., другими словами, положить основаніе экономическому
праву. Оно сказало бы себѣ, – а это превосходно понимаетъ самый послѣдній
работникъ, что такое общественное дѣло, какъ желѣзныя дороги, не можетъ
быть предоставлено въ пользованіе одному классу общества; не должно быть
превращено, въ ущербъ массѣ, въ источникъ доходовъ для полчища акціонеровъ;
понявъ это, оно организовало бы перевозочную комиссію или, по крайней мѣрѣ,
основываясь на принципахъ взаимности и экономическаго равенства, поручило
бы ее рабочимъ артелямъ.

Кто сомнѣвается въ наше время, что и безъ помощи анонимныхъ компаній
французскій народъ могъ бы устроить у себя желѣзныя дороги и, будучи въ
одно и то же время и возщикомъ, и отправщикомъ, упрочить за собою навсегда
возможную дешевизну сообщеній? Но видамъ правительства вовсе не
соотвѣтствуютъ желѣзныя дороги, которыя выстроены и которыми пользуются по

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org принципу взаимности; которые требуют за свою службу только сумму, равную издержкам на устройство и содержание их; которыми, в силу юридической аксиомы, что нельзя быть рабом своей вещи, *Res sua nulli servit*, не пришлось бы возвращать затраченного на них капитала; акции которых не вызвали бы ни повышения, ни понижения, потому что не было бы ни уступок, ни акционеров; которые, благодаря своей крайней дешевизне, принесли бы пользу только одной нации, не обогащая дармоедов; – нѣтъ, такіа желѣзныя дороги не соответствовали бы желаніямъ правительства. Двѣсти милліоновъ – приблизительная сумма чистаго годоваго дохода, приносимаго желѣзными дорогами –, оставаясь въ торговлѣ, земледѣліи, промышленности, послужили бы немаловажнымъ пособіемъ для развитія общественнаго богатства[12]. Но правительство и палаты Лудовика Филиппа разочли, что гораздо лучше положить ихъ въ карманы своихъ друзей, финансистовъ, предпринимателей и акціонеровъ. Народъ имѣлъ привычку оплачивать все, даже то, что дѣлалось для него, на его же собственныя деньги; что же было бы, если бы ему вдругъ сообщили, что, такъ какъ дороги выстроены на его счетъ, то ему слѣдуетъ платить за провозъ только то, что стоитъ ихъ содержаніе, а о процентахъ и рѣчи быть не можетъ? Кромѣ того были не прочь способствовать развитію зажиточнаго и тунеядствующаго класса, увеличить число приверженцевъ правительства, создать интересы, преданные власти, которая съ каждымъ днемъ слабѣла отъ наплыва народныхъ интересовъ. И нынѣшнее правительство во всѣхъ этихъ отношеніяхъ такъ плохо понимаетъ свой истинный законъ, что послѣ Крымской и Ломбардской войнъ прибавило къ тарифамъ желѣзныхъ дорогъ еще военную десятину; такимъ образомъ по безразсудной алчности оно сдѣлалось сообщникомъ паразитной эксплуатаціи промышленности, которая, по самой сущности своей, не должна приносить никому ни ежегодныхъ доходовъ, ни выгодъ и тѣмъ производительнѣе должна быть для всѣхъ.

Милліоны и милліарды – вотъ во что ежегодно обходится націи нарушеніе экономическаго права, презрѣніе закона взаимности. Быть можетъ, вы воображаете, что желѣзныя дороги были выстроены на капиталы компаній? Нѣтъ; компаніи внесли только самую малую часть затраченнаго капитала, какъ будто для того только, чтобы имѣть потомъ предлогъ заявить притязанія на весь доходъ. Въ силу закона 1842 на счетъ государства падаютъ расходы по вознагражденію за отнятыя земли и постройки, а также на устройство насыпей, искусственныхъ сооружений и станцій. Что же остается дѣлать компаніямъ? Прокладывать рельсы и поставлять матерьялъ. А какая же доля приходится государству изъ дохода? – Нуль; что я говорю? государство не только не беретъ никакого дохода, но еще гарантируетъ компаніямъ минимумъ дивиденда. Такимъ образомъ можно сказать, что въ желѣзныхъ дорогахъ, построенныхъ на основаніи закона 1842, самые крупныя расходы ложатся на счетъ государства, т. е. страны, а когда дѣло доходить до дѣлежа дохода, государство отступаетъ передъ компаніями. Ни одна ошибка правительства не давала такого полнаго торжества анархическому торгашеству. Я сказалъ, что орудія общественнаго обращенія создаются странюю и должны быть отданы странѣ въ даровое пользованіе. Правительство 1830 года отдало ихъ за безцѣнокъ компаніямъ, которыя берутъ за нихъ большія деньги; оно ни болѣе ни менѣе какъ ошиблось въ адресъ.

Идея взаимности – одна изъ самыхъ простыхъ идей, но до нея никогда не додумывались ни аристократія, ни монархія, ни теократія, словомъ, ни одно правительство. Средства сообщенія – вотъ та область, гдѣ личная инициатива всего удобнѣе могла бы совершить эту великую реформу; но чтобы осуществить ее только въ желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ, необходимъ цѣлый экономическій переворотъ во всей странѣ.

ГЛАВА XII.

О взаимномъ кредитѣ.

Слово кредитъ вошло во всеобщее употребленіе и ежеминутно произносится людьми всѣхъ сословій, но, несмотря на это, остается для большинства двусмысленнымъ. Народъ по большей части придаетъ ему такое значеніе, какого онъ не имѣетъ ни въ дѣлахъ, ни въ политической экономіи, ни, слѣдовательно, во взаимности. Это происходитъ оттого, что экономическій языкъ составилъ не такъ, какъ языкъ Химіи и Права; надъ нимъ трудились не ученые, а практическіе люди, лишенные познаній и философіи, принимавшіе за благодѣяніе то, что слѣдовало считать разсчитанной сдѣлкой, смѣшивавшіе такимъ образомъ самыя противоположныя понятія и наконецъ усвоившіе себѣ нѣчто болѣе похожее на воровскую терминологию, чѣмъ на разумную рѣчь.

Кредитъ есть искаженное латинское слово *credit-us* или *credit-um*,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org страдательное мужеское или среднее причастие от глагола *credo*, который значить вѣрить или довѣрять. Продавать въ кредитъ – испорченная латинская фраза, которая значить продавать тому, кому вѣришь, или продавать по довѣрью, т. е. надѣясь на обѣщаніе покупателя, что онъ впоследствии заплатитъ. Давать въ займы въ кредитъ значить точно также давать не по поручительству и не подъ залогъ, но въ надеждѣ, что данное будетъ возвращено. Стало быть, кредитъ есть довѣріе: прежде слово это иначе и не понималось.

Теперь дѣло другое: кредитъ вовсе не выражаетъ довѣрїя, что ни толкуй объ этомъ современные лихоимцы. Кредитъ превратился въ операцію по преимуществу торгашескую и корыстную, гдѣ личности, называемыя капиталистами или купцами, даютъ свои капиталы или товары нуждающимся людямъ, которыхъ называютъ покупателями или должниками. Но когда что нибудь дается такимъ образомъ, безъ немедленной уплаты, то это дѣлается вовсе не на слово и не даромъ, какъ думаетъ народъ; даютъ подъ залогъ движимаго или недвижимаго имущества, по поручительству, и получаютъ за это премію, которая часто платится впередъ, вычитается и которую называютъ процентомъ: все это совершенно противоположно тому, что обыкновенно понимаютъ подъ словомъ кредитъ.

Въ принципъ, заимодавецъ не довѣряетъ никому: онъ вѣритъ только залогу. Можетъ статья, что по добродушію, какъ человекъ и другъ, онъ одолжитъ другого, въ честности котораго не сомнѣвается; но въ дѣлахъ кредитомъ называется вовсе не то. Если банкиръ ведетъ свои счета осторожно и правильно, то не запишетъ въ своихъ конторскихъ книгахъ на имя своего друга сумму, которую далъ ему на слово; онъ запишетъ эту сумму на свое имя, потому что ее нельзя требовать въ назначенный срокъ, и потому что, давая въ долгъ такимъ образомъ, порукою онъ былъ самъ; а это значить, что въ подобномъ случаѣ на самомъ дѣлѣ онъ довѣряетъ только самому себѣ.

Кредитъ можно, стало быть, понимать двоякимъ образомъ: есть кредитъ вещественный, который основывается на вещахъ или залогахъ, и кредитъ личный, который гарантируется единственно добросовѣстностью должника. Народъ всѣми силами стремится къ личному кредиту: онъ иначе не понимаетъ взаимности. Поговорите съ простымъ человекомъ о залогахъ, о поручительствѣ, о двойной или тройной подписи, или хоть о торговомъ векселѣ, представляющемъ цѣнность, которая выдана и вездѣ можетъ быть принята: – онъ перестанетъ понимать насъ и приметъ всѣ ваши предосторожности за оскорбленіе. Такъ не дѣлается между добрыми знакомыми, подумаетъ онъ. – Я двадцать лѣтъ занимаюсь моимъ ремесломъ, скажете вамъ этотъ работникъ; вотъ вамъ свидѣтельство о моемъ поведеніи; я желаю занять лично на себя, и мнѣ нужно 3,000 фран. Можете вы дать мнѣ ихъ? – Онъ изумится, если вы скажете ему, что въ дѣлахъ во взаимномъ банкѣ, какъ и во всякомъ другомъ, принято за правило вѣрить не человеку, а залогу.

Воспитать въ этомъ отношеніи народъ – дѣло управляющихъ и директоровъ общества взаимнаго кредита. Я очень опасюсь, чтобы неумѣстная снисходительность или неосновательная боязнь нарушить свою программу не увлекли нѣкоторыя общества въ неосторожные и рискованные займы. Необходимо, чтобы работники усвоили истинные принципы; надо, чтобы они твердо убѣдились, что въ дѣлѣ кредита болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, надо строго различать милосердіе и право; что общество, основанное на принципѣ взаимности, не слѣдуетъ смѣшивать съ обществомъ вспомошествованія – словомъ, что дѣла не имѣютъ ничего общаго съ подвигами милосердія и филантропіи. Рабочія общества должны позволять себѣ личный кредитъ лишь изрѣдка и то съ величайшею осмотрительностью, хотя въ строгомъ смыслѣ онъ то и есть настоящій кредитъ; иначе они рискуютъ превратиться въ скоромъ времени въ филантропическія учрежденія, раззориться, благодаря лицепрїятію, фальшивымъ векселямъ, нравственнымъ гарантіямъ, и наконецъ лишиться чести.

Что же мы назовемъ взаимнымъ кредитомъ?

Кредитныя операціи дѣлятся на двѣ большія категоріи: 1) учетъ торговыхъ цѣнностей, 2) ссуда капитала земледѣлію и промышленности.

Каждая изъ этихъ операцій требуетъ непременно положительнаго, вещественнаго залога. Такимъ образомъ, когда негоціантъ нуждается въ звонкой монетѣ, онъ достаетъ ее посредствомъ векселей, выдаваемыхъ имъ на своихъ кліентовъ–должниковъ и, кромѣ того еще за подписью другаго негоціанта или банкира, а иногда двухъ, что составляетъ три и даже четыре ручательства: 1)

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org плательщикъ, 2) векселедатель, 3) надписатель или надписатели; каждый изъ нихъ отвѣчаетъ и лично, и имуществомъ. Во время кризиса часто случается, что негодяи достаютъ деньги подъ залогъ товаровъ, которые обыкновенно стоятъ втрое и вчетверо дороже ссужаемой подъ нихъ суммы. Надо, чтобы рабочій людъ твердо помнилъ, что взаимность не можетъ освободить ихъ ни отъ одного изъ этихъ ручательствъ, на которыхъ основывается кредитъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ.

Мы сказали выше, что кредитъ не дается на простыя обещанія, а подъ залогъ наличныхъ имуществъ; кромѣ того это операція корыстная, требующая для заимодавца вознагражденія или выгоды, настоящей преміи, равносильной страховой преміи, колеблющейся между 2, 3, 4 и 5, 6, 7, 8 и 9% въ годъ и называемой процентомъ. Къ этому проценту банкиры часто прибавляютъ плату за комиссію и другія мелкія издержки, которая часто возвышаетъ ссуду еще на 1%. Дѣло въ томъ, чтобы взаимностью уменьшить этотъ процентъ и побочные расходы, какъ въ торговыхъ учетахъ, такъ и въ займахъ подъ залогъ для земледѣлія и промышленности.

Въ послѣдніе семнадцать лѣтъ я писалъ слишкомъ много по вопросу о взаимномъ кредитѣ и потому не считаю себя обязаннымъ вдаваться теперь въ пространныя объясненія по этому предмету; достаточно будетъ нѣсколькихъ словъ.

Денежный процентъ, максимумъ котораго опредѣленъ закономъ 3 сентября 1807 года въ 6% для торговыхъ сдѣлокъ и въ 5% для гражданскихъ, составляетъ для труда самый тяжелый гнетъ, а для потребленія – самый неосновательный и вредный налогъ. Достаточно вспомнить, что торговые учеты даютъ одному французскому банку и его конторамъ до 40 милліоновъ чистаго барыша; что же касается ссуды капиталовъ земледѣлію и промышленности, то въ 1857 году вся сумма залоговъ простиралась до 12 милліардовъ, что составляетъ по крайней мѣрѣ 600 милліоновъ процентовъ.

Касательно обращенія и учета ясно, что торговый процентъ 6, 7, 8 и 9%, взимаемый банкирами, составляетъ дань, которую негодяи благосклонно платятъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ скопляется звонкая монета; купцы могли бы страховать другъ друга за самую небольшую премію, которою неудовольствуется ни одна компанія; дѣйствуя съ разрѣшенія правительства, они могли бы обезпечить себѣ доставку на 60 и 80% дешевле тарифа желѣзныхъ дорогъ; – они могли бы, съ помощью или безъ помощи правительственнаго вмѣшательства, ссужать другъ друга по такимъ процентамъ, до которыхъ не могъ бы низойти ни одинъ капиталистъ.

Когда въ 1848 году, благодаря инициативѣ временнаго правительства и торговой подпискѣ, была основана учетная контора, кто мѣшалъ тогда правительству, вдвойнѣ гарантировавшему этотъ новый банкъ облигаціями города Парижа и билетами казначейства, постановить, что акціонеры конторы будутъ пользоваться учетомъ своихъ векселей безъ процентовъ, получая простое вознагражденіе за комиссію? Вскорѣ всякій сталъ бы добиваться этой выгоды, сталъ бы просить акцій, то есть выкупалъ бы добровольнымъ единовременнымъ взносомъ ту дань, которую платилъ банкирамъ ежегодно. Но въ 1848 году февральская республика вся углубилась въ политику; ей не было дѣла до взаимности; довольная тѣмъ, что пустила въ ходъ новую машину, она отказалась въ пользу акціонеровъ отъ всякаго участія въ барышахъ. Теперь государство взяло назадъ свою гарантію, сдѣлавшуюся бесполезною; капиталъ конторы, состоявшій прежде изъ 6,666,500 франковъ вклада акціонеровъ, возросъ до 20,000,000, а акціи, стоившія вначалѣ 500 фр., цѣнятся на биржѣ въ 980 франковъ.

Что же касается ссудъ въ пользу земледѣлія и промышленности, то такъ какъ онѣ состоятъ изъ сырыхъ матеріаловъ, рабочихъ инструментовъ, скота, припасовъ и рабочихъ рукъ, такъ какъ выраженіе – поземельный кредитъ означаетъ вовсе не ссуды земель, луговъ, полей, виноградниковъ, лѣсовъ, домовъ или другихъ недвижимостей, а просто ссуды работъ и запасовъ; такъ какъ звонкая монета служить здѣсь, какъ и въ торговлѣ, только средствомъ обмѣна; такъ какъ, поэтому, означенныя ссуды могутъ дѣлаться лишь изъ сбереженій націи, и такъ какъ, слѣдовательно, единственное назначеніе поземельнаго кредита состоитъ въ томъ, чтобы облегчать своимъ посредничествомъ заключеніе займовъ, потому что подобная операція гораздо болѣе походить на срочную продажу, чѣмъ на заемъ подъ залогъ, – то изъ всего этого опять таки ясно, что и здѣсь взаимность можетъ и должна получить самое блистательное приложеніе, потому что дѣло идетъ только о практическомъ осуществленіи того, что въ сущности уже имѣетъ дѣйствительную

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org силу, – а именно, что истинные заимодавцы – производители, что займы даются не деньги, а сырые материалы, рабочие дни, инструменты и запасы; что для этой цели слѣдует учредить не банкъ, а скорѣе магазины и склады; наконецъ, что всякія ссуды подобнаго рода должны дѣлаться въ виду воспроизведенія, и что поэтому производители должны организовать свои взаимныя ссуды посредствомъ синдиката; это доставило бы имъ дешевизну, невозможную для мѣняль.

Нельзя надивиться тому странному обаянію, которое деньги производятъ на нашихъ финансовыхъ рутинеровъ и псевдо-экономистовъ. Когда въ 1848 году въ республиканскомъ собраніи занялись учрежденіемъ поземельнаго кредита, спасителя нашего земледѣлія, то въ виду имѣли только одно: создать съ возможно меньшимъ количествомъ звонкой монеты возможно большую сумму въ кредитныхъ билетахъ; совершенно тоже дѣлалось и во французскомъ банкѣ. Но чѣмъ больше мечтали объ этомъ, тѣмъ больше встрѣчали затрудненій. Во первыхъ, никто не хотѣлъ согласиться ссудать свои деньги по 3, 3,65 %, такъ чтобы новое учрежденіе могло снова отдавать ихъ займы подъ залогъ на 20–60 лѣтъ по 5, 5 1/2 или 6 %, включая сюда расходы по погашенію и издержки на управленіе. Кромѣ того, еслибы и нашлись заимодавцы, къ чему же это привело бы? Закладъ недвижимыхъ имѣній, тѣмъ не менѣе, шелъ бы своимъ чередомъ; земледѣльческій долгъ возрасталъ бы и становился бы все болѣе и болѣе неоплатнымъ, и учрежденіе поземельнаго кредита привело бы къ общему отчужденію собственности, еслибы продолжали занимать по 6 и 5 процентовъ, тогда какъ земля даетъ дохода всего 2 %. Когда противорѣчіе явилось такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ – и со стороны капиталистовъ, и со стороны земледѣльческаго долга, это превосходное учрежденіе поземельнаго кредита, на которое возлагалось столько надеждъ и которое сначала приписывали императорскому правительству, было покинуто: теперь земледѣліе занялось совсѣмъ другимъ. Мы сейчасъ упомянули, что вся сумма залоговъ простирается до 12 милліардовъ. Чтобы поземельный кредитъ могъ удобно выплачивать или пускать въ обращеніе такую сумму, нужно, чтобы онъ, подобно банку, собралъ въ своихъ кассахъ звонкой монетой по крайней мѣрѣ третью часть этого капитала, то есть, 4 милліарда, которые служили бы залогомъ на 12 милліардовъ билетовъ. Не смѣшно ли это до послѣдней степени? А между тѣмъ это-то и было камнемъ преткновенія, о который разбились и искусство нашихъ финансистовъ, и ученость нашихъ экономистовъ, и надежда нашихъ агрономовъ-республиканцевъ!... *Stupete gentes!*

Стало быть, здѣсь, какъ и вездѣ, приходится истреблять тройное злоупотребленіе, которое уже давно исчезло бы, еслибы не глупость нашихъ предпринимателей и не потачка имъ со стороны нашихъ правительствъ:

- 1) Все болѣе и болѣе упорное нарушеніе экономического права.
- 2) Безвозмездная и постоянно возростающая потеря части ежегодно создаваемого богатства подъ видомъ процентовъ.
- 3) Развитіе чудовищнаго тунеядства, все болѣе и болѣе развращающаго общество.

Реформы въ духъ взаимности отличаются тѣмъ, что онѣ въ одно и то же время и строго держатся права, и проникнуты высокой общественностью: цель состоитъ въ томъ, чтобы прекратить всякаго рода поборы, взимаемые теперь съ работниковъ подъ такими предлогами и такими средствами, которые когда-нибудь будутъ оговорены въ конституціи и вмѣнены правительству въ преступленіе[13].

Взаимность, которую въ наше время такъ страстно отрицаютъ защитники привилегій и которая составляетъ отличительную черту новаго ученія, не требуетъ, чтобы мы давали займы, ничего за это не ожидая: *Mittium date, nihil inde sperantes*. Отступая отъ нравственнаго ученія древнихъ моралистовъ, новѣйшіе теологи подняли вопросъ о томъ, заключается ли въ этихъ словахъ положительное запрещеніе давать въ долгъ на проценты; считать ли ихъ предписаніемъ или просто совѣтомъ. Различіе, которое мы выше установили между закономъ милосердія и закономъ справедливости, и наше теперешнее объясненіе личнаго кредита и кредита взаимнаго, который всегда долженъ быть обезпеченъ, но никогда не долженъ разсчитывать на выгоду, раскрываютъ намъ истинный смыслъ этого изреченія.

Моисей первый сказалъ еврею: не бери процентовъ съ брата, а лишь съ чужеземца. Его главною целью было предупредить смѣшеніе и отчужденіе

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org наследствъ, которымъ въ его время, какъ и въ наше, угрожалъ закладъ. Съ тою же цѣлю онъ установилъ отпущеніе долговъ черезъ каждые 50 лѣтъ. Но Иисусъ Христосъ, обобщая законъ Моисея, говоритъ: Давай въ долгъ безъ процентовъ и брату, и еврею, и чужеземцу. Такимъ образомъ онъ закончилъ вѣкъ эгоизма, вѣкъ національностей и открылъ періодъ любви, эру челоуѣчности. Теперь, не возвращаясь къ общинности и къ милосердію, мы утверждаемъ экономическую взаимность, гдѣ никто ни отъ кого не требуетъ жертвы и гдѣ каждый получаетъ всякую вещь за настоящую цѣну труда. Не смотря однако на простоту этой идеи, мы можемъ сказать о себѣ: Они насъ не поняли – Et sui eum non comprehenderunt[14].

Прикрытый ложнымъ именемъ свободы, эгоизмъ вѣлся въ насъ и развратилъ все наше существо. Нѣтъ на свѣтъ той страсти, той ошибки и той формы порока и неправды, которая не лишала бы насъ доли нашего скуднаго продовольствія. Мы платимъ дань невѣжеству, случаю, предразсудку, ажіотажу, монополіи, шарлатанству, рекламѣ, безвкусію, платимъ такую же дань чувственности и лѣни, кризисамъ, застоямъ, стачкамъ, прекращенію работъ, не говоря уже о томъ, что, благодаря нашимъ рутиннымъ привычкамъ, мы кромѣ того платимъ дань конкуренціи, собственности, власти, религіи, даже наукъ, объ уничтоженіи которой, очевидно, не можетъ быть и рѣчи, – всему этому платимъ мы дань, превышающую оказываемыя намъ услуги. Вездѣ экономическое право нарушается въ своихъ основныхъ принципахъ, и вездѣ это нарушение влечетъ за собою, въ ущербъ намъ, отчужденіе богатства, развитіе тунеядства и развратъ общественныхъ нравовъ.

ГЛАВА XIII.

Объ ассоціаціи, основанной на взаимности. Мнѣ казалось, что я долженъ посвятить особую главу этому вопросу, который занимаетъ очень видное мѣсто въ ряду рабочихъ недоразумѣній и гдѣ царитъ еще глубокой мракъ. Авторы манифеста, подобно своимъ люксембургскимъ товарищамъ, превозносятъ ассоціацію и считаютъ ее могущественнымъ средствомъ порядка, нравственности, богатства и прогресса. Но до сихъ поръ ни тѣ, ни другіе не умѣли распознать ее; всѣ смѣшиваютъ ее съ взаимностью; многіе смѣшиваютъ съ общиною; кромѣ гражданскаго и торговаго свода законовъ, которымъ притомъ работники не интересуются никто не сумѣлъ выяснить ея вредный или полезный характеръ, а, главное, никто не понялъ тѣхъ измѣненій, которымъ она должна будетъ подчиниться при порядкѣ вещей, основанномъ на взаимности.

Я попытаюсь, насколько хватить силъ, освѣтить этотъ интересный предметъ и, принимая въ расчетъ выгоду рабочихъ обществъ, которыя повсемѣстно развиваются и которымъ живо сочувствуютъ многія политическія знаменитости, думаю пополнить немногими словами этотъ важный пробѣлъ.

Экономическими силами я называю извѣстныя формы дѣйствія, клонящіяся къ тому, чтобы увеличивать силу труда и дѣлать ее могущественнѣе, чѣмъ она была бы, будучи совершенно предоставлена индивидуальной свободѣ.

Такимъ образомъ, то, что называютъ раздѣленіемъ труда или обособленіемъ промышленностей, есть экономическая сила: со временъ А. Смита было тысячу разъ доказано, что данное число рабочихъ наработаетъ въ четыре раза, въ десять разъ, въ двадцать разъ больше, если систематическимъ образомъ раздѣлить между собою трудъ, чѣмъ еслибы каждый работалъ отдѣльно и еслибы всѣ дѣлали тоже самое дѣло, не входя въ соглашенія и не соединяя своихъ усилій.

По той же или, скорѣе, по противоположной причинѣ, сила, которую я, одинъ изъ первыхъ, назвалъ силою совокупности, есть тоже экономическая сила: доказано, что данное число работниковъ легко и скоро исполнитъ работу, которая была бы невозможна для тѣхъ же самыхъ рабочихъ, если бы вмѣсто того, чтобы совокупить свои усилія, они захотѣли дѣйствовать врознь.

Приложеніе машинъ къ промышленности есть тоже экономическая сила: это нечего и доказывать. Машины даютъ челоуѣку возможность дѣлать большее усиліе, вслѣдствіе чего трудъ становится болѣе производительнымъ, доходъ – увеличивается: происходящее отъ этого приращеніе богатства свидѣтельствуешь о присутствіи здѣсь экономической силы.

Конкуренція – экономическая сила, потому что возбуждаетъ дѣятельность рабочаго.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Ассоціація – другая економічна сила, тому що внушає йому довіру і спокійство.

Наконець, обмін, кредит, золото і срібло, обращення в монету, сама власність – все це економічні сили.

Но самая великая, самая святая из экономических сил – та, которая соединяет с сочетаниями труда все открытия разума и санкции совести; это взаимность, в которой, так сказать, сливаются все другие силы.

Пути взаимности в право вступают другие экономические силы; он становится, так сказать, составными частями права человека и производителя; без этого он оставался бы одинаково безучастным и к общественному злу, и к общественному благу; в них нет ничего обязательного; сами по себе, они не представляют никакого нравственного характера. Всем известны излишества, чтобы не сказать, неистовства разделения труда и машин; – неистовства конкуренции, плутни торговля, грабежи кредита, проституция денег, тиранья собственности. Все эти обвинения уже давно истощены, и настаивать на них при современной демократии значило бы терять напрасно время, проповедуя обращенным. Одна только взаимность, удовлетворяющая и разуму, и совести, составляет взаимно обязующий договор, который так долго был непризнан, но в тайне всегда соединял всех труженников и обязывал людей, оплодотворяя в то же время их труд. Она одна непобедима и непоколебима, потому что и в человеческих обществах, и во вселенной составляет Право и Силу.

Если рассматривать ассоциацию с ее хорошей стороны, она, конечно, покажется мирной и братской; я не стану ополчивать ее в глазах народа – сохрани меня Боже!... Но ассоциация сама по себе, лишенная руководящей мысли Права, есть тем не менее случайная связь, основанная на чисто физиологическом и корыстном чувстве; – это свободное условие, которое можно расторгнуть, смотря по желанию; это ограниченная группа, о которой всегда можно сказать, что ее члены, соединившиеся только для себя самих, соединились каждый и все против всех: так смотрел на это законодатель, и он не мог смотреть иначе.

О чем хлопчут на примере наши крупные ассоциации капиталистов, организованные в духе торгового и промышленного феодализма? Присвоить себе фабрику, обмен и выгоды, сгруппировать с этой целью под одним руководством самые разнообразные специальности, сосредоточить ремесла, соединить в одних руках должности, – словом – вытеснить мелкую промышленность, убить торговлю и превратить таким образом в наемщиков самую многочисленную и самую развитую часть буржуазии: и все это в пользу так называемых организаторов, основателей, директоров, администраторов, советников и акционеров этих громадных спекуляций. В Париже можно видеть множество примеров этой безчестной войны, которую крупные капиталы ведут против мелких: упоминать о них бесполезно. Толковали о центральном книжном магазине, который должен был состоять под командованием г. Перейры и заменить большую часть теперешних книжных магазинов: это новый способ господствовать над прессой и над идеями. Даже само общество литераторов, завидуя выгодам книгопродавцев, думает сделаться издателем всех сочинений, выпускаемых в свет живыми авторами: эта страсть к насильственному завладению не знает себе границ; она служит ясным доказательством жалкого состояния умов. Я знал одно типографское заведение, которое соединяло у себя с набором и печатанием, нераздельными друг от друга, оптовую и мелочную книжную торговлю, торговлю бумагой, литье шрифтов, изготовление скоропечатных машин, отливку стереотипных досок, переплетное и столярное мастерство, и т. д. Кроме того хотело открыть при нем школу для учеников и маленькую академию. Это чудовищное заведение вскоре пало, благодаря плутням, тунеядству, растратам, конкуренции, возрастающему дефициту. Промышленный феодализм имеет те же стремления, и его ожидает такой же конец.

Чего добивались рабочие ассоциации Люксембургской системы. Заменить при помощи государства ассоциацию капиталистов союзом работников, то есть – все-таки вести войну против свободной промышленности и свободной торговли посредством централизации, соединения рабочих рук и превосходства капиталов. Вместо ста или двухсот тысяч заведений, имеющих торговое свидетельство, было бы только сто крупных ассоциаций, которые служили бы представителями различных отраслей промышленности и торговли, где рабочее население было бы дисциплинировано и окончательно порабощено высшим

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org государственными соображениями этого братства, подобно тому, как в настоящую минуту его силится поработить верховными требованиями капитала. Что выиграли бы от этого свобода, общественное благосостояние, цивилизация? Ничего. Мы переменили бы одну цепь на другую; но всего печальнее и всего яснее выказываете бессилие законодателей, предпринимателей и преобразователей то, что общественная идея не подвинулась бы ни на шаг вперед; мы по прежнему остались бы под тем же произволом, под тем же экономическим фатализмом.

Этот первый, беглый обзор коммунистических ассоциаций, впрочем неосуществившихся на деле, и товариществ на верь и на акциях, составленных по плану товарищеской анархии и нового феодализма, освещенного законом и поддержанного властью, показали нам, что и те, и другие были основаны с частными целями, с расчетом на эгоистическую выгоду; что в них нет ничего такого, что обнаруживало бы преобразовательную мысль, высшую цель цивилизации, хотя бы малейшую заботу о прогрессе и об обществе; напротив того, поступая так индивидуально и анархически, они ничто иное, как мелкие партии, организованные, против большой, в недрах которой они живут на ее же счет.

Общая характеристическая черта этих обществ, указанные в своде законов, обнаруживают их узость и ничтожество. Они состоят из определенного числа лиц, которые все, разумеется, означены поименно, по ремеслам, месту жительства и званию; каждый член вносит вклад; общество составлено с специальной целью и для исключительной выгоды, и срок его существования ограничен. Посторонние лица не допускаются. Во всем этом нет ничего, что соответствовало бы великим надеждам, которые рабочая демократия возлагает на ассоциацию: на каком основании может она надеяться получить от неа результаты, более человеческие, чем те, которые мы до сих пор видим? Ассоциация определяется сама собою, и основная черта ее состоит в стремлении к обособлению. Можно ли устроить так, чтобы не существовало рядом отделенных и отличных друг от друга ассоциаций столяров, каменщиков, ламповщиков, шляпочников, портных, сапожников и т. д.? Приходит ли комунибудь в голову, чтобы все эти ассоциации слились между собою и составили одно всеобъемлющее общество? Можно смело предложить рабочей демократии разрешить эту задачу – что я говорю? – не только работникам, но и их советам, академии политических и нравственных наук, законодательному корпусу, поголовно всей школе правопедения; можно смело сказать, что все мы имеем вовек не придумать такой ассоциации, где соединились бы, сливались бы воедино труд и выгоды двух разнородных групп, например, каменщиков и краснодеревцов. Стало быть, не будучи солидарны, ассоциации по самой силе вещей будут соперничать между собою; их интересы будут противоположны друг другу; выйдут противоречия, возникнет вражда. Выхода из этого нет.

Но, скажут мне, разве мы не можем прибегнуть к принципу взаимности, чтобы согласить и примирить ассоциации, не сливая их?...

Давно бы так! взаимность уже является как *Deus ex machina*. Узнаем же, чему она нас учит, и прежде всего заявим, что взаимность вовсе не то, что ассоциация, и что, одинаково любя свободу и сочетание, она равно чужда и прихоти, и нетерпимости.

Мы только что говорили о разделении труда. Результат этой экономической силы состоит в том, что, порождая специальности, она создает столько средоточий свободы, что ведет за собою разделение предприятий, то есть как раз противное тому, чего добиваются и защитники коммунистических ассоциаций, и основатели ассоциаций капиталистов. Соединяясь потом с законом естественного распределения населения по полосам, кантонам, общинам, кварталам, улицам, разделению труда приводит к следующему решительному результату: всякая промышленная специальность не только призвана развиваться и действовать в полной и совершенной независимости, при условиях взаимности, ответственности и обеспечения, которые составляют общее условие общества, но, кроме того, тоже распространяется и на промышленников, из которых каждый в том округе, где живет, служит своею личностью представителем какойнибудь специальности труда: в принципе эти промышленники должны оставаться свободными. Разделение труда, свобода, конкуренция, политическое и общественное равенство, достоинство человека и гражданина не допускают подчинения, какое влечет за собою патронство контор. Шестьдесят членов говорят в своем манифесте, что они не хотят клиентства, а патронство контор есть обратная сторона этого

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
клиентства: въ сущности это все одно и тоже.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ ассоціаціи принципъ взаимности состоитъ въ томъ, чтобы люди составляли общества только тогда, когда того требуютъ самое производство, дешевизна продуктовъ нужды потребленія, спокойствіе самихъ производителей, когда становится равно невозможнымъ ни публикѣ полагаться на частную промышленность, ни частной промышленности брать на себя всю отвѣтственность и одной нести весь рискъ предпріятій. Тогда людей соединяетъ уже не система, не расчетъ самолюбія, не духъ партіи, не пустая сантиментальность; ихъ соединяетъ самая сила вещей, и такъ какъ, соединяясь такимъ образомъ, они повинуются только силѣ вещей, то могутъ сохранить свою свободу даже въ ассоціаціи.

Эта сторона идеи взаимности, которая ясно вытекаетъ изъ общихъ принциповъ, заявленныхъ въ манифестѣ шестидесяти, можетъ своимъ значеніемъ привлечь къ новой демократіи самыя живыя симпатіи мелкихъ буржуа, мелкихъ промышленниковъ, мелкихъ торговцевъ.

Когда дѣло идетъ о производствѣ мануфактурномъ, металлургическомъ, морскомъ, о разработкѣ рудника, то здѣсь ассоціація, конечно, умѣстна: этого никто не станетъ оспаривать. Точно также умѣстна она въ тѣхъ обширныхъ предпріятіяхъ, которыя носятъ на себѣ характеръ общественнаго дѣла, напримѣръ въ желѣзныхъ дорогахъ, кредитныхъ учрежденіяхъ, докахъ и т. д. Въ своемъ мѣстѣ я доказалъ, что въ силу закона взаимности изъ этихъ предпріятій должна быть устранена всякая выгода капиталовъ, и они должны быть отданы въ руки общества, которое одно имѣетъ право пользоваться ими и содержать ихъ. Въ этомъ случаѣ опять таки до послѣдней степени ясно, что ни монополюныя компаніи, ни общества, состоящія подъ покровительствомъ государства и производящія работы отъ имени государства и на его счетъ, не могутъ поручиться за хорошее исполненіе и дешевизну. Такое обезпеченіе могутъ дать только свободные члены обществъ, связанные съ публикою взаимностью, а между собою обыкновенною ассоціаціею.

Но когда дѣло идетъ о многочисленныхъ отрасляхъ ремеслъ и торговли, которыхъ такъ много въ городахъ и даже въ деревняхъ, – я уже не вижу необходимости и пользы ассоціаціи. Я тѣмъ менѣе вижу здѣсь пользу отъ ассоціаціи, что результатъ, котораго можно было бы ожидать отъ нея, пріобрѣтается, помимо ея, совокупностью взаимныхъ обезпеченій, взаимными страхованіями, взаимнымъ кредитомъ, рыночною полиціею и т. д. Скажу больше: какъ скоро эти обезпеченія приняты, обществу гораздо безопаснѣе имѣть въ подобныхъ случаяхъ дѣло съ однимъ предпринимателемъ, чѣмъ съ компаніею.

Кто не видитъ, напримѣръ, что мелкая торговля неизбѣжно должна существовать, потому что иначе крупныя компаніи были бы поставлены въ необходимость, ради удобства своихъ покупателей, всюду открывать магазины и конторы? Сверхъ того, въ порядкѣ вещей, основанномъ на взаимности, всѣ мы, въ отношеніи другъ къ другу, – кліенты, подчиненные, слуги. Въ этомъ то и состоитъ наша солидарность, которую авторы манифеста провозглашаютъ на ряду съ правомъ на трудъ, свободою труда, взаимностью кредита, и т. д. Система поглощенія, на которой основаны всѣ большія компаніи капиталистовъ и люксембургскія общины, обрекаетъ человѣка на вѣчное подчиненіе, на вѣчную наемщину; неужели было бы худо, еслибы онъ сталъ свободнымъ продавцемъ, благодаря системѣ взаимности, гдѣ ажіотажъ немислимъ? Назначеніе торговца состоитъ не только въ томъ, чтобы продавать и покупать, имѣя въ виду исключительно свою личную выгоду; оно должно возвыситься вмѣстѣ съ общественнымъ порядкомъ, часть котораго оно составляетъ. Прежде всего торговецъ есть раздаватель продуктовъ, качество, изготовленіе, производство, цѣнность которыхъ онъ долженъ знать въ точности. Потребителямъ своего округа онъ долженъ сообщать свѣдѣнія о цѣнахъ, о новыхъ предметахъ, о предстоящей дороговизнѣ, о возможности паденія цѣнъ. Здѣсь необходима постоянная работа, требующая ума, усердія, честности; но, повторяю, при новыхъ условіяхъ, въ которыя насъ ставитъ система взаимности, дѣло продавца ни мало не требуетъ гарантіи (сомнительной, замѣтьте,) большой ассоціаціи. Для общественнаго спокойствія въ этомъ случаѣ достаточно всеобщаго преобразования нравовъ путемъ принциповъ. Поэтому, спрашивается, зачѣмъ пропадать экономическому индивидуализму? Зачѣмъ намъ мѣшаться въ это? Организуемъ право, и пусть лавка дѣлаетъ свое дѣло. Благосклонность публики обратится на того, кто будетъ всѣхъ честнѣе и всѣхъ прилежнѣе.

Вотъ въ чемъ, если не ошибаюсь, должны заключаться элементы союза между

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
мелкою, промышленною и торговою буржуазією и рабочими классами, того союза, который громко провозгласили и котораго требовали авторы манифеста.

«Безъ насъ, говорить они съ глубокимъ предчувствіемъ истины, буржуазія не можетъ основать ничего прочнаго; безъ ея содѣйствія наше освобожденіе можетъ быть замедлено очень на долго. Соединимся же для общей цѣли – для торжества истинной демократіи».

Повторимъ и мы за ними: здѣсь не можетъ быть рѣчи объ измѣненіи уже упроченныхъ положеній; дѣло идетъ просто о томъ, чтобы, посредствомъ уменьшенія платы за наемъ капиталовъ и квартиръ, посредствомъ облегченія и удешевленія учетной таксы, искорененія туеядства, уничтоженія ажіотажа, надзора за складами и рынками, посредствомъ сбавки цѣнъ на перевозъ, приведенія цѣнностей въ равновѣсіе, высшаго образованія рабочихъ классовъ, посредствомъ окончательнаго перевѣса труда надъ капиталомъ, справедливой доли уваженія къ таланту и къ должности, посредствомъ всего этого, говорю я, возвратить труду и честности то, что несправедливо отнято у нихъ капиталистами; увеличить всеобщее благосостояніе, упрочивъ существованіе каждой отдѣльной личности; предупредить точною сдѣлкой раззоренія и банкротства; воспрепятствовать, какъ грабительству, возникновенію огромныхъ богатствъ, лишенныхъ законнаго, дѣйствительнаго основанія; короче – положить конецъ всѣмъ аномаліямъ и безпорядкамъ, которыя здравая критика всегда считала хронической причиною нищеты и пролетаріата.

Но къ чему спорить о словахъ и терять время въ бесполезныхъ препирательствахъ? Чтобы ни говорили, народъ вѣруетъ въ ассоціацію, онъ утверждаетъ, предчувствуетъ и предсказываетъ ее, а между тѣмъ нѣтъ другой ассоціаціи, кромѣ устава товарищества, опредѣленнаго въ нашемъ уложеніи. Чтобы не измѣнить ни даннымъ науки, ни народнымъ стремленіямъ, скажемъ въ заключеніе, что ассоціаціи, формулу которой искали современные нововводители (какъ будто въ законъ о ней ничего не сказано) и которой никто изъ нихъ не могъ опредѣлить; которую артистъ, мистикъ и пророкъ Фурье назвалъ Гармонією, сказавъ, что ей долженъ предшествовать періодъ Гарантизма; которая должна охватить все общество и тѣмъ не менѣе сохранить неприкосновенными всѣ права личной и корпоративной свободы; которая вслѣдствіе этого не можетъ быть ни общиною или всеобъемлющимъ обществомъ имуществъ и барышей, признаннымъ сводомъ гражданскихъ законовъ, осуществленнымъ въ средніе вѣка, обобщеннымъ сектою Моравскихъ Братьевъ, отождествленнымъ съ политическимъ союзомъ или государствомъ въ ученіяхъ Платона, Кампанеллы, Мора, Овена, Кабе, и т. д.; ни торговыми товариществами на вѣрѣ и анонимными, на паяхъ; къ которой рабочая демократія не перестаетъ взывать, какъ къ спасенію отъ всякаго рабства и къ высшей формѣ цивилизаціи; – что эта ассоціація есть ничто иное, какъ ВЗАИМНОСТЬ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. И дѣйствительно, что же такое взаимность, которую мы старались обрисовать въ краткихъ чертахъ, какъ не общественный договоръ по преимуществу, договоръ политическій и въ то же время экономическій, обоюдосторонній, обнимающій за разъ личность и семейство, корпорацію и городъ, продажу и покупку, кредитъ, страхованіе, трудъ, образованіе и собственность, всякое ремесло, всякую сдѣлку, всякую службу, всякое обезпеченіе, и выражающій все это самымъ простымъ образомъ? По своему высокому преобразующему значенію онъ клонится къ уничтоженію эгоизма, туеядства, произвола, ажіотажа, всякой распущенности. Но вѣдь въ этомъ и заключается та таинственная ассоціація, о которой мечтали утописты, которая была неизвѣстна философамъ и юрисконсультамъ и которую мы опредѣлимъ двумя словами: договоръ взаимности. [15]

Бросимъ послѣдній взглядъ на этотъ новый договоръ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ наше время въ несовершенныхъ, но полныхъ надеждъ попыткахъ рабочей демократіи, и обратимъ вниманіе на самыя характеристичныя черты его. Въ началѣ ассоціація, основанная на взаимности, кажется какъ будто ограниченною въ числѣ членовъ и въ срокъ дѣйствія, спеціальною по предмету, измѣняемою въ своемъ уставѣ. Но она способна развиваться съ такою неудержимою силою, что стремится подчинить себѣ и присоединить къ себѣ все, что ее окружаетъ, пересоздать по своему образцу все общество и государство. Этою способностью къ развитію ассоціація, основанная на взаимности, обязана высокой нравственности и экономической плодотворности своего принципа.

Замѣйте, что въ силу свойственнаго ей принципа, ассоціація открыта всякому, кто, узнавъ ея духъ и цѣль, пожелалъ бы вступить въ нее: она никого не отвергаетъ, и чѣмъ больше растетъ, тѣмъ становится выгоднѣе. Стало быть, въ отношеніи къ личному составу своему она неограничена по самой

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
своей сущности, чего не бывает во всякой другой ассоциации.

То же самое можно сказать и об ее предмете. Общество, основанное на взаимности, может иметь специальною целью какое нибудь промышленное предприятие. Но в силу принципа взаимности, оно стремится завлечь в свою систему обеспеченной сперва тем промышленности, с которыми стоит в непосредственной связи, а потом тем, которые относятся к ней дальше. И в этом отношении ассоциация, основанная на взаимности, неограниченна; ее поглощающая сила бесконечно могущественна.

Говорить ли о ее прочности? Может случиться, что члены ассоциации, основанной на взаимности, потерпев какую нибудь частную, случайную, личную неудачу, будут принуждены расторгнуть свои условия. Но при всем том, так как их общество было основано прежде всего на идее права с целью экономического приложения этой идеи, то по сущности своей оно стремится к непрерывному существованию, точно так же, как мы видели, оно стремится стать всеобщим. Когда рабочая масса приобретет ясное понятие о принципе, который волнует их в настоящую минуту, когда сознание их проникнется этим принципом, когда он громко и ясно провозгласит его, – тогда какое изменение в установленном ими порядке вещей сдѣлается невозможным: иначе было бы противоречие. Взаимность или общество, основанное на взаимности, есть справедливость; а в справедливости, как и в религии отступить назад невозможно. После того как евангельская проповедь обратила мир в монотеизм, разве люди могли снова вернуться к многобожию? Разве Франция могла бы вернуться к феодальному порядку в то время, когда Россия уничтожает у себя рабство? Так и новая реформа: по своей сущности договор взаимности неотъемлем во всякой ассоциации. Чисто материальные и внешние причины могут расторгнуть такого рода общества в их специальности; но сами по себе и по своему основному устройству они стремятся создать новый порядок вещей и не подвержены прекращению. Заключив между собою союз, основанный на добросовестности и чести, люди не могут сказать друг другу, разставаясь: «Мы ошиблись; теперь мы снова сдѣлаемся лгунами и плутами; это будет выгодно!»

Вот наконец последняя характеристическая черта: взнос капитала перестает быть необходимым в обществе, основанном на взаимности; чтобы быть членом общества, достаточно сохранять в сдѣлках взаимную честность.

Говоря вкратце, по определению существующаго законодательства, общество есть договор, заключенный между известным числом лиц, обозначенных по именам, ремеслам и званію (Сводъ гражданскихъ законовъ, ст. 1832) и имѣющій целью частную выгоду, которая должна быть раздѣлена между членами общества. (Тамъ же.) Каждый членъ долженъ внести или деньги, или имущество, или свою промышленность (ст. 1833). Общество составлено на определенное время (ст. 1965).

Ассоциация, основанная на взаимности, проникнута совершенно другимъ духомъ. Будучи взаимною, она допускаетъ всѣхъ и стремится къ всеобщности; составляется не прямо съ расчетомъ на выгоду, а въ виду обеспечения; взносъ денегъ, другихъ цѣнностей или собственной промышленности считается необязательнымъ; единственное необходимое условие составляетъ вѣрность взаимному обязательству; составившись разъ, эта ассоциация по сущности своей стремится къ обобщенію и къ бесконечности.

Разсматриваемая какъ революціонное орудіе и какъ правительственная форма, коммунистическая ассоциация тоже хочетъ стремиться быть нерасторжимою и всеобъемлющею; но она не признаетъ за членами никакой собственности, – ни денегъ, ни другихъ имуществъ, ни ихъ труда, ни ихъ таланта, ни ихъ свободы: это-то и дѣлаетъ ее невозможною.

Когда законъ взаимности преобразуетъ поколѣнія, тогда, какъ теперь, будутъ безпрепятственно составляться частныя ассоциации, имѣющія каждая своимъ предметомъ разработку промышленной специальности или какое нибудь предприятие, въ видахъ собственной выгоды. Но эти ассоциации, которые могутъ даже сохранить свои теперешнія опредѣленія, будутъ подчинены, и другъ передъ другомъ, и передъ публикою, долгу взаимности, будутъ проникнуты новымъ духомъ, и тогда между ними и временными, соотвѣтствующими имъ ассоціями не будетъ ничего общаго. Онѣ утратятъ отличающій ихъ эгоистичный и разрушительный характеръ, но въ то же время сохранятъ всѣ выгоды, которыя имъ даетъ ихъ экономическое могущество. Это будутъ своего рода частныя церкви въ нѣдрахъ вселенской, и онѣ будутъ способны

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
воспроизвести вселенскую церковь, если бы она пала.

я очень желал бы представить здесь взаимную и федеративную теорию собственности, которую я разбирал 20 лет тому назад. Но обширность предмета заставляет меня отложить до другого времени обсуждение этого важного вопроса.

В третьей части этого тома я буду говорить о свободном обмене, о свободе союзов и о некоторых других вопросах политической экономии, которые могут быть разрешены только принципом взаимности.

ГЛАВА XIV.

О взаимности в правительствах. О тождестве политического и экономического принципов. Как решает рабочая демократия задачу сочетания свободы с порядком.

Теперь нам понятно, что экономическое право, о котором я не раз говорил в своих прежних сочинениях, или, другими словами, справедливость в политической экономии состоит во взаимности. Вне учреждений, свободно основанных по принципу взаимности на разум и опыт, экономические отношения представляют путаницу противоречий, вызванных случайностью, обманом, насилием и кражей.

Из экономического права само собою вытекает общественное право. Правительство есть система обеспечений; тот же принцип взаимной гарантии, обеспечивающий каждому образование, работу, беспрепятственное развитие своих способностей, занятие своим ремеслом, пользование своею собственностью, обмен продуктов и услуг, – точно также обеспечит весь порядок, справедливость, мир, равенство, умеренность власти, добросовестность должностных лиц, общую взаимную преданность.

Подобно тому, как сама природа разделила землю на разные пояса и части, которые в свою очередь раздробились на участки между общинами и семействами, точно так же работы и производства распределились по закону органического разделения и в свою очередь составили определенные группы и корпорации.

Таким же образом, явится, при новом договоре, правильное распределение политического самоуправления, гражданских учреждений и корпоративных отношений в областях, округах, общинах и других частях. Благодаря этому распределению, повсюду станет царствовать настоящая свобода.

Уничтожается старый закон единства и поглощения. И вот, с той минуты, когда различные части государственного организма начинают действовать в силу нового договора и взаимного соглашения, – везде появляются свои политические центры действия. Каждая группа или этнографическая разновидность, каждое племя, говорящее своим языком, сохраняет независимость развития; каждый город, обеспеченный в своем самоуправлении, живет по-своему, совершенно самостоятельно. По праву, единство удерживается и выражается путем взаимного общения, которое дают друг другу все независимые политические группы, а именно: 1) заключать договоры с соседями, на известных принципах; 2) защищаться сообща против внешнего врага и домашнего деспотизма; 3) входить в необходимые соглашения касательно экономических интересов и помогать друг другу в случаях повальных бедствий. Для надзора же за исполнением общего договора и в видах общего благосостояния, составляют народный совет из выборных от каждой политической группы.

И так, то самое, что на экономическом языке называется нами «взаимностью или взаимным обеспечением», в политическом смысле выражается словом – федерация. Этими двумя словами определяется вся реформа наша в политике и общественной экономии.

я не стану более распространяться о выводах учения взаимности, о тех самых выводах, которые так ясно изложены в Манифесте шестидесяти по поводу корпоративной реформы, применения всеобщей подачи голосов и провинциальных и городских прав. Довольно того, что, в силу логики и на основании фактов, я утверждаю зависимость политики от экономии, которая в рабочей демократии должна следовать одному и тому же методу и подчиняться одним и тем же принципам. Отсюда прямо следует, что в будущем и единая республика, и конституционная монархия, также мало

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
соблазнять народъ, какъ и торговая анархія или икарійская община.

Безспорно, что подобное воззрѣніе еще не успѣло въ настоящую минуту стать общимъ: только немногіе избранные мыслители признають его вѣрнымъ. При всемъ томъ, основаніе заложено, сѣмя брошено, и оно разовьется непременно силою народной логики и естественнымъ теченіемъ событій. Dabit Deus incrementum. Съ глубокимъ убѣжденіемъ можемъ мы сказать теперь: хаосъ социализма 1848 года разсыялся; что обѣщаетъ онъ въ будущемъ – разгадать не берусь, но вижу и знаю только то, что зародышъ социализма развился и созрѣлъ вполне. Клевета и невѣжество не уничтожатъ его, потому что онъ долженъ жить, и задача его жизни рѣшена. Отнынѣ революція демократическая и социальная не шута обращается въ систему обезпеченія, которая не замедлитъ восторжествовать.

Идея взаимности, внѣ которой, какъ мы убѣждаемся со дня на день, нѣтъ для народа спасенія, нѣтъ для него возможнаго облегченія, эта самая идея при своемъ появленіи въ свѣтъ вызвала, однако, нѣкоторые упреки. Противъ нея возстали съ двухъ сторонъ такія партіи, которыя, не смотря на внѣшнее несходство воззрѣнія и характера, въ сущности совершенно одинаковы: я разумѣю старую демократію и буржуазію. Съ одной стороны, старые демократы стали опасаться, что ученіе взаимности уничтожитъ національное единство, то есть ту силу общественной связи, которая придаетъ народу значеніе и славу. Съ другой стороны, буржуазія заявила подобное же недовѣріе: она увидѣла въ системѣ взаимности стремленіе къ анархіи и, во имя самой свободы, стала протестовать противъ звѣрства личнаго права и непомѣрнаго притязанія личности вообще!!

Поводомъ къ такому протесту послужило отчасти то обстоятельство, что въ средѣ болѣе здравомыслящихъ, чѣмъ благоразумныхъ писателей нашлись люди, которые въ послѣднее время особенно сильно нападали на центральную власть за ея стремленіе захватить все въ свои руки. Надо знать, что во Франціи, въ теченіе уже двѣнадцати лѣтъ, господствуетъ общее отвращеніе ко всякому движенію, и потому, въ концѣ концовъ, послѣ всевозможныхъ споровъ, раздоровъ и противорѣчій, большинство отстаиваетъ такъ называемый «порядокъ» и возстаетъ противъ свободы.

И такъ, волей-неволей, рабочая демократія должна показать, какимъ образомъ, слѣдуя своему принципу взаимности, думаетъ она осуществить девизъ буржуазіи 1830-го года – «Свобода-Общественный Порядокъ» или то самое, что республиканская демократія 1848-года охотнѣе выражала словами: «Единство и Свобода.»

Здѣсь представляется намъ удобный случай видѣть все величіе значенія и характера той верховной идеи, въ силу которой торжественно заявляется политическая способность рабочихъ классовъ.

Обратимъ сперва вниманіе на то, что умъ человѣческой не въ состояніи отрѣшиться отъ идеи единства. Эту идею онъ утверждаетъ во всемъ: въ религіи, въ наукѣ, въ правѣ; онъ желаетъ, разумѣется, ввести ее и въ политику, и даже въ философію и свободу, не взирая на логическую невозможность. Единство – законъ всего живущаго и организованнаго, законъ всего, что чувствуетъ, любитъ, наслаждается, создаетъ, борется, работаетъ и, путемъ борьбы и труда, ищетъ порядка и благополучія. Отрицаніе единства казалось всегда принципомъ дьявольскаго царства, анархіей, разложеніемъ, то есть смертью. Только въ видахъ единства строятся города, издаются законы, появляются государства, освящаются династіи и, только во имя единства, народы повинуются своимъ владыкамъ, парламентамъ, первосвященникамъ. Только изъ страха разложенія, какъ неизбѣжнаго послѣдствія смутъ и раздоровъ, всюду полицейская власть преслѣдуетъ своимъ подозрѣніемъ и гнѣвомъ философскія изслѣдованія и «дерзкую» критику, и «нечестивое» отрицаніе и «богоубійственную» ересь; только для сохраненія этого драгоцѣннаго единства и сносятъ иногда народы самую возмутительную тиранію.

Постараемся же понять, наконецъ, что такое единство въ настоящемъ своемъ смыслѣ.

Замѣтимъ сперва, что какъ нѣтъ Свободы безъ Единства или, все равно, безъ Порядка, точно такъ же нѣтъ и единства безъ разнообразія, безъ раздѣленія, безъ разносторонности; нѣтъ Порядка безъ протеста, безъ противорѣчія и борьбы. Свобода и Единство или Порядокъ, эти идеи точно такъ же предполагаютъ одна другую, какъ кредитъ залогъ, какъ матерія духъ, какъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
тѣло души; ихъ нельзя ни отдѣлять, ни совмѣщать; волей неволею приходится
жить съ ними и возможно только уравновѣсить ихъ.

И такъ, вопросъ заключается вовсе не въ томъ, какъ утверждаютъ безсильные
софисты: выйдетъ ли Свобода изъ Порядка или Порядокъ изъ Свободы; можемъ ли
мы считать Свободу причиной Порядка или послѣднимъ словомъ прогрессивнаго
развитія? Все это вздоръ, потому что Порядокъ и Свобода, для своего
заявленія, вовсе не требуютъ посторонняго содѣйствія или позволенія: они
существуютъ вѣчно, во взаимной неразрывной связи. Вотъ почему вся задача
состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить ихъ соотношеніе и отличительный
характеръ.

До сихъ поръ, въ каждомъ политическомъ обществѣ, Порядокъ и Свобода были
выраженіями неточными, случайными, чтобы не сказать произвольными.
Человѣчество, въ своемъ самобытномъ развитіи и самоосвобожденіи, жило
рядомъ гипотезъ, которыя были для него, въ одно и тоже время, опытомъ и
переходомъ изъ одного состоянія въ другое. Можетъ быть мы не дошли еще до
конца и не исчерпали всѣхъ этихъ гипотезъ; во всякомъ случаѣ, для насъ
утѣнительно то, что въ настоящее время мы знаемъ, что 1) общество стремится
одновременно къ Свободѣ и Порядку, и 2) можно опредѣлить и ускорить это
стремленіе.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, столько правительственныхъ формъ, столько
государствъ такъ сказать уничтожались сами собой, одни за другими?

Отчего общественная совѣсть осудила ихъ безвозвратно и, въ настоящую пору,
не найдется въ цивилизованной Европѣ ни одного человѣка, который захотѣлъ бы
клясться во имя какой нибудь конституціи? Отчего даже конституціонная
монархія, дѣло трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, та самая монархія, которую
такъ любили наши отцы, противна уже современнымъ людямъ и представляетъ
повсюду въ Европѣ картину своего явнаго упадка? Все это происходитъ оттого,
что ни одна политическая форма не дала еще до сихъ поръ настоящаго рѣшенія
задачи согласованія Свободы и Порядка, того согласованія, какого требуютъ
всѣ разумные люди. Это происходитъ оттого, что единство, какъ понимаютъ его
самые крайніе либералы и отчаянные абсолютисты, остается еще единствомъ
выдуманнѣмъ, искусственнымъ, дѣломъ принужденія, насилія, короче – чистѣмъ
матеріализмомъ, который противенъ совѣсти и недоступенъ разуму. Подобное
единство ничто иное, какъ догматъ, выдумка, знамя, символъ секты, партіи,
церкви или племени; говоря другими словами – догматъ вѣры или
государственной необходимости.

Пояснимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами. Франція представляетъ намъ
громадный образъ единства: начиная съ Гуго Капета, мы можемъ по годамъ
показать время присоединенія каждой провинціи и образованія
государственнаго единства. Въ 1860 году Савоя и Ницца, въ свою очередь,
присоединились къ Франціи: что можетъ доказать это въ пользу ея единства?
Какая ей выгода отъ увеличенія территоріи и завоеваній? Неужели
политическое единство только одинъ вопросъ о пространствѣ и границахъ
государства? Если бы это было такъ, то задача единства могла бы рѣшиться
только во всемирной монархіи, и никто не вѣрилъ бы тогда въ судьбу Франціи,
Англіи, и никакое государство не имѣло бы смысла.

Изъ области матеріялизма перейдетъ въ область спиритуализма. Всеобщая
подача голосовъ, какъ она выразилась закономъ 1852 года, конечно
представляетъ собою идею единства; тоже самое можно сказать и объ
избирательныхъ порядкахъ 1830, 1806, 1793 годовъ и т. д. Что же,
спрашивается, доказываютъ всѣ эти формулы? Въ которой изъ нихъ найденъ
настоящій порядокъ и выражено истинное политическое единство? Или, еще
лучше, въ которой изъ нихъ нашли мы больше смысла и совѣсти? Какая изъ нихъ
не измѣнила Праву, Свободѣ, Разуму?!

Мы уже замѣтили, что политическое единство не можетъ быть вопросомъ о
территориальномъ протяженіи и границахъ; это самое единство тѣмъ болѣе не
можетъ быть вопросомъ желанія или подачи голоса. Я иду дальше и говорю: не
уважай никто рабочей демократіи, которая кажется рѣшительно стоить за свои
избирательныя права, и не надѣйся никто на ея будущность, что случилось бы
тогда съ самой идеей всеобщей подачи голосовъ? Кто бы вѣрилъ въ нее?
спрашиваю я.

Нѣтъ, для новаго поколѣнія нужно такое единство, въ которомъ выражалась бы
общественная душа, т. е. единство душевное и разумный порядокъ, связующій

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org насъ всѣми силами совѣсти и ума и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающій намъ свободу мысли, воли и сердца. Да, новому поколѣнію нужно единство, которое не возбуждало бы съ его стороны никакого протеста, никакой ненависти и презрѣнія, такъ, чтобы это единство было выраженіемъ самой Правды. Мало того: намъ нужно не только такое единство, которое только обезпечивало бы нашу свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивало и укрѣпляло бы эту свободу, чтобы она стала вполнѣ синонимомъ порядка, совершеннымъ выраженіемъ метафизической формулы – Свобода значитъ Порядокъ.

Но возможно ли, наконецъ, чтобы политическое единство удовлетворило подобнымъ условіямъ? – Безъ сомнѣнія, если только оно будетъ основано на правѣ и правдѣ, которыя исключаютъ всякую возможность рабства.

Приведемъ въ примѣръ систему вѣсовъ и мѣръ.

Неужели наша метрическая система, входя во всеобщее употребленіе и заставляя всѣхъ производителей и купцовъ прибѣгать къ одному и тому же легкому способу оцѣнки и счета, могла быть невыгодной и произвести какое либо замѣшательство? Напротивъ того: всѣ народы, благодаря введенію единства мѣръ и вѣсовъ, упростили бы свои экономическія сношенія и избавились бы отъ множества неудобствъ. Неужели слѣдуетъ полагать, что подобная реформа измѣренія и счетоводства не вводится повсюду, потому что противна интересамъ и свободѣ? Вовсе нѣтъ: введенію этой разумной реформы противятся мѣстные предрасудки, ложное самолюбіе народовъ, взаимная ненависть государствъ, короче рабство и трусость мысли. Пусть исчезнутъ всѣ нелѣпыя предрасудки и обычаи, пусть массы перестанутъ поклоняться рутинѣ, пусть власти откажутся исключать все, что создается не ими, не по ихъ злостной прихоти, и завтра же метрическая система войдетъ во всеобщее употребленіе на всемъ земномъ шарѣ. Русскій календарь отстаетъ на 12 дней отъ астрономическаго: почему же Россія до сихъ поръ не вводитъ у себя грегорианскаго счисленія времени? Очень просто: если бы правительство рѣшилось на подобную реформу при настоящемъ состояніи народнаго развитія, то изувѣры сочли бы его вѣроотступникомъ.

И такъ понятно, что единство мѣръ и вѣсовъ могло бы осуществиться, не смотря на все разнообразіе словъ, знаковъ и штемпелей; такое единство было бы важнымъ шагомъ на пути развитія и свободы. Тоже самое можно сказать о единствѣ наукъ: это единство можетъ существовать и даже существуетъ на дѣлѣ, не взирая на все разнообразіе языковъ, методовъ и школъ; опять новый шагъ на пути всеобщаго развитія, опять новое и могущественное выраженіе свободы. Тоже самое, наконецъ, можно сказать и о единствѣ нравственности, которое признаетъ челоуѣческой разумъ, не смотря на все разнообразіе вѣроисповѣданій, обрядовъ, церковныхъ учрежденій, и въ которомъ каждый добросовѣстный челоуѣкъ видитъ теперь единственный залогъ чести и свободы.

Такова должна быть общественная связь, таковъ долженъ быть принципъ всякаго политическаго порядка, однимъ словомъ, таково должно быть Единство, къ которому стремятся всѣ люди, какъ существа разумныя, свободныя и желающія царства свободы. Это самое единство, исключая всѣ старыя формы своего выраженія, дѣлается со дня на день незримымъ, неосвязаемымъ, какъ воздухъ, въ которомъ свобода, какъ птица, живетъ и поддерживается.

Какимъ же образомъ осуществить это желанное единство?

Приложеніе принципа взаимности объщаетъ намъ единство, обезпеченное отъ всякаго стѣсненія, свободное отъ всякой исключительности, подлога и нетерпимости, объщаетъ порядокъ до такой степени удобный, что безъ него немислима свобода.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое взаимность? – Формула справедливости, которая до сихъ поръ пренебрегалась или тщательно скрывалась различными законодательными мѣрами, формула, по которой всѣ члены общества, какого бы ни были они званія и состоянія, будь то сословія или личности, общины или семейства, все равно чѣмъ бы они ни занимались: промыслами, земледѣліемъ или общественной службой – всѣ они объщаютъ и обезпечиваютъ другъ друга услугу за услугу, кредитъ за кредитъ, залогъ за залогъ, довѣріе за довѣріе, цѣнность за цѣнность, истину за истину, свободу за свободу...

Вотъ та радикальная формула, которою демократія хочетъ преобразовать теперь право во всѣхъ его отрасляхъ или категоріяхъ: право гражданское, право торговое, право международное; вотъ основаніе экономическаго права

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Демократіи.

При подобной взаимности, мы будем связаны самыми прочными и необременительными узами. Мы будем иметь порядок самый совершенный и удобный, какой только может связывать людей. Мы будем пользоваться всеми благами свободы, какія только для насъ доступны. Правда, участие власти въ этой системѣ будетъ постепенно все уменьшаться; но что за бѣда, если власти нечего будетъ дѣлать? Я признаю далѣе, что и благотворительность окажется въ этомъ стрѣхъ бесполезною добродѣтелью; но развѣ мы не будемъ застрахованы отъ эгоизма? Какъ вы обвините въ недостаткѣ какой бы то ни было добродѣтели, частной или общественной, такихъ людей, которые, не давая ничего даромъ, обезпечиваютъ и даютъ другъ другу все: образованіе, трудъ, торговлю, наслѣдство, богатство, безопасность?

Это не то Братство, скажутъ можетъ быть, о которомъ мы мечтали, не то братство, которое предвидѣли древніе реформаторы, возвѣщаль Христосъ, обѣщала революція. Какая сухость! Какое мѣщанство! Это идеаль торгашей и маклеровъ; онъ не удовлетворилъ бы даже нашихъ старыхъ буржуа.

Въ первый разъ это возраженіе было сдѣлано мнѣ уже давно. Но оно убѣдило меня только въ томъ, что для большинства нашихъ революціонеровъ требованіе реформы служить только предлогомъ агитаціи; но они въ нее не вѣрятъ и не заботятся о ней. Они отступили бы, если имъ доказали бы возможность реформы и пригласили ихъ привести ее въ исполненіе.

Вы, поклонники идеала, вы, считающіе чѣмъ-то низкимъ и мѣщанскимъ простую пользу, оставляющіе домашнія заботы на долю другихъ, – вы думаете, что избрали, подобно Маріи, благую часть; ошибаетесь, жестоко ошибаетесь: позаботьтесь прежде всего о хозяйствѣ, Оесопотіа, а идеаль придетъ самъ собой.

Какъ! Изъ того, что люди взаимности будутъ имѣть каждый свой уголь; изъ того, что прекратится безпутная трата силъ и повальная проституція, и всякій, съ рѣдкою въ наше время увѣренностью, въ состояніи будетъ указать на свою жену и своихъ дѣтей; изъ того, что съ воцареніемъ этихъ утилитарныхъ началъ жилище человѣка сдѣлается чище и прекраснѣе Божьяго храма; изъ того, что государственная служба, приведенная къ своему простѣйшему выраженію, перестанетъ быть предметомъ честолюбія, точно такъ же, какъ не будетъ и самопожертвованіемъ: изъ всего этого вы составляете обвинительный актъ противъ нашихъ гражданъ и обличаете ихъ въ грубости и эгоизмъ! Вы утверждаете, что въ этомъ обществѣ нѣтъ ничего высокаго, ничего братскаго!.. Да, мы давно знаемъ чего вамъ нужно, и вотъ вы окончательнo сбрасываете маску. Вашей общинѣ, которую вы величаете рабочей и демократической, нужна власть, старшинство, развратъ, аристократія, шарлатанство, рабство, подчиненіе человѣка человѣку, рабочаго художнику, и, въ заключеніе всего, свободная любовь. Позоръ!.. [16]

ГЛАВА XV.

Возраженіе противъ политики взаимности. Отвѣтъ. Первая причина упадка государствъ. Отношеніе политическихъ учрежденій къ экономическимъ въ новой демократіи.

Не станемъ отвлекаться отъ вопроса. Намъ предстоитъ объяснить что такое единство и порядокъ въ демократіи, проповѣдующей взаимность.

Вотъ замѣчаніе, которое безъ сомнѣнія сдѣлаютъ противники наши. – «Оставимъ теоріи и сантиментальности, скажутъ они намъ: во всякомъ государствѣ необходима власть, духъ дисциплины и повиновенія, безъ которыхъ немислимо существованіе общества. Въ государствѣ должна быть сила, способная побороть всѣ сопротивленія и подчинить всѣ мнѣнія общей воли. Толкуйте сколько хотите о сущности, происхожденіи и формахъ этой силы, – вопросъ не въ томъ. Въ дѣйствительности все дѣло заключается только въ томъ, что власть должна имѣть въ рукахъ силу. Никакая человѣческая воля не должна управлять другой человѣческой волей, говоритъ де-Бональдъ, и онъ приходитъ къ заключенію о необходимости высшаго учрежденія, права божественнаго. Ж. – Ж. Руссо думаетъ напротивъ, что общественная власть есть нѣчто собирательное, слагающееся изъ тѣхъ частицъ свободы и имущества гражданъ, отъ которыхъ послѣдніе отказываются въ видахъ общаго блага, – это демократическое революціонное право. Выбирайте любую систему, и вы все таки неизбѣжно придете къ заключенію, что душу политическаго общества составляетъ власть, освящаемая силой.

«Такимъ образомъ возникали во всѣ времена государства; такимъ-же образомъ они и управляются, и живутъ. Неужели же массы по своей волѣ такъ тѣсно соединялись между собой и образовали, подъ рукой вождя, тѣ могучія политическія тѣла, къ которымъ такъ мало прибавляетъ работа революцій? Нѣтъ, эти тѣла появляются и разрастаются вслѣдствіе необходимости, на помощь которой является сила. Неужели опять массы по своей же волѣ, вслѣдствіе какого-то таинственнаго и необъяснимаго убѣжденія, позволяютъ вести себя, какъ стадо, и покоряются чужой мысли, которая паритъ надъ ними и остается загадкою для каждого? Нѣтъ, опять таки нѣтъ, – эта способность централизаціи, которой поддается даже не хотя весь міръ, есть также результатъ необходимости, на сторонѣ которой стоитъ сила. Нелѣпо возставать противъ этихъ великихъ законовъ, какъ будто возможно, въ самомъ дѣлѣ, измѣнить ихъ и создать себѣ новую жизнь, на новыхъ началахъ.

«Чего же хочеть теорія взаимности, и какіе выводы дасть это ученіе съ точки зрѣнія правительства? Теорія эта хочеть основать такой порядокъ вещей, въ которомъ возможно было бы самое широкое приложеніе принципа верховной власти народа, чловѣка и гражданина, порядокъ, въ которомъ каждый членъ общества, сохраняя свою независимость и полную свободу дѣйствій, управлялся бы самъ собой, между тѣмъ какъ высшая власть занималась бы единственно только общими дѣлами; слѣдовательно такой порядокъ, въ которомъ были бы общія цѣли, а не было бы централизаціи. При такомъ строѣ, каждая изъ частей общества, признанная самодержавною, имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, выдти изъ союза и нарушить договоръ *ad libitum*. До подобнаго вывода неизбѣжно должна дойти федерація, если она только останется вѣрна своему принципу. Вотъ логическое слѣдствіе федеративнаго принципа, слѣдствіе неизбѣжное, которое федерація должна признать или обратиться въ иллюзію, вздоръ и ложь.

Очевидно, что такая правоспособность отложенія т. е. сепаратизмъ, который въ принципѣ принадлежитъ каждому изъ союзныхъ государствъ, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе; сепаратизмъ никогда не осуществлялся и на практикѣ постоянно отрицается всѣми федераціями. Извѣстно, что древнюю Грецію едва не погубила ея федеральная свобода. Только одни афиняне и спартанцы дали отпоръ персидскому царю, – остальные отказались идти. Персы побѣждены, и въ Греціи вспыхиваетъ междоусобіе, уничтожающее эту нелѣпую конституцію. Вся слава и выгода достается на долю Македоніи. Въ 1846 г., когда Швейцарскому союзу предстояло распастся вслѣдствіе отдѣленія католическихъ кантоновъ (*Sunderbund*), большинство не задумалось образумить отложившихся силою оружія. Оно действовало при этомъ, не смотря на всѣ свои увѣренія, вовсе не во имя федеральнаго права, которое было положительно противъ него. Какимъ же образомъ тринадцать самодержавныхъ протестантскихъ кантоновъ могли бы доказать одинадцати такимъ-же самодержавнымъ католическимъ кантонамъ свое право принудить ихъ, въ силу договора, къ союзу, котораго тѣ не хотѣли? Понятіе федераціи не совмѣстно съ подобными требованіями. Гельветическое большинство дѣйствовало въ силу права національнаго самосохраненія. Оно видѣло, что Швейцарія, по своему положенію между двумя великими державами, не могла, безъ крайней для себя опасности, допустить образованія новаго, болѣе или менѣе враждебнаго союза; и уступая необходимости, поддерживая свое право доводами силы, оно провозглашаетъ начало единства во имя будто бы федераціи. – Въ настоящую минуту, когда я пишу, сѣверные штаты Америки хотятъ точно также силою удержать въ союзѣ южные штаты и обызываютъ ихъ измѣнниками и бунтовщиками, какъ будто союзъ есть ни болѣе ни менѣе какъ монархія, а Линкольнъ императоръ; и здѣсь не приложимо даже то оправданіе, какого могутъ для себя требовать швейцарскіе либералы 1846 г., потому что американской свободѣ ничто не угрожаетъ.

Очевидно однако, что одно изъ двухъ: или слово федерація заключаетъ въ себѣ смыслъ, которымъ основатели союза хотѣли рѣзко отличить его отъ всякой другой политической системы, – въ такомъ случаѣ, оставивъ невольничій вопросъ въ сторонѣ, мы должны признать несправедливость войны, объявленной Сѣверомъ Югу; или подъ видомъ федераціи скрывались стремленіе къ образованію великой имперіи, стремленіе, которое ждало только благопріятной минуты для своего обнаруженія, – въ такомъ случаѣ американцамъ придется со временемъ вычеркнуть изъ своего лексикона слова – политическая свобода, республика демократія, федерація и даже союзъ. По ту сторону Атлантическаго океана уже не признаютъ международнаго права, т. е. федеративнаго принципа: это нисколько не двусмысленное знаменіе предстоящаго преобразованія союза. Всего страннѣе въ этомъ дѣлѣ поведеніе европейской демократіи, которая сочувственно относится къ тому, что дѣлается въ Америкѣ, и такимъ образомъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
отрекается от своего собственного принципа и от своих надежд.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что социальная революція въ смыслъ взаимности – чистая химера, такъ какъ въ такомъ обществѣ политическій порядокъ, чтобы соответствовать экономическому, долженъ представлять федеративное государство, а такое государство само по себѣ совершенно невозможно. Въ дѣйствительности, федерація всегда представляла собою переходное явленіе государства, едва начинающаго слагаться; въ теоріи, это бессмыслица. Поэтому, указывая на федерализмъ, какъ на свой послѣдній выводъ, взаимность сама себя исключаетъ; она ничто.

Прежде чѣмъ опровергнуть это разсужденіе, необходимо возстановить историческую истину.

Противники федерализма совершенно произвольно приписываютъ централизаціи всѣ выгоды, которыя оспариваютъ у федераціи. Они утверждаютъ, что централизація столь же сильна и логична, сколько федерація слаба и бессмысленна, и что этимъ-то и объясняется различіе ихъ историческихъ судебъ. Поэтому, чтобы разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ, мнѣ слѣдовало бы, съ своей стороны, разобрать принципъ централизаціи и показать что – если федерація всегда играла второстепенную роль; если, благодаря нескладицѣ ихъ учрежденій, федераціи никогда не могли долго просуществовать, и если принципъ ихъ, повидимому, даже не можетъ быть осуществленъ въ нихъ, – за то сильно централизованныя государства противопоставляли преграды для развитія отдѣльныхъ народностей.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось бы показать, что вся исторія представляетъ намъ только рядъ соединеній и разложеній; что за разложеніями или федераціями постоянно слѣдовали сліянія, а за сліяніями – распаденія; что за греческой имперіей Александра, охватившей собой Европу и Азію, скоро воспослѣдовало раздѣленіе ея между его полководцами: оно было истиннымъ возстановленіемъ національностей, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь. Послѣ этого національнаго движенія наступило римское единство, которое въ V вѣкѣ смѣнилось германскими и итальянскими федераціями. Еще недавно, австрійская имперія превратилась изъ абсолютной въ федеративную, между тѣмъ какъ Италія перешла отъ федераціи къ единству. Первая имперія со своими 132 департаментами, со своими великими вассалами и союзами, не могла устоять противъ европейской федераціи; точно также и вторую имперію, еще болѣе централизованную, хотя менѣе обширную, подтачиваетъ духъ свободы, который выражается провинціями и общинами даже рѣзче, чѣмъ отдѣльными личностями.

Вотъ, что я хотѣлъ бы развить подробнѣе; но пока достаточно напомнить объ этомъ. И такъ, вотъ слѣдовательно, задача, которую намъ предстоитъ разрѣшить; она такъ же важна для централизаціи, какъ и для федераціи.

1. Отчего всѣ централизованныя государства, монархическія, аристократическія или республиканскія, всегда кончаютъ разложеніемъ?

2. Отчего, въ тоже время, федераціи всегда стремятся къ единству?

Необходимо отвѣтить на эти вопросы прежде, чѣмъ произнести сужденіе о сравнительныхъ достоинствахъ государствъ централизованныхъ и федеративныхъ. Я отвѣчаю на нихъ, согласно началамъ, изложеннымъ въ предъидущей главѣ, что только Истина и Право могутъ служить основаніями порядка и что внѣ ихъ централизація неизбѣжно становится деспотизмомъ, а федерація ложью.

Причина разложенія и разрушенія всѣхъ государствъ, какъ централизованныхъ, такъ и федеративныхъ, состоитъ въ томъ, что въ первыхъ общество лишено всякаго обезпеченія, и политическаго, и экономическаго; во вторыхъ же, предполагая даже, что власть организована самымъ лучшимъ образомъ, общество до сихъ поръ имѣло только политическія обезпеченія и никогда не заботилось объ экономическихъ. Ни въ Швейцаріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ, мы не встрѣчаемъ организованной взаимности; а безъ нея, безъ экономическаго права, политическія формы безсильны, непрочны; они гробы крашенные, по выраженію Евангелія.

Что же сдѣлать, чтобы оградить федерацію отъ разложенія, не нарушая въ тоже время ихъ принципъ, состоящей въ признаніи за каждымъ городомъ, мѣстностью, провинціей, населеніемъ, словомъ, за каждымъ государствомъ, права добровольно вступать въ федерацію и выходить изъ нея?

Замѣтьте, что подобнаго условія еще ни разу не предлагали свободнымъ людямъ; ни одинъ писатель не говорилъ еще объ этомъ. Де Бональдъ и Жанъ Жакъ, поклонникъ божественнаго права и демагогъ, утверждаютъ единодушно, по слову Евангелія, что царство, въ самомъ себѣ раздѣлившееся, погибнетъ. Но въ Евангеліи это имеетъ смыслъ отвлеченный, тогда какъ наши писатели чистые материалисты, поклонники власти и, слѣдовательно, рабства.

Чтобы навсегда упрочить федерацію, необходимо, наконецъ, дать ей санкцію, которой она лишена доселе; надо провозгласить экономическое право основаніемъ федеративнаго права и всякаго политическаго порядка.

Здесь будетъ особенно уместно рассмотретьъ переворотъ, который совершится во всемъ общественномъ строе силою одной взаимности.

Примѣры, приведенные выше, уже указывали на то, что принципъ взаимности, будучи перенесенъ изъ частныхъ отношеній въ общественныя, создаетъ рядъ учрежденій, развитіе которыхъ легко обозначить. Для памяти, укажемъ на болѣе крупныя.

А. – Экономическія учрежденія.

1. Благотворительныя и вспомогательныя учрежденія, представляющія переходъ отъ господства началъ милосердія къ началамъ справедливости, заявленнымъ Революціей: общества вспоможенія, медицинскихъ пособій, богадѣльни, воспитательныя дома, больницы, магдалининскіе пріюты и проч. – Все это, конечно, болѣе или менѣе уже существуетъ, но лишено того новаго духа, который одинъ можетъ доставить имъ значеніе и истребить въ нихъ тунеядство, обманъ, нищенство и расхищеніе.

2. Страхуваніе отъ наводненій, пожаровъ, кораблекрушеній, отъ случайностей на желѣзныхъ дорогахъ, отъ скотскихъ падежей, града, болѣзней и смерти.

3. Кредитъ, обращеніе и учетъ; банки, биржи и проч.

4. Общественныя учрежденія для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ, рѣкамъ и морямъ. – Эти учрежденія не наносятъ частнымъ предпріятіямъ никакого ущерба, а напротивъ того – поддерживаютъ и регулируютъ ихъ.

5. Учрежденіе складовъ, доковъ и рынковъ. Цѣль его – обезпечить навсегда возможно лучшее распредѣленіе продуктовъ, въ видахъ взаимныхъ выгодъ производителей и потребителей. Это – смерть торгашеской спекуляціи, наживанію, стачкамъ и ажіотажу.

6. Учрежденіе статистическихъ бюро, конторъ для объявленій, для точной и вѣрной оцѣнки товаровъ. Общественныя учрежденія для регулированія мелочной торговли.

7. Общества рабочихъ для земляныхъ работъ, разведенія лѣсовъ, осушенія почвы, проведенія дорогъ, шоссе, водяныхъ сообщеній.

8. Общества рабочихъ для сооруженія мостовъ, водопроводовъ, резервуаровъ, портовъ, тунелей, публичныхъ зданій и проч.

9. Общества рабочихъ для разработки рудниковъ и добыванія сырыхъ продуктовъ.

10. Общества рабочихъ для служенія при портахъ, воксалахъ, рынкахъ, складахъ, магазинахъ и проч.

11. Общества каменщиковъ для постройки, ремонта, найма домовъ, въ видахъ дешевизны городскихъ квартиръ.

12. Народное просвѣщеніе, научное и ремесленное.

13. Собственность: пересмотръ законовъ касательно права, происхожденія, распредѣленія, способа передачи разныхъ имуществъ. Преобразованіе и утвержденіе аллодіальной системы.

14. Налогъ...

Примѣчаніе. – 1. До сихъ поръ учрежденія, которымъ мы дали названіе «экономическихъ» существовали въ обществѣ только на словахъ. – Мы не выдумываемъ ихъ, не создаемъ произвольно, а только разъясняемъ ихъ, на основаніи принципа, очень простаго, но рѣшительнаго.

Дознано, что въ большинствѣ случаевъ индивидуальная инициатива не можетъ создать того, что создаетъ безъ всякаго усилія и съ меньшими издержками сотрудничество всѣхъ. Поэтому тамъ, гдѣ частная дѣятельность недостаточна, совершенно справедливо и даже обязательно обращаться къ собирательной силѣ, ко взаимности. Глупо жертвовать для безсильной свободы общественнымъ богатствомъ и счастьемъ. Въ этомъ и состоятъ принципъ, цѣль и основаніе экономическихъ учрежденій. И такъ, за личностью остается все, что она въ состояніи выполнить, не нарушая закона справедливости; а все, что превышаетъ способность одной личности, становится дѣломъ общественнымъ.

2. Къ разряду экономическихъ учрежденій я отношу богоугодныя и учебныя заведенія и налогъ. Такая классификація основана на самой сущности вещей. Искорененіе нищеты и облегченіе челоѳеческихъ страданій всегда считались самыми трудными задачами науки. Какъ нищета рабочаго, такъ и всѣ соціальныя бѣдствія находятся въ прямой зависимости отъ источниковъ производства и нарушаютъ непосредственно общественное благосостояніе. Поэтому наука и прямая польза побуждаютъ насъ вывести эти учрежденія изъ-подъ вліянія и дѣйствія власти. Такъ точно и налогъ. Въ этомъ отношеніи революція 89 года и принципы всѣхъ вышедшихъ изъ нея конституцій совершенно вѣрно говорятъ, что налогъ, требуемый правительствомъ, долженъ взиматься не иначе, какъ съ согласія народа и распредѣляться общими и мѣстными собраніями. Государь не самъ себѣ платитъ, а страна платитъ своему повѣренному. А изъ этого слѣдуетъ, что учрежденіе, которое зовется министерствомъ финансовъ, отнюдь не составляетъ принадлежности власти. Что же касается народнаго образованія, представляющаго собою лишь дальнѣйшую степень развитія домашняго воспитанія, то его необходимо точно также причислить къ экономическимъ учрежденіямъ, а иначе его придется снова признавать религіознымъ учрежденіемъ и отрицать семью.

3. Параграфы 4, 7, 8, 9, 10 и 11 нашей таблицы показываютъ, какое значеніе имѣютъ въ новой демократіи рабочія ассоціаціи, разсматриваемыя какъ экономическія силы и учрежденія взаимности. Цѣль ихъ – удовлетворить не только интересамъ рабочихъ, но и вполне законному желанію общества спасти желѣзныя дороги и рудники отъ монополіи акціонерныхъ обществъ, – общественныя постройки отъ произвола казенныхъ инженеровъ, – воды и лѣса отъ правительственнаго расхищенія и т. д. Эти рабочія товарищества должны быть организованы по правиламъ гражданскаго и коммерческаго уставовъ, подчинены закону конкуренціи и, неся отвѣтственность за свои поступки, обязаны, по долгу взаимности, предлагать обществу свои услуги по возможно дешевой цѣнѣ.

Къ этимъ экономическимъ учрежденіямъ примыкаетъ еще, въ видѣ дополненія, рядъ учрежденій, называемыхъ политическими. Хотя и они могутъ также измѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, но никто не ошибется на счетъ ихъ значенія.

В. – Политическія учрежденія.

15. избирательное собраніе или всеобщая подача голосовъ.

16. Власть законодательная.

17. Власть исполнительная: Администрація,

18.»» Полиція, Юстиція,

19.»» Духовныя дѣла,

20.»» Военныя дѣла.

Министерства: земледѣлія, торговли, народнаго просвѣщенія, публичныхъ работъ и финансовъ были помянуты и разсмотрены въ отдѣлѣ экономическихъ учрежденій.

Примѣчанія. 1. Эти учрежденія называются политическими въ отличіе отъ предъидущихъ, т. е. экономическихъ, потому что имеютъ предметомъ уже не людей и имущества, не производство, потребленіе, воспитаніе, не трудъ, кредитъ и собственность, но государство въ цѣломъ, весь социальный организмъ и его отношенія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія.

2. Эти учрежденія подчинены первымъ, и ихъ можно назвать второстепенными учрежденіями, потому что, не смотря на свое кажущееся величіе, играютъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ учрежденія экономическія. Прежде чѣмъ писать законы, управлять, строить дворцы, храмы, воевать, общество работаетъ, воздѣлываетъ землю, строитъ корабли, обмѣнивается, обрабатываетъ землю. Прежде чѣмъ возводить на троны королей и устанавливать династіи, народъ освящаетъ семейную жизнь, упрочиваетъ браки, строитъ города, заводитъ собственность и наслѣдство. По принципу, политическія учрежденія остаются въ нераздѣльномъ видѣ съ экономическими. Въ самомъ дѣлѣ: ни одна изъ отраслей управленія и государства не чужда общественной экономіи. Теперь, когда мы возстановили социальную генеалогію во всей ея полнотѣ и всякой вещи указали ея мѣсто, насъ не должно смущать то вліяніе исторической иллюзіи, вслѣдствіе котораго общественный разумъ, выясняя себѣ правительственный организмъ, какъ будто придаетъ ему первенствующее значеніе. Между учрежденіями экономическими и политическими существуетъ такая же зависимость, на какую фізіологія указываетъ въ животныхъ между отправленіями жизни органической и половыми отношеніями. Помощію послѣднихъ животное заявляетъ свое существованіе и вступаетъ въ связь съ прочими тварями; но первыми оно живетъ, и все, что оно свободно дѣлаетъ, въ сущности ничто иное, какъ болѣе или менѣе разумное заявленіе его основныхъ жизненныхъ силъ.

3. Въ демократическомъ обществѣ политическій порядокъ и порядокъ экономическій должны сливаться во едино, составлять одну систему, основываться на общемъ принципѣ – принципѣ взаимности; таковъ выводъ, который можно сдѣлать изъ наиболее выяснившихся идей демократіи и изъ самыхъ очевидныхъ ея стремленій. Мы уже видѣли, какъ великія экономическія учрежденія зарождаются, одно за другимъ, рядомъ взаимностей и создаютъ обширный, гуманитарный организмъ, о которомъ доселѣ никто и не мечталъ; такимъ же образомъ и правительственная власть является здѣсь не какой нибудь фикціей, придуманной ради государственныхъ потребностей и непрочной, какъ всякая выдумка, а дѣйствительнымъ договоромъ, гдѣ договаривающіяся самодержавныя личности не поглощаются центральной властью, личною и въ тоже время мистическою, а даютъ прочное обезпеченіе свободѣ государства, общины и лица.

Это уже не отвлеченное самодержавіе народа, какъ въ конституціи 93 года и слѣдующихъ, или какъ въ «общественномъ договорѣ» Руссо: это – дѣйствительное самодержавіе народныхъ массъ, которыя царствуютъ и управляютъ въ благотворительныхъ собраніяхъ, въ торговыхъ палатахъ, въ корпораціяхъ искусствъ и ремеслъ, въ рабочихъ артеляхъ, на биржахъ, рынкахъ, въ академіяхъ, школахъ, на земледѣльческихъ сходкахъ, наконецъ, въ избирательныхъ сеймахъ, парламентахъ и государственныхъ совѣтахъ, въ народной стражѣ и даже въ церквахъ и храмахъ. Всегда и вездѣ властвуетъ, во имя и въ силу принципа взаимности, сила собирательная; это послѣднее признаніе правъ челоуѣка и гражданина.

Я сказалъ, что здѣсь рабочія массы дѣйствительно и положительно властвуютъ, и это несомнѣнно вѣдь имъ принадлежитъ все экономическое устройство – трудъ, капиталъ, кредитъ, собственность, богатство. Имѣя въ полномъ распоряженіи своемъ органическія силы, могутъ ли онѣ оставаться чуждыми области внѣшнихъ отправленій? Вліяніе производительной силы на правительстве, власть, государство не можетъ быть устранено и это выражается самымъ устройствомъ политическихъ учрежденій:

а. Избирательное собраніе: оно собирается самопроизвольно, надзираетъ за всѣмъ, ревизуетъ свои собственныя дѣйствія и даетъ имъ санкцію;

б. Законодательное собраніе или государственный совѣтъ, отряжаемый избирательными собраніями изъ своей среды, назначается федеральными группами и можетъ измѣняться въ составѣ[17];

с. Исполнительная коммисія, избранная членами законодательнаго собранія изъ среды себя и, въ случаѣ надобности, подлежащая уничтоженію;

d. Наконецъ, председатель этой комисіи, ею самой назначаемый, и подлежащій смѣнѣ.

Это, какъ видите, совершенная противоположность системы стараго общества; здѣсь страна все, а тотъ, кого называли главою государства, здѣсь просто гражданинъ, хотя и первый по почету, но напервое безопаснѣйшій изъ всѣхъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ рѣшена задача политическаго обезпеченія. Здѣсь никогда не будетъ, ни похищенія власти, ни государственнаго переворота; здѣсь невозможенъ бунтъ власти противъ народа, заговоръ правительства и буржуазіи противъ низшихъ классовъ[18].

4. Возвратимся теперь къ вопросу, поставленному выше: какимъ образомъ федеративное государство можетъ упрочить свое существованіе? Возможны ли прочность и цѣльность дѣйствій въ такой системѣ, основная мысль которой есть право каждаго члена федераціи на самоотлученіе?

Надо сознаться, что пока федеральныя государства не основаны на экономическомъ правѣ и законѣ взаимности, возраженіе это неопровержимо: разногласіе интересовъ неизбѣжно приводитъ къ роковымъ раздорамъ и отпаденіямъ, и дѣло кончается тѣмъ, что монархическое единство замѣняетъ республиканскую неурядицу. Но при экономическомъ правѣ и взаимности все измѣняется: преобразуется весь экономическій порядокъ, развивается совершенно новый государственный принципъ – и федерація дѣлается прочною. Демократія, столь враждебная сепаратизму, можетъ успокоиться.

Въ группахъ, находящихся между собою въ отношеніяхъ взаимности, не существуетъ тѣхъ началъ, которыя обыкновенно разъединяютъ людей, города, корпораціи и личности: здѣсь нѣтъ не верховной власти, ни политической централизаціи, ни династическаго права, ни бюджета двора, ни орденовъ, ни пенсій, ни эксплуатаціи, ни догматизма, ни вражды партій, ни племенныхъ предразсудковъ, ни соперничества корпорацій, городовъ или провинцій. Здѣсь можетъ быть разногласіе только во мнѣніяхъ, въ вѣрованіяхъ, въ интересахъ, нравахъ, промышленности и т. д. Но эти разногласія и служатъ именно основаніемъ и предметомъ системы взаимности: слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могутъ они быть источникомъ церковной нетерпимости, папскаго, духовнаго самовластья, столичнаго преобладанія, промышленнаго или земледѣльческаго владычества. Столкновеніе невозможно; чтобы возбудить его надо сперва разрушить взаимность[19].

Съ чего быть возстанію? Откуда взять поводы къ неудовольствію? Въ федераціи, основанной на взаимности, гражданинъ, какъ въ республикѣ Руссо, пользуется полною свободой! Въ его рукахъ вся политическая власть; онъ самъ и властвуетъ, и пользуется выгодами власти; ему оставалось бы только жаловаться на одно: что ни ему и никому другому нельзя захватить ее въ свои руки и пользоваться ею безраздѣльно. Пожертвованій достояніемъ также никто и ни отъ кого не требуетъ: государство проситъ отъ гражданина лишь столько, сколько дѣйствительно необходимо на общественные расходы; расходы эти всѣ существенно производительны, такъ что налогъ обращается въ обмѣнъ. Обмѣнъ же умножаетъ богатства; слѣдовательно и съ этой стороны нечего опасаться раздора. Равнымъ образомъ, федерація не можетъ распасться изъ страха междоусобной или внѣшней войны. Если она основана на экономическомъ правѣ и законѣ взаимности, то междоусобная война возможна въ ней только по поводу религиозныхъ несогласій. Но, во первыхъ, когда удовлетворены всѣ матеріальные интересы людей, духовные интересы едва ли могутъ быть достаточно сильны, чтобы побудить ихъ къ междоусобію; а во вторыхъ, общая взаимность необходимо должна сопровождаться взаимною вѣротерпимостью, такъ что этотъ поводъ къ столкновенію совершенно невозможенъ. Что касается до внѣшней войны, то съ какой стати можетъ она возникнуть? Федерація признаетъ за каждымъ составляющимъ ее государствомъ право отпаденія; тѣмъ болѣе она не можетъ ни къ чему принуждать другія, чуждыя ей государства. Принципъ ея вовсе несовмѣстенъ съ завоевательными стремленіями. слѣдовательно, возможна только одна причина внѣшней войны: враждебность принциповъ. Возможно, что сосѣднія государства, основанныя на широкой эксплуатаціи, централизаціи, найдутъ существованіе такой федераціи несовмѣстнымъ съ ихъ собственными принципами, подобно тому, какъ въ 93 году французская революція была объявлена, въ манифестѣ герцога Брауншвейгскаго, несовмѣстною съ принципами всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствъ. Но для федераціи, основанной на экономическомъ правѣ и законѣ взаимности, было бы величайшимъ счастіемъ, если бы весь старый міръ ополчился бы противъ нея и объявилъ бы ее внѣ своихъ законовъ: это воодушевило бы республиканскія чувства взаимности и

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
федерации, дало бы рабочей демократии полное торжество на всей поверхности
земного шара и уничтожило бы раз и навсегда царство монополии...

Стоит ли доказывать еще дальше?

Войдя въ законодательства и нравы и создавъ экономическое право, принципъ
взаимности перестроить сверху до низу гражданское, торговое,
государственное и международное права. Другими словами: выяснивъ и
опредѣливъ экономическое право, эту верховную и основную категорию права,
принципъ взаимности создасть единство юридической науки; онъ покажетъ, что
право едино и тождественно, что оно вездѣ и всегда предписываетъ одно и
тоже, что всѣ положенія его взаимно дополняютъ другъ друга, что всѣ законы
его лишь видоизмѣненія одного, единого закона.

Древнее право, раздѣленное наукою старыхъ юристовъ на нѣсколько
спеціальныхъ отраслей, по различію предмета, къ которымъ оно относилось,
отличалось, во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, общимъ отрицательнымъ
характеромъ; оно скорѣе препятствовало, чѣмъ разрѣшало, скорѣе предупреждало
столкновенія, чѣмъ создавало обезпеченія; скорѣе карало обманъ и насиліе,
чѣмъ обезпечивало общее богатство и благосостояніе отъ обмана и насилія.

Новое право, напротивъ того, вполнѣ положительно. Цель его навѣрное и вполнѣ
обезпечить человѣку все, что древнее право лишь позволяло ему пріобрѣтать,
полагаясь на свою свободу, но безъ всякихъ обезпеченій и средствъ, даже не
выражая, въ этомъ случаѣ, ни слова одобренія или порицанія. Новое право
положительно порицаетъ поступки, которыми нарушаются обезпеченіе и
общественная солидарность, поступки, которые клонятся къ образу дѣйствій
торгашеской анархіи, скрытности, монополии, ажіотажу. Оно признаетъ эти
поступки столь же достойными порицанія, какъ всѣ мошенничества,
вѣроломства, подлоги, грабежи и разбои, на которые доселѣ было
исключительно обращено вниманіе закона. Говоря о вопросахъ страхованія,
спроса и предложенія, установленія постоянныхъ цѣнъ, торговой
добросовѣстности, кредита, перевозки и т. д., словомъ обо всемъ, что
называется экономическими учрежденіями, мы уже достаточно указали на
положительный характеръ новаго права, на новыя обязательства, вытекающія
изъ него, на свободу и богатство, которыя оно приноситъ; повторять всего
этого мы не будемъ.

Но если все это правда, то вѣроятно ли, чтобы работники, участвующіе въ
федерации и взаимности, отказались отъ этихъ положительныхъ, вещественныхъ,
осязательныхъ, очевидныхъ выгодъ, которыя онъ представляютъ имъ? Возможно
ли, чтобы они предпочли возвратиться къ прежнему ничтожеству, исконной
нищетѣ, отсутствію солидарности и разврату? Неужели, познакомившись съ
экономическимъ порядкомъ, они тѣмъ не менѣе предпочтутъ вновь создать себѣ
эксплуатирующую аристократію и вызвать общую нищету, ради удовлетворенія
гнусныхъ поплзновеній немногихъ?... Неужели, наконецъ, познавъ право, люди
могутъ объявить себя противъ права и добровольно явиться въ глазахъ всего
свѣта шайкой воровъ и разбойниковъ?!

Если бы экономическая реформа взаимности была провозглашена въ какомъ
нибудь уголкѣ міра, то въ ту же минуту федерации возникли бы всюду, въ силу
необходимости. Для существованія ихъ нѣтъ надобности въ неперемѣнной
сплоченности федеральнаго союза, нѣтъ надобности, чтобы государства эти,
какъ во Франціи, Италіи и Испаніи, были тесно сгруппированы и какъ бы
обведены общей оградой. Федерация возможна между государствами отдѣленными,
разобщенными и отстоящими другъ отъ друга на значительныя пространства;
стоитъ только имъ заявить, что они хотятъ соединить свои интересы и взаимно
обезпечить другъ друга, по принципамъ экономическаго права и взаимности.
Однажды создавшись такимъ образомъ, федерация не можетъ распасться, потому
что, повторяю, никто не захочетъ отрешиться отъ такого принципа, какъ
принципъ взаимности, и такого договора, какъ договоръ федерации.

И такъ, принципъ взаимности представляетъ, какъ мы уже сказали, самую
могущественную и, въ тоже время, наименѣе грубую связь, какъ въ
политическомъ мірѣ, такъ и въ экономическомъ.

Ни правительство, ни община или ассоциация, ни религія, ни присяга не
могутъ такъ тѣсно связать людей и предоставить имъ, въ тоже время, такой
свободы, какъ договоръ взаимности.

Насъ упрекали, что, развивая это право, мы поощряемъ индивидуализмъ, губимъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org идеаль. Клевета! Развѣ гдѣ нибудь возможно большее могущество коллективности, дающее болѣе великіе результаты? Развѣ можно представить себѣ гдѣ нибудь болѣе согласія въ людяхъ? Куда бы мы ни обратились, мы всюду видимъ матеріализмъ группы, лицемѣріе ассоціацій и тяжкія цѣпи государства. Только здѣсь мы чувствуемъ истинное братство въ справедливости. Мы проникнуты, одушевлены имъ, и никто не можетъ сказать, что терпитъ отъ него принужденіе, что оно налагаетъ на него иго или малѣйшее бремя. Это любовь во всей своей искренности и откровенности, любовь совершенная, потому что девизомъ ея служить правило взаимности – я чуть было не сказалъ торговли – сколько даешь, столько берешь.

ГЛАВА XVI.

Буржуазный дуализмъ: конституціонный антагонизмъ. – Рѣшительное превосходство рабочей идеи.

Мы уже знаемъ, въ чемъ состоитъ рабочая идея, какъ съ точки зрѣнія интересовъ, такъ и правительства. Скажемъ еще несколько словъ о томъ, чѣмъ была буржуазная идея въ 1789 г. и послѣ революціи. Тогда читатель будетъ имѣть возможность судить, зная обѣ стороны дѣла, за кѣмъ теперь политическая способность: за рабочей ли демократіей, или за буржуазнымъ капитализмомъ.

Выше (часть 2, глава II) мы сказали, что буржуазія достигла высшей степени самосознанія въ 1789 году, когда среднее сословіе устами Сіѣйса бросило перчатку старому обществу, спросивъ себя: что я такое? – ничто; чѣмъ мнѣ слѣдуетъ быть? – всѣмъ. Далѣе мы показали, что буржуазія стала дѣйствительно всѣмъ; но именно вслѣдствіе этого, утративъ самобытность, она лишилась самосознанія и впала въ летаргію. Наконецъ мы сказали, что, если въ 1848, послѣ паденія Людовика Филиппа, она, повидимому, пробудилась изъ оцѣпенѣнія, то только благодаря возмущенію рабочихъ классовъ, которые, отдѣлившись или, скорѣе, отличившись отъ нея, достигнувъ самосознанія и понявъ свое назначеніе, выступили на политическую арену: словомъ, благодаря страху Соціализма.

Но еще печальнѣе утраты буржуазіей самосознанія то, что она лишилась даже пониманія управляющей ею идеи, тогда какъ, напротивъ того, рабочіе классы быстро идутъ въ этомъ отношеніи впередъ; еще печальнѣе то, что, вслѣдствіе ея глубокаго ничтожества, страна и правительство, зависящія отъ нея, преданы совершенно на произволь судьбы. Политическую способность даетъ не одно только самосознаніе: для нея нужна еще идея; а между тѣмъ, если бы буржуазія умѣла читать и мыслить, она не мало удивилась бы, узнавъ, что идея ея вполнѣ исчерпана, что она неспособна создать ни свободы, ни порядка, короче – что у нея нѣтъ идеи.

До 89 года мысль буржуазіи принадлежала къ циклу феодальныхъ идей. Почти вся земля принадлежала дворянству и духовенству, они господствовали въ замкахъ, монастыряхъ, епископствахъ, приходахъ; имъ принадлежали выморочное и другія права; они творили судъ и расправу надъ своими вассалами, воевали съ королями, пока наконецъ, онъ, соединившись съ буржуазіей, не принудилъ ихъ цѣлымъ рядомъ пораженій служить себѣ. Буржуазія съ своей стороны господствовала въ торговлѣ и промышленности, имѣла свои корпораціи, привилегіи, вольности, мастерства; чтобы избавиться отъ тираніи духовенства и дворянства, она заключила союзъ съ престоломъ и этимъ пріобрѣла нѣкоторое значеніе въ государствѣ. Въ 89 году пала вся эта система. Буржуазія, сдѣлавшись въ политикѣ всѣмъ, умножила до безконечности свои преимущества, не переставъ, впрочемъ, торговать и промышленяты, какъ дворянство не перестало доѣдать остатки своего достоянія, а духовенство пѣть свои гимны. Идеи не стало ни у кого.

Я ошибся: идея буржуазіи только развратилась.

Своими капиталами и своимъ вліяніемъ на массу буржуазія стала властительницею государства; но въ владычествѣ своемъ она видѣла только средство упрочить свое положеніе и создать себѣ въ должностяхъ и бюджетѣ новое поле эксплуатаціи и барышей. Къ ней перешли всѣ права духовенства, дворянства и короля, древнихъ государственныхъ чиновъ, и она не видѣла надобности измѣнять прежнюю монархическую, унитарную и централизованную государственную форму; она ограничилась тѣмъ, что приняла противъ государя нѣкоторыя мѣры, извѣстныя подъ именемъ конституціонной хартіи. И къ чему ей было измѣнять эту систему, когда въ сущности чиновники управляли для нея и черезъ нее, для нея и черезъ нее взимался налогъ, для нея и черезъ нее царствовалъ король?

Отъ нея истекало правосудіе; королевское правительство было ея правительствомъ; отъ нея зависѣли война и миръ, какъ повышение и пониженіе курсовъ; иногда ей приходилось подавлять политическія замысли престола; за то она никогда долго не носила траура по династіямъ.

Однако, по законамъ равновѣсія, такая система политической централизаціи требовала противовѣса. королевскую власть ограничили, уравнили, подчинили парламентскому большинству, скрѣпи ея собственныхъ министровъ, – но всего этого казалось мало: нашли нужнымъ еще болѣе ограничить кругъ дѣйствія организма, называемаго правительствомъ, изъ опасенія, что иначе онъ рано или поздно поглотилъ бы все. Приняли мѣры противъ правъ престола; но что значило это личное право въ сравненіи со всепоглощающимъ, безпредѣльнымъ могуществомъ системы?

Здѣсь-то и обнаруживается во всей своей наивности геній буржуазіи.

Непомѣрную силу централизаціи уравнили съ нѣсколькихъ сторонъ. Мѣрами къ тому были: во первыхъ, организація самой власти по экономическому принципу раздѣленія труда или промышленнаго разграниченія; во вторыхъ, представительная система и утвержденіе налога собраніемъ выборныхъ депутатовъ; въ силу этой системы исполнительная власть не могла ничего предпринять безъ согласія законодательнаго большинства; – наконецъ, въ третьихъ, всеобщая подача голосовъ. Стало несомнѣнно, что правительство можетъ всегда подкупить какое буржуазное большинство, и было рѣшено, что министерству, которое имѣетъ возможность привлечь къ себѣ нѣсколько сотъ мѣщанъ, никогда не удастся развратить весь народъ... Къ числу мѣръ, которыми надѣялись конституціонно ограничить власть, принадлежитъ также организація городскихъ и департаментскихъ управленій; но надежда эта никогда не осуществлялась. (См. ниже, часть 3. – Глава IV).

Но угадайте, что послужило самымъ дѣйствительнымъ и сильнымъ ограниченіемъ власти? Что господствуетъ теперь, на ряду съ императорскимъ абсолютизмомъ, надъ всемогуществомъ націи? – Ничто иное, какъ торгашеская и промышленная анархія, экономическая путаница, свобода лихоимства и ажіотажа, принципъ: каждый за себя во всей идеальности своего эгоизма, правило: *laissez faire*, *laissez passer* въ самомъ широкомъ смыслѣ, собственность во всемъ безобразіи древняго военнаго права, словомъ, отрицаніе взаимности и обезпеченія, полнѣйшая несолидарность, смерть экономическаго права. Одному началу сопоставлено было другое, ему противоположное. Вотъ въ чемъ тайна современной безурядицы! Оба начала, вмѣсто того, чтобы парализовать другъ друга, взаимно освящаютъ и поддерживаютъ другъ друга. Оба они растутъ каждое въ своей области. Стоя рядомъ со всепоглащающею центральною властію; отчаянный ажіотажъ, неслыханныя спекуляціи, ужасающая биржевая игра, прогрессивное и всеобщее набиванье цѣнъ – вотъ признаки экономической анархіи.

Буржуазія играетъ на биржѣ, промышленяетъ, занимается судоходствомъ, коммиссіонерствомъ, даже земледѣліемъ и проч., но пуще всего старается избѣжать всякаго соглашенія, которое могло бы уменьшить рискъ, устранить случайность, установить цѣнность или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать крайнимъ повышеніямъ и пониженіямъ цѣнъ и уравниваетъ выгоды между продавцемъ и покупателемъ. Буржуазія питаетъ ужасъ и отвращеніе ко всему, что можетъ наложить на нее обязательства, давъ ей обезпеченія; она отрицаетъ экономическую солидарность; она не терпитъ взаимности. Предложите буржуазу вступить въ предпріятіе на правилахъ взаимности, онъ скажетъ вамъ: нѣтъ, мнѣ лучше остаться свободнымъ. Въ какомъ отношеніи свободнымъ? Что значить тутъ свобода? Значить свобода давать деньги займы за возможно большій процентъ, рискуя, что никто не возьметъ ихъ, или что, взявъ, обманетъ на залогъ; продавать съ возможно большимъ барышемъ свой товаръ, рискуя, что придется потомъ продать его въ убытокъ; наготовить какъ можно больше товара съ тѣмъ, что, когда продажа остановится, пускать его за безцѣнокъ; драть какъ можно больше съ арендаторовъ, рискуя, что они обнищаютъ и не заплатятъ ни гроша; свобода спекулировать на повышение и пониженіе, играть, предаваться ажіотажу, предписывать законы, пользоваться и злоупотреблять монополіями, рискуя подвергнуться потомъ еще худшей участи и, измучивъ ближнихъ, сдѣлаться жертвою ихъ мести. Буржуазъ не любитъ вѣрныхъ предпріятій, если въ нихъ есть хоть малѣйшая доля взаимности. Онъ всегда хватается только за то, что обѣщаетъ выгоду ему одному, лишь бы имѣть малѣйшій шансъ на успѣхъ. Все ему служитъ поводомъ или средствомъ къ ожесточенной конкуренціи, и онъ не разбираетъ сдѣланнаго людьми отъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
вытекшаго изъ необходимости вещей. Казалось бы, какъ легко основать на взаимности страхование, но онъ и его предпочель обратить въ монополію.

Политико-экономы англійской школы возвели въ догматъ эту экономическую несолидарность или, лучше сказать, этотъ развратъ сдѣлокъ, а буржуазъ возвелъ его въ принципъ, въ теорію, въ ученіе. Для него не существуетъ идеи экономическаго права, какъ дополненія и отрасли права политическаго и гражданскаго; для него это бессмыслица. Каждый для себя, каждый за себя, Богъ за всѣхъ – вотъ его девизъ. Его экономическая наука основана не на двучленномъ синтетическомъ понятіи, которое даетъ положительное рѣшеніе и вводитъ справедливость въ задачу выгодъ; она основана на элементарныхъ, одностороннихъ понятіяхъ, которыя сами не могутъ опредѣлиться и прійти въ равновѣсіе, и вслѣдствіе этого обращаютъ науку въ вѣчное противорѣчіе. Напримѣръ, для буржуаза нѣтъ настоящей цѣнности, хотя онъ вѣчно толкуетъ о законѣ спроса и предложенія и хотя эти два термина, спросъ и предложеніе, предполагаютъ существованіе опредѣленной цѣнности, отысканіе которой и составляетъ предметъ пренія между продавцемъ и покупателемъ. Въ глазахъ буржуаза цѣнность непременно произвольна. Видя, что она мѣняется, онъ заключаетъ, что, слѣдовательно, она необходимо ложна; и предположивъ ложь въ самомъ понятіи, онъ уже оправдываетъ всякое распутство своей совѣсти. Поэтому, въ разговорахъ и размышленіяхъ объ этомъ, онъ никогда не думаетъ о равновѣсіи цѣнности, о настоящей цѣнѣ товаровъ, о нормальной таксѣ процента и заработной платы: нѣтъ, всѣ эти бредни не увлекаютъ его. Купить, если можно, за три франка то, что стоитъ шесть, продать за шесть то, что стоитъ три, зная настоящую цѣну и не обращая вниманія на убытки, которые терпитъ ближній – вотъ его торговое правило, которому онъ слѣдуетъ безъ зазрѣнія совѣсти. Попробуйте ему сказать, что его доходы, проценты, барыши, всѣ эти выгоды, которыя при другомъ образѣ дѣйствій можно было бы, до извѣстной степени, узаконить, что все это безчестно – онъ разсердится. Онъ предпочитаетъ все это завоевывать на войнѣ, исполненной хитростями, засадъ, нечаянныхъ нападений, монополій, доставляемыхъ ему превосходствомъ его капиталовъ и его торговли. При этомъ онъ увѣренъ, что всѣ скандальныя дѣла, которымъ онъ предается съ утра до ночи, оправдываются необходимостью, что поэтому въ нихъ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, кромѣ тѣхъ дѣлъ, которыя занесены въ уголовный сводъ!

Но что сказать объ этихъ академическихъ выставкахъ, гдѣ увѣнчиваются юные писатели, отличившіеся въ войнѣ противъ Соціализма защитою этихъ гнусныхъ правилъ? объ этихъ лекціяхъ и чтеніяхъ, гдѣ мстятъ за оскорбленіе собственности? объ этихъ мальтузіанскихъ посланіяхъ, гдѣ излагаются отношенія между политической экономіей людоедовъ и вѣчными началами справедливости и нравственности?! Неужели тѣ, которые располагаютъ кафедрами, креслами, школами и преміями, надѣются обмануть массы и надуть человѣческую совѣсть? Жалкіе софисты! У нихъ не хватаетъ даже ума понять, что массы, озабоченныя своей нищетою, не слушаютъ ихъ, и что имъ нечему научиться отъ тѣхъ, кому онъ платятъ! И они смѣютъ еще толковать объ экономической нравственности, когда въ теченіи сорока лѣтъ только и дѣлали, что доказывали, что политическая экономія не то, что нравственность, что первая можетъ сказать – да тамъ, гдѣ вторая говоритъ – нѣтъ! Они смѣютъ толковать объ экономической нравственности, когда въ ихъ теоріяхъ только одно и ясно, что право должно быть изгнано изъ политической экономіи, что обращеніе къ человѣческой солидарности должно считаться преступленіемъ противъ науки и свободы! Посмѣетъ ли ктонибудь изъ нихъ отвѣтить утвердительно, когда его спросятъ: существуетъ ли какаянибудь экономическая наука или истина внѣ экономическаго права, основаннаго на обязательствѣ взаимности? Спросите ихъ – вы увидите, что они отвѣтятъ!

Возможна ли добродѣтель, возможна ли честность въ обществѣ, которое признаетъ основными слѣдующія положенія: что экономическая наука не имѣетъ ничего общаго съ справедливостью; что она отъ нея не зависитъ; что идея экономическаго права есть утопія; что экономической порядокъ существуетъ самъ по себѣ и не основанъ ни на какихъ юридическихъ данныхъ; что люди могутъ обѣщать другъ другу все, что угодно, но въ экономическихъ отношеніяхъ ничѣмъ другъ другу не обязаны; что, слѣдовательно, каждый имѣетъ право преслѣдовать исключительно свою личную выгоду, и потому другъ можетъ законно, разумно, научно разорить друга, сынъ покинуть отца и мать, работникъ продать хозяина и проч.? Можетъ ли въ такой системѣ существовать уваженіе къ собственности, могущество ассоціацій, почтеніе къ власти, къ закону? возможно ли въ ней человѣческое достоинство! Я могъ бы наполнить цѣлые томы разоблаченіемъ мерзостей, которыя высказывали по этимъ вопросамъ самозванные экономисты, подъ прикрытіемъ своей мнимой науки; но я

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
предоставляю казнить их другимъ, кто помоложе меня. Благодареніе богамъ,
вѣроятно не окажется недостатка въ людяхъ, которые пожелаютъ взяться за это
дѣло.

Развратъ буржуазной идеи обнаружился особенно ясно въ вопросъ о свободѣ
обмѣна. Всякій буржуазъ желаетъ выгоды въ свою пользу и считаетъ себя
разореннымъ, если вѣсы не склоняются въ его сторону; но въ тоже время
всякій вопіетъ противъ страшной монополіи своихъ собратій и находитъ, что
нужно прекратить имъ покровительство. Если онъ наживается – это хорошо: въ
этомъ заинтересовано само общество. Но прочихъ справедливость требуетъ
обуздать. Тоже и въ учетъ. – Всякій негоціантъ, крупный или мелкій, все
равно, былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы ему обезпечили учетъ его векселя
за подписью двухъ ручателей, вмѣсто трехъ, и по опредѣленной таксѣ въ %
вмѣсто 5, 6, 7, 8 и даже 9%, которые у него произвольно вымогаютъ,
захватывая его въ расплохъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Сторонники
взаимности хотятъ именно водворить навсегда такую опредѣленность въ учетахъ
и правильность въ кредитъ. Но постойте: вѣдь буржуазъ разсчитываетъ, что не
вѣкъ же ему будетъ несчастливиться; онъ ждетъ и на своей улицѣ праздника.
Вотъ, послѣ счастливой компаніи, ему удалось пріобрѣсти тысячу 100–200 фр.
Карманъ набить туго; онъ спѣшитъ отнести деньги въ банкъ. Но уже теперь не
говорите ему объ учетѣ по 1/2 %. Онъ теперь богатъ; дѣла въ его рукахъ; онъ
предписываетъ банкирамъ законы; онъ самъ банкиръ. Пусть поступаютъ, какъ
хотятъ, съ его менѣе счастливыми конкурентами; пусть лихоимство всѣхъ ихъ
пожретъ. Его дѣла идутъ отлично; онъ сближается съ правительствомъ и
подаетъ голосъ за министерство.

Каковъ буржуазъ въ оборотахъ, таковъ и въ политикѣ. Въ сущности у него нѣтъ
принциповъ: у него только барыши. Образъ мыслей его зависитъ отъ состоянія
курсовъ на биржѣ. Онъ то льститъ власти, то участвуетъ въ оппозиціи; то
униженно заискиваетъ, то яростно порицаетъ; то кричитъ: да здравствуетъ
король, то: да здравствуетъ оппозиція, смотря потому, повышаются или
понижаются курсы, распродаютъ или нѣтъ его товары, смотря потому, получить
ли, по милости какой нибудь высокой особы, крупную государственную поставку
онъ или его конкурентъ, и попадетъ ли онъ, вслѣдствіе этого, въ отчаянное
положеніе, или пріобрѣтетъ наживу.

Политико-экономическія сочиненія, вышедшія въ послѣднія 30 лѣтъ, и разборы
ихъ лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ низко пала эта несчастная буржуазія,
въ какую пропасть ее повергли ея государственные люди, ея представители,
ораторы, профессоры, академики, софисты и даже романисты и драматурги. Они
постарались истребить въ ней и здравый смыслъ, и нравственное чутье, и она
назвала своими спасителями тѣхъ, кто совершилъ это прекрасное дѣло. Quos
vult perdere Jupiter, dementat.

Духъ равенства, стремленіе къ уравнию отличали французскую націю, при
выходѣ ея изъ горна революціи, и сдѣлали ее на полстолѣтія образцомъ для
всѣхъ народовъ; они, казалось, готовы были слить аристократію капитала съ
наемщиной въ единый классъ, который справедливо назвали среднимъ. Къ
равенству права, къ свободѣ промышленности оставалось только прибавить
всесильный толчокъ учрежденій взаимности, чтобы безъ потрясеній произвести
экономическую революцію: дорогой буржуазіи порядокъ не былъ бы ни на минуту
нарушенъ.

Но вотъ уже 25 лѣтъ, какъ страна находится подъ противоположнымъ вліяніемъ
и идетъ въ противномъ направленіи; торговый и промышленный феодализмъ
одержалъ верхъ, благодаря постановленіямъ касательно горныхъ промысловъ,
привилегіи банка и особенно благодаря уступкѣ желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе
этого, средній классъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ, угнетаемый, съ одной
стороны, возвышеніемъ заработной платы и развитіемъ анонимныхъ обществъ, а
съ другой – налогомъ и заграничной конкуренціей или свободной торговлею;
мѣсто его занимаютъ чиновничество, высшая буржуазія и наемщина.

Отчего происходитъ этотъ упадокъ средняго сословія, который влечетъ за
собою упадокъ самой націи и свободы? Причина его – безразсудно принятая
этимъ классомъ экономическія теоріи, тотъ ложный либерализмъ, которымъ онъ
не пересталъ бредить и который далъ ему только правительственную
централизацию, постоянныя войска, парламентское шарлатанство, анархическую
конкуренцію, тунеядную монополію, постоянное повышеніе процента,
космополитизмъ свободной торговли, общую дороговизну и, въ заключеніе,
рабочія стачки. Но противъ всякаго зла можно найти средство. Какъ дѣло
городскихъ рабочихъ есть въ тоже время дѣло сельскихъ (см. выше ч. 1, гл.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
II), так точно солидарны интересы рабочей демократии и среднего сословия: хорошо было бы, еслибы они поняли, что спасение ихъ въ союзъ другъ съ другомъ.

И такъ, мы можемъ сказать, что роли буржуаза – капиталиста, буржуаза – собственника, буржуаза – предпринимателя, буржуаза – правительства, съ одной стороны, и рабочей демократии, съ другой, совершенно перемѣнились. Массой, толпой, презренной чернью приходится называть уже не рабочую демократію, но скорѣе буржуазію. Въ совокупности своей, рабочій народъ уже не гряда пыли, какъ говорилъ Наполеонъ I. Что такое общество? говорилъ онъ: это – администрація, полиція, судъ, церковь, армія; остальное – прахъ. *Rudis indigestaque moles*. Теперь рабочій народъ составляетъ сословіе; онъ чувствуетъ себя, разсуждаетъ, подаетъ голосъ, хотя, къ сожалѣнію, безразсудно, но все-таки по собственной воли, и уже развиваетъ свою идею. Буржуазія же не мыслить; она обратилась въ прахъ, въ нестройную массу.

И такъ, вдохновенный энергическимъ сознаниемъ, увлекаемый могуществомъ справедливой идеи, народъ является міру во всей силѣ и блескѣ органическаго развитія, требуетъ себѣ мѣста въ совѣтахъ страны, предлагаетъ среднему сословію союзъ, котораго оно скоро будетъ заискивать. А тѣмъ временемъ, высшая буржуазія, попадая изъ одной политической катастрофы въ другую, дошла до послѣдней степени умственной и нравственной пустоты, разложилась въ массу, въ которой, кромѣ эгоизма, не осталось ничего человѣческаго. Она ищетъ спасителя, когда ей нѣтъ спасенія; принимаетъ на себя видъ циническаго равнодушія и этимъ замѣняетъ себѣ всякій планъ дѣйствій. Она не соглашается на неизбѣжное преобразование и предпочитаетъ навлечь на себя и на страну новыя бѣдствія яростнымъ отрицаниемъ того, что привѣтствовала и чему поклонялась въ 89 году, т. е. Права, науки, Прогресса, короче – Справедливости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Политическія несовмѣстности. – Заключение.

ГЛАВА I.

Политическое отлученіе; необходимость для рабочей демократіи заявить свой разрывъ.

Замѣтимъ, что съ 1848 г. французская нація раздѣляется на семь главныхъ партій:

- a) Легитимистовъ;
- b) Орлеанистовъ или приверженцевъ конституціонной монархіи;
- c) Бонапартистовъ или имперіалистовъ;
- d) Клерикаловъ, епископаловъ или іезуитовъ;
- e) Республиканцевъ консервативныхъ, которые отличаются отъ предъидущихъ только отрицаниемъ монархіи, а въ экономическихъ вопросахъ слѣдуютъ тѣмъ же принципамъ, какъ и монархисты;
- f) Республиканцевъ радикальныхъ или демократовъ, иначе красныхъ или социалистовъ; къ нимъ логически примыкаютъ –
- g) Федералисты.

Каждая изъ этихъ партій подраздѣляется на множество оттънковъ: такъ мы видѣли (часть 2, глава II), что радикалы раздѣлялись на двѣ школы, школу коммунистовъ или Люксембургскую и школу принципа взаимности, недавно основанную шестьюдесятью. Едва республика утвердилась 24 февраля 1848 г. на мѣстѣ монархіи, какъ возникла вражда, а вскорѣ и междоусобная война между союзомъ старыхъ партій a, b, c, d, e и новою партией f-g, которую защитники старыхъ началъ обвиняли въ заговоръ противъ собственности, религіи, семейства и нравственности.

Послѣдствія этого обвиненія оказались весьма счастливыми для обвиненной партіи. Она положила начало уничтоженію старыхъ партій, принудивъ ихъ примириться другъ съ другомъ; потомъ она сдѣлала республику солидарною съ своими принципами, доказавъ, что принципы эти прямо вытекаютъ изъ республиканскихъ началъ. Со времени Люксембургскихъ засѣданій, особенно съ 16 го апрѣля, борьба противъ социальной республики сдѣлалась задачей всѣхъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
правительство, переходя, как по наследству, от одного к другому, от
временного правительства к генералу Кавеньяку, от генерала Кавеньяка к
президенту Людовику Наполеону, от Людовика Наполеона к императорскому
правительству, которому союзная партия, враждебная социальной демократии и
побужденная в одно время с нею 2 декабря, дали название Спасителя
Общества.

Теперь мы видим, что в борьбе против красной или социальной демократии,
сначала в 1848 и 1849, потом в 1851 и 1852 г. г., сосредоточивается весь
интерес современной истории; что до сих пор она остается главным
условием существования императорского правительства; что в своей домашней
политике вторая империя никогда не упускала из виду этого условия своего
существования; что нить основания думать, чтобы она изменила теперь свое
поведение, тем более, что на выборах 1863 и 1864 г. радикальная партия
приняла угрожающее положение и что только страх Социализма связывает с
правительством побужденная, но непримирившаяся с ним партия
легитимистов, орлеанистов, консервативных республиканцев и клерикалов.
Таким образом, с нашей точки зрения, императорское правительство, на
которое антрепренеры конституционной оппозиции хотя и свалили все бремя
непопулярности, постигшей одинаково всех их, представляется простым
выражением реакции. Наше положение ни на волос не изменилось бы, если бы
вместо наполеоновской династии обстоятельства вручили власть Генриху V, или
графу Парижскому, или какому нибудь африканцу, продолжателю Кавеньяка.

Эта политика трусости и реакции неизменна, несмотря ни на какие перемены
царствований: об этом свидетельствует главным образом то, что
промышленный и финансовый феодализм, издавна подготовленный во время 36
лет реставрации, июльской монархии и республики, не переставал
укрепляться и развиваться со времени государственного переворота. К нему
примкнули люди всех партий. В последнее время он окончательно
организовался и утвердился: выборы 1866 г. послали его в парламент в
большом числе представителей. И не странно ли, что феодализм этот,
повидимому, хочет, подобно Социализму, отождествить политику с
политической экономией; мало по малу он сливается с правительством,
вдохновляет его, преобладает над ним. В течение 11 лет, он, с
церковью и армией, составляет жизненный нерв империи, и конечно, никто не
скажет, что верность его когда нибудь колебалась.

Между тем большая анонимная, лихоимствующая компания успела составить
коалицию; вскоре средние классы, разоренные и поглощенные конкуренцией,
низвергнутся в феодальное рабство или обратятся в пролетариев. Тогда
помощь решительная час, и если новый закон 31 мая не подоспешет на
помощь этой системе, вопрос решится на поле битвы общей подачи голосов.
Как будут держать себя в этих новых комических средних классы? Окажут
ли они то безкорыстие, которое недавно так безразсудно выказали рабочие
классы? Увлечши эту чернь, соединятся ли они с нею? Мы видели, как
действует эта жалкая мелкая, буржуазия; мы знаем, как и за кого подает
она свой голос. Лишенная сознания и идеи, обманываемая своею журналистикой
по всем современным вопросам, всегда расположенная верить, что перемена
в личном составе и рутине правительства облегчит ее страдания,
неспособная пробить себе дорогу в политике, вне протоптанной колеи, умяющая
только назначать кандидатов кружков и отвергать кандидатов
правительства, – она вряд ли догадается присоединиться к молодому
элементу, к партии, которая думает, хочет, действует, зовет ее, и
которая сильна.

И так, не подлежит сомнению, что со 2 декабря 1851, если не с 23 июня
1848 г., социальная демократия отлучена от общества, чтобы не сказать –
исключена. Если не личности, то идеи наши стоят вне правительства, вне
общества; не посмели еще только объявить нас вне законов. Этому
препятствует принцип свободы мысли. За то стараются всеми силами лишить
наши идеи всех средств распространяться; их предают продажным
органам. Одним нам упорно отказывают пользоваться периодической
печатью, между тем как все старые партии, все шарлатаны, все ренегаты, все
сводники могут свободно распоряжаться ею. Если иногда нашему принципу и
случится высказаться перед правительством, – привилегированные живодеды
спешат как можно скорее уничтожить или устранить его, вооружив против
него коалицию противных мысли. Члены временного правительства, когда в
1864 г. их выкопали из могил, с таким же ожесточением противились
рабочим представителям, с каким вожди финансового феодализма
возставали, в течение 12 лет, против экономических планов демократии.

Господствующий теперь порядокъ таковъ, что истреблять насъ считается спасать общество и собственность; онъ таковъ, что, если демократія не съумѣетъ организоваться и не научится бороться, намъ въ перспективѣ неизбѣжно предстоятъ умственный остракизмъ и инквизиція мысли. Что намъ здѣсь дѣлать? Примемъ же съ гордостью наше отлученіе, и, такъ какъ старый мѣръ отвергаетъ насъ, отрѣшимся отъ него сами рѣшительно.

Не пугайся слова: «отрѣшеніе» мой проницательный читатель, и не клевети на меня за него. Ты ошибешься, если подумаешь, что я проповѣдую народу или возмущеніе, или безропотную покорность. Во первыхъ, я чуждъ всякой вражды, всякаго желанія ненависти или междоусобія. Вѣдь уже извѣстно, что я вовсе не человекъ дѣйствія. То, что я разумью подъ отрѣшеніемъ, просто условіе всякой жизни. Отличаться, опредѣляться – значитъ существовать, какъ смѣшиваться и поглощаться – значитъ уничтожаться. Разрывъ, разрывъ законный – единственное средство утвердить наше право и заставить признать себя политической партіею. Это самое могущественное и самое честное оружіе, какъ для защиты, такъ и для нападенія. Въ теченіе долгаго времени, социальная демократія лишь изрѣдка заявляла о своемъ существованіи частными изданіями; манифестъ шестидесяти – первая и сильная попытка коллективнаго заявленія, вышедшаго прямо изъ среды народа. Слишкомъ наивное заключеніе его извѣстно; извѣстно также, что сначала онъ былъ встрѣченъ одобреніемъ, но потомъ устраненъ большинствомъ демократическихъ избирателей. Рабочихъ представителей не приняли, и хорошо сдѣлали. Но подобная попытка не должна повторяться: это было бы позорно и глупо. Теперь пришло время дѣйствовать честнымъ и разумнымъ разрывомъ, который, впрочемъ во всякомъ случаѣ, неизбѣженъ. Разсмотримъ же, въ чемъ состоитъ этотъ разрывъ.

На выборахъ 1863–64 г. рабочая демократія, обнаруживъ рѣшимость заставить признать свои политическія права, высказала, въ то же время, свою идею и главный притязанія. Она стремится, не болѣе, не менѣе, какъ произвести въ свою пользу экономическій социальный переворотъ.

Но чтобы разрѣшить такую великую задачу, недостаточно болѣе или менѣе двусмысленныхъ заявленій на выборахъ, газетныхъ исповѣданій принциповъ и публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ нѣкоторыми ораторами съ дозволенія полиціи; недостаточно даже того, что нѣкоторые практики, переходя отъ проповѣди къ дѣлу, собираютъ вокругъ себя, въ обществахъ взаимнаго вспоможенія или труда, нѣсколько сотъ приверженцевъ. Дѣло реформаціи могло бы такъ тянуться цѣлые вѣка, не производя никакого результата и увеселяя отъ времени до времени консерваторовъ. Надобно дѣйствовать и въ области социального дѣла, и въ области политики всѣми законными средствами, прибѣгать къ коллективной силѣ, возбуждать всѣ силы страны и государства.

Когда Лудовикъ XVI, послѣ пятнадцати лѣтъ бесполезныхъ усилій, чувствуя свое безсиліе, рѣшился, наконецъ, сломить соединенное сопротивленіе двора и города, дворянства, духовенства, буржуазіи, парламентовъ, финансистовъ и самого народа, онъ созвалъ государственныя сословія. Послѣдствія доказали, что этой всеобщей переставки было едва достаточно, чтобы революцію, уже совершившуюся въ умахъ, провести въ законодательство и жизнь.

Съ 89 г. французская нація двѣнадцать или пятнадцать разъ мѣняла свою конституцію, и каждый разъ надо было приводить въ движеніе всѣ силы и весь разумъ страны. Предпріятія гораздо меньшія, сравнительно ничего незначущія, – и тѣ требовали соединенныхъ усилій правительства и общественнаго мнѣнія. Чтобы учредить французскій банкъ, Бонапарту нужно было имѣть на своей сторонѣ консульскую диктатуру и цѣлую коалицію финансистовъ.

Могла ли вторая имперія основать поземельный кредитъ, предметъ столькихъ надеждъ, предвидѣнный монархіею, обѣщанный республикою, требуемый и промышленностью, и земледѣліемъ, и городами, и деревнями? Нѣтъ, это національное учрежденіе оказалось не по силамъ имперіи; и ей можно прямо сказать, что она не справится съ нимъ.

Неужели рабочая демократія воображаетъ, что можетъ своими мелкими, несчастными ассоціаціями, своими подписками по пяти сантимовъ въ недѣлю, своими обыкновенными средствами увѣренія и пропаганды, произвести одно изъ тѣхъ обширныхъ движеній, которыя возрождаютъ общества и въ нѣсколько лѣтъ преобразуютъ мѣръ? Ей не удастся даже устроить общую систему страхованій и замѣнить взаимностью страховой взносъ. Что же вышло бы, если бы ей пришлось вступить въ серьезную конкуренцію съ французскимъ банкомъ, движимымъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
кредитомъ, учетной конторой, словомъ, со всѣми этими финансовыми
коалиціями, располагающими миллиардами звонкой монеты?

Развѣ вы убѣдите финансовыя общества въ пользу и справедливости взаимности, если докажете имъ, что для страны выгодно занимать по 1/2 % вмѣсто 8%? Развѣ компани желѣзныхъ дорогъ уступятъ свои тарифы? Развѣ капиталисты, которымъ нація должна теперь до 10 миллиардовъ, примутъ ваше ученіе? Развѣ торговля, по первому приглашенію, такъ и вступитъ на путь обезпеченія и дешевизны? Наконецъ, развѣ рабочіе, которыхъ нищета постоянно принуждаетъ требовать повышенія заработной платы, подадутъ первые примѣры, соглашаясь работать больше за меньшую плату, въ надеждѣ на соответствующее удешевленіе жизненныхъ припасовъ и квартиръ? О правительствѣ я уже и не говорю: атакованное со всѣхъ сторонъ, оно, конечно, не захочетъ хоть сколько нибудь ограничить свою власть.

Послѣдователи фурье, по моему, очень заблуждались, вѣруя, что увлекутъ весь свѣтъ, если имъ позволятъ только разбить свой шатеръ и устроить первый образцовый фаланстеръ. Они предполагали, что первый, болѣе или менѣе успѣшный опытъ повлечетъ за собою второй и такъ далѣе, и идея ихъ, двигаясь впередъ, какъ лавина, охватитъ наконецъ всю націю, такъ что въ одинъ прекрасный день всѣ 37,000 общинъ франціи превратятся въ группы гармоніи и фаланстеры. Въ политикѣ и социальной экономіи самопроизвольное зарожденіе, какъ говорятъ физиологи, – принципъ совершенно ложный. Чтобы измѣнить весь общественный строй, надо дѣйствовать одновременно и на весь социальный организмъ, и на каждую отдѣльную часть его. Какъ! чтобы починить дрянную проселочную дорогу, нужна инициатива префекта, то есть центральной власти, нужны сборы съ двадцати общинъ; а тутъ воображаютъ, что можно увлечь тридцать семь милліоновъ душъ какими-то подписками, пожертвованіями и быстро охлаждающимся рвеніемъ непостоянной и безсильной черни! Подобныя бредни приличны только въ школь Братства, Государства-Семьи и вольной любви.

Есть вещи, и очень важныя, которыя могутъ исполняться, развиваться, преуспѣвать одною лишь силою слова: такова наука, философія, религія. Но есть другія, которыя требуютъ всѣхъ способностей, всей преданности и полного самоотверженія цѣлаго народа: между ними первое мѣсто занимаютъ политическія учрежденія и социальныя реформы. Будемъ проповѣдывать, писать, печатать, разсуждать – это наше право: того хотѣла французская революція, обнародовавъ великій законъ прогресса и, какъ орудіе этого прогресса, свободу мысли и полную гласность мнѣній. Но пусть демократія не забываетъ, что, узаконивъ декретомъ свободу мысли и печати, революція хотѣла вызвать и обезпечить всѣ послѣдствія этой свободы, сущность которыхъ въ томъ, что управленіе должно принадлежать большинству; другими словами, что правительство должно слѣдовать общественному мнѣнію, куда бы оно ни повлекло его, лишь бы оно дѣйствительно было мнѣніемъ большинства.

Такимъ образомъ, теперь, какъ и въ 1848 г., у насъ, во франціи, торжество рабочей демократіи зависитъ отъ нея самой. Она должна доставить своей идеѣ большинство и затѣмъ потребовать, чтобы правительство возвратило ей верховную власть. Весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, пойдетъ ли рабочая демократія, для достиженія своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ выборовъ и парламентскихъ преній, путемъ предвидѣннымъ и болѣе или менѣе обезпеченнымъ прежними конституціями, или не будетъ ли лучше для ея идеи, достоинства и выгодъ, чтобы она выбрала другой путь, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ законности.

Я утверждаю, что правительство, въ томъ видѣ, какъ оно было задумано и осуществлено во франціи съ 1789 г., теперь уже неумѣстно; что рабочая демократія имѣетъ серьезныя обязанности; что она не должна уже терять времени на пріисканіе себѣ адвокатовъ и на упреки правительству языками этихъ попугаевъ; что, наконецъ, эти упреки только компрометируютъ ее и совершенно бесполезны, съ какой бы точки на нихъ ни смотрѣть.

Вспомнимъ, что съ 1749 г. старыя партіи, которыхъ раздѣляютъ только политическіе предрассудки или даже просто дипломатическіе цвѣта, находятся въ неразрывномъ союзѣ и заговоръ противъ черни, нетерпѣнія которой онѣ опасаются; что, не смотря на ожесточеніе ихъ полемики, всѣ онѣ въ сущности слѣдуютъ одной и той же политической системѣ; что отличительныя черты этой системы, – съ одной стороны, правительственная централизація, а съ другой, экономическая анархія, прикрывающая именемъ свободы грабежъ, монополію, тунеядство, ажіотажъ и лихоимство, которыми новая каста существуетъ съ 89 года; что при этомъ странномъ сочетаніи монархической власти и анархіи

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org капитала и торгашества, которое составляет буржуазный порядок, оппозиция правительству является уже не отрицанием системы, а ее необходимую составную часть; что она противоречит правительству, но далеко от вражды с ним; что, наконец, старинные партии, легитимистская, орлеанская, бонапартистская и форменно-республиканская, поочередно сменяя друг друга в правительстве, поддерживают друг друга и действуют все заодно, не жертвуя при этом своими политическими мнениями; для очистки совести им достаточно воздерживаться от заговоров и не изменять своей касты и системы. Все это надо всегда иметь в виду.

Происшествия последних шестнадцати лет обнаружили это в самом ярком свете.

В 1848 г. республика учреждает всеобщую подачу голосов, назначает законодательное собрание, дает себе конституцию. Все это были просто вариации на тему идеала, которым мы одержимы с 89 г. Чем администрация, правосудие, политика правительства и общественная экономия республики отличались от того, чем они были в конце царствования Людовика Филиппа? Республика не сбита с толку никого, ни легитимистов, ни орлеанистов, ни бонапартистов; при ней все партии были очень довольны своим положением; даже духовенство, обвинявшее первую республику в ереси, приняло участие в трудах второй. Эта республика, создание формалистов, ничем не отличалась от монархии, и мы были правы, отрекаясь от нее.

Настало 2 декабря. Конституция 1852 года заменила конституцию 1848; в течение нескольких лет люди, исключенные государственным переворотом, держались в стороне по чувству собственного достоинства. Но наконец они одумались, и мы снова видели их, роялистов, республиканцев, членов временного правительства, на своих оппозиционных местах в парламенте. И неудивительно, потому что в конституции 1852, как и в конституции 1848, они узнали свой идеал в очень мало измененном виде.

Другое дело трудящийся народ: он не нашел своего идеала ни в одной из конституций, которые Франция задавала себе с 1789 г.; и для него вся революция выражается только в разных неопределенных формулах, как то: общая подача голосов, право на труд, уничтожение пролетариата, и т. д. В 1848 г. он протестовал против конституции, а в 1863 снова ставит на очередь вопрос экономической реформы.

В 1848 г., в республике мы были, как дома: конституция, несмотря на свои признания и свои недомолвки, свидетельствовала о нашем существовании, о наших требованиях, о нашем близком торжестве. Наше подчинение было условное, временное; мы могли без противоречий, без отступничества, без клятв преступлений пользоваться всеми законными гарантиями, а тем временем собираться с силами и готовиться к преобразованию республики. Опираясь на право 1848 года, мы ожидали 1852 г.

Нынче, по восстановлении императорского престола, после закона, предписывающего депутатам присягу, после декрета 24 ноября 1860, после возвращения прежних партий и воскресения конституционной оппозиции, — положение радикальной демократии изменилось. Правительство хранило молчание, но за него оппозиция сказала нам: подавайте голоса заодно с нами или подите прочь. На это рабочей демократии следовало ответить, как десять колых Иероома: Хорошо же, буржуазы; обдѣлывайте себя ваши дѣлишки! А ты, Израиль, назад к своим шатрам!

Но дело разыгралось иначе. Рабочая демократия, предпочитая действие слову, забрала себя в голову, что ей здесь есть какое то дело; вместо того, чтобы отдѣлаться, она снова сдѣлалась смиренной прихвостницей; точно дѣтеныш двутроби, она вернулась в носившую ее утробу и по безразсудству подала голос в пользу оппозиции, которая не хотѣла и не могла ее признать.

И так, мы видим, что политической и экономической идеал рабочей демократии далеко не тот, который, вот уже 70 лет, тщетно преследует буржуазия. Поэтому мы не можем участвовать с буржуазией не только в одном парламенте, но даже в одной оппозиции: у нас слова имеют совсем другое значение; наши идеи, принципы, формы правительства, учреждения, нравы совершенно иные. Постоянно, но бесплодно общаемся вольности и гарантии 89 года, неосуществимы в буржуазном конституционализме, тогда как в демократической системе они вытекают сами собой без всякого затруднения. Отсюда мы приходим к неизбежному заключению, что, если

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
рабочий народ мог отвергнуть на последних выборах кандидатов правительства, как представителей идеи, противной его принципу, то тем более следовало ему поступить точно также с кандидатами Оппозиции, потому что и те, и другие представляют одну и ту же идею, одну и ту же политику, один и тот же порядок, с той только разницей, что министерские кандидаты откровенно выдают себя за то, что они есть, тогда как оппозиционные обманывают своих избирателей, скрывая свою мысль.

Если рабочий класс придает себе какое нибудь значение и если он гонится не за призраком, то должен знать, что прежде всего ему нужно выйти из под опеки и, не заботясь ни о министерстве, ни об Оппозиции, действовать отныне самостоятельно и только для себя. Быть или силою, или ничем – вот что ему предстоит. Подав голос за кандидатов 31 мая 1863 и 20 марта 1864, рабочая демократия обнаружила недостаток решимости и благородия. Она забыла себя, и для кого же? для врагов! Манифест Шестидесяти возвысил ее на степень патрициата; но ее подача голосов низвела ее в разряд отпущенников.

ГЛАВА II.

1. Политическая нравственность: присяга до и послѣ 89 г.; противорѣчіе гражданской и конституціонной присяги. – Политическая нравственность Франціи развращена клятвопреступленіемъ. Наши самозванные политики, ремесло которыхъ состоитъ въ оппозиціи всѣмъ правительствамъ, что нисколько не мѣшаетъ имъ кончать союзомъ со всякимъ правительствомъ, приняли за правило, что, для успѣшной борьбы съ властью, надо ее побивать ея же собственнымъ оружіемъ, т. е., другими словами, признавать законъ ею изданный и представляемый. Въ переводѣ на простой языкъ это значить, что самое вѣрное средство избавиться отъ челоука – явиться къ нему въ домъ и, когда онъ будетъ съ вами здороваться, – убить его. Риторы, готовые разглагольствовать при всякомъ правительствѣ; адвокаты, защищающіе не только всякое дѣло, но даже передъ какимъ угодно судилищемъ, принимающіе всякія законодательства, приноравливающіеся ко всевозможнымъ судебнымъ формамъ; атеисты, хвастающіе своимъ индифферентизмомъ, потому что не въ состояніи возвыситься до принциповъ; для которыхъ всѣ вѣрованія равны, потому что они потеряли понятіе о правѣ, и которые не гнушаются преклонять колѣна ни передъ какимъ кумиромъ, потому что презираютъ людей еще болѣе, чѣмъ боговъ! – Вотъ каковы эти софисты, все совмѣщающіе, все соглашающіе, ничѣмъ не гнушающіеся, не знающіе противорѣчій! У нихъ на все готовы компромиссы, примиренія, оправданія. Будь то конституція 1848 или конституція 1852, военносудныя комиссіи или судъ присяжныхъ, законъ общественной безопасности или *habeas corpus*, обязанность гражданина или вѣрнопопданность династіи – имъ все равно: они ни въ чемъ не видятъ разницы. Такимъ образомъ мы видѣли, какъ непринужденно дали они присягу, необходимую, по конституціи 1852, для избранія въ законодательный корпусъ; а когда республиканская демократія не рѣшалась поклоняться второй имперіи, они увлекли ее на поступокъ, который она, пока разсуждала хладнокровно и не теряла здраваго смысла, считала вѣроломствомъ.

Вотъ уже три года, какъ мнѣ безпрестанно приходится говорить объ этомъ важномъ вопросѣ присяги, въ которомъ отражается вся наша политическая нравственность; и каждый разъ мои замѣчанія остаются безъ отвѣта. Теперь я снова возвращаюсь къ нему, хотя заранѣе убѣжденъ, что на этотъ разъ менѣе, чѣмъ когда-либо могу разсчитывать на полученіе отвѣта. Но мнѣ хочется доказать по поводу присяги, что: во первыхъ, наша несчастная нація рѣшительно сама не знаетъ что она дѣлаетъ и куда стремится; во вторыхъ, что присяга несовмѣстна съ демократическими и социальными убѣжденіями, чтобы не сказать, съ современною совѣстью.

До 89 г., при порядкѣ, основанномъ, какъ говорятъ, на божественномъ правѣ, присяга приносилась лично королю. Это условіе, по крайней мѣрѣ, недопускало недоразумѣній. Во первыхъ, король былъ извѣстная личность, въ подлинности которой невозможно было ни усомниться, ни обмануться; во вторыхъ, онъ былъ воплощеніе націи, живой законъ государства. Король былъ все. Съ нимъ нельзя было ни пускаться въ разборъ, ни полагать ограниченія, ни ставить условія. Право было опредѣлено; политическая нравственность имѣла критерій. Присяга формальная или подразумеваемая приковывала подданнаго къ королевской особѣ, символу, выраженію и органу націи, ея правѣ, учрежденій, льготъ или, какъ мы чванно называемъ ихъ, вольностей. Это воззрѣніе на королевскую власть и на присягу, проникнутое религіознымъ характеромъ, имѣло свою выгодную сторону: омерзительный домъ Валуа, отъ Франциска I до Генриха III, былъ,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org кажется, самую порочную династию, какую только можно придумать; а между тем, в лицах их, это воззрение на королевскую власть спасло французскую национальность среди ужасов междоусобий.

Съ 89 г. нация управляется новыми идеями, осуждать которыя, конечно, я не буду. Феодальная присяга была уничтожена и замѣнена гражданскою. Что такое гражданская присяга? Вотъ формула гражданской присяги по конституціи 1791 года, глава II, параграфъ 5:

«Клянусь быть вѣрнымъ народу, закону и королю и всѣми моими силами поддерживать конституцію королевства, установленную національнымъ учредительнымъ собраніемъ въ 1789, 1790 и 1791 годахъ».

Замѣтите разницу. Присяга приносится уже не одному лицу – королю, а народу, закону и королю. Народъ поименованъ первымъ, въ знакъ его несомнѣнной верховности; за нимъ слѣдуетъ законъ – выраженіе народной воли; король послѣднимъ. Онъ только представитель народа и исполнитель его воли; поэтому онъ названъ послѣ всѣхъ: между этими тремя понятіями есть постепенность. Въ этой формулѣ присяги выражается весь духъ революціи, какимъ онъ былъ въ 89 г.

Гражданская присяга была уничтожена вмѣстѣ съ конституціей 91; въ конституціяхъ II, III и VIII годовъ о ней не упоминается. Въ 1804 г. Наполеонъ I возстановилъ ее въ такой формѣ:

«Клянусь повиноваться конституціямъ имперіи и быть вѣрнымъ императору».

И такъ, Наполеонъ старался какъ можно больше приблизиться къ феодальной формулѣ; подобно Людовику XIV, онъ говорилъ: государство – это я, и считалъ себя истиннымъ представителемъ народа, живымъ Закономъ и воплощеніемъ Франціи.

Но революція неумолима. Наполеонъ принужденъ упомянуть въ формулѣ присяги о конституціяхъ Имперіи, т. е. о конституціяхъ 1804, 1802 и 1799 гг.; а послѣдняя тѣсно примыкаетъ къ революціи и къ принципамъ 89 г. Этого довольно: чтобы Наполеонъ ни дѣлалъ и какъ бы онъ этого ни таилъ, новый духъ проглядываетъ въ этихъ конституціяхъ. Въ сущности, присяга 1804 та же, что и 1791 года; были присяги, приносившіяся королямъ старшей и младшей линіи, и наконецъ, Наполеону III. – И такъ несомнѣнно, что теперь во Франціи монархъ не единственное, даже не первое лицо. Есть кто-то выше короля, есть что-то выше престола: этотъ кто-то – Народъ; это что-то – Законъ. Удалить изъ присяги эти два образа невозможно; невозможно снова водворить въ сердцахъ монархическую религію.

Послѣ этихъ замѣчаній разсмотримъ, какова можетъ быть сила этой новой присяги.

Во первыхъ, относительно ея цѣли, содержаніе ея показываетъ, что этими ясными словами хотѣли удовлетворить новымъ идеямъ, освятить новое право, сдѣлать самую присягу менѣ мистическою, менѣ идолопоклонническою, болѣе достойною челоука и гражданина. Сочетаніемъ этихъ трехъ великихъ словъ – «Народъ, Законъ и Король», думали придать присягѣ болѣе разумности и величія. Дѣлая эти три имени, такъ сказать, солидарными, напоминая о конституціяхъ, высочайшемъ выраженіи закона, думали упрочить общественное зданіе и придать власти ненарушимость закона и неизчезаемость народа. Такъ, вѣроятно, разсуждали учредители этой присяги; и это доказываетъ, что они поступали скорѣе, какъ поэты, чѣмъ государственные люди. Ихъ риторика рушится передъ здравымъ смысломъ.

Въ самомъ дѣлѣ: очевидно, что присяга, приносимая тремъ лицамъ или, пожалуй, тремъ принципамъ, не можетъ быть такъ опредѣлительна, какъ если ее приносятъ одному; точно также всякое обязательство, что нибудь дѣлать или чего нибудь не дѣлать, можетъ скорѣе подать поводъ къ перетолкованіямъ, путаницѣ и придиркамъ, когда относится къ нѣсколькимъ лицамъ, чѣмъ когда заключено съ однимъ на опредѣленныхъ условіяхъ или даже безъ всякихъ условій. Такъ какъ политическая присяга съ 1789 г. приносится, въ одно и тоже время, и народу, и закону, и королю – все равно выражено ли это въ ней прямо, или затаено, – то она по необходимости должна быть условна, должна подлежать толкованіямъ и предполагаетъ взаимность. Напрасно президентъ Законодательнаго корпуса зажимаетъ ротъ депутату, который, прежде чѣмъ поднять руку и произнести присягу, проситъ позволенія объясниться. Самая

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
сущность этого дѣйствія даетъ присягающему право объясниться.

Конституція 91, 1804 и 1814, самыя монархическія изъ нашихъ конституцій, требуютъ отъ императора или короля присяги, равносильной той, которая приносится ему самому; въ этой присягѣ напоминаются и выражаются принципы 89 г. и духъ революціи, и главѣ государства вмѣняется ею въ обязанность защищать эти начала. Это несомнѣнно доказываетъ, что съ 1789 г. политическая присяга обратилась въ обоюдосторонній договоръ между государемъ и подданными. Одна только конституція 1852 не выражаетъ прямо этихъ началъ. Но это должно считать просто нечаяннымъ упущеніемъ, на которое, смѣю думать, Наполеонъ III не дерзнетъ опереться.

Но вотъ худшая сторона этого дѣла: можетъ случиться, что трое, которымъ приносится присяга и которые предполагаются нераздѣльными, – т. е. Народъ, Законъ и Король, стануть въ противорѣчіе другъ съ другомъ и раздѣлятся. Народъ, какъ и отдѣльныя личности, можетъ заблуждаться; его характеръ, чувства, мнѣнія измѣнчивы. Законъ также можетъ мѣняться, хотя бы только въ умахъ тѣхъ, которые, изъ выгодъ или даже по свойству своихъ обязанностей, призваны толковать его. Наконецъ и король можетъ измѣниться. Какъ принципъ, онъ постоянно мѣняется: король 1701 года не то, что король 1788 г.; король 1830 г. не похожъ на короля 1714 г. Какъ личность, онъ измѣняется еще болѣе, и притомъ эта переменна еще опаснѣе: бурбонская династія можетъ быть царствовала бы до сихъ поръ, если бы Карлъ X раздѣлялъ взгляды Людовика XVIII. Между тремя столь измѣнчивыми элементами согласіе не можетъ быть прочно; рано или поздно антагонизмъ неизбѣженъ.

Что же выйдетъ изъ подобной присяги на практикѣ и какую пользу могутъ извлечь изъ нея Страна, Конституція и Правительство, которымъ она дается? Къ чему повела присяга, которую короли Хартіи получили отъ всей Франціи, т. е. отъ всей политической и официальной Франціи: отъ перовъ и депутатовъ, отъ чиновничества, администраціи, церкви, Почетнаго Легіона, арміи и т. д.? Грянула буря, и все пошло прахомъ, какъ будто эти клятвы были писаны на листьяхъ бульварныхъ деревьевъ. Отъ нея отдѣлались, сказавъ королю, что онъ первый нарушилъ свою присягу – и все тутъ. Это повторялось такъ часто съ 1789 г., что въ наши дни можно указать многихъ лицъ, надававшихъ, въ теченіе своего служебнаго поприща, цѣлую дюжину присягъ. Въ 1814 г. армія была зрительницей скандала, когда генералы имперіи, забывъ или, вѣрнѣе, перетолковавъ свою политическую и военную присягу, требовали отреченія отъ своего императора, отъ своего вождя! Да, но увы! вѣдь онъ клялся сохранять въ неприкосновенности владѣнія республики, уважать и заставлять уважать равенство правъ, политическую и гражданскую свободу!.. Долгъ платежемъ красенъ, Государь! вы не сдержали вашей клятвы: не взыщите, если и мы нарушимъ нашу присягу. Вы не уважали ни равенства правъ, ни гражданской и политической свободы; области республики заняты непріателемъ... Подписывайте же ваше отреченіе!...

Вотъ печальный, но неизбѣжный результатъ гражданской присяги. При прежнихъ короляхъ ни разу не было примѣра такой измѣны. Такимъ образомъ, съ 1789 г. французы почти не переставали присягать своимъ конституціямъ и государямъ и не сдержали ни одной присяги. Поминутно смѣнялись конституціи и государи, наперекоръ ли присягѣ, или въ силу ея – рѣшить трудно; потому ли, что конституція была несовершенна и не выполняла своего назначенія, или потому, что государи вызывали упреки въ неискренности; всего же вѣрнѣе потому, что при работѣ мысли и съ теченіемъ времени возникало разногласіе между Народомъ, Конституціей и Королемъ.

Таково было положеніе Франціи въ 1814, 1815, 1830 и 1848 годахъ. Сколько подлыхъ сдѣлокъ! Сколько паденій! Сколько измѣнъ, прикрытыхъ именемъ компромиссовъ! Было время, когда общественная совѣсть возставала противъ этихъ низостей. Наивный народъ, не зная политическаго фатализма, управлявшаго людьми и событіями, не понималъ, чтобы вѣрноподданный могъ отступить отъ своего государя или христіанинъ отречься отъ Бога. Онъ преслѣдовалъ своимъ презрѣніемъ неблагодарныхъ измѣнниковъ, и позоръ этотъ остался на ихъ памяти. Теперь логика революціи довершила свое дѣло: у насъ всѣ клянутся и всѣ нарушаютъ клятвы; для насъ это, какъ говорится, все равно, что выпить стаканъ воды. Мы дошли даже до того, что считаемъ добродѣтельнымъ поступкомъ присягу, принесенную противъ своего желанія и мысленно отвергаемую. нашихъ неустрашимыхъ присяжныхъ, которыхъ тридцать лѣтъ тому назадъ осмѣяли бы, теперь расхваливаютъ публично въ собраніи. Притомъ, какъ бы мы ни были убѣждены, что эти подлецы дѣйствуютъ изъ-за выгоды, а не по долгу, все у насъ такъ перепутано, во всемъ такое

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org противоречіе, что мы никак не могли бы доказать этого и прямо обвинить их въ измѣнѣ своей клятвы. Что же удивительнаго послѣ этого, что, оправдавъ ихъ, наконецъ, мы рѣшились послѣдовать ихъ примѣру.

Взглянемъ на это странное извращеніе нашихъ общественныхъ нравовъ.

Народнымъ рѣшеніемъ 1851 г. Людовику Наполеону было поручено составить конституцію. Чтобы избавить свое правительство отъ коварныхъ внушеній и враждебныхъ личностей, онъ поставилъ необходимымъ условіемъ, для вступленія во всѣ должности, особенно депутатовъ, присягу на вѣрность ему. Очевидно, авторъ конституціи 1852 г. предполагалъ, что важнѣйшіе представители прежнихъ партій, его естественные враги, или откажутся, какъ честные люди, связать себя подобною присягою, или, давъ ее, сдержатъ свое слово.

Сначала казалось, что эти предположенія сбываются. Большинство политическихъ людей, обратившихъ на себя вниманіе при прежнихъ правительствахъ, держались въ сторонѣ; тѣ же, которые стали имперіалистами, сдѣлали это чистосердечно. Всѣ они, за немногими исключеніями, оказались совѣтниками благонамѣренными и просвѣщенными; они спорили съ правительствомъ, но не за тѣмъ, чтобы нападать на него и колебать его, а чтобы предупредить его, служить ему и упрочить его. Съ другой стороны, гг. Кавеньякъ, Гудшо и Карно торжественно отказались принести присягу, и отказъ этотъ принесъ имъ такую же честь, какъ первымъ ихъ вѣрность.

Въ 1863 г., послѣ слишкомъ десятилѣтняго ожиданія, рѣшенія измѣнились. Орлеанисты, легитимисты и республиканцы утверждаютъ, что нужно снова вступить въ парламентъ и составить законную оппозицію. Какъ же смотрятъ они на непремѣнное условіе присяги? Объ этомъ никто изъ нихъ ничего не сказалъ: говорить въ подобныхъ случаяхъ опасно. Но по положенію дѣлъ и по ихъ дѣйствіямъ, мы можемъ угадывать ихъ тайную мысль.

2. Присяга и орлеанская партія.

Г. Тьеръ уже въ первой своей рѣчи не скрылъ чувствъ расположенія и привязанности къ орлеанскому дому. Слова его, полныя чистосердечія и достоинства, такъ плѣнили всѣхъ, что вызвали ему болѣе одобреній, чѣмъ упрековъ. Поэтому императорское правительство и не напрашивается на его дружбу. Затѣмъ г. Тьеръ далъ понять, что, вѣрный прежде всего идеямъ 89 г., онъ считаетъ конституціонную монархію въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ іюльской революціи, самымъ удачнымъ выраженіемъ этихъ идей; но такъ какъ существованіе подобной монархіи не зависитъ отъ той или другой династіи, то онъ готовъ примкнуть къ императорскому правительству, если оно, въ свою очередь, объявитъ себя готовымъ дѣйствовать по его системѣ. «Примите мою теорію министерской отвѣтственности, сказалъ онъ, – и я вашъ. Но пока позвольте мнѣ оставаться въ оппозиціи».

То, что г. Тьеръ сказалъ лично о себѣ, относится ко всѣмъ депутатамъ орлеанской партіи.

Изъ этого ясно слѣдуетъ, что г. Тьеръ и его послѣдователи, какъ сами сознаются, болѣе преданы орлеанскому дому, чѣмъ Бонапартамъ, и нерасположены къ конституціи 1852. Правда, отъ нихъ нельзя ждать, чтобы они, какъ простые граждане, позволили себѣ малѣйшее нападеніе на правительство, малѣйшее противуконституціонное дѣйствіе, особенно во время отправленія своихъ депутатскихъ обязанностей; но хотя отъ нихъ нечего бояться заговоровъ, тѣмъ не менѣе они не сдержатъ, въ качествѣ депутатовъ, своей клятвы повиноваться конституціи. Они не могутъ сдержатъ ее, потому что она означаетъ, что они не будутъ порицать конституцію, не позволятъ себѣ подвергать ее систематическому осужденію, могущему уронить ее въ глазахъ общества. Стало быть, разсудокъ г. Тьера отвергаетъ данную имъ присягу, и онъ будетъ каждый день нарушать ее своимъ поведеніемъ въ парламентѣ: а по моему, это называется клятвопреступленіемъ.

По всей вѣроятности, г. Тьеръ, принявъ званіе депутата, не предвидѣлъ всѣхъ логическихъ послѣдствій этого поступка. Дитя своего вѣка, когда клятва значить такъ мало, а политическая нравственность такъ гибка, человекъ практической, врагъ крайностей, онъ, вѣроятно, сказалъ себѣ, что не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни уменьшать вещей; что въ наше время, съ 89 года, значеніе политической присяги состоитъ: 1) въ признаніи императорскаго правительства правительствомъ страны de facto и de jure и 2) въ обещаніи не

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org говорить и не дѣлать ничего, ведущаго къ ниспроверженію его. Отсюда г. Тьеръ заключилъ, что всего безопаснѣе ограничиться подобнымъ объясненіемъ, по его мнѣнію, довольно яснымъ; что идти далѣе – значитъ переступить границу и давать правительству больше, чѣмъ оно требуетъ; что даже лучшіе друзья имперіи въ сущности ни къ чему большому не обязываются. По мнѣнію г. Тьера, отъ него, приверженца парламентской системы и члена оппозиціи, признанной законною, нельзя требовать, чтобы онъ сдѣлался защитникомъ династіи, которой онъ не искалъ; тѣмъ болѣе, что требуемая присяга, по смыслу всѣхъ нашихъ конституцій и всей нашей исторіи съ 89 года, непременно обоюдна, такъ что, еслибы глава государства утратилъ престолъ вслѣдствіе какого нибудь важнаго проступка, примѣры чего уже не разъ видали во Франціи, то мы имѣли бы полное право обвинять въ этомъ его одного; что касается до почтенныхъ гражданъ, то, добросовѣстно послуживъ правительству своими предостереженіями, совѣтами и присягою, они имѣли бы полное право держаться въ сторонѣ и были бы совершенно невиноваты въ паденіи династіи.

Вотъ какъ, вѣроятно, разсуждалъ про себя г. Тьеръ; вся оппозиція разсуждаетъ точно также. Я не могу опровергать и оспаривать этихъ разсужденій, и не буду противорѣчить имъ. Нельзя противорѣчить тому, что противорѣчить само себѣ. Здѣсь все: факты, новое право, конституція, заднія мысли и недомолвки, – все говоритъ за и противъ; здѣсь всѣ противъ самихъ себя и все осуждается передъ судомъ разума и присяжныхъ противниковъ правительства: зачѣмъ же еще я буду опровергать ихъ?

Но за то я хочу изобличить двусмысленность нынѣшняго порядка, безнравственность его противорѣчій, въ которыхъ лично никто невиноватъ, такъ какъ они вытекаютъ изъ нашихъ революцій. Этотъ порядокъ узаконяетъ лицемѣріе и позволяетъ людямъ расточать клятвы, которыхъ они не дали бы, если бы не знали заранее, что онъ ни къ чему ихъ не обязываютъ. Я встаю противъ этихъ присягъ, потому что онъ приносятся завѣдомо всуе, не смотря на заповѣдь: *Non assumes nomen Dei tui in vanum*; что онъ выражаютъ только отрицательное обѣщаніе, пассивное обязательство, которое дозволяетъ унижать, обличать, бранить власть безъ явнаго клятвopреступленія. Я встаю противъ нихъ, потому что онъ ни мало не обезпечиваютъ власть и приносятъ пользу только честолюбцамъ, которые не боятся связывать себя ими, зная ихъ недѣйствительность. Я обвиняю присягу въ томъ, что она развратила общественную совѣсть; что, благодаря ей, въ политическомъ мірѣ каждый можетъ сказать съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа, какого не знали даже іезуиты: «Я далъ присягу и не нарушу ее; но ни за что не ручаюсь, ни за что не отвѣчаю; чтобы исполнить мое обязательство, съ меня довольно оставаться спокойнымъ. Пусть правительство защищается, – это его дѣло; спасется оно или погибнетъ – вина не моя; – я уываю руки!»

Какъ! вы называете это исполнять присягу и считаете себя разумными людьми! Но скажите же, что губило правительства въ продолженіи трехъ четвертей вѣка? Что, какъ не шаткость системъ, разногласіе принциповъ, непониманіе права, постоянное противорѣчіе между народомъ и государствомъ, конституціонно выражаемое сомнѣніе въ добросовѣстности государя, нападки на излишество его могущества; безпощадныя порицанія со стороны противниковъ правительства, которые клялись, если не поддерживать его, то, по крайней мѣрѣ, щадить, и первые нанесли ему ударъ; вялость его защитниковъ, измѣна любимцевъ, коварство оппозицій? Понятно, что поверхностные люди, вѣрующіе въ дѣйствительность клятвы и вполне довольные возстановленіемъ имперіи, торжественно присягнувшіе Наполеону III, могутъ тѣмъ не менѣе по неопытности, по неумѣнію сдерживать языкъ и даже по излишеству своего усердія, скомпрометировать и даже погубить правительство, которое хотятъ защищать. Все-таки это люди чистосердечные и заслуживающіе снисхожденіе и состраданіе. Когда нибудь они поймутъ противорѣчіе, игрушкою котораго они были: дай Богъ тогда, чтобы съ искренностью ихъ заблужденій не разсѣялась искренность ихъ сердець! Но вы, умники, вы, софисты, вы, знающіе почву, по которой ходите, умѣющіе пользоваться сомнительнымъ положеніемъ правительства, противорѣчіемъ его принциповъ, двусмысленностью выражений, шаткостью интересовъ, чтобы выковырять изъ всего этого оружіе для нападенія, безупречное передъ конституціей и законами, – чистосердечны ли вы? Смѣете ли вы говорить о вашей невинности? Развѣ во всѣхъ рѣчахъ вашихъ нѣтъ предательства? Вы упрекаете правительство, зачѣмъ оно не измѣняетъ политики, зачѣмъ не передѣлываетъ конституцію, то есть, зачѣмъ не отрывается въ вашу пользу! Да развѣ мы еще не перепробовали всѣхъ правительственныхъ формъ и не пришли, наконецъ, къ полнѣйшему скептицизму!

Кто же не знаетъ теперь, что лучшая изъ конституцій, за которыми мы

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org гоняемся, на самом дѣлѣ, вовсе не лучше прочихъ, и что предпочтеніе, оказываемое одной передъ другою, есть ничто иное, какъ оппозиціонная уловка? Вы отвращаете всѣхъ отъ правительства; вы подкапываетесь подъ него; вы подрываете его; вы подаете сигналъ заговорщикамъ, и когда, наконецъ, зданіе рушится, вы кричите, хлопая въ ладоши: «Мы не виноваты; мы сдержали свою присягу.» О, вы похожи на ту женщину, о которой говорится въ писаніи, что, запятнанная прелюбодѣйствомъ, она увѣряетъ, будто чиста. Вы прикидываетесь Юдифями, но въ дѣйствительности вы Пентефріевы жены. Избавьте насъ отъ вашей присяги: этимъ вы сдѣлаете для свободы больше, чѣмъ низверженіемъ тридцати династій.

3. Присяга легитимистовъ и республиканцевъ.

Изъ всѣхъ нашихъ присяжныхъ ораторовъ, не идущихъ рука объ руку съ правительствомъ, г. Тьеръ менѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека. Въ историкъ Консульства и Имперіи, въ поклонникъ Наполеона Перваго нельзя предположить глубокой антипатіи къ потомству его героя. Приверженцу монархической формы правленія, любящему видѣть въ правительствѣ силу, власть и инициативу, увлекающемуся военной славою, ему не за что особенно упрекать императорское правительство. Онъ говоритъ императору: «Сдѣлайте вашихъ министровъ отвѣтственными, вмѣсто того, чтобы посылать къ намъ вашихъ государственныхъ совѣтниковъ, и я вашъ!» Такимъ образомъ, дѣло стало за малымъ, чтобы онъ примкнулъ къ правительству. Поэтому, онъ болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ право присягать, не присоединяясь къ правительству. А между тѣмъ легко замѣтить, что въ этой присягѣ нѣтъ ничего рациональнаго, какъ и въ условіи, отъ котораго г. Тьеръ ставитъ въ зависимость свою преданность имперіи; онъ самъ знаетъ это лучше всѣхъ.

Въ предпоследнемъ томъ своей исторіи г. Тьеръ ставитъ «Дополнительный Актъ 1815 г.» гораздо выше Хартіи 1814; а въдъ ему извѣстно, что пренія законодательнаго корпуса организованы по образцу этого самаго Дополнительнаго Акта. Какимъ же образомъ то, что, исходя отъ Наполеона I, заслужило, послѣ 20-лѣтняго личнаго опыта, полное и сознательное одобреніе г. Тьера, можетъ встрѣтить въ немъ неодобреніе, какъ скоро исполняется Наполеономъ III? Слѣдовательно, г. Тьеръ увѣренъ, что въ этомъ случаѣ со стороны императора не можетъ быть уступки, и потому сдѣлалъ ее условіемъ своего союза съ правительствомъ, и, если будетъ можно, то принудить правительство принять ее. Комедія!

Но что думать о гг. Беррье, Мари, Фавръ и другихъ, которые имѣли, кажется, много причинъ отказаться отъ присяги, кромѣ всѣхъ требованій парламентской честности, конституціонной искренности и общественной нравственности?

Г. Беррье – приверженецъ конституціонной монархіи; это несомнѣнно. Но тогда какъ г. Тьеръ объявляетъ, что для него династическій вопросъ не имѣетъ значенія, и ставитъ условіемъ своего присоединенія принятіе его любимаго принципа: король царствуетъ, но не управляетъ. – г. Беррье считаетъ династическую законность необходимою сущностью конституціи; это приводитъ его къ принципу, діаметрально противоположному взгляду г. Тьера, именно, что король царствуетъ и управляетъ. Не измѣняя ни слова въ конституціи 1852 г., поставьте на мѣсто Наполеона III, Генриха V, и г. Беррье будетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Здѣсь, весь вопросъ въ личности и въ династіи, тогда какъ тамъ въ конституціи. Конституція 1852 г. сама признала себя подлежащею измѣненіямъ, такъ что можно ожидать, что она измѣнится; поэтому г. Тьеръ можетъ сказать, что его присяга есть выраженіе надеждъ, которыя находятся уже на пути къ осуществленію. Но какимъ образомъ можетъ присягать Наполеону III г. Беррье, слуга Генриха V? Возможенъ ли какойнибудь компромиссъ между этими двумя личностями? Законная династія сдѣлала въ 1814 г. все, что могла, примкнувъ къ революціи дарованіемъ Хартіи; г. Тьеръ рассказывалъ, какъ это обрадовало всю Францію. Но можетъ ли эта династія и ея представители дойти, подобно принцамъ Орлеанскимъ и Бонапартамъ, до признанія, что династическій вопросъ совершенно зависитъ отъ народнаго выбора, что такимъ образомъ основанная на преданіи и апріорическая законность графа Шамбора – пустая фраза, и что Наполеонъ III вполнѣ законный монархъ, какъ императоръ по волю народа, какъ государь *de facto* и *de jure*? Если г. Беррье согласенъ съ этимъ, то, значить, онъ ушелъ далеко въ принципахъ революціи, и отчего въ такомъ случаѣ ему не пристать къ бонапартизму, подобно г. де Ла Рошъ Жаклену? Если же онъ отвергаетъ этотъ выводъ, то что же такое его присяга?

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
То же самое относится и къ гг. Мари, Ж. Фавру, Пельтану и братіи его. Ихъ считали и многіе считаютъ досель республиканцами. Это значитъ, что, если съ одной стороны г. Тьеръ и его друзья признаютъ монархію необходимымъ условіемъ правленія, но не придерживаются безусловно ни одной династіи, предоставляя выборъ ея волю народа; если, съ другой стороны, г. Беррье и легитимисты утверждаютъ, что монархія должна основываться на началахъ, болѣе высокыхъ, чѣмъ общая подача голосовъ, – то республиканцы полагаютъ, напротивъ, что монархическій элементъ бесполезенъ, даже вреденъ; что настоящій государь – само собраніе представителей или, самое большое, выборный президентъ, назначаемый и отрѣшаемый этимъ собраніемъ или избираемый народомъ. Республиканцы рѣзко отличаются тѣмъ, что требуютъ уничтоженія монархіи и династіи. Допустимъ даже на минуту, что, по смыслу конституцій и по духу демократической законности, они могутъ, не измѣняя своимъ принципамъ, признать Наполеона III государемъ de facto и de jure, и такимъ просторнымъ толкованіемъ своей присяги удовлетворить и правительству, и общественному мнѣнію. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно и неизбѣжно, что они должны желать замѣнить хартію 1852 конституціей 1848, тогда какъ г. Тьеръ хочетъ лишь возвращенія къ хартіи 1830. Другими словами, они требуютъ: чтобы Наполеонъ III отрекся отъ императорскаго титула, такъ какъ онъ нарушаетъ предѣлы, назначенные ему общеою подачею голосовъ; чтобы онъ отказался за себя и свое потомство отъ преимуществъ, предоставленныхъ ему сенатскими постановленіями 1852 и 1856 гг.; чтобы онъ возстановилъ правленіе въ томъ видѣ, какъ оно было 1 декабря 1851, и наконецъ, чтобы онъ, если желаетъ остаться во главѣ правленія, подвергъ бы себя вновь избранію, на основаніи общей подачи голосовъ, какъ президентъ республики, избираемый не пожизненно, а на срокъ. Теперь спрашивается: надѣются ли республиканцы, что Его Величество согласится на эти требованія? Но такого вопроса нельзя и задавать серьезно. Въ такомъ случаѣ они, значитъ, думаютъ принудить его къ этому? Но чего же стоитъ тогда ихъ присяга? И такъ, если республиканцы оппозиціи вступили въ парламентъ съ тайнымъ намѣреніемъ дѣйствовать силою и возстановить республику, то этимъ они признаютъ, что цѣль ихъ – уничтожить имперію; слѣдовательно, если они не отступники, то клятвoprеступники; мало того: они, быть можетъ, безсознательно, – заговорщики. А впрочемъ, что я говорю – безсознательно! Правда, они съ негодованіемъ стали бы отрицать это, если бы ихъ спросили объ этомъ въ судъ; но въ глубинѣ души они были бы очень довольны, если бы демократія считала ихъ заговорщиками. Вотъ до какой безсовѣстности довела присяга нашихъ государственныхъ дѣятелей!

4. Присяга и новая демократія.

Во Франціи всякій мыслящій человекъ, всякая разумная партія не должны допускать себя до политической присяги, которая у насъ двойственна, сложна, противорѣчива, нелѣпа, опозорена, бессильна и лжива.

Нельзя давать двуличную, двусмысленную, обоюдоострую, противорѣчающую самой себѣ присягу, потому что такая присяга не можетъ имѣть серьезнаго смысла.

Нельзя давать присягу такому правительству, котораго не признаешь и съ которымъ явно и систематически враждуешь, потому что подобная присяга – преступленіе.

Особенно никогда нельзя давать такую присягу, когда доказано, что, даже будучи дана съ намѣреніемъ не исполнять ее, она влечетъ за собою самоотреченіе, нравственное самоубійство и политическое уничтоженіе той партіи, которая ее приноситъ. Такая участь постигла бы рабочую демократію, если бы она поступила подобнымъ образомъ на послѣднихъ выборахъ и если бы въ средѣ ея не раздался формальный протестъ противъ присяги. Я постараюсь доказать это, и этимъ мы заключимъ главу.

Люди старыхъ партій, послѣ двѣнадцатилѣтняго честнаго бездѣйствія, сочли нужнымъ, чтобы возвратиться на политическое поприще, принести конституціонную присягу, однако не примыкая искренно ни къ императору, ни къ династіи, ни къ конституціи 1852 г. Они поступили такимъ образомъ не безъ причины: очевидно, они руководствовались различными побужденіями, какъ личными, такъ и политическими.

Оставимъ въ сторонѣ личныя побужденія: въ нихъ мы нашли бы мало хорошаго. Обращаясь къ политическимъ побужденіямъ, что мы видимъ? Въ глазахъ оппозиціи, правительство, разумѣется, дурно; оно не слѣдуетъ принципамъ 89

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
г.; оно нарушает права и вольности народа; своею расточительностью оно обременяет плательщиков податей и вызывает социальную революцию; словомъ, и внутренняя, и внешняя политика императора достойна всякаго порицанія. Такъ думаетъ Оппозиція. Вслѣдствіе этого, она говоритъ про себя (очень тихо, такъ тихо, что сама себя не слышитъ), что слѣдуетъ покончить съ такимъ правленіемъ, что величіе цѣли вполне заглаживаетъ нѣкоторую неправильность въ средствахъ, тѣмъ болѣе, что никто ничего не замышляетъ противъ самой особы государя и противъ его династіи: не цареубійцы же, избави Боже, гг. Тьеръ, Беррье, Мари, Ж. Фавръ! Въ лицѣ Наполеона они преслѣдуютъ политическую систему, противорѣчащую правамъ и вольностямъ страны, великимъ принципамъ революціи; если, при этомъ, съ кѣмъ нибудь случится несчастье, то ему придется пенять только на самого себя.

Словомъ, старыя партіи, соединившіяся противъ императорскаго правительства, очень хорошо знаютъ, что дѣлаютъ. Они не взяли бы за дѣло, которое политическая нравственность, особенно въ случаѣ неудачи, не преминула бы назвать государственной измѣной, если бы въ глубинѣ души не ободряли себя убѣжденіемъ въ необходимости этого для страны и сознаниемъ народнаго права. Никто не нарушаетъ присяги по пустякамъ, не пріискавъ благовиднаго предлога и приличнаго оправданія.

Но чего искала рабочая демократія, вступая въ эту буржуазную коалицію? Чего она ждетъ себѣ отъ нея? Чего можетъ она добиться отъ этой старой системы, которую хотя бы возстановлять и поддерживать противъ социалистическихъ стремленій и императорскаго абсолютизма?

Рабочей демократіи извѣстны политическія и социальныя убѣжденія Оппозиціи; убѣжденія эти одинаковы съ правительственными. Напомнимъ ихъ снова читателю.

1) Французская нація, т. е. 37 милліоновъ душъ, которая населяютъ наши 89 департаментовъ, составляетъ единый и нераздѣльный политическій организмъ; 2) этотъ организмъ состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: самодержавнаго народа, власти, представляющей его, и конституціи, опредѣляющей ихъ взаимныя права, преимущества и отношенія; 3) власть, подобно политическому организму или государству, едина и нераздѣльна; конституція представляетъ сильнѣйшую централизацію; 4) эта политическая централизація уравнивается независимостью и несолидарностью промышленностей, абсолютизмомъ собственности, торгашескою анархіею, которая роковымъ образомъ ведутъ къ промышленному и финансовому феодализму и къ порабощенію труда капиталомъ. Таковъ политическій идеалъ нашихъ противниковъ: остальное: конституція, династія, президентства, диктаторы и директоры, выборы и представительства, власть исполнительная и законодательная, отвѣтственность государя или отвѣтственность его министровъ – все это дѣло второстепенное, вопросъ формы. Вотъ что Оппозиція и Правительство называютъ общественнымъ дѣломъ, дѣломъ, которымъ каждый стремится овладѣть, которому всѣ преданы на жизнь и на смерть, какъ самому отечеству, и священный интересъ котораго можетъ, въ важныхъ случаяхъ, побудить заклятыхъ враговъ и соперниковъ присягать другъ другу въ вѣрности и въ послушаніи. Вотъ то, что имъ хочется спасти или, по крайней мѣрѣ, вырвать изъ когтей императорскаго орла, который, по ихъ словамъ, слишкомъ много забралъ себѣ. Когда отечество въ опасности, задумается ли кто спасти его даже цѣною ложной присяги?!

Но намъ-то что дѣлать въ этой интригѣ, намъ, демократамъ новаго вѣка, людямъ труда и права, намъ, льстящимъ себе надежду возстановить политическіе и общественные нравы? Неужели мы можемъ надѣяться, что она будетъ намъ полезна?

Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что, присоединяясь къ Оппозиціи, мы только мѣняемъ одинъ деспотизмъ на другой. И вся польза, какую мы можемъ извлечь изъ своего клятвopеступленія, будетъ состоять въ томъ, что наша совѣсть и наши интересы принесутся на алтарь буржуазіи. Мы станемъ заговорщиками, измѣнниками и подлецами въ угоду шайкѣ мошенниковъ, которая завяжетъ бой съ нами, а не съ имперіей.

И кто, наконецъ, спрашиваю я, эти люди, которые притворяются такими отчаянными врагами императорскаго правительства? Эти люди – старые легитимисты, подонки древняго дворянства, живущіе не трудомъ рукъ своихъ, а доходами, монополіями. Разумѣется, что подобные люди нуждаются въ покровительствѣ государя и согласятся заранѣе, заодно съ Беррье, перейти на сторону Бонапарта и отказаться отъ династіи Бурбоновъ, во имя спасенія

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
общества, т. е. во имя спасения своих личных интересов, чиновъ и титуловъ. Разумѣется, что они дойдутъ до этого не сегодня, но можетъ быть завтра или послѣзавтра и, въ концѣ концовъ, дойдутъ непременно.

Кто они, эти враги императорскаго правительства? Неужели миллионеры, представители Орлеанской династїи, сливки, цвѣть буржуазїи, всѣ эти плутократы и спекуляторы, которые загребаютъ жаръ чужими руками, скупаютъ акціи, берутъ взятки, занимаются биржевой игрою и гоняются постоянно только за барышами и развратными наслажденїями! Разумѣется, что для подобной сволочи, безсовѣстной и тунеядствующей, необходимо покровительство сильнаго правительства, въ комъ бы оно ни олицетворялось. Разумѣется, что всякое богатство, которое прїобрѣтается не собственнымъ трудомъ, а сохраняется и накопляется монополїей, взяткой, обманомъ и насилїемъ, ищетъ неизбѣжно опоры въ правительствѣ, потому что безъ него такое богатство было бы невозможно, немислимо.

Духовенство, при всемъ своемъ желанїи, не можетъ отказаться отъ присяги, что съ нимъ будетъ безъ государства? Это извѣстно со времени Константина. Самъ Исусъ Христосъ заповѣдалъ воздавать Кесарево Кесареви. Правда, онъ присовокупилъ, что Божїе Богови, что совершенно мѣняетъ дѣло. Наконецъ, республиканцы по формѣ и, можетъ быть, нѣсколько демократовъ–коммунистовъ, – такіе люди способны, конечно, вступать въ коалицію и не задумаются передъ присягой, потому что они прежде всего – централизаторы, приверженцы нераздѣльности и единства, люди авторитета, разсчитывающїе на правительство больше, чѣмъ на самихъ себя, слѣдовательно, – вѣрная челядь фактической власти, если она будетъ милостива и любезна къ власти по праву, которая, по ихъ мнѣнїю, – они сами.

Нѣтъ, мы, люди новаго общественнаго договора, мы, отвергающїе, прежде всего, политическую нераздѣльность и экономическую несолитарность, мы не можемъ принять присягу, которую наперерывъ приносятъ наши противники, враги и друзья Имперїи. Въ этой присягѣ они видятъ поддержку своей системы, защиту своего существованїя и нашу гибель; присягнувъ за одно съ ними, намъ пришлось бы потомъ присягать противъ нихъ. Когда мы будемъ подавать голосъ противъ Правительства, намъ придется подавать его, въ тоже время, и противъ Оппозиціи; а для такой борьбы съ союзомъ всѣхъ старыхъ партїй, мы должны избрать поле сраженїя не въ парламентѣ, а внѣ его.

– Пустяки! говорятъ нѣкоторые, мы будемъ такъ же вѣрны Наполеону III, какъ онъ самъ конституціи 1848 г. Что вы скажете на это? – А вотъ что: во–первыхъ, это все-таки будетъ клятвопреступленїе, котораго не оправдаетъ никакой примѣръ, никакое возмездїе; во–вторыхъ, васъ не разрѣшатъ отъ присяги, какъ Наполеона III, въ 1851 и 1852 гг., 8 миллионъ голосовъ. – Политическая присяга, говорятъ другїе, все равно что ремесленная, служебная; другаго значенїя она не имѣетъ. – Дѣйствительно, представительство, приносящее многимъ тысячъ 12 или 15 франковъ дохода, есть уже ремесло, служба. Что правда, то правда.

Выведенная изъ терпѣнїя, толпа эта кричитъ – «такая совѣстливость неумѣстна и несвоевременна! – мы не обязаны быть разборчивѣе другихъ! – прежде всего, если мы хотимъ служить идеѣ, надо дѣйствовать, – а мы лишаемъ себя могущественнаго средства къ дѣйствию и пропагандѣ, отказываясь изъ ложной деликатности отъ выгодъ, представляемыхъ парламентомъ.

«Будь, что будетъ, а дѣлай, что слѣдуетъ!» – вотъ поговорка, противъ которой оказалась безсильна вся мораль іезуитовъ; неужели мораль нормальной школы окажется сильнѣе?.. Ну, такъ я же докажу, что эта публичная трибуна, которой соблазнили народъ, просто ловушка, что представители измѣнили всѣмъ надеждамъ народа; что намъ нечего дѣлать въ законодательномъ корпусѣ, и что мы могли бы придти туда только на минутку, чтобы обличить безсилїе Правительства и Оппозиціи, и затѣмъ удалиться, съ напутствїемъ ихъ общаго проклятїя. – Спору нѣтъ, что за истину пострадать хорошо; но для этой цѣли еще не стоитъ дѣлать клятвопреступленїя.

ГЛАВА III.

Общая подача голосовъ. – Несовмѣстность.

Законъ, организующій общую подачу голосовъ, возбуждаетъ множество вопросовъ, одинъ важнѣе другаго; и за каждый изъ нихъ стоило бы гг. оппозиціонныхъ депутатовъ предать суду. Я коснусь двухъ или трехъ изъ этихъ вопросовъ, единственно для того, чтобы доказать во–первыхъ: что наши

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
депутаты, толкуя объ общей подачь голосовъ, постоянно вертятся вокругъ софизма, который старыя логики называли *ignoratio elenchi*, незнаніе предмета; а во-вторыхъ: что политическія убъжденія ихъ, достаточно выраженный присягой, совершенно несомвѣстны съ истиннымъ избирательнымъ правомъ.

1. Право голоса прирожденно челоуку и гражданину. Въ прошедшемъ году бельгійская клерикальная партія, охватившая болѣе половины Бельгіи, рѣшилась сдѣлать шагъ впередъ и, принявъ мнѣніе г. Женуда объ общей подачь голосовъ, предложила законъ, который, расширяя избирательное право, можетъ считаться первымъ опытомъ общей и прямой подачи голосовъ. Самозванные либералы, присвоившіе себѣ монополію прогресса, были жестоко посрамлены, когда противники опередили ихъ, принявъ подъ свою защиту политическое освобожденіе массъ. Они назвали клерикальное предложеніе лицемѣрнымъ и революціоннымъ; противъ него возбудили духъ консерватизма, который въ конституціонной Бельгіи еще свирѣпѣе, чѣмъ въ императорской Франціи; короче, проэктъ, дающій избирательное право всѣмъ гражданамъ, достигшимъ совершеннолѣтія и имѣющимъ постоянное мѣстожительство, былъ замѣненъ другимъ, по которому это право подчиняется разнымъ условіямъ образованія и способностей. Каждый избиратель, говорятъ они, долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть читать и писать, т. е. получить первоначальное образованіе. Предложеніе клерикаловъ было отвергнуто, и это было одной изъ причинъ ихъ пораженія на выборахъ 11 августа.

Разумѣется, желательно, чтобы каждый гражданинъ получилъ хотя самую скромную долю образованія, какую можно приобрести всюду отъ самыхъ смиренныхъ школьныхъ учителей: но тѣмъ не менѣе, возраженіе бельгійскихъ либераловъ противно всѣмъ принципамъ, исполнено коварства, въ отношеніи къ сопернической партіи, и недоброжелательства, въ отношеніи народа. Въ демократіи, – а вѣдь бельгійцы выдаютъ себя за демократовъ – избирательное право прирожденно челоуку и гражданину точно такъ же, какъ право собственности, наслѣдства, завѣщанія, труда, судебной защиты и жалобы, ассоціаціи, купли и продажи, возведенія построекъ, заключенія брака и рожденія, какъ обязательство нести военную службу и платить налогъ. Разве когда нибудь, для отправленія этихъ правъ, вытекающихъ изъ демократическаго принципа, требовали отъ гражданъ предварительнаго предьявленія ученыхъ аттестатовъ? Какъ! вы даете безграмотному всѣ права, совокупность которыхъ составляетъ высшее достоинство челоука и гражданина, и отказываете ему въ первомъ и самомъ необходимомъ правѣ, правѣ объявлять: пользуются ли его довѣріемъ или нѣтъ люди, призванные писать для него законы, повѣрять счеты администраціи и назначать налоги, которые ему придется платить! Сознайтесь, что это хуже всякой непослѣдовательности, что это просто буржуазная подлость. Понятно, если права подачи голоса лишаютъ безумныхъ, несовершеннолѣтнихъ, измѣнниковъ и подлецовъ: одни внѣ закона и общества; другіе лишились или еще не приобрѣли способностей взрослога челоука. Но ни начальное, ни высшее образованіе нельзя считать такою способностью: говорить это значитъ повторять доводъ Тартюфа, который объяснялъ, что принимаетъ подарокъ Оргона, который для него обокралъ своихъ дѣтей, потому что опасается какъ бы такое прекрасное состояніе не попало въ невѣрныя руки. Бельгійскіе либералы поступили какъ Тартюфы, тогда какъ клерикалы говорили языкомъ революціи.

Изъ принципа, неоспоримаго въ демократическомъ обществѣ и государствѣ, что избирательное право прирожденно челоуку и гражданину, вытекаютъ весьма важныя слѣдствія или заключенія. Во-первыхъ, послѣ того какъ политическое равенство объявлено и приведено въ дѣйствіе посредствомъ общей подачи голосовъ, народъ стремится къ равенству экономическому. Это подтверждаетъ вся исторія: возведите неравенство состояній въ принципъ, и слѣдствіемъ этого будетъ политическое неравенство; вы получите теократію, аристократію, общество іерархическое или феодальное. Измѣните политическія учрежденія и отъ аристократіи перейдите къ демократическому строю, и общество устремится въ противоположную сторону: система политическихъ обезпеченій поведетъ ко взаимности и къ обезпеченіямъ экономическимъ. Этого и хотѣли рабочіе кандидаты, и этого то и не хотятъ ихъ соперники – буржуазы. И у насъ водится либеральное тартюфство. Одинъ господинъ, подвергнутый на послѣднихъ выборахъ отвѣтственности за противозаконную ассоціацію, сказалъ полицейскому комиссару, которому было поручено произвести у него домовый обыскъ: «Неужели вы забыли, что я предложилъ себя въ кандидаты противъ правительства только для того, чтобы не допустить избранія рабочаго?»... Надо помнить, что между равенствомъ или политическимъ правомъ, и равенствомъ или правомъ экономическимъ существуетъ тѣсное соотношеніе, такъ что тамъ, гдѣ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org отрицается одно, другое непременно исчезает. Диктаторы, производившие выборы 1863–64 г., знали это; но знала ли это рабочая демократия, которая с такой готовностью пошла на их удочку?

II. Об избирательных округах. По французскому закону, общая подача голосов непосредственна.

Это также вытекает из того принципа, что общая подача голосов, т. е. политическое право прирожденно человеку и гражданину и составляет его существенную, неотъемлемую принадлежность. Поэтому, каждый раз, когда враги свободы и равенства пробовали уничтожить их сначала в общественном мнении, а потом и на деле, они старались не только ограничить избирательное право, но и сдѣлать его возможно более посредственным. Так, по конституции VIII года, самодержавие народа было пропущено, как через цѣдилку, через четыре ряда избраній, так что отъ него остался только призракъ, а въ дѣйствительности вся власть сосредоточилась въ рукахъ перваго консула. Народъ продолжалъ подавать голосъ; онъ подавалъ бы его, хотя бы избранія его процѣживались не четыре, а двадцать четыре раза. Управляющіе классы имѣютъ надъ классами управляемыми ту выгоду, что послѣдніе никогда не замѣчаютъ, что надъ ними насмѣхаются.

Но вотъ что гораздо важнѣе.

Если политическое право прирожденно человеку и гражданину, слѣдовательно, если подача голоса должна быть непосредственною, то право это тѣмъ болѣе присуще каждой группѣ гражданъ, каждой корпораціи, общинѣ, городу; всѣ они также должны обладать непосредственнымъ правомъ избранія. Этого требуетъ демократія и принципъ раздѣльности верховной власти, въ силу правила: каждый у себя, каждый за себя, а обезпеченіе всѣмъ. Но понимаютъ ли это Правительство и Оппозиція?

Нынѣшніе избирательные округа порицаются рѣшительно всѣми. Оппозиція не отстала, въ этомъ отношеніи, отъ общаго голоса; она не пропустила этого случая заявить свое неодобреніе. Справедливо говорятъ, что избирательныя группы организованы произвольно, безъ вниманія къ условіямъ ихъ сосѣдства, промышленности и интересовъ, на перекоръ здравому смыслу и экономическому праву и, можно, пожалуй, прибавить, – вопреки принципу непосредственной и общей подачи голосовъ. Населенія, соединенныя природою и историческимъ развитіемъ, привыкшія жить какъ бы одною семьей, подверглись насильственному разъединенію; другія, чуждыя другъ другу, были соединены. Это уничтожило значеніе многихъ моральныхъ личностей, которыя были принуждены подавать голосъ внѣ своего округа, въ пользу незнакомыхъ людей и интересовъ. Депутаты, преданные императорскому правительству, открыто жаловались на это; они осмѣлились сказать, что это зло, что никогда не должно насиловать естественное сродство группъ и сочинять произвольно отношенія, въ видахъ устраненія оппозиціоннаго избранія, котораго притомъ можетъ и не случиться. Все это совершенно справедливо, но не вяжется съ системою правительства и оппозиціи. И я не понимаю, какъ у нея хватило смѣлости хвалиться этимъ! Пусть же она отвѣтитъ мнѣ на возраженія, которыя я приведу противъ нея.

Въ нашей системѣ централизованной монархіи, абсолютной имперіи или единой и нераздѣльной республики – это вѣдь все одно и тоже – группы или естественные округа, сохраненія которыхъ такъ настойчиво требовалъ одинъ депутатъ съ сѣвера, могутъ пользоваться самобытною и уваженіемъ правительства лишь тогда, если оно находитъ это сообразнымъ съ національнымъ единствомъ, этимъ первымъ и высшимъ закономъ страны и правительства. Въ видахъ этого единства, старыя провинціи были раздроблены на департаменты; съ тою же цѣлью прежняя демократія, содѣйствуя, сама того не подозревая, видамъ правительства, постоянно возставала противъ мѣстнаго патріотизма; въ томъ же духѣ, конституція 1848 провозгласила правиломъ государственнаго права положеніе, удержанное и отлично приводимое въ исполненіе императорскимъ правительствомъ: Представители французскаго народа представляютъ не департаменты свои, а всю Францію. Наконецъ, съ этой же цѣлью, гг. де Жирарденъ и Лабуле, первый въ Presse, второй въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, требуютъ коллективнаго единства, какъ лучшаго средства остановить увлеченіе и исправить заблужденіе общей подачи голосовъ, уничтожить областной духъ и поддержать, подъ видомъ демократіи, стремящейся къ единству, политическое и экономическое униженіе рабочихъ массъ. Что такое это коллективное единство, какъ не средство сдѣлать подачу голосовъ посредственною, заставляя народъ подавать голосъ большими массами, вмѣсто

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
того, чтобы подавать его по степенямъ, какъ постановила консульская конституція.

И дѣйствительно: посмотрите на послѣдствія. При единой и нераздѣльной республикѣ, какъ и при централизованной монархіи, всякій гражданинъ можетъ быть избранъ во всѣхъ 89 департаментахъ; онъ можетъ предложить свое кандидатство не только въ томъ департаментѣ, гдѣ живетъ, гдѣ имѣетъ занятіе или собственность, гдѣ ему знакомы народонаселеніе, дѣла и потребности; онъ можетъ предложить себя въ представители и тамъ, гдѣ его вовсе не знаютъ, гдѣ онъ не связанъ никакимъ интересомъ, гдѣ онъ имѣетъ за себя только званіе гражданина французской націи или извѣстность хорошаго адвоката или знаменитаго поэта. Онъ можетъ явиться кандидатомъ, говорю я, не только въ своемъ, но и во всякомъ другомъ департаментѣ, и даже одновременно въ двухъ и болѣе департаментахъ; онъ можетъ, наконецъ, предложить себя, какъ г. Бертронъ, другъ человѣческаго рода, сразу всѣмъ 89 департаментамъ. Такое явленіе немислимо съ точки зрѣнія естественнаго раздѣленія народонаселенія и областей. Что чудовищно въ федеральномъ государствѣ, то въ единой республикѣ вполнѣ нормально и законно. Въ ней перепутываются и смешиваются самыя противуположныя мѣстности, мнѣнія, интересы. Можно ли назвать основательнымъ избраніе десятую тысячами общинъ, раздѣленныхъ нравами, интересами, мѣстными условіями, даже мнѣніями, такого лица, которое имъ чуждо, вовсе не интересуется ихъ и служить представителемъ лишь минутнаго чувства или случайной ихъ прихоти? Чтобы выборъ былъ непосредственъ, недостаточно, чтобы избиратель далъ непосредственно свой голосъ избранному; необходимо, чтобы избранный также непосредственно представлялъ мнѣнія, права, интересы и дѣла своихъ избирателей; въдѣ общество, государство составляютъ не только желанія членовъ, но и предметы этихъ желаній.

Такая подача голосовъ нарушаетъ демократическій принципъ и представляетъ самый вѣрный путь къ монархіи; этого не было бы, если бы голоса дѣйствительно подавались непосредственно.

Въ апрѣль 1848, Ламартинъ былъ избранъ въ одинъ день десятую департаментами. Никто не сомнѣвается что, если бы черезъ двѣ недѣли после того произошли выборы президента республики, то онъ былъ бы избранъ вместо Людовика-Наполеона. Въ 1863 г. Эмиль Оливье былъ кандидатомъ въ пяти департаментахъ и, какъ всѣ заметили, началъ стремиться къ диктатуре въ Оппозиціи. Но самый интересный фактъ въ этомъ родѣ представляетъ г. Жюль Фавръ.

Въ 1863 г. г. Жюль Фавръ былъ, какъ известно, одновременно кандидатомъ и въ Париже, и въ Ліонѣ. Въ Ліонѣ, кромѣ министерскаго кандидата, соперникомъ его былъ искренній демократъ, докторъ Баррье, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ гражданъ, весьма притомъ расположенный вступить въ Оппозицію, подъ команду г. Жюль Фавра. Въ Париже г. Жюль Фавръ былъ избранъ прямо, по первой баллотировкѣ; но въ Ліонѣ ему пришлось перебаллотироваться. Что же вышло? Уже избранный Парижемъ, онъ не отказался отъ кандидатуры въ Ліонѣ, и докторъ Баррье, въ силу страннаго закона, даннаго намъ демагогіей, по которому изъ двухъ кандидатовъ одинаковаго мнѣнія, получившій меньше голосовъ долженъ, въ случаѣ перебаллотировки, удалиться со сцены, отказался отъ представительства. Такимъ образомъ, г. Жюль Фавръ, уже увѣнчанный въ Парижѣ, пожалъ новые лавры въ Ліонѣ. Давно придвидѣннымъ послѣдствіемъ этого двойнаго избранія г. Жюля Фавра было избраніе въ Парижѣ г. Гарнье-Пажеса.

Безъ сомнѣнія, многіе согласятся со мною, что такіе факты прямо нарушаютъ принципъ непосредственной подачи голосовъ. Многіе скажутъ, что если въ унитарномъ государствѣ законно и возможно, чтобы одно лицо представляло нѣсколько избирательныхъ округовъ, то въ демократіи, особенно въ рабочей демократіи, это ни съ чѣмъ не сообразно; что формальность повѣрки полномочій не исправляетъ дѣла и не мѣняетъ принципа, потому что представительство дается не повѣркою собранія, а голосомъ избирателей; что, наконецъ, правительству, если бы оно менѣ думало о своихъ выгодахъ, не слѣдовало признавать втораго избранія г. Жюля Фавра, какъ явнаго злоупотребленія, возмутительнаго нарушенія принциповъ, какъ дѣйствія антидемократическаго и антиреспубликанскаго. Но, какъ и слѣдовало ожидать, оно не сдѣлало этого и признало оба представительства г. Жюль Фавра. Императорскому правительству было очень выгодно не найти въ этомъ никакой неправильности: въ лицѣ Жюль Фавра утверждался монархическій принципъ. Оно рассудило такъ: уступите мнѣ мое раздѣленіе на округа, а я уступлю вамъ ваши представительства.

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Теперь я спрошу всякаго честнаго чловѣка: какой долженъ быть мѣдный лобъ у самозванно-демекратическихъ представителѣй, которые, понявъ и проведя такимъ образомъ принципъ единства въ дѣйствіе, осмѣливаются упрекать правительство за его избирательные округа, совершенно законные и согласные съ принципомъ единства, тѣмъ болѣе безупречные, что ради единства они нарушаютъ всѣ естественныя отношенія, а тѣмъ не менѣе считаются всѣми произвольными? Правительство было въ этомъ случаѣ право не только съ точки зрѣнія избирательнаго закона, которымъ ему предоставлено распоряжаться дѣленіемъ на округа, но и съ точки зрѣнія конституціи 1852 и всѣхъ предшествовавшихъ, съ точки зрѣнія всей правительственной системы послѣднихъ семидесяти лѣтъ. Императорское правительство могло сказать имъ: я раздробило естественныя группы всюду, гдѣ онѣ казались противными великому принципу нашего политическаго единства; при этомъ я воспользовалось моимъ правомъ и исполнило свой долгъ. Не вамъ, похитителямъ кандидатуръ, ворами голосовъ, болѣе преданнымъ принципу единства, чѣмъ само правительство, болѣе деспотамъ, чѣмъ самъ Императоръ, не вамъ упрекать меня въ этомъ.

III. Объ избирательныхъ подкупахъ. Во время послѣдней повѣрки полномочій въ законодательномъ корпусѣ, Оппозиція нашла во многихъ случаяхъ злоупотребленіе вліяніемъ, т. е. подкупъ избирателей. Комиссары правительства отвѣчали на это указаніемъ на нѣкоторые поступки кандидатовъ Оппозиціи, столь же заслуживающіе порицанія, какъ и поступки правительственныхъ кандидатовъ.

Засѣданія законодательнаго корпуса стенографированы и напечатаны въ «Moniteur»-ѣ. Слѣдовательно, всегда можно легко доказать ссылкой на эти документы, что демократическіе пуритане ничѣмъ не лучше своихъ противниковъ, и что страна хорошо сдѣлаетъ, если при первомъ удобномъ случаѣ выгонитъ обѣ партіи по шеямъ.

Но вопросъ въ томъ, имѣютъ ли право, при общей и непосредственной подачѣ голосовъ, упрекать избирателей въ подкупности и продажности, хотя даже фактъ самъ по себѣ былъ вѣренъ? – Здѣсь мнѣ приходится обвинить депутатовъ Оппозиціи въ томъ, что, давъ странѣ самый гнусный и соблазнительный примѣръ своими происками, вдобавокъ они одурачили ее своими софизмами.

При избирательной системѣ, ограниченной цензомъ, какая существовала во Франціи до революціи 1848, когда избирательное сословіе состояло исключительно изъ гражданъ, платящихъ по меньшей мѣрѣ 200 франковъ прямыхъ налоговъ, было понятно, что охотники до депутатства имѣли обычай заискивать голоса у избирателей. Заискиваніе это было, конечно, необязательно, но общепринято. Націю представлялъ родъ союза изъ 250 или 300,000 избирателей; и хотя депутатъ не считался ихъ частнымъ повѣреннымъ, а представителемъ всей націи, но весьма понятно, что избираемый ими отъ лица страны, онъ заискивалъ ихъ расположеніе и выставлялъ имъ на видъ права свои на ихъ предпочтеніе. Въ сущности это было нѣкое признаніе верховности силъ, дань почтенія общей подачи голосовъ. Такіе происки были рациональны, и потому общественное мнѣніе не преслѣдовало ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тогда можно было обвинить избирателей и избраннаго въ подкупъ. Могло случиться, что привилегированное сословіе избирателей нарушало свои политическія обязанности, руководствовалось кастовымъ эгоизмомъ и не обращало вниманія на болѣе важныя интересы конституціи и народа. Такъ, за годъ до февральской революціи, палата четыре раза отвергла избраніе г. Шарля Лафитта.

Общая и непосредственная подача голосовъ, измѣнился принципъ, и дѣла не могутъ оставаться въ прежнемъ видѣ. Представителей страны назначаетъ уже не привилегированное сословіе отъ имени десяти милліоновъ гражданъ, достигшихъ 21 года, имѣющихъ постоянное мѣстожительство, а самодержавный народъ, непосредственно сами десять милліоновъ избирателей, которые выше конституціи, выше государя и государства, выше всякаго письменнаго закона, интересъ которыхъ выше всякаго другого. Они назначаютъ своихъ депутатовъ прямо, безъ всякаго посредничества.

Изъ этого, непреложнаго принципа прежде всего, слѣдуетъ, что заискивать приходится не кандидату у избирателей, а скорѣе избирателямъ у кандидата. Если мы видимъ противное, то это заискиваніе уже не будетъ имѣть при общей подачѣ голосовъ того смысла, какъ при цензѣ; теперь, пока народъ еще не получилъ образованія, заискиваніе – средство указывать избирателямъ на сущность интересовъ, которые депутату придется защищать, на затрудненія и вопросы, которые ему представятся. Но рано или поздно, придется

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
возвратиться къ правильному порядку вещей, если только общая подача голосовъ выйдетъ когда нибудь изъ своего первобытнаго безсмыслія.

Но самое важное слѣдствіе общей и непосредственной подачи голосовъ состоитъ въ томъ, что избранія нельзя обвинять въ подкупъ, даже если бы и было доказано, что избиратели были дѣйствительно подкуплены.

Избраніе всякое происходитъ всегда въ виду не только требованій права, но и различныхъ интересовъ избирателей. Но если право, по сущности своей неподкупно, рѣзко отличается отъ всего, что не есть право, и потому не допускаетъ никакого недоразумѣнія и смѣшенія, то нельзя сказать того же о выгодѣ, принципъ которой и состоитъ именно въ подкупности. Что же такое продажность или подкупность въ политическихъ дѣлахъ, какъ не расчетъ выгоды? Попробуйте опредѣлить ихъ иначе.

Весь вопросъ значитъ въ томъ: сдѣлать интересы, которыми руководствуются избиратели, честными, добросовестными, законными, а не постыдными и вредными. Но, скажите пожалуйста, кто здѣсь судья интересовъ, и что вы назовете интересомъ безчестнымъ и интересомъ законнымъ? Какая будетъ, съ вашей точки зрѣнія, разница между человекомъ, котораго департаментъ называетъ своимъ благодѣтелемъ, и тѣмъ, котораго вамъ угодно называть подкупателемъ? Вѣдь я не думаю, что, возставая противъ подкупа, вы хотите уничтожить возможность приносить пользу, устранить преданность и внушить массамъ неблагодарность. А если такъ, то скажите же на милость, почему кандидатъ, геройски общающій объявить всемірную войну для защиты польской аристократіи, политически честнѣе того, который, обращаясь къ не столь рыцарскимъ чувствамъ, обязывается поддерживать миръ въ интересъ крестьянъ, работниковъ и буржуазіи? Почему тотъ, кто, прямо говоря о матеріальныхъ выгодахъ, по просьбѣ своихъ непосредственныхъ довѣрителей, общается выхлопотать имъ каналъ, желѣзную дорогу и т. п., чѣмъ онъ хуже того, кто, стоя на болѣе высокой точкѣ зрѣнія общихъ интересовъ, хочетъ противиться этимъ сооруженіямъ, полагая, что общая польза требуетъ перенести ихъ въ другой департаментъ?

Демократы-соціалисты, подавшіе голосъ за Пельтана, хотя сами говорили, что онъ не изъ ихъ партіи, дали ему свои голоса тоже вѣдь не даромъ. Это былъ очень плохой политической расчетъ, но расчетъ. Вѣдь самое 14 іюля 1789 г. было оплачено ночью 4-го августа. Общая и непосредственная подача голосовъ всегда будетъ имѣть этотъ смыслъ или будетъ безсмыслицей.

Слѣдовательно, нечего и говорить при общей подачѣ голосовъ о продажности и подкупахъ: этого не дозволяетъ ни логика, ни уваженіе къ народу и его учрежденіямъ. Это оскорбленіе народнаго величества. Цѣлый годъ уже Оппозиція то утверждаетъ, что общая и непосредственная подача голосовъ учреждена для уничтоженія избирательныхъ подкуповъ; то признаетъ, по примѣру г. Жюль Симона, что общая и непосредственная подача голосовъ должна быть руководима, и что, овладѣвъ властью, Оппозиція, конечно, не оставитъ ее безъ руководства; то общается избирателямъ заботиться объ ихъ интересахъ, а когда они повѣрятъ ей, то упрекаетъ ихъ за это; словомъ, противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу и не понимаетъ, что нельзя возводить случайное въ общее. И такой-то Оппозиціи дать наши голоса! Выбрать въ наши представители людей, политическіе предразсудки которыхъ намъ вполнѣ извѣстны, которые только что представили намъ такіе образчики своей скромности и своего уваженія къ свободѣ избраній; которые обратили иго, угнетающее свободу, въ орудіе своей узурпаціи; которые своей присягой измѣнили республиканской нравственности и представительствомъ одного лица въ нѣсколькихъ округахъ доказали свое стремленіе къ президентству въ республикѣ; которые, будучи призваны къ контролю надъ правительствомъ, оправдали наши предчувствія и заявили свою измѣну на основаніи общей подачи голосовъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ измѣнили бы на основаніи цензовыхъ выборовъ; съ которыми намъ слѣдовало бы бороться въ палатѣ депутатовъ, если бы мы какимъ нибудь особеннымъ чудомъ попали въ нее; которые, наконецъ, будучи призваны управлять республикой и представлять народъ, не сѣмѣли понять ни въ 1848, при взрывѣ соціальныхъ идей, ни въ 1852, послѣ государственнаго переворота, ни въ 1863-64 годахъ, при появленіи рабочихъ кандидатуръ, что общая и непосредственная подача голосовъ состоитъ вовсе не въ томъ, что масса избирателей непомѣрно увеличивается: не могли понять, что она совершенно переворачиваетъ и измѣняетъ всю политическую и экономическую систему, отъ центральной власти до послѣдней сельской школы!

Они толкуютъ о свободѣ и подкупѣ. Да понимаютъ ли они еще, что такое

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
свобода и неподкупность общей подачи голосовъ?

Въ настоящей, честной демократіи, организованной на истинныхъ началахъ народного самодержавія, т. е. на принципахъ договорнаго права, невозможно никакое стѣснительное или развращающее вліяніе центральной власти на народъ: нелѣпо и предполагать это.

Почему? потому что въ истинно-свободной демократіи центральная власть есть ничто иное, какъ собраніе депутатовъ, естественныхъ представителей мѣстныхъ интересовъ, созванныхъ на совѣщаніе; – потому что каждый депутатъ прежде всего принадлежитъ мѣстности, которая избрала его своимъ представителемъ: онъ ея гражданинъ, ея спеціальнй повѣренный, которому поручено защищать ея интересы съ тѣмъ, чтобы передъ лицомъ великаго общенароднаго суда согласовать ихъ съ общими интересами страны; потому что собраніе депутатовъ, избирая изъ среды своей центральнй исполнительнй комитетъ, не отдѣляетъ его, однако, отъ себя, не ставитъ его выше себя, не даетъ ему силы вступить съ нимъ въ распрю, подобно избранному королю или президенту; наконецъ – потому что общіе интересы согласуются прямо на основаніи мѣстныхъ; и законъ, и самое дѣйствіе центральной власти вытекаютъ изъ столкновеній этихъ мѣстныхъ интересовъ, изъ взаимнаго ихъ уравниванія; такимъ образомъ, центральная власть совершенно свободна въ отношеніи избирателей, которымъ нечего ждать отъ нея, какъ ей нечего бояться ихъ непріязни. Вотъ, какъ мы уже сказали, уничтожается возможность преступныхъ сдѣлокъ, подкуповъ, заговоровъ, составляемыхъ цѣною золота, противъ общественной свободы, высшимъ правительствомъ страны и частью избирателей, то есть депутатами и ихъ довѣрителями.

И вотъ почему серьезные люди, сознающіе положеніе дѣлъ и понимающіе эти основныя начала общественнаго права, не приняли бы порученія, подобнаго тому, за которое ухватились самозванные демократы. Они не стали бы беззаботно впутываться въ ту логическую несовмѣстность, какая обнаруживается между непосредственной подачей голосовъ и централизованнымъ государствомъ. Они увидѣли бы, что общая подача голосовъ требуетъ столько представителей, сколько существуетъ естественныхъ группъ, или, если угодно, столько депутацій, сколько провинціальныхъ самодержавій. Они признали бы, что если, не смотря на милостивое снисхожденіе всѣхъ монархическихъ конституцій съ двойнымъ, тройнымъ, пятернымъ и десятернымъ представительствомъ, разумъ и народное право не допускаютъ, чтобы одинъ человекъ былъ представителемъ нѣсколькихъ округовъ, то тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы одинъ депутатъ, одна власть были представителями цѣлаго народа, и притомъ въ то время, когда народъ избираетъ себя представителей по мѣстностямъ. Они убѣдились бы, что сорокалѣтній опытъ достаточно осудилъ это противорѣчіе; что прошло время, когда, при общемъ непониманіи истинныхъ принциповъ правленія, общественная совѣсть могла допускать подобныя сдѣлки, и что, наконецъ, въ этомъ случаѣ, истиннымъ друзьямъ свободы, основателямъ демократіи, остается только отклонить отъ себя парламентское полномочіе и объявить свое представительство невозможнымъ.

ГЛАВА IV.

О свободѣ городовъ. Оппозиція не можетъ требовать, а Императорское правительство даровать этой свободы, возможной только въ федераціи и несомѣстной съ системою единства. Вопросъ о свободѣ городовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, за которые Оппозиція болѣе всего надѣется заслужить одобреніе страны и получить удовлетвореніе отъ правительства.

Ревнуня о городскомъ самоуправленіи, оппозиціонные депутаты имеютъ, при этомъ, болѣе всего въ виду понравиться шумному парижскому населенію, не мало не помышляя ни о своей присягѣ, ни объ убѣжденіяхъ, ни о логике, ни о дѣйствительности. Въ продолженіи 12 лѣтъ, Парижемъ управляютъ одни только императорскіе чиновники, и что же: хуже ему или лучше отъ этого? Можно доказывать и за, и противъ. Но во всякомъ случаѣ, Парижъ, какъ увѣряютъ, жалѣетъ о своихъ муниципальных совѣтникахъ. Какой удобный случай для депутатовъ пріобрѣсти популярность!

Вопросъ о городскихъ вольностяхъ – одинъ изъ самыхъ темныхъ и обширныхъ; онъ тѣсно связанъ съ федеративною системою; можно даже сказать, что въ немъ вся федерація. Поэтому я нахожу лишнимъ заявлять сочувствіе этой реформѣ, въ пользу которой я говорилъ давно и неоднократно. Теперь я поставилъ себя задачею доказать нѣсколькими рѣшительными доводами, до какой степени

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org противоречат сами себя всё так же, кто по оппозиции или по другим причинам кричит о городских вольностях, а так же не менее держится системы единства и централизации; я покажу, какое торжество готовят они своим противникам и какое разочарование стран.

Я утверждаю, что городское самоуправление, по своей сущности, несовместно с единством правления, которое создано и определено всеми нашими конституциями.

При этом следует прибавить, что Парижу, как столицу, еще невозможно согласить самоуправление свое с государственным единством, чем всякому другому французскому городу. Постараемся доказать это самым наглядным образом. Мы уже сказали (Часть II, глава IX), что в буржуазном мире, каким его сделала революция, два принципа считаются столпами общества и государства: принципы политической централизации и экономической несплоченности или, другими словами, торгашеской и промышленной анархии, которая, уравнивая первый принцип, необходимо ведет к феодальному господству капитала. По законам исторического развития, которые управляют всеми правительствами, эти два принципа должны, с течением времени, вызвать свои последствия; и так как городское самоуправление препятствует им, то из этого следует, что общинная жизнь, как более слабая, должна постепенно подчиняться центральной деятельности. Таким образом, когда высшее правительство, центральная власть учреждает в каком-нибудь городе свою резиденцию – город этот, став столицей, должен скорее и более других утратить свою самостоятельность. Это положение, очевидное для всякого, кто понимает то, о чем идет речь, показывает нелепость приверженцев парижского самоуправления и их требований.

Что касается тех из моих читателей, кто не привык разом обнимать умом все содержание какого-нибудь положения, то я постараюсь объяснить его, напомнив им некоторые факты.

I. Упадок городских вольностей. – Французское единство – создание всей нашей истории. Оно начинается с римского завоевания, продолжается завоеванием французским; потом, уничтоженное или, скорее, преобразованное феодальной системой, оно возобновляется королями, при вступлении на престол капетинской династии. Так как национальное единство, которое видим теперь, образовалось последовательными присоединениями независимых областей, то понятно, что провинции и общины удерживали еще некоторое время кое-какие остатки своей автономии, то, что они называют своими обычаями, вольностями, и т. д. Но мало по малу, администрация и короли одержали верх. После Ришлье, управление провинциями было вверено наместникам, слугам королей, сделалось исключительно зависимым от правительства и со временем приняло однообразный характер. Реформаторы 89 г., продолжая дело монархии, возвели систему единства в государственный принцип при неумолкаемых доселе рукоплесканиях народа.

Так же не менее общины долго еще сохраняли кое-какие признаки жизни по утверждению великого единства. Провинция безжизненная, расплывшаяся, давно уже стерлась и поглотилась в государство, когда община, благодаря своему местному духу, благодаря сосредоточенности своих жизненных сил, еще держалась и сохранялась.

Наконец, конституции II и III г. г., обратившие городское управление в одну из отраслей центральной администрации, и учреждение 17 февраля 1800 г. префектур, заменивших центральных комиссаров Республики, и при них советов префектур, нанесли решительный удар самоуправлению общин. С этих пор зло стало неисправимо. Пятнадцать лет спустя, при падении первой империи, община оказалась мертвой, и либерализм тщетно пытался воскресить ее.

Я уже говорил (часть II, гл. XII) о том, как буржуазия, напуганная непомерным усилением центральной власти и примером Наполеона I, пыталась подчинить себя правительству, дав ему тройной противовес: 1) конституционную, представительную и парламентскую систему, 2) городские и департаментские учреждения и 3) экономическую анархию. Теперь я скажу несколько слов о втором из этих противовесов, возрожденном из древних общин.

Этими городскими и департаментскими учреждениями много занимались в

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
царствованіе Люи-филиппа; подобно поземельному кредиту и многому другому, это была одна изъ фантазіи буржуазнаго царствованія. Объ этомъ толковали при реставраціи; самъ Наполеонъ I, повидимому, интересовался этимъ предметомъ; при его наслѣдникъ, объ учрежденіяхъ этихъ говорятъ больше, чѣмъ когда либо. На нихъ особенно настаиваютъ люди золотой середины, которыхъ во Франціи всегда такое множество и которые такъ неразумны. Имъ кажется, что, возвративъ общинѣ нѣкоторую долю самостоятельности, можно уравнивать центральную власть, можно устранить гнусныя стороны централизаціи, а главное – избѣжать федерализма, который въ 1864 году ненавистенъ имъ такъ же, какъ въ 1773 былъ ненавистенъ тогдашнимъ патриотамъ, только по другимъ причинамъ. Эти добрые люди охотно восторгаются швейцарскою и американскою свободою; они подчуютъ насъ ею въ своихъ книгахъ; она служитъ имъ зеркаломъ, когда они хотятъ пристыдить насъ за наше низкопоклонство; но ни за что въ мірѣ не дотронутся они до своего любезнаго единства, которое составляетъ, по ихъ мнѣнію, славу французовъ и которому, по ихъ увѣреніямъ, такъ сильно завидуютъ всѣ другія націи. Съ высоты своего академическаго самодовольства, они обвиняютъ въ увлеченіи тѣхъ писателей, которые, не забывая логики и исторіи, оставаясь вѣрными чистымъ внушеніямъ права и свободы, не вѣрятъ въ политическія воскресенія и, наскучивъ эклектизмомъ, хотятъ отдѣлаться разъ навсегда отъ доктринерскихъ фокусовъ.

Г. Эдуардъ Лабуле принадлежитъ къ числу такихъ мягкихъ умовъ, которые очень способны понять истину и показать ее другимъ, но мудрость которыхъ состоитъ въ кастраціи принциповъ помощью невозможныхъ соглашеній. Они очень желаютъ положить предѣлъ власти, но съ тѣмъ однако, чтобы имъ позволено было ограничить и свободу; они были бы счастливы, если можно было бы обрѣзать когти одной, оборвавъ въ тоже время и крылья другой; ихъ умъ, трепещущій передъ всякимъ широкимъ и мощнымъ синтезомъ, съ удовольствіемъ погружается въ ерунду. Г. Лабуле, котораго демократія чуть было не избрала своимъ представителемъ вмѣсто г. Тьера, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, противопоставляя императорскому самодержавію такъ называемыя іюльскія гарантіи, вмѣстѣ съ тѣмъ задали себѣ задачу бороться противъ Соціализма и Федерализма. Ему принадлежитъ слѣдующая прекрасная мысль, которую я одно время думалъ взять въ эпиграфъ: «Когда политическая жизнь сосредоточена въ трибунѣ, страна распадается на двое: на оппозицію и правительство.» Я попрошу г. Лабулэ и его друзей, которые такъ хлопчатъ о городскихъ вольностяхъ, отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ, только на одинъ.

Община, по существу своему, какъ и человекъ, какъ семья и всякое разумное, нравственное и свободное единичное или коллективное лицо, есть существо, конечно, самовластное. Въ качествѣ такого существа, община имѣетъ право управлять сама собою, налагать на себя подати, распоряжаться своею собственностью и своими доходами, учреждать для своей молодежи училища, назначать въ нихъ профессоровъ, имѣть свою полицію, своихъ жандармовъ, свою гражданскую стражу, назначать своихъ судей, имѣть свои журналы, собранія, общества, банки и проч.

Слѣдовательно, община постановляетъ рѣшенія, отдаетъ приказанія: почему же ей не идти дальше и не издавать свои законы? У нея есть своя церковь, свои вѣрованія, свое свободно избранное духовенство, даже свои церковные обряды и свои святые; она публично обсуждаетъ въ городскомъ совѣтѣ, въ своихъ журналахъ и въ своихъ клубахъ все, что происходитъ въ ней и вокругъ нея, все, что соприкасается съ ея интересами и волнуетъ ея общественное мнѣніе. Вотъ что такое община и коллективная, политическая жизнь. Жизнь едина, полна, нераздѣльна; она не хочетъ знать никакихъ оковъ и ограничить только сама съ собою; всякое внѣшнее ограниченіе ей противно и даже смертельно, если она не можетъ съ нимъ справиться. Пусть же г. Лабуле и его политическіе единомышленники скажутъ намъ: какимъ образомъ думаютъ они согласить эту общинную жизнь съ своими унитарными поползновеніями? какимъ образомъ избѣгнуть они борьбы? какъ думаютъ они удержать мѣстныя вольности рядомъ съ центральнымъ насиліемъ? – ограничить однѣ и остановить другое?! какъ ухитряются они поддерживать за разъ, одною и тою же системой, независимость частей и господство цѣлаго? Объяснитесь же, чтобы можно было узнать васъ и судить о васъ.

Средины нѣтъ: община должна имѣть въ рукахъ власть или быть подвластною. – Все или ничего! Говорите о ней, что хотите; но съ той минуты, когда она должна будетъ отказаться отъ своего права и принять чужой, внѣшній законъ, когда большая группа, часть которой она составляетъ, будетъ объявлена чѣмъ-то высшимъ, а не выраженіемъ федеральныхъ отношеній, – рано или поздно возникнетъ между ними неизбѣжное противорѣчіе и произойдетъ столкновеніе.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org

Но какъ скоро выйдеть столкновение, центральная власть, во имя логики и силы, должна непременно одолеть, и безъ всякихъ споровъ, безъ всякаго суда, безъ компромиссовъ, потому что борьба между высшимъ и низшимъ немыслима – это скандалъ. Такимъ образомъ, мы всегда придемъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго волненія, къ отрицанію общиннаго духа, ко всепоглощенію центромъ, къ самодержавію. Слѣдовательно, идея ограниченія государства группами тамъ, гдѣ господствуетъ принципъ подчиненности и централизаціи самихъ группъ, есть непослѣдовательность, чтобы не сказать – противорѣчіе. Государственная власть имѣетъ только одинъ предѣлъ, который она сама себя добровольно ставитъ, предоставляя общинной и личной инициативѣ кое-что, о чемъ она, до поры до времени, не заботится. Но придетъ время, когда она будетъ считать своею обязанностью вернуть себя эти вещи, отъ которыхъ сначала отказалась, и это время, рано или поздно, наступитъ, потому что развитіе государства безконечно, и его оправдываетъ не только судъ, но и логика.

Если вы либераль и рѣшаетесь говорить объ ограниченіи государства, которому оставляется верховность власти, – то укажите предѣлъ свободы личной, корпоративной, областной, социальной, предѣлъ свободы вообще? Такъ какъ вы считаете себя философомъ, то объясните, что такое свобода ограниченная, подавленная, свобода подъ надзоромъ, свобода, которую садятъ на цѣпь, привязываютъ къ столбу и говорятъ: твое мѣсто здѣсь, и дальше ты не пойдешь!...

Все сказанное подтверждается фактами. Въ теченіе тридцати шести лѣтъ парламентскаго порядка, слѣдовавшихъ за паденіемъ первой имперіи, городская и департаментская свобода постепенно и постоянно исчезала, и правительства даже не трудились нападать на нее. Дѣло шло само собою, въ силу самой сущности принципа единства. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда насильственныхъ захватовъ, входивъ въ подробности которыхъ я считаю лишнимъ, община окончательно подчинилась государству, по закону 5 мая 1855 г., который предоставилъ императору или префектамъ право назначать меровъ и ихъ помощниковъ. Такимъ образомъ, законъ 5 мая 1855 г. поставилъ общину въ положеніе, на которое ей указывала логика единства, начиная съ 1789, 1793 и 1795 г. г., то есть въ положеніе простой слуги центральной власти.

Я говорю, что этотъ результатъ былъ неизбеженъ, что на этотъ фактъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на продуктъ самого общества, идущаго по пути монархіи и единства; что совершенное въ 1855 г. императорскимъ правительствомъ было подготовлено обстоятельствами, было задумано его предшественниками, и что обращать этотъ необходимый выводъ въ орудіе оппозиціи, объявляя себя въ то же время сторонникомъ единства, – значитъ одно изъ двухъ: или невѣжество, или недобросовѣстность. Общинный порядокъ, какъ онъ существовалъ при Людовикѣ Филиппѣ, представлялъ, по отношенію къ префектурѣ, двойственное правленіе, власть во власти, *impetium in impetio*, чтобы не сказать, что на оборотъ, префектура представляла лишнее повтореніе власти по отношенію къ провинціи и общинѣ, что впрочемъ въ сущности одно и то же.

Издавая законъ 5 мая 1855 г., правительство Наполеона III только привело, слѣдовательно, въ исполненіе то, на что ему указывала исторія, осуществило свое право и, смѣю сказать, выполнило свое императорское полномочіе. Такого монархическаго, унитарнаго и централизаторскаго назначенія Франціи, и не полу-династическаго, конституціоннаго, буржуазнаго, унитарнаго и, какъ слѣдуетъ, присяжной оппозиціи приходится колоть имъ глаза правительству.

II. Парижъ, столица и муниципія. Что касается Парижа и Ліона, муниципальные совѣты которыхъ назначаются императоромъ, то есть обращены въ комиссіи, между тѣмъ какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ граждане сами принимаютъ участіе въ администраціи избраніемъ своихъ совѣтовъ, то за это еще несправедливѣе обвинять правительство. На оба главные города имперіи смотря, не скажу – по ихъ заслугамъ, потому что это можно было бы принять за злую иронию, но сообразно ихъ достоинству. Парижъ не можетъ пользоваться въ одно и то же время и блескомъ столицы, и самоуправленіемъ, впрочемъ весьма, ограниченнымъ, какое представляютъ свободно избранные городскіе совѣты. Эти двѣ вещи несовмѣстны: нужно выбирать что нибудь одно.

Парижъ – резиденція правительства, министерствъ, императорскаго семейства, двора, сената, законодательнаго корпуса, государственнаго совѣта, кассационнаго суда, даже провинціальной аристократіи съ ея многочисленною челядью. Сюда пріѣзжаютъ посланники всѣхъ иностранныхъ государствъ, стекаются съ цѣлаго свѣта путешественники, часто въ числѣ 100 и 150 тысячъ, спекуляторы, ученые, художники. Здѣсь сердце и голова государства,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
охраняемая гарнизонами, составляющим четвертую часть наличных военных сил страны; их нужно охранять и защищать во что бы то ни стало. Все это, очевидно, далеко превосходит круг деятельности городского совета, и вся страна возстала бы, если бы, по муниципальной конституции, Париж сдѣлался, такъ сказать, равнымъ имперіи; если бы городская дума стала соперничать съ Люксембургомъ, Пале-Бурбономъ и Тюльери; если бы приказаніе городскихъ совѣтниковъ могло остановить императорскій декретъ; если бы, при непріятельскомъ нашествіи, Парижская національная гвардія, сдаваясь врагу-побѣдителю, вздумала увлечь своимъ примѣромъ линейныя войска и понудить ихъ сложить оружіе.

Въ столицѣ находятся академіи, учебныя заведенія, даже горный институтъ; въ ней большіе театры, большія финансовыя и промышленныя компаніи, главнѣйшія учрежденія внѣшней торговли. Въ парижскихъ банкѣ и биржѣ составляются, обсуждаются и ликвидируются великія предпріятія, операціи, займы и проч. Франціи и цѣлаго міра. Во всемъ этомъ, надо сознаться, нѣтъ ничего муниципального.

Поручить всѣ дѣла городскому совѣту значило бы отказаться отъ власти. Предпринять отдѣленіе городскихъ дѣлъ отъ столичныхъ значило бы пытаться невозможное и, во всякомъ случаѣ, создать вѣчную борьбу между городскимъ началомъ и правительствомъ, между имперіей и столицей. Въ такомъ случаѣ, отнимите у Парижа все, чѣмъ онъ не обязанъ себѣ, все, что ему даровано государственнымъ бюджетомъ, какъ столицѣ и резиденціи: оставьте этой громадной столицѣ только то, что пріобрѣтено ея дѣятельностью, промышленностью, вліяніемъ гражданъ, и возьмите у нея все, что она получила по высшему вліянію правительства и страны! Вы видите, значить, что, волей-неволей, а мерамъ приходится быть не болѣе, какъ помощниками префектовъ. Конкуренція городской думы съ 89-95 г. г. нанесла самыя жестокіе удары монархіи; не менѣе вреда принесла она и революціи, и я удивляюсь, что приверженцы единства, какъ напримѣръ Г. Пикарь, думаютъ воскресить подобное господство. Нѣтъ, Парижъ, какимъ его сдѣлала политика и исторія, Парижъ, – какъ очагъ нашей національности, какъ столица французской имперіи, монархіи или республики, дѣло не въ названіи, наконецъ, какъ метрополія цивилизаціи, – Парижъ не можетъ принадлежать самому себѣ. Подобное самоуправленіе было бы просто узурпаціей. Если бы даже правительство согласилось на это, то этого не допустили бы департаменты. Парижъ живетъ особой жизнью: какъ императорскій Римъ, онъ можетъ управляться только императорскими чиновниками.

Все это до того вѣрно и такъ вытекаетъ изъ самой сущности вещей, что даже въ федеральной Франціи, при порядкѣ, который можно считать идеаломъ независимости и который съ того началъ бы, что возвратилъ бы общинамъ полную автономію, а провинціямъ совершенную ихъ независимость, – Парижъ, превращенный изъ императорскаго города въ федеральный, не могъ бы соединить въ себѣ атрибуты того и другого рода и долженъ былъ бы дать провинціямъ обезпеченіе, давъ федеральной власти доступъ въ дѣла своей администраціи и управленія. Иначе Парижъ, благодаря своей могучей притягательной силѣ и громадному вліянію, которое придадо бы ему его двойное значеніе – могущественнѣйшей федеральной области и столицы всей федераціи, – скоро снова сдѣлался бы царемъ республики; провинціи могли бы избѣжать его господства только придавъ федеральной власти, какъ въ Швейцаріи, такъ сказать, кочевой характеръ, назначая резиденціей ея то Руанъ или Нантъ, то Ліонъ, Тулузу или Дижонъ, то Парижъ, но не болѣе одного раза въ десять лѣтъ. А тѣмъ менѣе, конечно, можетъ рассчитывать на автономію Парижъ, столица имперіи: такая автономія его была бы раздвоеніемъ верховной власти и отреченіемъ императора.

Притомъ, взгляните въ фізіономію столицы, изучите ея психологію, и, если вы добросовѣстны, то признаете, что Парижъ не отставалъ отъ страны и правительства. Чѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ славы, тѣмъ болѣе терялъ свою индивидуальность и свой самостоятельный характеръ, тѣмъ болѣе его населеніе, постоянно возобновляемое жителями департаментовъ и иностранцами, удаляется отъ своей первобытной фізіономіи. Сколько приходится истинныхъ парижанъ на 1,700,000 обитателей, составляющихъ населеніе департамента Сены? Менѣе 15 на 100: все остальное пришлый элементъ. Я не думаю, чтобы изъ 11 представителей, посланныхъ въ законодательный корпусъ городомъ Парижемъ, было четверо настоящихъ парижанъ. Что касается мнѣній этихъ представителей, мнѣній, которыя совершенно произвольно считаются мнѣніемъ города Парижа, то какое имѣютъ они значеніе? Кто мнѣ скажетъ мнѣніе Парижа?

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Не составляют ли его мнѣнія 153,000 избирателей оппозиціи? Какъ же, въ этомъ случаѣ, могли они выбрать такія разношерстныя личности, какъ Г. Г. Тьеръ, Геру, Авенъ, Жюль Фавръ, Эмиль Оливье, Жюль Симонъ, Гарнье-Пажесъ, Даримонъ, Пельтанъ? И что же такое, послѣ этого, съ одной стороны, 82,000 голосовъ, данныхъ правительству, и 90,000 отказавшихся подавать голосъ – съ другой? Что сказать о 400,000 душъ изъ 1,700,000 жителей, которыя не имѣютъ представителей? Не журналы ли скажутъ намъ мнѣніе Парижа? Но между ними такая же разладаца, какъ и между представителями, и стоитъ только присмотрѣться къ нимъ поближе, чтобы утратить къ нимъ всякое уваженіе. Парижъ – цѣлый міръ: стало быть, въ немъ нечего искать ни индивидуальности, ни вѣры, ни мнѣнія, ни воли; это масса силъ, идей, элементовъ въ хаотическомъ броженіи. Какъ свободный городъ, какъ независимая община, какъ коллективная индивидуальность, какъ типъ, Парижъ отжилъ свое время. Чтобы изъ него могло что-нибудь опять выйти, онъ долженъ добросовѣстно и рѣшительно начать обратное движеніе: онъ долженъ сложить съ себя и крѣпостной вѣнецъ, и вѣнецъ столицы, и поднять знамя федераціи. Если г. Пикарь, требуя отъ имени города Парижа возвращенія муниципальныхъ вольностей, имѣлъ въ виду это, то въ добрый часъ: усилія его заслуживаютъ рукоплесканій. Но въ противномъ случаѣ, г. Пикарь идетъ по совершенно ложному пути, и г. Бильо имѣлъ право сказать ему, что правительство никогда не выпуститъ изъ своихъ рукъ управленія столицей.

Что касается меня, то вотъ что я думаю: Я вѣрю, какъ въ аксіому моего разума, въ то общее положеніе, что всякое развитіе конечнаго бытія должно имѣть свой конецъ, который служить началомъ другого бытія; въ частности, – что развитіе французскаго единства, начавшееся почти за 2000 лѣтъ до насъ, близится къ концу; что централизаціи у насъ уже нечего больше присоединять, власти – нечего поглощать, казнѣ – нечего вымогать; что, сверхъ того, древній духъ общинъ умеръ, умеръ окончательно, доказательствомъ чего можетъ служить Парижъ, и что подобія муниципальныхъ учрежденій, которыми насъ мазали по губамъ со времени провозглашенія знаменитой республики, единой и нераздѣльной, – отжили свой вѣкъ. Мнѣ кажется, что отъ чистаго коммунизма, политическаго и экономическаго, насъ отдѣляетъ только конституція, то есть листъ бумаги. И такъ какъ, по моему мнѣнію, ни народы не могутъ умирать, ни цивилизація пятиться назадъ, то въ глубинѣ души я убѣжденъ, что приближается мгновеніе, когда, вслѣдъ за послѣднимъ переворотомъ, съ обнародованіемъ новыхъ принциповъ начнется движеніе въ обратномъ направленіи. Тогда и только тогда мы станемъ свободны, и свобода наша заявится, конечно, въ новыхъ формахъ и при новыхъ условіяхъ. Это убѣжденіе, которымъ проникнуты уже многіе, это убѣжденіе я высказываю печатно публикѣ и рабочей Демократіи, какъ сущность ея основной мысли. Я не знаю – воспользуется ли Демократія моимъ предостереженіемъ; при всемъ томъ, она согласится, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что ни друзьямъ моимъ, ни мнѣ не приходится уже посылать уполномоченнаго въ Законодательное Собраніе, гдѣ ему слѣдуетъ: или исполнять свое назначеніе, или повиноваться присягѣ. Но мы знаемъ уже заранѣе, что нашъ повѣренный, исполняя свое назначеніе, можетъ только произвести скандалъ; а если онъ вздумаетъ поступить по присягѣ, то измѣнитъ своему политическому убѣжденію и своимъ друзьямъ.

ГЛАВА V.

Бюджетъ. – Невозможность нормальнаго налога при политической системѣ, которой слѣдуютъ Оппозиція и Правительство. – Жалованье, пенсія, войско, флотъ и проч. – Гг. Тьеръ, Беррье, Ж. Фавръ и такъ называемая демократическая Оппозиція.

Обсужденіе бюджета подаетъ ежегодно поводъ къ безконечной болтовнѣ, въ которой, можно смѣло сказать, никто не видитъ ничего, кромѣ цифръ во всей ихъ арифметической и казенной наготѣ. Что же касается до смысла цифръ, т. е. именно до того, что cadaго интересуется, то лучше и не спрашивайте. Для общества очевидно только то, что Оппозиція безпрестанно упрекаетъ Правительство въ излишнихъ расходахъ, а Правительство не устаетъ доказывать ей, что оно могло бы издержать еще больше. Кто правъ, кто виноватъ въ этомъ важномъ вопросѣ о бюджетѣ: Оппозиція или Правительство? Вотъ что намъ ренъ я объяснить теперь разъ на всегда.

Само собою разумѣется, что для меня не существуетъ вопроса: какая конституція лучше? – На мой взглядъ всѣ онѣ скверны. Если только конституція полагаетъ или предполагаетъ нераздѣльность власти, т. е. централизацію, мнѣ нечего сказать въ ея пользу: она несовмѣстна со свободой, равенствомъ, экономіей. Главная обязанность депутатовъ состоитъ въ разсмотрѣніи, обсужденіи и опредѣленіи налога; эта обязанность

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org необходимо заставляя его разбирать политику и действия правительства. Сейчас мы увидим, в какое ложное и безвыходное положение становится депутат, обращенный в слепую лошадь, которая мечется в манеж.

Экономические и политические принципы рабочей демократии нам достаточно известны. Предположим теперь, что эта демократия, не обращая внимания на присягу, посылает в законодательное собрание своего депутата, своего действительного представителя. Обязанность этого депутата очень проста; не прибегая к уловкам красновидства, он может и должен прямо сказать Палате такую речь: «Мы, то есть мои доверители и я, мы глубоко убеждены, что ваша политическая система и, затем, ваша система фискальная построены на вздорной идее, на ложном основании. Бюджет ваш, как в целом, так и в частности, противоречит самым бесспорным принципам политической экономии.

«Первое условие правильно построенной финансовой системы состоит в том, что бюджет расходов, а следовательно и доходов, не должен возрасти бесконечно, а только колебаться, смотря по обстоятельствам, между 5 и 10 процентами с ценности национального производства; что в самом несчастном случае он не должен превосходить 10 % (la dîme, знаменитая la dîme!) и что, по возможности, ему следует приближаться к 5% (двадцатой доль). При таких условиях, не придется прибегать к займам, а тем более заключать долги текущие или постоянные. Но что вы делали? Благодаря своей рутинной политике, вы наделали то, что, со временем ликвидации Рамеля, которая так помогла консульству и обезпечила ему три четверти его успеха, налог возвышался постепенно до 15, 18 и 20 процентов с годового производства страны; скоро он достигнет и 25%! Отсюда видно, что наши государственные расходы, которые не должны были бы превышать шести или семи сот миллионов, дойдут в течение нескольких лет до трех миллиардов! Забудьте, граждане, что я говорю не о точной цифре, а о пропорции: я говорю, что бюджет должен колебаться между 5 и 10 процентами с суммы национального производства, между тем как теперь он составляет больше шестой доли этой суммы. Таким образом, когда, желая оправдать возрастание бюджета в последние двенадцать, двадцать четыре и тридцать шесть лет, вы указываете на понижение ценности драгоценных металлов, на дорожание припасов и остальных предметов, со включением заработной платы, и когда г. Тьер и депутаты Оппозиции соглашаются с этим, – я утверждаю, что вы уклоняетесь от вопроса и стараетесь замазать дело. Страна подавлена налогами: это не подлежит сомнению. Никто не станет утверждать, что производство ее превышает тринадцать миллиардов или даже достигает этой цифры; а вы заранее требуете для Правительства два миллиарда двести, триста миллионов, т. е. шестой доли этой суммы или 17 1/2 % ежегодного дохода; – вот за что вас упрекают. Но как податные сословия жалуются уже очень давно и как причины алчности казны уже известны, то мы требуем, чтобы вы занялись, наконец, политической и социальной реформой, единственным средством сократить бюджет. В противном случае, я объявляю, что имю поручение отказать вам в субсидии и должен подать голос об уничтожении всякого бюджета.

«Второе правило относительно государственных финансов состоит в том, что налог, приведенный к своему нормальному размеру, должен быть распределен равномерно между гражданами, т. е. в прямом отношении к их доходу. Отсюда двойная задача того, что называют раскладкой и уравнением налогов. Двадцать раз было уже доказано, что, при существующих политических условиях, налог распределяется между гражданами прямо в обратном отношении к их состоянию или доходу. От имени моих доверителей я требую опять реформы системы, и реформы немедленной. Иначе я протестую против всякого налога и не вотирую бюджета».

После такой речи, представитель демократии, вызвав ропот собрания и негодование министерства, раскланялся бы со своими товарищами и ушел домой, чтобы не возвращаться более в собрание. Что ему там делать?!

Очевидно, в самом деле, что при всей возможной энергии, при всей неустрашимости своей, ни один член законной Оппозиции никогда не будет поступать, в виду Правительства и казны, с тою решительной логикой, которая заявлена Манифестом Шестидесяти. «Рабочий класс, говорят они, ждал довольно: пора перейти от надежд к действительности, от слов к делу.» И в конце концов, они же сами толкуют о необходимости посылать депутатов от рабочего народа! Станные люди!

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Правда ли, однако, что политическая система, которой фатально слѣдуетъ и
Оппозиція, и Правительство, существенно несовмѣстна съ экономіей издержекъ,
такъ что странѣ приходится страдать безъ конца отъ увеличенія бюджета и
накопленія долговъ? И неужели противъ этого зла нѣтъ другого средства,
кромѣ постоянного банкротства?

На этотъ вопросъ я даю, не колеблясь, самый утвердительный отвѣтъ, такой
отвѣтъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, подтверждается очень легко.

Бюджетъ такого государства, какъ Франція, т. е. сильно централизованнаго,
осужденнаго на безостановочное развитіе правительственной опеки, подъ
страхомъ быстрого и неизбѣжнаго разложенія, бюджетъ такого государства,
которое хочетъ браться за все, вездѣ имѣть вліяніе, вездѣ распоряжаться, не
можетъ сокращаться, потому что:

1) въ государствѣ, устроенномъ такимъ образомъ, статья непредвидѣнныхъ
расходовъ, особенно по дѣламъ внѣшней политики, всегда громаднa, и къ
обыкновенному бюджету безпрестанно прибавляется бюджетъ чрезвычайный;

2) централизація, давящая и неизбѣжно всепоглощающая, постоянно расширяетъ
права Государства въ ущербъ личной, корпоративной, общинной и социальной
иниціативѣ;

3) для удовлетворенія этой двойной потребности, Государство вынуждено
обременять все болѣе и болѣе податное сословіе рабочихъ, отчего и
происходитъ развитіе дармоѣдства, сокращеніе полезнаго труда, словомъ,
возрастающая непропорціональность между народнымъ производствомъ и
государственными расходами.

Разсмотримъ нѣкоторыя статьи бюджета.

I. Жалованье, пенсіи. Непремѣнное выраженіе монархической системы
составляютъ ближайшія къ трону лица, во всемъ ихъ ложномъ блескѣ и величіи.
Вотъ почему часть бюджета, которая идетъ на нихъ, совсѣмъ неумѣстная въ
социальной демократіи, остается неприкосновенною въ великой имперіи и
представляетъ расходъ почти священный. Какой депутатъ осмѣлится посягнуть
на него?

Присяжный, централизаторъ, врагъ сепаратизма, умѣющій ладить съ властями,
gentleman вполнѣ, по самому своему положенію, по присягѣ, изъ приличія онъ
откажется отъ идеи взаимности, федераціи, уравниенія. Если бы онъ даже и
вѣровалъ въ эту идею, то не посмѣетъ заявить ее не только дѣломъ, но и
словомъ. Это было бы безтактно, грубо, непolitично. Преобразовать
общественную службу, разбить эту величественную государственную машину, –
сохрани Богъ! Развѣ такой приличный, такой благонамѣренный человекъ и съ
такимъ умомъ возмется за подобное дѣло? Нѣтъ, онъ слишкомъ патриотиченъ,
слишкомъ благоразуменъ для этого. Развѣ онъ не знаетъ, что можетъ вызвать
смѣлое слово праведнаго отрицанія! Развѣ онъ не знаетъ, что всѣ статьи
расходовъ такъ же солидарны между собой, какъ всѣ разряды государственной
службы; что нельзя касаться одной статьи, не трогая другой, и что, сокращая
сумму расходовъ съ 20, 18, 17 на 10, на 7 или на 5 процентовъ годового
прихода страны, онъ убилъ бы всю систему государственной экономіи! Въ виду
такого переворота, у него замираетъ духъ, трясутся ноги; онъ сознаетъ, что
между этою чудовищною іерархіей, этимъ обществомъ откормленныхъ тунеядцевъ,
этимъ правительствомъ, которое ихъ защищаетъ, этимъ бюджетомъ, который
служитъ выраженіемъ всей системы, – между всѣмъ этимъ и имъ самимъ,
депутатомъ, существуетъ какой-то мистическій договоръ, который побуждаетъ
его видѣть утопію въ каждой истинной реформѣ; онъ не посмѣетъ нарушить этого
тайнаго договора, хотя и не присягалъ ему, какъ присягалъ императору.

Служба депутата, напримѣръ, переводится на языкъ бюджета вознагражденіемъ
въ 2,500 фр. въ мѣсяць, т. е. въ 15,000 фр. за шесть мѣсяцевъ. Это
вознагражденіе еще не единственная выгода, которую извлекаетъ изъ своего
положенія каждый депутатъ вообще, а депутатъ Оппозиціи въ особенности.
Прежде всего, онъ пріобрѣтаетъ репутацію великаго гражданина, съ ногъ до
головы вооруженнаго на защиту общественнаго права, благосостоянія и
свободы. Если онъ адвокатъ, – краснбайство его въ Палатѣ даетъ ему
многочисленную практику; если онъ писатель, профессоръ или романистъ, – за
него чуть не дерутся журналисты и издатели. Такимъ образомъ, настоящій
представитель демократіи, который рѣшилъ бы произнести въ Собраніи рѣчь,
въ родѣ вышеприведенной, и отказался бы затѣмъ вотировать бюджетъ, долженъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org был бы не только неизбежно выйти в отставку, но, вместе с тем, и отказаться от всех выгод своего депутатского звания. Но этого именно и не делает никогда член законодательной Оппозиции, вовсе не по жадности, может быть, а вследствие практического взгляда на свое положение и на те приличия и обязанности, которые оно налагает на него. Убеденный в пользу своего дела, он сомневается во всем, и в людях, и в вещах, и не верит в настоятельность и значение реформ, не верит ничему и сомневается во всем, благодаря опытности, приобретенной в парламент и при дворе. И решится ли такой человек бросить государственное судно на волю ветров и волн? Оставить ли он правительство без надзора, а народную идею без выражения? Нет, нет, он не покинет своего поста... потому что присягал на верность депутатскому жалованью, виноват, я хотел сказать – на верность императору. Таким образом, если, в отношении бюджета, все вопросы политические и нравственные сводятся на простой расчет прихода и расхода, то очевидно, что материальный интерес, побуждающий депутата присягать императору, уничтожает в нем настоящего представителя демократии.

Если, по поводу бюджета, я позволил себе коснуться крайне щекотливого вопроса о вознаграждении, то сделал это вовсе не с каким-нибудь злым умыслом, а просто с целью определить исходную точку своих доказательств. В самом деле: что я предполагал доказать в этой главе? – то, что всякая реформа бюджета, необходимая для страны и удобоисполнимая в системе взаимности и федерации, совершенно несовместна с системой, которой держится Оппозиция. Сейчас это будет для нас ясно, как дважды два четыре. Если присяжный депутат, не смотря на свое звание члена легальной оппозиции, действительно так дорожит своим содержанием, то способен ли он требовать сокращения содержания, которому дано непонятное для меня название «*liste civile*»? Осмелится ли он предложить хоть какую-нибудь скидку в этой статье? Это было бы своего рода «оскорбление величества». Г. Тьер, болтавший обо всем, несмотря на свою нескромность, не рвался никогда говорить об этом. Притом, такой откровенности мешает и слава великой державы, и обаяние чудного французского единства. Величие власти, врученной государю, не может, конечно, выражаться иначе, как роскошью его жизни.

Та же роскошь, тоже великолепие необходимы и принцам, и принцессам, и сенаторам, маршалам, монсieurам кардиналам, министрам и проч. В унитарном строе государства все эти привилегированные статьи, все издержки на поддержание роскоши и блеска вотируются без спора и разбора.

И так, вот целый отдел бюджета, и один из самых значительных, отдел жалования, на который запрещается нападать всякому депутату, все равно – остается ли он верен или тайно изменяет своей присяге. И все это зависит от того, что он сам пользуется бюджетом, сам стоит в ряду вельможных государственных людей и потому, разумеется, не захочет потребовать сокращения *liste civile*, сокращения, которое ослабило бы значение трона и, вместе с тем, унизило все положения. Ничто так не отвращает от желаний реформ, как пользование властью и бюджетом. Возможно ли сокращение штатов официального люда? В федеральной демократии, конечно, это не встретило бы никакого затруднения; но при такой чудовищной централизации, как французская, подобное сокращение, разумеется, неуместно.

Швейцария с населением около двух с половиною миллионов душ представляет союз девятнадцати кантонов и шести полу-кантонов, всего двадцати пяти государств, которые независимы друг от друга, вполне самодержавны и управляются сами собой, на основании конституций и законов, обеспечивающих общую безопасность. Над этими двадцатью пятью государствами и двадцатью пятью конституциями царит федеральное собрание, орган федерального договора, избирающее из среды себя, для управления делами республики, нечто в роду исполнительной комиссии, Президент которой, настоящей глава гельветического союза, получает всего двенадцать тысяч франков! Граждане Союза находят, что этого жалования совершенно достаточно для Президента. Разсуждая таким образом и принимая в основание тот расчет, что высшие государственные чины должны получать вознаграждение пропорционально населению, Франция, населенная в пятнадцать с половиною раз больше Швейцарии, должна, по настоящему, платить своему президенту не более 186,000 фр. Дерзнуть ли предложить Законодательному Собранию такой расчет г. Толэн, или г. Блан, или г. Кутан?

Будем же последовательны: современная Франция, как нераздельная держава,

Французская демократія. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org какъ сильная и славная имперія, управляется въ денежномъ, бюджетномъ отношеніи такими законами, которые совершенно невысказаны въ рабочей демократіи, основанной на принципахъ взаимности и федераціи. Насколько *liste civile*, въ двадцать пять милліоновъ звонкою монетою съ прибавкой доходовъ отъ коронныхъ земель, показался бы непомернымъ расходомъ въ системѣ взаимной гарантіи, городского самоуправления и рабочихъ ассоціацій, словомъ федераціи, настолько же, надо сознаться, подобный расходъ согласуется съ правилами существующаго порядка. Это такъ вѣрно и безспорно, что, когда въ 1852 г., послѣ государственнаго переворота, была объявлена новая конституція, нелѣпѣ 1830 года, тогда штатное жалованье государя увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое: вмѣсто 12 милліоновъ, которые получалъ Люи-Филиппъ, императору выдается 25 милліоновъ! Пусть скажутъ теперь г. Тьеръ или г. Беррье: согласятся ли они ассигновать менѣе 12 милліоновъ въ годъ государю своей любимой орлеанской династіи, если бы ей снова пришлось царствовать? И тотъ, и другой отвѣтитъ вамъ, что подобная мысль крайне неприлична и что лучше уже разорвать государство на 36 клочковъ, чѣмъ унижить достоинство государя. Вы хотите монархіи, самодержавія, – и такъ платите, что слѣдуетъ. Когда въ 1849 г. учредительное собраніе назначило президенту республики, главнокомандующему арміи и флота 50,000 фр. въ мѣсяцъ, то онъ не могъ съ подобающимъ приличіемъ даже угостить своихъ офицеровъ!

2) За доходами главы государства и высшихъ сановниковъ слѣдуютъ пенсіи, разныя денежныя пособія, подъ названіемъ «subventions, encouragements, secours», награды, секретныя выдачи и проч., всѣ расходы на администрацію, доходящія до 150 милліоновъ. Я не говорю, что эти расходы должны быть уничтожены однимъ почеркомъ пера, безъ всякаго разбора. Случаются, конечно, необыкновенныя несчастія, бываютъ вопіющія потребности, приносятся обществу великія услуги частными лицами: все это государство должно имѣть въ виду и относить на счетъ чрезвычайныхъ расходовъ. При всемъ томъ, я долженъ сказать, что большая часть подобныхъ расходовъ несовмѣстна съ порядкомъ, который основанъ на взаимности услугъ и на гражданской обязанности посвящать всю жизнь свою полезному труду; другими словами: большая часть такихъ расходовъ неумѣстна тамъ, гдѣ люди заботятся уравнивать состоянія, искоренить нищету и дармоѣдство, стремятся обезпечить каждому гражданину трудъ, обменъ услугъ, дешевизну жизни, и хотятъ замѣнить благотворительность и милостыню дѣлами правды. Вотъ почему настоящій представитель демократіи долженъ непременно протестовать противъ всякихъ государственныхъ издержекъ, ведущихъ къ поддержанію тунеядства и нищеты. Присяжный демократъ думаетъ иначе: вступая въ законодательный корпусъ, онъ предвидитъ уже день, когда выйдетъ оттуда, и потому соображаетъ и разсчитываетъ, сколько можетъ зашибить денегъ за это время; если онъ и не ждетъ ничего отъ стараго правительства, которому оппозируетъ, то готовъ принять все отъ новаго; однимъ словомъ: присяжный руководствуется совершенно иными соображеніями. Онъ знаетъ, что милость вызываетъ соотвѣтственныя чувства: «дадимъ другимъ то же, что желаемъ получить сами», разсуждаетъ онъ и смиренно утверждаетъ бюджетъ. Статья пенсій, пособій, секретныхъ фондовъ и проч., невысказанная въ рабочей демократіи, неизбѣжна въ монархіи; и вотъ почему эта статья остается, после *liste civile*, самой безспорной и неотъемлемой.

3) Поговоримъ о войскѣ. Г. Тьеръ, такъ хорошо изучившій этотъ предметъ, полагаетъ, что армія въ шестьсотъ тысячъ человекъ на бумагѣ составляетъ не болѣе четырехъ сотъ тысячъ человекъ, и что для такой великой монархіи, какъ Франція, этого недостаточно. Менѣе воинственный г. Беррье, дѣлая надъ собою чрезвычайное усиліе, требуетъ сокращенія арміи на пятьдесятъ тысячъ человекъ, т. е. на 50 милліоновъ франковъ. Но вотъ г. Ж. Фавръ, котораго величаютъ республиканцемъ, съ разу требуетъ объявить три войны: одну за Данію, другую за Польшу и третью за Италію. Если бы политика г. Фавра увлекла Наполеона III, то четырехъ сотъ тысячъ солдатъ, по разсчету г. Тьера, было бы, разумѣется, мало; понадобилось бы не меньше пяти сотъ тысячъ; другими словами: пришлось бы увеличить бюджетъ еще, по крайней мѣрѣ, на 100 милліоновъ. Къ счастью, императорское правительство сохраняетъ въ настоящее время европейскій миръ; а то бы намъ не сдобровать!

На разность вычисленій и разсчетовъ обращать вниманія не слѣдуетъ: все это безукоризненно послѣдовательно. Системѣ домашней централизаціи извнѣ соотвѣтствуетъ политика вмѣшательства, преобладанія и славы: одно невысказано безъ другаго. Безъ постояннаго гарнизона въ двести пятьдесятъ тысячъ человекъ, французское единство разбилось бы въ дребезги; безъ наличной арміи въ 150 тысячъ человекъ, всегда готовыхъ выступить въ походъ, можетъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Быть никто не уважал бы насъ и даже могло бы случиться, что славнѣйшая и величайшая наша нація значила бы не больше какого нибудь Черногорья или Ионическихъ острововъ.

Что касается меня, то не навязывая никому своихъ убѣжденій и желая только подать другимъ примѣръ трудолюбія, бережливости, благосостоянія, свободы и нравственности, я объявляю, что рѣшительно не вижу смысла во всемъ солдатскомъ, военномъ сословіи и въ спутницѣ его – дипломатіи. Тѣ четыре или пять сотъ милліоновъ, которые мы ежегодно тратимъ на эти блага, на мой взглядъ совершенно пропація деньги. Съ какой же стати, послѣ этого, буду я обращать вниманіе, что депутатъ обсуждаетъ подробности и частности военныхъ смѣтъ, когда всѣ расходы на войско совершенно лишни.

Одинъ голландецъ спросилъ меня однажды: угадайте, какъ великъ гарнизонъ Роттердама, второго города въ Нидерландахъ, морского порта, въ которомъ снуетъ больше ста тысячъ смѣшаннаго, шумнаго, постоянно возбужденнаго народа? – Полкъ, отвѣчалъ я, надѣясь быть умѣреннымъ. – Все нѣтъ, отвѣчалъ голландецъ: есть только караулъ городской стражи, котораго совершенно достаточно для порядка. Голландскія войска служатъ только на Явѣ и Борнео, гдѣ приходится имѣть дѣло съ дикарями.

Здѣсь, кстати впрочемъ, я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Королевство Нидерландское сохранило федеральные нравы старыхъ Соединенныхъ Провинцій, въ чемъ и кроется причина превосходства его цивилизаціи. Бельгія, напротивъ того, заимствовала у насъ администрацію, военное устройство, конституціонную монархію, парламентаризмъ; буржуазія ея создалась по образцу нашей. Такъ называемая либеральная партія стала, подобно нашей, партіей реакціи, и всеобщую подачу голосовъ требуютъ... клерикалы!! Со времени своего отдѣленія отъ Голландіи, та самая Бельгія, которая должна была возвеличиться, – видимо клонится уже къ упадку. Неужели виной тому отдѣленіе? Нѣтъ, тутъ виновата государственная система. Долгъ Бельгіи около 700 милліоновъ. Отчего онъ явился? Онъ произошелъ, благодаря развитію централизаціи и военщины. Уничтожьте военщину и централизацію, и Бельгія не только перестанетъ должать, но даже сдѣлаетъ экономію. Къ сожалѣнію и здѣсь, въ Бельгіи, тоже зло порождаетъ тѣже бѣдствія; таже гнусная тактика внушаетъ тѣже идеи, которыя приведутъ, наконецъ, къ тѣмъ же гибельнымъ послѣдствіямъ, какъ и во Франціи. Въ Бельгіи существуетъ рабочая демократія, достойная вступить въ братскій союзъ съ демократіей французскою; можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, она и превосходитъ французскую. Поймутъ ли онъ, однако, другъ друга?

4) Флотъ. – Нашъ патріотизмъ оскорбляется превосходствомъ англійскаго флота передъ французскимъ и рѣшительнымъ преобладаніемъ на морѣ нашихъ соперниковъ. Г. Беррье сталъ въ послѣднее время оракуломъ этого патріотическаго чувства. Кто же виноватъ? Чтобы имѣть многочисленный и сильный флотъ, надо умѣть его поддерживать; но вотъ торговый трактатъ наноситъ ему жесточайшій ударъ (см. ниже, гл. IX), а почтенные члены демократической Оппозиціи всѣми силами защищаютъ этотъ трактатъ. Для насъ, правда, есть средство сравняться съ англичанами, средство экономичное, мирное и демократическое; средство состоитъ въ томъ, что намъ слѣдуетъ вступить въ союзъ съ такими сильными государствами, какъ Россія и Германія, которыхъ флоты, въ соединеніи съ нашими, возстановятъ равновѣсіе. Но Оппозиція постоянно требуетъ, чтобы мы объявили войну Россіи и Германіи на половинныхъ издержкахъ съ Англійей! Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи ни пополнять свои кадры помощью флота торговаго и рыболовнаго, ни находить сильныхъ союзниковъ, ни признавать преобладанія Англійи, императорскому правительству по неволѣ приходится требовать отъ народа громаднхъ средствъ на содержаніе флота. Г. Дюпюи де Ломъ, комиссаръ правительства, объяснилъ все это съ подавляющею логикой, опираясь на страшную массу цифръ. Какъ больно видѣть, сколько сокровищъ приносится въ жертву безсмысленной политикѣ, сколько великолѣпныхъ судовъ осуждается на безцѣльную перевозку солдатъ и пушекъ! Невольно сообразишь, что одной четверти всѣхъ этихъ расходовъ, т. е. 25 или 30 милліоновъ, ежегодно ассигнуемыхъ не на преміи судозавѣдыванья, а на поставку желѣза, дерева, мѣди и каменнаго угля, было бы совершенно достаточно, чтобы въ короткое время у насъ появился такой сильный, какъ по личному, такъ и по матеріальному составу, флотъ, какимъ гордятся Соединенные Штаты и Англія.

И почему наша Оппозиція косится на Россію и Германію? – потому что Россія, вмѣсто того, чтобы возстановить самовластье польской знати, рѣшилась, вслѣдъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org за освобожденіемъ и надѣломъ своихъ крестьянъ, надѣлитъ землю и крестьянъ польскихъ; еще потому что, съ присоединеніемъ Гольштиніи, союзная Германія стала морскою державой, отъ которой меркнетъ яркій блескъ Великобританіи и нашъ собственный. Но зачѣмъ же поддерживать политическое единство такую дорогою цѣною, если оно не даетъ намъ преобладанія на сушѣ и на морѣ? Люди труда, люди взаимности, управляя государственными дѣлами, радовались бы этому прогрессу земледѣльческихъ классовъ Россіи и Польши, равно какъ и развитію германской федераціи. – Но стоитъ ли безпрестанно повторять, что гг. члены Оппозиціи смотрятъ на вещи иначе. Эти люди – централизаторы, унитары, конституціонные буржуазы; они въ стачке со всѣми аристократіями Европы. Эти люди, принимая Наполеона I за образецъ, а Наполеона III за орудіе, играютъ роль: одни претендентовъ на президентство единой и нераздѣльной Республики, другіе – Монковъ.

Кто-то, кажется г. Тьеръ, сказалъ, что дѣятельность Франціи громадна, и что для поддержанія этой громадной дѣятельности требуется соотвѣтственное питаніе, т. е. сильное, предприимчивое правительство и большой бюджетъ.

Замѣтьте, читатель, что здѣсь идетъ рѣчь не о рабочей, земледѣльской и промышленной Франціи, которой я никогда не откажу въ необходимости широкаго развитія. Нѣтъ, здѣсь идетъ вопросъ о Франціи централизованной, управляемой, подавленной налогами, о той самой Франціи, которая то сражается, то дипломатничаетъ, то наконецъ, барышничаетъ на счетъ своего собственнаго богатства, или, желая удвоить его, проматывается на вздорныя предпріятія. Здѣсь говорится о Франціи производительной, всѣ инстинкты, потребности, чувства, понятія которой не имѣютъ ничего общаго съ остальною Франціей, и въ которой громадная дѣятельная сила то наводитъ страхъ на всю Европу, то изнуряетъ страну, то, наконецъ, совершенно замираетъ. И такъ, вотъ эту самую Францію желалъ бы я видѣть преобразованною такъ, чтобы одновременно создалась въ ней система политическихъ и экономическихъ гарантій, которая дала бы каждому изъ насъ, каждому изъ нашихъ городовъ, каждой провинціи и всей націи вчетверо болѣе той силы, какую совершенно напрасно отнимаетъ у насъ пагубная централизація. Слишкомъ хорошо я знаю, что далекъ еще тотъ день, когда подобныя желанія будутъ понятны даже тѣмъ, которые должны понимать ихъ и стремиться къ ихъ осуществленію. Предположите, что одинъ изъ насъ, социалистовъ, заявитъ подобное желаніе въ законодательномъ собраніи: всѣ товарищи такого депутата предадутъ его анафемъ, какъ чудовище; практическая демократія объявитъ его измѣнникомъ отечества, врагомъ національностей, агентомъ коалиціи; и если, послѣ такого скандала, онъ не поторопится убраться, то его не замедлятъ выводить.

5) Алжиръ. – Послѣ тридцати пяти лѣтъ нашего владѣнія Алжиромъ, надо было надѣяться, что тамъ будетъ до пятисотъ тысячъ европейскихъ семействъ; то есть, что тамъ накопится, по крайней мѣрѣ, два милліона жителей, французовъ и чужестранцевъ, большею частью земледѣльцевъ–собственниковъ. Населеніе это должно было бы составить, на всемъ протяженіи отъ Бона до Орана, приморскую федерацію такой же величины, какъ Швейцарія; она должна была бы управляться сама собой, имѣть свои провинціальныя сѣзды и общее собраніе, свой исполнительный совѣтъ, свое муниципальное управленіе; всѣ сношенія подобной федераціи съ метрополіей должны были бы ограничиваться торговыми и промышленными дѣлами и, только временно, командировкою военныхъ отрядовъ, постепенно сокращая ихъ численную силу. Притомъ, содержаніе этихъ отрядовъ должно было бы падать на счетъ Алжира, который распоряжался бы ими, какъ Карлъ X швейцарцами.

Исполнить этотъ планъ было очень легко. Земель, и превосходныхъ земель въ Алжирѣ довольно. Эти земли слѣдовало не продавать, а отдавать даромъ всѣмъ, желавшимъ селиться въ Африкѣ со своими семействами, съ цѣлью воздѣлывать почву своими собственными руками. Тѣмъ, которые не имѣли средствъ на колонизацію и первоначальное обзаведеніе, слѣдовало обезпечить бесплатный переѣздъ и снабдить на первый годъ сѣмями для посѣва, рабочимъ скотомъ, земледѣльческими орудіями и продовольствіемъ.

Слѣдовало бы также сократить на три года срокъ службы тѣмъ изъ солдатъ, которые соглашались переѣхать съ женами на житье въ колонію; эти переселенцы составили бы такимъ образомъ настоящіе кадры національной гвардіи и туземнаго регулярнаго войска. Для устройства этой африканской Франціи было бы достаточно и половины того, что Франція истратила въ Алжирѣ въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ.

Вотъ чего требовали дѣйствительныя нужды метрополіи и высшія экономическія

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
соображенія, независимо уже отъ расчетовъ государственнаго казначейства.

Въ 1830 г. земледѣльческое населеніе Франціи относилось къ остальному, почти какъ 24:8; т. е. изъ тридцати двухъ милліоновъ жителей было 24 милліона земледѣльцевъ. Это значить, что три четверти населенія Франціи занималось тогда преимущественно производствомъ предметовъ продовольствія; этимъ обусловливалось сравнительно высокое благосостояніе, о которомъ любають вспоминать теперь наши старики. Было въ ту пору меньше роскоши, за то больше довольства, и жилось гораздо легче и дешевле.

Съ 1830 г. отношеніе земледѣльческаго класса ко всему населенію сильно измѣнилось: число сельскихъ жителей не превышаетъ теперь двадцати четырехъ милліоновъ, а можетъ быть даже и не достигаетъ этой цифры, между тѣмъ какъ промышленное населеніе, вмѣстѣ съ чиновниками, солдатами, духовенствомъ и проч., возрасло болѣе чѣмъ на четыре милліона. Въ этомъ и заключается причина дороговизны. Съѣстные припасы должны были вздорожать:

1) вслѣдствіе того, что число желудковъ, которые нужно прокормить, увеличилось на 4 или 5 милліоновъ;

2) вслѣдствіе того, что оставшимся рабочимъ земледѣльческаго класса пришлось работать больше прежняго, а слѣдовательно и за высшую плату.

Чтобы поддержать statu quo пятнадцати лѣтъ Реставраціи, съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, при размноженіи классовъ промышленнаго, военнаго, чиновничьяго, артистовъ и проч. съ 8 милліоновъ до 12, сельское населеніе должно было бы размножиться съ 24 милліоновъ до 36, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая территорія Франціи увеличиться съ 52 милліоновъ гектаровъ до 72. Если бы даже мановеніемъ магическаго жезла Франція присоединила къ себѣ въ то время и Рейнскія провинціи, и Бельгію, и Голландію, то все эти страны, населенныя рабочимъ народомъ, почти умирающимъ съ голоду, разумѣется, не спасли бы ее отъ развитія нищеты. Противъ подобнаго зла нужно было придумать другое, болѣе верное средство.

Завоеваніе Алжира разрѣшало задачу народнаго пропитанія. Оно давало намъ землю, давало намъ средство кормиться и требовало отъ насъ только рабочихъ рукъ, которыхъ было у насъ вдоволь. Обеспечивая дешевизну сырыхъ продуктовъ, Алжиръ позволялъ намъ спокойно заниматься развитіемъ всѣхъ прочихъ отраслей промышленности и тѣмъ самымъ способствовалъ нашему обогащенію.

Но увы! – государственная система наша воспротивилась всему этому. Колонистамъ отказали въ землѣ; ее стали раздавать въ аренду разнымъ привилегированнымъ компаніямъ. Буржуазія вошла во вкусъ подобныхъ арендныхъ раздачъ, и правительство не нашло ничего лучше, какъ воскресить старый феодализмъ. Но раздавая земли, правительство должно было надѣлать новыхъ феодаловъ и рабами, которые работали бы безплатно: для достиженія этой цѣли у него не хватало, однако ни смѣлости, ни силы. Колонизація Алжира не удалась совершенно. И вотъ, съ отчаянія, правительство стало уже помышлять о томъ, чтобы обратить Алжиръ въ военную школу и марсово поле. Съ этой самой поры, централизація, отрицающая свободу, усиливается въ Алжирѣ преобладаніемъ военной власти, и трудъ рѣшительно убивается. И такъ, завоеваніе 1830 г. завоеваніе, купленное дорогою цѣною крови нашихъ согражданъ, завоеваніе, на которое возлагала столько надеждъ наша нація, стало уже невыносимымъ бременемъ для Франціи, даже по увѣренію ея государственныхъ людей. Мы опустошили Африку; выгнали бедуиновъ, турокъ, кабилевъ, и что же? – въ той самой странѣ, которая была золотымъ дномъ для римлянъ, не насчитывается и 150 тысячъ французовъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ! И здѣсь, въ Алжирѣ, точно такъ же, какъ и въ Канадѣ или въ Луизианѣ, Санъ-Доминго, Восточной Индіи, мы, французы, оказались неспособными владѣть землей и пользоваться ею.

Что же придумали, однако, наши депутаты Оппозиціи для оживленія и развитія страны, попавшей въ наши несчастныя руки? Они, эти умные депутаты рѣшили только... удвоить число алжирскихъ депутатовъ!.. Не будь мы сами свидѣтелями такого рѣшенія, никогда бы намъ не приснилось даже, что какая нибудь страна огласилась съ высоты трибуны подобною возмутительной нелѣпостью.

6) Каверзы Оппозиціи. – И такъ, Оппозиція, въ силу своего принципа, общаго у нея съ правительствомъ, осуждена вотировать бюджетъ цѣликомъ и, потому, можетъ вести съ властью только пустую игру на словахъ. Оппозиція порицаетъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org экспедицію, которая ей не нравится, и одобряет другую, предлог которой ни сколько не разумнее. Оппозиция критикует письмоводство, счетоводство правительства; она прибавляет, убавляет, выкраивает, урывает; она предлагает замысловатые поправки, задает вопросы тоном недоверия... Восемнадцать лет царствования Люи-Филиппа прошли в этой пошлой игре, которую теперь вздумали продолжать. Г. Вюитри, отвечая г. Тьеру от имени правительства, имел полное право сказать, что из бюджета в 2.300,000,000 франков г. Тьер не исключит и 10 миллионов. Стоит ли, после этого, называться членом Оппозиции! И какая заслуга забавлять, в течение полугода, все законодательное собрание безцельной болтовней?

Правительство захотело сделать заем в 300 миллионов фр. и тотчас же получило согласие. Кто решился бы помешать правительству исполнить свои обязательства, остановить работы, отнять хлеб у ста тысяч рабочих, стеснить действие власти? И вот, соглашаясь на заем, г. Тьер придумывает, однако, разные каверзы, которые до такой степени затрудняют всю операцию, что министерство не в состоянии выполнить ее, как следует, и может уронить себя в глазах народа. Коммисару правительства не трудно, разумеется, выставить на вид подобное обстоятельство. К чему же ведет, однако, парламентская ловкость г. Тьера? К чему вся эта тактика Оппозиции?! И мы пошлем своего депутата, от имени рабочего народа, играть с такими каверзниками и в такую шулерскую игру? никогда!

Передо мной лежит ряд поправок, предложенных гг. депутатами демократической Оппозиции.

В числе этих бессмысленных поправок находится и следующая:

«Ассигновать: 1) 50,000 франков на изучение (!) проекта закона о начальном, бесплатном и обязательном для всех образовании; 2) 200,000 франков на пособие отставным учителям, и 3) шесть миллионов фр. на устройство женских школ».

Вот уловка, которая употребляется для заявления принципа бесплатного и обязательного образования и, притом, с целью приобрести популярность! Но даровым, бесплатным называется только то, что никому ничего не стоит... и что же? – наши превосходные депутаты требуют на одно лишь начальное образование миллионы и сотни тысяч франков! И так ясно, что эту сумму заплатят плательщики податей. Мало того: доказано уже, что всякая подать ложится на каждое семейство в обратном отношении к его средствам, то есть взимается с рабочих бедняков, а не с богачей, и потому, в конце концов, всегда и за все неизбежно платит один только народ. Теперь спрашивается: может ли народ платить больше того, сколько он уже платит? – получить ли он, взамен всех своих жертвований, это желанное образование? – могут ли дать его? – и будет ли оно, наконец, на чтонибудь пригодно?... Обо всем этом мы поговорим в одной из следующих глав.

Чудная система всевозможных сборов, поборов и бесчисленных статей налогов, о которых разсуждали и спорили с правительством все наши оппозиции, в течение семидесяти пяти лет, – ничто иное, как подкладка политической системы, которую, между прочим, воплощает и настоящая империя. Кто вотирует бюджет, тот непременно защищает подобную систему, кто утверждает его, тот значит, в то же самое время, предполагает и ее. Споры, более или менее горячие, какие ведет Оппозиция с министерством, ведутся только для очистки буржуазной совести, которая требует, чтобы бюджет проверялся, обсуждался и утверждался; на самом же деле, все эти споры совершенно бесполезны, потому что не касаются вовсе принципов, а возвращаются только на вздорных мелочах и подробностях. Такая забава была причиной падений разных министерств, порядков и династий; при всякой перемене обстоятельств, новое правительство изменяло так или иначе свой политический тон, свою министерскую тактику, а бюджеты по прежнему росли, да росли. Соглашаясь на общий итог налогов, правительство и партии, министерство и оппозиция спорят только о том, как назвать ту или другую статью бюджета и под каким благовидным предлогом утвердить ее. Но этот самый общий итог налогов и отвергается рабочей демократией потому именно, что она отвергает всю систему централизации. С какой же стати избирать нам представителей для поддержания подобной системы?!

7) Окончательная ликвидация. – Европа монархическая, аристократическая, буржуазная, епископская и папская, короче – Европа консерваторская

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
подавлена такимъ долгомъ, который превышаетъ сумму шестидесяти миллиардовъ!

Этотъ долгъ накопился, большею частью, со времени французской Революціи, съ 1789 года. Съ этой поры онъ не переставалъ возрастать и растетъ теперь безостановочно. Такимъ образомъ, долгъ Франціи, сокращенный, послѣ ликвидаціи Рамеля въ 1798 году, до 40 милліоновъ процентовъ, то есть, считая по 5%, на сумму 800 милліоновъ, увеличился уже въ 1814 г. до 63,507,637 франковъ пятипроцентной ренты, а въ 1857 году возвысился до 511,525,062 фр. годовой уплаты процентовъ.

Въ настоящее время достоверно извѣстно, что долгъ Франціи превышаетъ десять милліардовъ или 10,000,000,000!

Гдѣ кроется причина, постоянная и неизбѣжная причина всѣхъ государственныхъ долговъ? На этотъ вопросъ я отвѣчалъ уже въ началѣ настоящей главы: причина кроется въ томъ безобразномъ порядкѣ политической централизаціи, который побуждаетъ государство безпрестанно увеличивать свои расходы, какъ домашніе, такъ и заграничные. Съ 1798 по 1814 г., во все время Консульства и первой Имперіи, возрастаніе долговъ было относительно слабо, потому что значительная часть чрезвычайныхъ расходовъ покрывалась контрибуціями, которыя налагалъ императоръ на побѣжденныхъ чужеземцевъ. Но въ 1815 г. они взяли перевѣсъ, и Франція, пострадавшая отъ нашествія, была осуждена, въ свою очередь, на уплату милліарда контрибуціи; такимъ образомъ оказывается, что на первую имперію падаетъ часть настоящаго долга Франціи. Не прошло еще и пяти лѣтъ, какъ фантазія единства успѣла уже подорвать финансы Италіи и породила въ ней такой ужасающій дефицитъ, который, по всѣмъ вычисленіямъ, выражается долгомъ въ пять милліардовъ! Та же самая бѣшеная страсть къ единству, которая разорила Италію, стоила громадныхъ издержекъ американской республикѣ: по расчету нѣкоторыхъ финансистовъ, одни только Сѣверные Штаты задолжались на сумму 16 милліардовъ; если къ этой суммѣ прибавить еще долгъ Юга, то въ итогъ окажется, что весь долгъ Американскихъ Штатовъ, вѣроятно, не меньше 20 милліардовъ.

Система династическая и буржуазная, которая создала въ главныхъ центрахъ цивилизаціи такую страшную пропасть долговъ, та система, которая тщеславно величаетъ себя названіемъ партіи «охранительной и экономной», можетъ ли она или надѣется ли, по крайней мѣрѣ, уплатить когда нибудь свои долги? И какъ рассчитываетъ она управиться съ этимъ дѣломъ?

Отвѣчать на подобный вопросъ легкомысленно не приходится.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ мірѣ консерваторовъ, въ мірѣ династическо-буржуазномъ, который гордится своимъ девизомъ «Порядокъ и Свобода», укоренилось убѣжденіе, будто ни одно великое государство не можетъ существовать безъ долговъ болѣе или менѣе значительныхъ. Это мнѣніе кажется, на первый взглядъ, до такой степени нелѣпымъ и противнымъ основнымъ правиламъ экономіи, что большинство экономистовъ указываетъ на него съ крайнимъ сожалѣніемъ. Но вглядываясь въ него поближе, скоро замѣчаешь, однако, что оно вовсе не такъ нелѣпо, какъ думается сначала. Дѣло въ томъ, что всякій государственный долгъ, постоянный или текущій, въ такихъ государствахъ, какъ Франція, Англія, единая Италія, Австрія и т. д. – ничто иное, какъ привязь, которая заставляеть лихоимца, получающаго доходы, держаться за бюджетъ; говоря другими словами: государственный долгъ ничто иное, какъ союзъ или, вѣрнѣе, стачка консерваторовъ съ правительствомъ; вотъ почему они такъ и дорожатъ его участіемъ. Кому не случалось слышать сужденія, что государство, обремененное долгомъ въ десять милліардовъ и дающее поживу милліону кредиторовъ, избавлено отъ всякой опасности?! Такова была политика Цезаря: чѣмъ больше дѣлалъ онъ долговъ, тѣмъ значительнѣе становилось число его приверженцевъ.

Мнѣ не замедлятъ, конечно, возразить, что кредиторы государства только получаютъ законный процентъ со своихъ капиталовъ и потому вовсе не похожи на барышниковъ, монополистовъ или взяточниковъ. На подобное возраженіе я даю такой отвѣтъ: государственные займы вообще заключаются на лихвенные проценты, по 6, 7, 8 и даже по 10 на 100. Мало того: при законномъ процентѣ 5 на 100, капиталы буржуазовъ, отданные въ займы правительству, все-таки приносятъ барыша вдвое больше, чѣмъ земля даетъ дохода; въ этомъ обстоятельстве и кроется главная причина непомернаго возвышенія процентовъ за ссуду денегъ, возвышенія, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ страшное вздорожаніе цѣнъ на квартиры и на всѣ товары вообще, что разоряетъ, разумѣется, массу народа и обогащаетъ однихъ ростовщиковъ.

И такъ, отсюда ясно видно, что политика консерваторовъ, поддерживаясь долгами, конечно, не заботится погашать ихъ. Унитарная система нуждается въ долгахъ.

– Однако, скажутъ мнѣ, не могутъ же долги возрасть безконечно? Если уже сумма ежегодныхъ процентовъ въ 500 миллионѣвъ стала теперь для насъ тяжелымъ бременемъ, то намъ не будетъ никакой возможности взять на себя уплату миллиарда процентовъ...

Тутъ именно и слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ той финансовой системѣ, какая господствуетъ въ каждомъ правительствѣ, основанномъ на централизаціи и единствѣ.

Нѣтъ сомнѣній, что кредиторы государства понимаютъ очень хорошо, что государственные долги не могутъ увеличиваться безъ конца: рано или поздно, путемъ долговъ всегда доходятъ до банкротства. Кредиторы соображаютъ это; но чего имъ опасаться? Подписавшись на разные займы, изъ которыхъ послѣдовательно образовался долгъ государства, развѣ они, кредиторы, не помышляли своихъ капиталовъ на такіе проценты, которые вдвое, втрое, а иногда и вчетверо выше обыкновенныхъ доходовъ съ земли? Развѣ они, публичные лихоимцы, не получали этихъ процентовъ въ теченіе пятидесяти, семидесяти пяти, ста и ста пятидесяти лѣтъ? Развѣ они не успѣли вернуть своихъ денегъ десять или двадцать разъ? Развѣ, при этомъ, они не умножили своихъ барышей ажіотажемъ и биржевой игрою? Развѣ, наконецъ, имъ неизвѣстно, что, даже въ случаѣ государственнаго банкротства, они потеряютъ не все, потому что сокращеніе долговъ будетъ не общее, и такимъ образомъ, послѣ ликвидаціи, положеніе ихъ станетъ еще сравнительно гораздо лучше прежняго?!

И такъ, на сколько централизація и политика ея запутывается въ долгахъ, на столько не боится она пострадать отъ банкротства.

«Исторія представляетъ множество примѣровъ частныхъ банкротствъ. Не говоря уже о поддѣлкѣ монетъ при Филиппѣ Красивомъ, мы находимъ въ позднѣйшія времена слѣдующіе факты:

«Царствованіе Генриха IV. – Сюлли понижаетъ проценты, которые уплачивались кредиторамъ при прежнихъ короляхъ.

«Царствованіе Людовика XIV. – Въ управленіе Демаре прекращается уплата капитала и процентовъ множества займовъ, а именно вкладовъ заемной кассы.

«Царствованіе Людовика XV. – Послѣ взрыва банка Ло, произвольно сокращается сумма государственнаго долга. Вскорѣ за тѣмъ, аббатъ Терре отказываетъ въ уплатѣ значительнаго числа долговыхъ обязательствъ государственнаго казначейства.

«Французская революція. – Кредитные билеты и ассигнаціи, выпущенные во время Революціи, падаютъ въ цѣнѣ. – Въ 1798 г. министръ Рамель сокращаетъ государственные долги на двѣ трети ихъ суммы.

«Временное правительство. – Въ 1848 г. правительство республики, получивъ въ наслѣдство огромный дефицитъ, оставленный орлеанскою монархіей, предлагаетъ вкладчикамъ сберегательныхъ кассъ и кредиторамъ казначейства, взаменъ настоящихъ денегъ, новые процентные билеты. Это была просто правительственная сдѣлка; при этомъ люди даже очень почтенные совѣтовали правительству объявить себя банкротомъ на-чисто.» (См. Руководство биржевого спекулятора. «Manuel du spéculateur à la bourse.» 1857).

И вотъ теперь, послѣ всего, что такъ часто повторялось въ нашей исторіи, развѣ намъ не придется испытать, рано или поздно, старыхъ бѣдствій, старыхъ золь? И вотъ теперь, предвидя этотъ роковой часъ расплаты, я спрашиваю: развѣ удастся рабочимъ классамъ обезпечить свою будущность и поддержать свои интересы, если станутъ ихъ подстрекать на выборы, которые могутъ, въ концѣ концовъ, сдѣлать народъ сообщникомъ ненавистнаго для него экономическаго порядка, отъ котораго онъ такъ страдаетъ?

ГЛАВА VI.

Свобода печати. – Право сходовъ и ассоціацій: ихъ несовмѣстность съ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
системою централизаціи.

Свобода слова и печати; свобода ассоциаций и сходокъ: вотъ еще предметы, о которыхъ любить распространяться конституціонная Оппозиція, гоняясь за славой и популярностью и нанося большой вредъ правительству, которое не знаетъ, что отвѣчать, и конституціи, которая попадаетъ въ просакъ, и самой странѣ, которая терпитъ злоупотребленія своихъ повѣренныхъ, либераловъ Оппозиціи. По истинѣ, эти люди, какъ видно, очень мало размышляли о событіяхъ послѣднихъ семидесяти пяти лѣтъ нашей исторіи, если они рѣшаются толковать еще о свободѣ, которая отрицаетъ ихъ политику! Или они убѣждены, въ самомъ дѣлѣ, что имъ приходится краснобайничать передъ публикой глупцовъ!

Какъ! – со времени изобрѣтенія Гуттенберга, съ 1438 г. до французской Революціи, печать считалась дьявольскимъ навожденіемъ и возбуждала противъ себя ненависть не только со стороны Инквизиціи, которая стала теперь почти безопасна, но со стороны всѣхъ правительствъ, всѣхъ партій, всѣхъ сектъ, всѣхъ буржуазовъ и дворянъ. Какъ! со времени французской Революціи и до настоящей минуты, печать преслѣдовалась во Франціи всѣми правительствами, не взирая на принципы 89 года и на всѣ обѣщанія даровать ей свободу. – И что же? До сихъ поръ находятся еще люди, которые не знаютъ и даже не догадываются, что подобное единодушное и ожесточенное гоненіе на печать вызывается не личною прихотью государственныхъ людей, а фатализмомъ извѣстнаго порядка вещей!

Конвентъ обуздаль (a terrorisé) прессу. Директорія, въ свою очередь, должна была, для своей защиты, неустанно преслѣдовать журналистику и клубы. Консульство покончило съ ними однимъ ударомъ: на всѣхъ журналистовъ были надѣты намордники. Реставрація завела противъ печати цѣлый арсеналь законовъ. Іюльская монархія разгромила ее сентябрьскими уставами, на которые стала опираться потомъ и февральская Республика, четыре мѣсяца спустя послѣ своего появленія. Правительство 2-го декабря, наконецъ, увидѣло себя въ безопасности только послѣ изданія указа 17-го февраля 1852 года.

Право сходокъ и ассоциаций имѣло такую же печальную участь, какъ и свобода печати. Вписавъ это право въ число принциповъ 89 года, всѣ полицейскія власти постоянно только о томъ и хлопотали, чтобы ограничить его разными правилами, уставами или, наконецъ, даже вовсе исключить. Во всемъ, что касается права собираться, составлять общества и вообще всякіе кружки, все равно какъ и выражать мысль словомъ или печатью, – во всемъ этомъ наше законодательство представляетъ, въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ, огромный сводъ самыхъ возмутительныхъ, насильственныхъ мѣръ, которыми дѣйствовали послѣдовательно другъ противъ друга всѣ партіи, вышедшія изъ Революціи, всѣ партіи либеральныя и консервативныя, республиканскія и монархическія. Никогда, положительно никогда настоящая свобода не признавалась конституціонною и законною: всегда она была призракомъ, пустой мечтою.

И что же? При такомъ непрерывномъ повтореніи всякихъ карательныхъ, предупредительныхъ, запретительныхъ, короче – насильственныхъ дѣйствій, до сихъ поръ еще видятъ во всемъ этомъ одно лишь ослѣпленіе, одну лишь врожденную безсовѣстность того анонимнаго существа, которое называется «Правительствомъ!» Во всемъ этомъ обвиняютъ только государей и министровъ, только ихъ однихъ, какъ будто партіи, кружки, директоріи, республики демократическія и буржуазныя вели себя гораздо лучше и были сноснѣе разныхъ императоровъ и королей! Прошло слышкомъ четыре вѣка явной несомѣстности политической и религіозной власти съ печатнымъ словомъ; прошли семьдесятъ пять лѣтъ революціоннаго противорѣчія, и что же? – Тѣ самые представители народа, тѣ самые ученые, философы, законовѣды, которые обязаны просвѣщать публику, доходя до причинъ зла и обнаруживая борьбу идей, повторяютъ, какъ попугаи, всѣ общія, нелѣпыя, избитыя фразы, какія только извергались продажными журналистами, клеветникамъ и демагогами, безстыжими адвокатами, пошлыми педантами и сотню разъ уже ставились ни во что политическими дѣятелями всѣхъ партій и школъ! До чего же мы дошли, въ самомъ дѣлѣ, и какую пользу извлекаемъ изъ всей нашей опытности? Говорятъ о падшей византійской имперіи, которая на французскомъ языкѣ называется «bas-empire», то есть подлая имперія, и намекаютъ на нашу: мнѣ думается, право, что слѣдуетъ сказать – подлая демократія, подлая буржуазія, подлая журналистика. Кто избавить насъ отъ подобной кучи мерзостей? Когда изгонится у насъ это гнусное и безчестное словоизверженіе, эта зараза трибуны, эта язва печатнаго слова и свободной мысли?

И какъ легко, однако, понять и выставить на видъ явную, осязательную истину

французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org объ отношеніяхъ власти и печати!... Правда, что сама власть, которая глубоко чувствуетъ эту истину, не осмѣлится сказать о томъ ни слова, потому что опасается, чтобы публика, понявъ въ чемъ дѣло, не рѣшилась бы, наконецъ, поступить съ правительствомъ точно такъ же, какъ оно поступаетъ со своимъ врагомъ, то есть съ печатью. Вотъ почему правительство предпочитаетъ лавировать на просторѣ, отдѣлываться загадочными объясненіями, обвинять дерзость партій и утверждать, будто оно не посягаетъ ни на свободу, ни на знаніе, ни на права народа, а только преслѣдуетъ злоупотребленіе, ложь, клевету, оскорбленіе религіи и нравовъ. Вотъ почему правительство заботливо зажимаетъ ротъ писателямъ, которыхъ не можетъ подкупить, и, подъ видомъ умѣренности и безпристрастія, стремится управлять идеями, запугивая умы.

Что же касается тѣхъ, ремесло которыхъ, возведенное почти на степень конституціонной привилегіи, состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчить всему, что ни скажетъ правительство, позорить все, что оно ни сдѣлаетъ, – эти люди также не осмѣлятся обнаружить сущность дѣла: что станется тогда съ ихъ расчетами и замыслами честолубія? Вѣдь они хотятъ захватить, въ свою очередь, правительственную власть, не измѣняя, разумѣется, самой системы; а пока еще не добились этой цѣли, они преслѣдуютъ министровъ, побуждаютъ ихъ прибегать къ насилію и, притворяясь либералами, гонятся за популярностью. Они взываютъ къ священнымъ принципамъ 89 года, ратуютъ за неотчуждаемые права человеческой мысли, возбуждаютъ ненависть къ насилію, презрѣніе и смѣхъ ко всякому полицейскому запрещенію и приписываютъ грубому произволу власти, ея нелѣпымъ правиламъ и гнусной политикѣ тотъ страхъ, который наводитъ на нее общественное мнѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ту войну, которую она ведетъ съ печатью и разными ассоціациями и собраніями мирныхъ гражданъ. И все это выставляютъ они на видъ обществу, пока не распорядятся сами его дѣлами; но лишь только власть достанется имъ въ руки, они станутъ громко говорить о своей благонамѣренности, не замедлятъ отыскать крамольниковъ и заговорщиковъ и свалить на нихъ всю вину свою, желая оправдать тѣ насильственные мѣры, которыя принимаютъ будто бы во имя спасенія высшихъ государственныхъ интересовъ! Начиная съ 89 года, на нашихъ глазахъ не перестаетъ разыгрываться эта балаганная комедія, въ которой полицейскій всегда побивается, а шутъ прославляется.

Желаешь ли, читатель, узнать, наконецъ, ту позорно-скрытую правду объ отношеніяхъ власти къ печати, ту правду, которую всѣ чувствуютъ въ глубинѣ своей души, а никто не рѣшается высказать? Припомни, о чемъ я говорилъ и на что указывалъ, разсматривая вообще образъ дѣйствій правительства, оппозиціи и прессы, и ты угадаешь самъ эту правду. Дѣло въ томъ, что система государственной централизаціи, какую мы завели у себя, какую имѣли призваніе развивать и поддерживать всѣ наши правительства и какую утверждаетъ теперь наша Оппозиція, существенно и радикально несовмѣстна съ тѣми правами, какія обѣщала намъ Революція, т. е. несовмѣстна ни съ правомъ свободы, ни съ правомъ на трудъ и пособіе, ни съ правомъ на образованіе и занятіе, ни съ правомъ сходокъ и ассоціаций, а тѣмъ болѣе ни съ правомъ выражать мнѣнія и убѣжденія путемъ печати.

Дѣло въ томъ, говорю я, что во Франціи заявляется роковая несовмѣстность системы централизаціи съ печатнымъ словомъ:

Во первыхъ, со стороны власти, потому что на перекоръ принципамъ, дающимъ народу самодержавіе, на самомъ дѣлѣ царствуетъ одно правительство, которое не только дѣйствуетъ самовольно, но и заставляетъ признавать себя за настоящаго самодержца. Придавая себѣ это верховное значеніе, правительство смотритъ, разумѣется, съ негодованіемъ на всякое обсужденіе, на всякую повѣрку, оцѣнку и критику своихъ дѣйствій; ко всему этому питаетъ оно тѣмъ болѣе отвращенія, чѣмъ выше считаетъ свое положеніе, чѣмъ болѣе усложняетъ свои отношенія къ обществу и, наконецъ, чѣмъ обширнѣе и хищнѣе его власть, которая дѣлается предметомъ зависти и гнѣва.

Во вторыхъ, со стороны прессы, потому что при той политико-экономической системѣ, анархической и, вмѣстѣ съ тѣмъ, монопольной, какой она слѣдуетъ и какая служитъ подспорьемъ правительству, при такой системѣ, разумѣется, пресса является неизбѣжно, за весьма рѣдкими исключеніями, недобросовѣстною, оскорбительною, продажною, пристрастною, падкою на клевету и тѣмъ болѣе готовою преслѣдовать правительство, что, даже не взирая на ложь, она находитъ въ томъ прямую выгоду и пріобрѣтаетъ расположеніе публики. При такомъ образѣ дѣйствій, пресса стремится, конечно, къ той же самой цѣли, какъ и Оппозиція; а цѣль эта, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы захватить правительственную власть въ свои руки.

И такъ, состояніе и образъ дѣйствій журналистики явно обнаруживаютъ совершенную ея несомвѣстность и неизбѣжную вражду съ правительствомъ, которое, при своемъ несообразномъ значеніи, какъ будто нарочно стало приманкою для всевозможнаго сорта честолюбцевъ.

Мнѣ слѣдуетъ представить въ особенно яркомъ свѣтъ эту по-истинѣ странную сторону нашей политической системы.

Замѣйте, прежде всего, что правительство, благодаря своему необузданному вмѣшательству въ дѣла общества и своей возмутительной централизаціи, устроилось такъ, что возбуждаетъ противъ себя самую яркую зависть и досаду. Между тѣмъ, какъ одни желаютъ уничтожить его, – другіе помышляютъ только о томъ, чтобы овладѣть имъ. Повторяю еще разъ и не перестану повторять: такое положеніе неизбѣжно: 1) вслѣдствіе государственной централизаціи, которая даетъ правительственной власти всеподавляющее значеніе; 2) вслѣдствіе того, что каждый гражданинъ имѣетъ право выражать свое мнѣніе о политикѣ министровъ и, наконецъ, 3) вслѣдствіе того, что противъ деспотизма правительства придумана только систематическая борьба парламентскихъ либераловъ съ консерваторами.

Обратите, за тѣмъ, свое вниманіе на то, что правительство стоитъ одно противъ всѣхъ и для самозащиты должно поневолю опираться на большинство, потому что безъ него оно безсильно. Какъ ни громадны наличныя силы правительства, ему все-таки нельзя удержаться при напорѣ народной массы; но по необходимости вещей, народъ постоянно и все болѣе и болѣе негодуетъ на правительство и стремится отдѣлаться отъ него; поэтому, рано или поздно, наступаетъ всегда желанная пора, когда народъ подавляетъ всякое возстаніе и сопротивленіе своего правительства. Не забудьте еще, что такую неизбежную развязку готовятъ и ускоряютъ постоянныя промахи, безразсудныя меры и дерзкія выходки государственныхъ людей, стоящихъ въ главѣ правительства.

Сообразите теперь, что правительство не терпитъ никакой критики, никакого контроля надъ собою, не терпитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе его власть и многочисленнѣе его составъ. Кто пользуется властью, тотъ стремится стать неприкосновеннымъ. Хартія 1814 г. поставила въ такое положеніе даже депутатовъ, явныхъ противниковъ государя.

Такимъ образомъ, на сторонѣ главы государства стоятъ: государственная администрація, государственная юстиція, государственная армія, государственный флотъ, государственныя промышленности, университеты и т. д. Весь наличный составъ этихъ учрежденій, подражая государю, придаетъ себѣ значеніе государственной власти и не желаетъ вовсе считать себя шайкою наемниковъ, которыхъ вербуетъ промышленникъ за извѣстную плату. Этотъ міръ чиновниковъ проникнутъ сознаніемъ власти, величія и неприкосновенности. Судья несмѣняемъ и почти священъ на своемъ судейскомъ креслѣ; сыщикъ и жандармъ могутъ доносить правительству что угодно: имъ вѣрятъ на слово; за оскорбленіе личности чиновника наказываютъ иначе, чѣмъ за оскорбленіе чести простого гражданина.

Весь этотъ правительственный міръ, на зло нашей конституціонной метафизикѣ, представляетъ на самомъ дѣлѣ настоящій организмъ, одушевленный однимъ разумомъ и одною волею. Трудно, почти невозможно объять взоромъ его огромное тѣло и слѣдить за всѣми его движеніями. Да, малѣйшее нападеніе на систему правительства, или на его представителей кажется государственнымъ преступленіемъ! Подумайте теперь сами, что можетъ значить для правительства сужденіе частнаго гражданина, который рѣшается судить о дѣлахъ государства по своему здравому смыслу!... Всякая власть, будто отецъ посреди своего многочисленнаго семейства, не любитъ выслушивать никакихъ замчаній, даже благонамѣренныхъ; что же будетъ, если во всякомъ замчаніи она станетъ видѣть оскорбленіе? Что же будетъ, я повторяю, если власть заранѣе убѣждена, что всѣ нападки на нее ведутъ къ тому, чтобы смѣнить ее? При одной этой мысли, власть уже трепещетъ и готова подняться во всеоружіи, чтобы предупредить всякую попытку нападенія: чѣмъ живѣе стануть ее преслѣдовать противныя партіи, тѣмъ сильнѣе и отчаяннѣе будетъ защищаться армія правительства, чтобы удержать свое положеніе. И въ этой борьбѣ, если только большинство, по крайней мерѣ парламентское, приметъ сторону власти, то дѣло разрѣшится, смотря по обстоятельствамъ, или изданіемъ Сентябрскихъ законовъ, или указомъ 17 февраля 1852 г. Начнется судебная расправа, и правительство избавится на время отъ своихъ непримиримыхъ враговъ осужденіемъ ихъ, заточеніемъ, ссылкой, штрафами и закрытіемъ типографій. Въ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
противномъ случаѣ, если власть почувствуетъ, что общество готово отъ нея отложиться, то поневолю умѣрять свой деспотизмъ.

И такъ, правительство не можетъ выносить безъ страстно свободы сужденій. Мало того: явная вражда его съ печатью усиливается еще тѣмъ, что сама журналистика отличается безсмыслиемъ, безнравственностью и безсовѣстностью; въ характерѣ ея лежатъ шарлатанство, продажность и привычка клеветать.

Настоящая причина разврата печатнаго слова, разврата, который дошелъ въ послѣднее время до такой степени, что отъ него страдаетъ уже все общество, заключается въ анархическомъ состояніи книгопечатанія вообще. Законъ вздумалъ возложить отвѣтственность на типографщиковъ и сдѣлалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ цензоровъ. Понятно, что они не могутъ заниматься разборомъ сочиненій, которыя отдаются имъ для набора, и потому все дѣло ихъ ограничивается тѣмъ, чтобы исполнять заказы. Типографщикъ не знаетъ содержанія рукописей, которыя у него печатаются; это совершенно въ порядкѣ вещей и согласно съ истинными принципами общественной экономіи и права. Кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда типографщикъ видитъ, что у него хотятъ отпечатать возмутительную прокламацію, пасквиль или книгу неприличнаго содержанія, – на все остальное онъ машетъ рукой и предоставляетъ уже самимъ издателямъ отвѣчать за свои произведенія.

Находясь въ такомъ состояніи, печатное слово служитъ выраженіемъ вопіющихъ гадостей. Въ наше время научились извлекать изъ печати все, что угодно, и обратили ее въ помойную яму лжи, извратившей общественный разумъ. По всѣмъ вопросамъ, пресса оказалась развращенною и продажною. Она возвела въ ремесло свое и привычку страсть болтать обо всемъ и за, и противъ, защищать или преслѣдовать всякое мнѣніе, утверждать или отрицать всякое извѣстіе, восхвалять или опозоривать за деньги любую идею, любое открытіе или произведеніе, любой товаръ и любое предпріятіе. Биржа и банкъ, акціонерное общество и лавка, литература и промышленность, театръ и искусство, церковь и образованіе, политика и война, – короче, все стало для журналистики и прессы вообще предметомъ эксплуатаціи, средствомъ агитаціи, сплетень и интригъ. Ни судебная палата, ни парламентская трибуна не спаслись отъ ея лжи и навѣтовъ: то она оправдываетъ виновнаго, то осуждаетъ невиннаго. Важнѣйшіе вопросы политики стали въ рукахъ ея просто денежными спекуляціями: вопросъ Восточный запроданъ; вопросъ Италіанскій запроданъ; вопросъ Польскій запроданъ; вопросъ Сѣверо-Американскій запроданъ! Я не говорю, конечно, что въ журналистикѣ никогда не блеснетъ лучъ свѣта; случается по временамъ, что она скажетъ правдивое слово или неумышленно, или съ расчетомъ или, наконецъ, съ намѣреніемъ показать свое безпристрастіе, чтобы върнѣ обмануть публику въ другое время, когда представится болѣе выгодный случай.

Какое правительство способно уважать подобную прессу? Благодаря ей, публика отравлена ложными идеями и коснѣетъ въ предрасудкахъ; благодаря ей, всѣ интересы страдаютъ, спокойствіе Европы поминутно возмущается, толпа людей находитъ въ постоянной тревогѣ и правительстве, наконецъ, унижается и позорится въ общественномъ мнѣніи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заслуживаетъ снисхожденіе. Власть обвиняется въ насиліи, въ жестокомъ обращеніи съ печатью! Но взгляните: что случилось съ печатнымъ словомъ, какъ оно опошлилось, развратилось, и вы тогда скажете, что власть обходится съ нимъ даже милостиво. Тысяча лѣтъ тюремнаго заключенія и сто милліоновъ штрафа не искупаютъ всѣхъ преступленій печати только по 2-го декабря 1851 г.

Нѣтъ никакихъ средствъ удержать разлива печатной лжи. Всѣ полицейскія мѣропріятія не ведутъ ни къ чему путному. Пресса – промышленность свободная по праву, и правительство не должно въ нее мѣшаться. Законы, опредѣляющіе обязанности типографщика и книгопродавца, – законы совершенно исключительные, неумѣстные и противные праву гражданъ, которые должны сами управлять экономическими дѣлами; мало того: подобные законы противорѣчатъ высшему конституціонному принципу, въ силу котораго нація должна имѣть самый неограниченный контроль надъ правительствомъ. Въ теченіе всего царствованія Людовика-Филиппа и во времена Республики, журналы пользовались полнымъ правомъ отдавать отчетъ и обсуждать по-своему парламентскія пренія; до чего дошло тогда искусство извращенія и клеветы – извѣстно каждому, кто читалъ журналы и газеты. Императорское правительство захотѣло положить конецъ подобной недобросовѣстности; средство было найдти легко: стоило только заставить молчать журналистику или обязать ее просто перепечатывать отчеты *Moniteur'a*. Но возвести въ принципъ такое правило было, разумѣется, не совсѣмъ благоразумно. Вотъ почему, когда Оппозиція стала отстаивать

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org свободу печати и защищать интересы журналистов, – правительство рѣшилось на уступку и дозволило помѣщать въ газетахъ отчеты о парламентскихъ преніяхъ. Но эта уступка оказалась просто хитрою сдѣлкой, противною гражданскому праву и началамъ конституціи, потому что журналистикѣ все-таки не позволено составлять собственныхъ отчетовъ, а только перепечатывать въ сокращенномъ видѣ тѣ, которые стенографируются во время засѣданія законодательнаго собранія и утверждаются его президентомъ.

Не только власть, но и сама конкуренція безсильна обуздать печать, которая рѣшительно не можетъ служить противоядіемъ самой себѣ. По необходимости вещей, пресса, особенно же пресса періодическая стала въ такое положеніе, что сама для себя ограничиваетъ и уничтожаетъ конкуренцію. Не говоря уже ни о патентахъ, которыми сокращается число типографій, ни объ указѣ 1852 года, которымъ допускается только небольшое количество журналовъ и газетъ, – очевидно, что вообще можетъ существовать весьма ограниченное число повременныхъ изданій съ разнымъ направленіемъ, то есть журналовъ и газетъ офиціозныхъ, независимыхъ, монархическихъ, демократическихъ, католическихъ, еврейскихъ, протестантскихъ, финансовыхъ, торговыхъ, судебныхъ, наконецъ, – сборниковъ, обзорнѣй и т. п. Забудьте, при этомъ, что всѣ самостоятельныя періодическія изданія враждуютъ съ правительствомъ: какую же пользу принесетъ ему ихъ соперничество? Или, можетъ быть, вздумаетъ оно завести для себя новые органы, которые служили бы его интересамъ, на образецъ заведенной уже вечерней газеты «*Moniteur du soir*»? При иной системѣ правленія, когда публикація правительственныхъ распоряженій, офиціальныхъ извѣстій, объявленій, рыночныхъ и биржевыхъ цѣнъ, академическихъ и судебныхъ отчетовъ и т. д. считалась бы дѣломъ общественной пользы, тогда, безъ сомнѣнія, правительство имѣло бы полное право заводить свои изданія и даже раздавать ихъ бесплатно. Но при настоящемъ порядкѣ правленія, всякое изданіе такого рода признается посягательствомъ государства на права свободной промышленности. Вотъ почему, когда г. Геру, говоря въ Палатѣ отъ имени всѣхъ журналистовъ, выразилъ свое неудовольствіе по поводу особенной льготы, данной *Moniteur*'у и сталъ самыми жалкими доводами поддерживать самое жалкое дѣло, то комиссаръ правительства ограничилъ свой отвѣтъ скромнымъ объясненіемъ, будто изданіе «*Moniteur du soir*» служитъ только прибавленіемъ къ офиціальной газетѣ, и въ заключеніе сказалъ, что правительственная власть не перестаетъ уважать правъ меркантильнаго журнализма и газетнаго промысла.

Рѣшится ли, наконецъ, правительство на всеобщее запрещеніе и прекращеніе повременныхъ изданій? На такую мѣру оно не рѣшилось даже въ 1852 году; въ настоящее время это кажется уже невозможностью. По словамъ г. Тьера самъ Наполеонъ I какъ будто пришелъ къ тому же заключенію въ 1815 году. Такъ или иначе, а достовѣрно только то, что отрицаніе свободы печатнаго слова – ничто иное, какъ отмѣна принциповъ Революціи и уничтоженіе всѣхъ политическихъ правъ и гарантій. Нельзя не сказать, что, въ этомъ отношеніи, конституціонная Оппозиція сама подала примѣръ нарушенія конституціи во время послѣднихъ выборовъ. Если бы журналисты были настоящими друзьями свободы и понимали свое призваніе, то позаботились бы тогда предложить свои услуги демократическимъ комитетамъ и дали бы полную возможность печатно заявиться тѣмъ мнѣніямъ, которыя лишены самостоятельныхъ органовъ выраженія. Но взамѣнъ этого, монополисты журналистики разсудили, что, для удовлетворенія собственнаго честолюбія, имъ гораздо выгоднѣе овладѣть выборами и пріобрѣсти въ свою пользу большинство голосовъ. Прибѣгнувъ къ подобному маневру, гг. Геру, Авенъ, Даримонъ и товарищи ихъ успѣли попасть въ число депутатовъ законодательнаго собранія. Что отвѣтили бы они теперь, если бы императоръ обратился къ народу съ такою рѣчью: «Франція, которую я спасъ въ 1851 году отъ гражданской войны и парламентскихъ интригъ, пропадаетъ снова, благодаря продѣлкамъ трибунныхъ краснабаевъ и журналистовъ. Я заставляю ихъ молчать. Съ этого же дня прекращаются всѣ повременныя изданія и остаются только двѣ газеты: «*Moniteur du matin*» и «*Moniteur du soir*»!

И такъ, скажутъ мнѣ, если журналистика представляетъ одинъ изъ самыхъ неизбѣжныхъ механизмовъ нашей политической системы и если, притомъ, она не подлежитъ ни полицейскимъ уставамъ, ни конкуренціи, ни прекращенію, то лучше всего оставить ее на собственный произволь и дать ей полную свободу. Такова любимая идея г. Жирардена, который, желая успокоить правительство, пытается увѣрить его, что журналистика безсильна.

Какъ простое орудіе гласности, печать сама по себѣ служитъ безразлично, какъ истинѣ, такъ и лжи, какъ свободѣ, такъ и деспотизму. Она получаетъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
значение и цену только в том случае, когда становится проводником идей и интересов известных партий. Теперь спрашивается: можно ли сказать, что партии, вооруженные печатью, правом схода и т. п., бессильны против правительства? Разумеется, нет, потому что вся парламентская система только и поддерживается действительной силой партий. Припомните же теперь, как пользовались они печатью с 89 года.

Старая монархия, которая создала государственные сословия и произвела Революцию, получившую другое значение при учредительном собрании, просуществовала всего три с половиною года.

Первая республика поддержала своими конституциями II и III годов все вольности и права, данная покойною монархией. Что могла эта республика сделать больше? Она продержалась семь лет озарившись страшным светом в чаду заговоров. Завелась она после государственного переворота, жила она государственными переворотами и погибла от государственного переворота.

Вторая республика также даровала нам своей конституцией 1848 года все права и вольности. Она длилась три года и, подобно первой, жила государственными переворотами, реакциями, и кончилась государственным переворотом.

Правительства, державшие печать в страхе и загоны – первая империя, реставрация, июльская монархия – просуществовали дольше других; это обстоятельство доказывает только то, что журналистика, эта развратница, в действительности такое подлое создание, которое изгибается и ползает под ударами. Говоря о деспотизме прошлого времени, я вовсе не намерен, конечно, ставить его образцом для подражания; дело в том, что, в конце концов, мы всегда расправлялись с каждым правительством, как следует, и самое долгое царствование не тянулось долее восемнадцати лет; что значит такая продолжительность в судьбе государства! И так, я желаю указать только на тот постоянный факт, что несовместность печати с правительством заявляется всегда и непременно, все равно – дают ли ей свободу или держат на привязи: в первом случае она душит правительство, а во втором – отравляет его существование.

Можете ли вообразить, что, по стечению особенно счастливых обстоятельств, нынешняя Оппозиция, достигнув власти, найдет секрет, неизвестный Наполеону III и его предшественникам, поладит с печатью и ужиться с ее свободой? Будьте уверены, что даже и в этом случае согласие их не продлится более двух недель. Нам уже давно знаком тот либерализм, которым щеголяют еще наши мнимые демократы; мы видели уже, как велись они за дело на последних выборах. Один из этих господ, менее других виновный, г. Мари доказал в своем процессе, где он ратовал за шведскую королеву против «Записок» Мармона, что способен, при удобном случае, сделаться отличным цензором. Впрочем, даже не обращая внимания на личный состав и характер представителей Оппозиции, кто может без содрогания и гнева даже подумать о том, что они станут нашими повелителями?

Как! – отдать наши финансы г. Гарнье-Пажесу, народное просвещение – г. Карно, юстицию – г. Мари, внутреннюю дѣла – г. Жюль Фавру!! Будь мы даже просто пѣшками, куклами, – и то, при виде этих присяжных господ, не стали бы молчать; не будь в нашей руке пера, за нас возопили бы камни. О простаки! – Вот уже в течение трех четвертей века водят вас за нос и забавляют политическими комедиями. Поймите же, наконец и раз навсегда, ту истину, что нельзя вам добиться ни свободы, ни порядка, а тем более спокойствия, пока господствует у вас подлое адвокатство, которое прикрывает чудовищную централизацию с подкладкою экономической анархии и денежного феодализма, управляющего даже государственною властью. Один только факт систематической нераздельности самодержавия, в соединении с экономической анархией, служит уже верным ручательством за неизбежность и постоянство вашей междоусобной вражды и нищенского состояния.

Пусть правительство и буржуазия раскроют глаза и увидят, в каком жалком положении они находятся. Политический разврат заявляется умышленным клатвопреступлением и к этой безнравственности присоединяется несовместность государственной централизации со всякою свободой, невозможность нормального бюджета, отчаянный упадок общественного благосостояния и народного развития. При таком положении дел, все становится враждебно правительству, все подрывает его, все в заговор против него: учения и литературные собрания, академические заседания,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
публичныя чтенія, духовныя проповѣди, всякія рѣчи, театральныя
представленія, благотворительныя общества... Всему этому правительство должно
мѣшать или, поминутно всѣмъ этимъ отравляясь, должно издыхать.

Собранія и ассоціаціи. – Говорить теперь о политическихъ собраніяхъ и
ассоціаціяхъ совершенно напрасно. Можно ли даже воображать, въ самомъ дѣлѣ,
что централизованное правительство допустить образованіе враждебныхъ себѣ
кружковъ! Если уже нетерпима свобода городская, муниципальная, то можетъ ли
быть терпима свобода клубовъ! Въ 1848 году, законъ о сходкахъ и
ассоціаціяхъ казался не совсѣмъ яснымъ, и тогда еще нельзя было довѣрять
ему, не взирая на всѣ доводы оппозиціи, которая опиралась и на право
естественное, и на право писанное. Дѣло въ томъ, что и тогда несомнѣнность
свободы съ полицейскимъ порядкомъ была вопіющая: это обнаружилось 21
февраля, въ тотъ самый день, когда одна лишь попытка устроить сходку рѣшила
участъ правительства. Развѣ не сходка въ улицѣ Поатье убила республику!
Развѣ не клубъ якобинцевъ овладѣлъ конвентомъ въ 1793 году? И развѣ потомъ,
послѣ смерти Робеспьера, не пришлось закрыть его?!

Какая жалость видѣть старыхъ депутатовъ, кандидатовъ въ законодательное
собраніе, которые принимали въ 1848 году такое живое участіе въ составленіи
указовъ 27 и 28 іюля, уничтожавшихъ свободу печати и право сходокъ; какая
жалость видѣть, какъ эти господа берутъ на себя роль наставниковъ народа,
объясняютъ по своему указъ 2 февраля 1852 г., устроиваютъ, по этому поводу,
обширный избирательный заговоръ по всей имперіи и, въ заключеніе всего,
когда правительство требуетъ отъ нихъ отчета въ поступкахъ, когда оно
указываетъ имъ на букву закона, на статью 291 свода уголовныхъ
постановленій, на законъ 10 апрѣля 1834 г. и на указъ 28 іюля 1848 г.,
когда оно публикуетъ всю ихъ любопытную переписку, – что они дѣлаютъ?
Вмѣсто того, чтобы искренно сознаться въ нарушеніи законовъ и объявить
прямо, что законная обязанность ихъ была несомнѣнна съ настоящимъ правомъ
и потому имъ пришлось пожертвовать ею во имя истины, – вмѣсто всего этого,
они говорятъ о своей благонамѣренности и пускаются на самую пошлую
софистику. Да, врядъ ли современная демократія видала что нибудь жалостнѣе
и унизительнѣе оправданія «тринадцати» передъ судомъ исправительной
полиціи. Этотъ процессъ доказалъ, какъ лицемерна и вѣроломна Оппозиція,
которая, желая поддержать свою гнусную систему единства на счетъ
собственного достоинства, обманываетъ народъ и притворяется жертвой
полицейскаго насилія, будто наше законодательство и вся наша исторія не
выражаютъ той истины, что государственная централизація несомнѣнна съ
правомъ сходокъ и не можетъ терпѣть его!

Свобода собраній и ассоціацій при такой политической системѣ, какъ наша,
гдѣ по необходимости вещей кипитъ злоба и ненависть противъ правительства,
гдѣ разгараются столько честолюбія, гдѣ дѣйствуетъ и борется столько партій
и кружковъ – да мыслимо ли это?! Взгляните же, наконецъ, что происходитъ
ежедневно даже въ самыхъ невинныхъ сборищахъ, дозволенныхъ правительствомъ.
И тамъ во всемъ стараются сдѣлать намекъ на произволь власти, во всемъ
хотятъ ополжить ее и возбудить къ ней презрѣніе; чѣмъ злѣе, острѣе и
ядовитѣе насмѣшки надъ нею и чѣмъ больше она бѣсится, тѣмъ безпощаднѣе
обвиняютъ ее въ деспотизмѣ. Правительство находится въ такомъ положеніи,
что не можетъ надѣяться на правый судъ: всѣ его оправданія признаются
лживыми, никто его не уважаетъ и не слушаетъ; словамъ его нѣтъ вѣры, дѣламъ
его нѣтъ извиненія; съ нимъ поступаютъ такъ же безжалостно, какъ съ
писателемъ, который замаралъ и потерялъ свою репутацію. Что же остается
дѣлать правительству въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ? Лучше всего –
пусть оно завязываетъ рѣшительный бой съ обществомъ, съ которымъ не можетъ
ужиться, и, напрягая всѣ свои силы, умираетъ, по крайней мѣрѣ, смертью
настоящаго бойца.

Приводятъ намъ въ примѣръ Англію, мало того – Бельгію; говоритъ о
Соединенныхъ Штатахъ, впрочемъ, не рѣшаются. «Съумѣли же, право, англичане
согласить свою свободу съ правительствомъ: отчего не сдѣлать того же и
намъ?» Такъ разсуждаютъ наши умники.

Кто спорить! Разумѣется, мы не хуже англичанъ способны пользоваться
выгодами свободы и правительства. Но дѣло въ томъ, что мы должны для этого
измѣнить систему централизаціи и экономической порядокъ; безъ этого условія
– нѣтъ намъ спасенія.

Англія совсѣмъ не такъ сильно централизована, какъ Франція.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Общественная экономія Англіи отличается отъ нашей. Если ея торговля и промышленность такъ же несолидарны, какъ и наши, за то поземельная собственность учреждена на совершенно иныхъ началахъ: въ Англіи существуетъ вассальная система, а у насъ право злоупотребленія, *jus utendi et abutendi*.

Въ Англіи не водится трехъ династическихъ партій и одной республиканской, которыя бы враждовали между собою: тамъ всѣ признають царствующій гановерскій домъ и королеву Викторію.

Англійское общество вовсе не демократическое: оно держится феодальныхъ обычаевъ и состоитъ изъ аристократовъ–землевладѣльцевъ и аристократовъ–капиталистовъ.

Англія вѣрна, наконецъ, своей государственной религіи и терпитъ католическую вѣру только потому, что не считаетъ ее опасною.

И такъ, пока власть будетъ уравновѣшена въ Англіи подобнымъ образомъ; пока ни монархія, ни аристократія, ни буржуазія, ни церковь не будутъ запуганы, до тѣхъ поръ ограниченную свободу англичанъ не станеть нарушать ихъ правительство. Но съ того же самаго дня, когда народная масса станеть пользоваться всѣми политическими правами и объявить войну аристократіи поземельной и промышленной; когда подкопаются подъ королевскій тронъ и будутъ поговаривать о низверженіи династіи; когда англиканское духовенство испугается развитія папизма и когда, наконецъ, революціонный духъ нагонитъ страхъ и вызоветъ реакцію и централизацію, – тогда можно надѣяться, что англійское правительство не задумается употребить въ дѣло арсеналь старыхъ законовъ, которые оставляетъ въ бездѣйствіи до болѣе удобной поры. Съ того же самаго дня, когда начнется для Англіи новый порядокъ, обнаружится во всемъ своемъ блескѣ роковая несовмѣстность свободы съ правительствомъ.

Бельгія находится въ подобномъ же состояніи. Правда, что время отъ времени въ ней замѣчается странное расположеніе правительства къ свободѣ... Многие могъ бы я рассказать про эту интересную страну: къ сожалѣнію, въ ней приходится разочароваться поневолю, когда вспомнить, что мы наградили ее пошлымъ унитарнымъ либерализмомъ. И такъ, на повѣрку оказывается, что въ настоящее время, во всей Европѣ, одна лишь Италія представляетъ намъ примѣръ государства, въ которомъ свобода еще кое-какъ ладитъ съ правительствомъ: это происходитъ оттого, что ихъ волнуетъ одинаково одна и та же мысль, передъ которою уничтожается всякій другой интересъ и исчезаетъ всякое затрудненіе; эта мысль – образованіе и утвержденіе италіянскаго единства. Впрочемъ, и это еще вопросъ!

Моя задача была бы не рѣшена и доказательства мои не были бы доведены до конца, если бы я не досказалъ въ нѣсколькихъ строкахъ – чего именно требуетъ свобода для своего непремѣннаго утвержденія въ государствѣ.

Предположимъ, что славная единая Франція раздѣлится на тридцать шесть самостоятельныхъ областей, каждая среднюю величиною въ шесть тысячъ квадратныхъ километровъ и съ миллиономъ жителей. Предположимъ затѣмъ, что въ каждой изъ этихъ тридцати шести областей власть будетъ ограничена, какъ слѣдуетъ, бюджетъ доведенъ до настоящей нормы, одинъ и тотъ же принципъ станеть управлять, въ одно и то же время, дѣлами политическими и экономическими, и все общество организуется по закону взаимности, въ согласіи съ правительствомъ, которое устроится на началахъ федераціи. Предположимъ, наконецъ, что въ главѣ подобной конфедераціи учредится верховный совѣтъ почти безъ всякихъ административныхъ и судебныхъ правъ, съ ничтожнымъ бюджетомъ и съ одною только обязанностью защищать одновременно, какъ гражданъ каждой области противъ насилія мѣстныхъ властей, такъ и мѣстныя правительства противъ наглости партій. И вотъ немедленно все измѣняется, все принимаетъ совершенно иной видъ. Прежде всего, централизація, корень раздора, и власть ея, и богатство, и слава перестаютъ возбуждать честолюбіе гражданъ. При всемъ своемъ могуществѣ для покровительства и защиты, центральная власть, органъ конфедераціи, является неспособною насиловать и поработать: у нея нѣтъ своей силы. И что могутъ сдѣлать противъ нея партіи? За что стануть онѣ враждовать съ нею? И для какой выгоды? И такъ, въ этомъ случаѣ, нападеніе на власть неумѣстно, безцѣльно; сама свобода вовсе не нуждается въ возстаніи за свои права; сама пресса, утрачивая свое безобразное развитіе, которое дала ей централизація, обуздывается учрежденіями на правилахъ взаимности и потому становится нравственною; сама публика, наконецъ, перестаетъ, въ свою очередь, быть въ невольномъ заговорѣ противъ порядка и не подчиняется болѣе вліянію

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
столичных газетъ. Въ такомъ видѣ, всѣ области находятся между собою въ договоръ взаимнаго обезпеченія и потому избавляются отъ всякой опасности пострадать отъ заговора. И кто станетъ, въ самомъ дѣлѣ, помышлять о заговорѣ? Соединяйтесь въ кружки, составляйте ассоціаціи, являйтесь на сходки, говорите, пишите что угодно: власть не мѣшаетъ ничему, потому что ничего не боится. Повсюду господствуетъ порядокъ; правительство, составленное изъ примѣрныхъ гражданъ, находясь въ рукахъ и на глазахъ народа, смотритъ само безъ страха на самыя дикія выходки критики и безъ гнѣва выслушиваетъ все, что говорятъ, и позволяетъ печатать все, что хотять.

Отъ дальнѣйшихъ разсужденій я воздерживаюсь.

ГЛАВА VII.

Народное просвѣщеніе. – То образованіе, какое слѣдуетъ получать народу, несомѣстно съ политико-экономическою системою, усвоенною Оппозиціей и Правительствомъ. – Условія демократическаго образованія. Господа депутаты Оппозиціи, величаемой либеральною, успѣли обратить на себя вниманіе публики по поводу такъ называемаго бесплатнаго и обязательнаго образованія, которое, по ихъ мнѣнію, будто бы обязано завести императорское правительство. Такой шарлатанскій способъ добиваться популярности не остается, конечно, безъ успѣха и легко обольщаетъ толпу; въ сущности, это – самая пошлая уловка и жалкая выходка. Я видѣлъ въ Бельгіи, какъ одна партія, придумавшая себѣ тщеславное названіе «молодой либеральной», торжественно увѣряла себя и другихъ въ торжество такой забавной утопіи. Разбитая на всѣхъ вопросныхъ законодательныхъ пунктахъ старыми либералами, эта партія была рѣшительно опозорена, и все дѣло кончилось тѣмъ, что бельгійскій народъ, о которомъ заботятся такъ же притворно, какъ и у насъ, начинаетъ уже кричать: Прочь клерикаловъ и либераловъ! Прочь либераловъ старыхъ и молодыхъ!

Надо сознаться, что въ послѣднее засѣданіе законодательнаго собранія либеральная Оппозиція поладила съ правительствомъ на удивленіе. Она подготовила ему столько побѣдъ, сколько оно желало. Сначала, при обсужденіи адреса императору, а потомъ, по случаю утвержденія бюджета народнаго просвѣщенія, правительство доказало Оппозиціи фактами и цифрами, что ни одна власть не сдѣлала для образованія народа такъ много, какъ императорская воля въ лицѣ его министра; что, въ этомъ случаѣ, правительство даже предупредило желанія Оппозиціи и дало даже болѣе того, что она думала просить; что со 2-го декабря 1851 г. народное образованіе значительно подвинулось впередъ; что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, изгнать въ одинъ день невѣжество, точно такъ же, какъ и нищету; что во всякомъ случаѣ позволительнѣе сказать, что не самое образованіе недостаетъ народу, а скорѣе самъ народъ избѣгаетъ образованія, которое почти повсемѣстно дается бесплатно и только встрѣчается одно затрудненіе – сдѣлать его обязательнымъ; что если Оппозиція найдетъ секретъ, какъ обойти это затрудненіе, то правительство будетъ, конечно, очень благодарно и воспользуется подобнымъ открытіемъ...

Забавно было видѣть, какъ всѣ филантропическія іереміады г. Жюля Симона вызвали положительные и рѣшительные отвѣты, въ которыхъ явно намекалось депутату на то, что ему слѣдовало, не пускаясь еще въ критику, справиться получше, въ какомъ положеніи находится дѣло народнаго образованія, и оцѣнить по достоинству усилія правительственной власти.

Такъ постоянно и во всемъ почтенные члены Оппозиціи, эти великіе граждане, ищутъ только предлога для нападенія на правительство съ цѣлью удолетворить, на счетъ его промаховъ и глупостей, своему честолюбію. Никогда еще парламентаризмъ не представлялся мнѣ такимъ жалкимъ; никогда еще не возбуждалъ онъ во мнѣ такого глубокаго отвращенія. Я видѣлъ, какъ по вопросу о народномъ образованіи, по вопросу горькому и по сіе время неразрѣшенному, потому что нельзя назвать рѣшеніемъ одни лишь вздорныя выдумки, – я видѣлъ, повторяю, полное торжество правительства, которое одержало побѣду, благодаря нелѣпымъ возраженіямъ господъ, давшихъ себѣ слово во что бы то ни стало обвинять власть и доказывать ея тупоуміе. Выбирайте, выбирайте, демократы, подобныхъ представителей Оппозиціи!

Возвращаясь къ важному вопросу о народномъ образованіи, я долженъ показать, что истинные его принципы почти никому еще неизвѣстны и что ни Правительство, ни Оппозиція не могутъ, по настоящему, даже касаться этого

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
вопроса, въ которомъ обнаруживается полнѣйшая несовмѣстность
господствующаго порядка вещей съ умственнымъ развитіемъ народа.

Вопросъ о народномъ образованіи возбуждался почти всегда по случаю
опредѣленія бюджета и повторяется въ палатѣ до сихъ поръ ежегодно. Вотъ
почему, въ свою очередь, и я стану обсуждать его съ бюджетной точки зрѣнія.

Прежде всего, я долженъ сказать: на самомъ дѣлѣ и по принципу слѣдуетъ
считать даровымъ, бесплатнымъ только то, что никому и ничего не стоитъ;
образованіе точно такъ же, какъ пища, одежда и жилище, должно оплачиваться;
если кто требуетъ образованія и получаетъ его, но не платитъ за него, тотъ
заставляетъ платить за себя другихъ; даровое и обязательное образованіе
ничто иное, какъ милостыня, которая, по словамъ Манифеста Шестидесяти,
отжила свое время и вовсе не нужна народу. Изъ всего этого слѣдуетъ, что
правительство, дающее бесплатное первоначальное образованіе нѣсколькимъ
тысячамъ бѣдныхъ дѣтей, играетъ роль благотворителя на чужія деньги; если,
при этомъ, вся благотворительность состоитъ только въ томъ, чтобы
волей-неволей научить бѣдныхъ дѣтей кое-какъ читать, писать, считать и
декламировать молитвы, то правительство могло бы легко отказаться отъ
подобной заботы и предоставить ее разнымъ благотворительнымъ обществамъ,
сельскимъ священникамъ, сестрамъ милосердія, монахамъ и т. п. Но тутъ мы
опять натываемся на несовмѣстность другого рода: дѣло въ томъ, что
правительство, основанное на централизаціи, не можетъ дозволить, чтобы безъ
его вмѣшательства что нибудь дѣлалось; даже обученіе катехизису, даже
наставленіе въ вѣрѣ, даже раздача милостыни не можетъ дѣлаться безъ его
разрѣшенія и указа. Всѣ эти благотворительныя общества, бесплатныя школы,
пріюты и т. п. – просто государства въ государствахъ!...

Насъ, социалистовъ, обвиняютъ иногда въ томъ, что всѣ наши планы
преобразованія отзываются старьемъ. Но кто, спрашивается, изобрѣлъ
бесплатное образованіе, кто предложилъ узаконить эту милостыню, кто, какъ
не пресловутые либералы, исказившіе идею Евангелія, гдѣ говорится
апостоламъ, что они должны идти и проповѣдывать народамъ, не заботясь о
платѣ! Эти же самые либералы желаютъ ввести еще образованіе обязательное и,
заявляя такимъ образомъ свой деспотическій нравъ, показываютъ чего можно
ожидать отъ ихъ допотопныхъ выдумокъ.

Какіе же, однако, основные принципы образованія въ обществѣ, которое
требуетъ справедливости, взаимности и свободы?

Начиная съ того, что образованіе чловѣка, какъ нѣкогда развитіе
набожности, должно быть такъ задумано и направлено, чтобы не прекращалось
почти во всю его жизнь. Это условіе непременно для всѣхъ, а для рабочаго
сословія еще непремѣнное, чѣмъ для записныхъ ученыхъ. Прогрессъ въ
образованіи, точно такъ же, какъ прогрессъ въ нравственности и добродѣтели,
обязателенъ для всѣхъ людей, безъ различія состояній и возрастовъ: въ этомъ
прогрессѣ залогъ нашего чловѣческаго достоинства и благополучія.

Но бываетъ всегда пора приготовительнаго воспитанія, пора школьнаго
обученія, когда дитя и юноша только еще запасаются начальнымъ
образованіемъ, упражняются въ ремеслахъ и остаются, такимъ образомъ, по
крайней мѣрѣ довольно часто, на попеченіи своихъ родныхъ, пока не будутъ въ
состояніи заботиться сами о своемъ пропитаніи и дальнѣйшемъ образованіи.
Эта первая пора просвѣщенія, которая составляетъ вторую эпоху чловѣческой
жизни, продолжается обыкновенно въ теченіе десяти или двенадцати лѣтъ,
начиная съ семилѣтняго возраста и кончая восемнадцатилѣтнимъ, какъ для
мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Вотъ объ этой самой порѣ умственнаго
развитія юнаго поколенія намѣренъ я говорить въ настоящую минуту.

Необходимо сперва обратить вниманіе на два обстоятельства. Во первыхъ,
умственное образованіе должно идти совместно съ техническимъ обученіемъ;
отдѣленіе литературнаго и ученаго образованія отъ обученія техникѣ и
ремесламъ давно уже осуждалось людьми, которые болѣе другихъ занимались
педагогіей (см. «Emile» сочин. Ж. – Ж. Руссо); это отдѣленіе не только
вредно само по себѣ, но и противно даже современному направленію. Во
вторыхъ, образованіе, котораго требуетъ новая демократія, должно быть во
всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше того, какое получаетъ въ настоящее время
рабочее сословіе; его образованіе – клеймо нищеты. Мы отвергаемъ то рабское
образованіе, въ которомъ нуждалась феодальная іерархія, готовая нынѣ снова
возродиться, и съ которымъ даже легко уживалось язычество. Нѣтъ, мы
требуемъ иного, серьезнаго и свободаго образованія, которое не унижало бы

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
права всеобщей подачи голосовъ и вмѣстѣ съ учрежденіями взаимнаго
обезпеченія, вмѣстѣ съ рабочими товариществами, федераціями общинъ и
провинцій, вело бы къ уравненію состояній и богатствъ. Безъ этого условія,
каждое дитя, посланное въ школу, выйдетъ оттуда дрессированнымъ рабомъ,
годнымъ лишь на то, чтобы служить интересамъ высшихъ классовъ.

Посмотримъ теперь, какое должно быть и что можетъ стоить настоящее
образованіе новой демократической Франціи, возрожденной для разумной жизни.
Въ томъ предположеніи, что между провинціями и общинами существуетъ самая
тѣсная связь, въ чемъ мы сейчасъ убѣдимся, я сдѣлаю свой расчетъ не
относительно одной, образцовой общины, но относительно всей Франціи.

Для круглаго счета, я полагаю, что населеніе восьмидесяти девяти
департаментовъ имперіи равняется сорока милліонамъ; въ дѣйствительности,
если считать иностранцевъ, не входящихъ въ народную перепись, число жителей
во Франціи не много меньше 40 милліоновъ.

Изъ этого числа до 8 милліоновъ дѣтей, отъ 7 до 18-лѣтняго возраста,
нуждаются въ начальномъ школьномъ образованіи. Другими словами: изъ восьми
милліоновъ дѣтей обоого пола, т. е. изъ самой нѣжной части населенія,
слѣдуетъ приготовить разумныхъ, образованныхъ, трудолюбивыхъ, честныхъ
людей, способныхъ стать, въ свою очередь, достойными отцами семействъ,
искусными рабочими, мастерами, преданными гражданами.

Если литературное образованіе предполагаетъ довольно обширную программу
знаній и не можетъ обойтись безъ значительнаго числа учителей и
профессоровъ, то и техническое обученіе какого требуетъ и здравая
соціальная экономія, и достоинство Демократіи, и интересы гражданъ,
предполагаетъ также извѣстное разнообразіе техническихъ занятій и ремеслъ и
потому требуетъ довольно большаго числа мастеровъ и подмастерьевъ, школъ и
мастерскихъ, а слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и перемѣщенія молодыхъ
учениковъ.

Я не стану говорить, конечно, ни о распредѣленіи курсовъ, ни о методахъ
обученія, короче о томъ, что не касается прямо бюджетныхъ расчетовъ.

1. Издержки на школьное образованіе и ремесленное обученіе: бумага, перья,
чернила и другія письменныя принадлежности; книги, физическіе, химическіе и
рабочіе инструменты; меблировка комнатъ и залъ для занятій учениковъ;
жалованье наставникамъ, профессорамъ и учителямъ; путешествія и т. д.
Полагая въ сутки и на cadaго ученика по 0,15 фр. или по 54 фр. 75 сант. въ
годъ, на 8 милліоновъ учениковъ потребуется 438,000,000

2. Пища и содержаніе, бѣлье, леченіе и т. д. – считая по 0,40 фр. въ сутки
и на ученика или по 146 фр. въ годъ, на 8 милліоновъ учащихся выйдетъ
1,168,000,000

Всего 1,606,000,000

И такъ, по меньшей мѣрѣ, тысяча шестьсотъ шесть милліоновъ – вотъ во что
обойдется ежегодно образованіе восьми милліоновъ детей обоого пола, при
населеніи въ 40 милліоновъ душъ. Въ этомъ расчетѣ нѣтъ ничего
преувеличеннаго: пятьдесятъ пять сантимовъ въ сутки и на cadaго ученика,
отъ 7 до 18 лѣтъ возраста, и на все издержки по его образованію и
содержанію – такую оцѣнку нельзя, конечно, назвать высокою. Предполагая,
что годовой доходъ страны равняется 12 милліардамъ, сбереженіе – 2
милліардамъ, чего разумѣется, быть не можетъ, а потребленіе – 10
милліардамъ, – оказывается, что на 8 милліоновъ молодежи, которая
составляетъ пятую часть населенія, потребуется израсходовать только 1,606
милліоновъ, то есть меньше шестой части всѣхъ издержекъ страны!

Но весь этотъ расходъ долженъ быть оплаченъ, и онъ оплатится въ самомъ
дѣль: въ противномъ случаѣ нечего и думать объ образованіи. Но кто будетъ
платить? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ сперва, что дѣлается въ
настоящую пору.

Образованіе литературное, научное и техническое, какое дается въ наше
время, оплачивается:

1) государствомъ (университеты, институты, академіи, коллегіи, лицеи и т.
п.);

- 2) земствомъ, т. е. общинами;
- 3) частною благотворительностью;
- 4) семействами, и
- 5) самими учащимися.

Все, что не оплачивается, все, что не достаетъ до бюджета, непременно уменьшаетъ образованіе и, слѣдовательно, порождаетъ невѣжество молодежи и нищету.

Въ какой же мѣрѣ участвуетъ, однако, въ издержкахъ по образованію каждая изъ пяти означенныхъ категорій?

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, который оплачивается государствомъ, равняется 25 или 30 милліонамъ, не болѣе. Какъ бы малъ ни былъ общій расходъ на образованіе всей молодежи при нынѣшнемъ состояніи общества, все-таки слѣдуетъ сказать, что сумма, которую отпускаетъ правительство на просвѣщеніе народа совершенно ничтожна.

Сколько платятъ общины – я не знаю. Предполагая даже, что онѣ вносятъ столько же, какъ и правительство, чего нельзя, конечно, ожидать, общіе ихъ расходы составятъ 50 милліоновъ.

Можно ли отнести на счетъ частной благотворительности третью сумму въ 25 милліоновъ? Положимъ, что можно. И такъ оказывается, что на весь расходъ, который при хорошей системѣ народнаго образованія долженъ равняться, по крайней мѣрѣ, 1,606 милліонамъ, на весь этотъ необходимый расходъ государство, земство и частная благотворительность не даютъ сообща даже 75 милліоновъ или 5% потому что изъ 75 милліоновъ слѣдовало бы вычестъ еще тѣ издержки, которыя оплачиваются родителями учениковъ. Развѣ изъ этого разсчета не ясно видно, что государство, земство и частная благотворительность не могутъ сдѣлать ничего или почти ничего для образованія молодежи! И намъ еще смѣютъ толковать, послѣ этого, о какомъ-то даровомъ и обязательномъ просвѣщеніи народа!

И такъ, родные учащихся и сами учащіеся – вотъ кто оплачиваетъ въ дѣйствительности образованіе, вотъ что несетъ на себѣ все его бремя. Родные учащейся молодежи поддерживаютъ ее своими средствами, а сами учащіеся успѣваютъ отчасти оплачивать свое образованіе тою работою, которою занимаются, находясь въ обученіи.

Но до чего доводитъ отчаянная нищета, которую мы желаемъ изгнать образованіемъ и которая сама не допускаетъ распространять желанное образованіе! Эта нищета доводитъ до того, что семейство очень часто не въ состояніи обезпечить дѣтямъ пищу, одежду и другія крайне-необходимыя средства, безъ которыхъ нельзя посѣщать школу и мастерскую. Въ этомъ случаѣ сами родители не могутъ не только содержать въ школѣ своихъ дѣтей, но сами нуждаются въ ихъ услугъ, сами первые примѣняютъ къ нимъ ту гнусную систему эксплуатаціи и живодерства, которую придется бѣднымъ дѣтямъ испытывать потомъ, въ теченіе всей своей жизни. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣти бѣдныхъ родителей или вовсе не ходятъ въ школу или очень рано перестаютъ посѣщать ее, не вынося почти никакихъ знаній. Вотъ почему также нельзя удивляться, если имъ приходится выбирать самыя грубыя занятія и ремесла, которыя не требуютъ почти никакого предварительнаго обученія. И такъ, за нищетою невѣжество, а за невѣжествомъ нищета и всяческая нищета.

Слѣдуя принципу бесплатнаго и обязательнаго образованія, государство должно взять на себя семейныя обязанности и замѣнить родителей для бѣдныхъ дѣтей, которыхъ они не въ состояніи воспитывать. Мало того: въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда родители пользуются трудомъ своихъ дѣтей, государство обязано давать имъ извѣстное вознагражденіе. Предположимъ, что число бѣдныхъ дѣтей, которымъ родные не могутъ дать на свой счетъ никакого образованія, не превышаетъ милліона; предположимъ затѣмъ, что для образованія потребуется по 0,55 франка въ день на мальчика или дѣвочку, – и выйдетъ, что государству необходимо будетъ израсходовать въ годъ болѣе 200 милліоновъ. Все ли это? Нѣтъ, подобный расходъ долженъ быть гораздо значительнѣе, потому что изъ числа восьми милліоновъ дѣтей, отъ 7 до 18 лѣтъ, мы предполагаемъ только одинъ милліонъ лишенныхъ всякихъ средствъ для

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
образования; на самом же деле оказывается, что и остальные семь миллионов детей не могут получить на счет своих родных того образования, какого требует и в праве требовать рабочая демократия. И так, на поверку выходит, что едва ли даже один миллион, т. е. восьмая часть молодежи, может получить образование на средства своих родителей. И так, опять на поверку выходит, что для устройства начальных высших и технических школ, в которых должны учиться восемь миллионов детей, большую частью бедных, государству приходится расходовать 400, 800, даже 1,200 миллионов франков ежегодно! Но откуда, позвольте узнать, может достать государство подобная сумма?

Самый простой, расчет очевидно доказывает нам ту горькую истину, что при современном устройстве нашего общества, образование молодежи, за исключением детей богатых, просто мечта филантропии. В действительности, как нищета, так и невежество – неизбежные спутники жизни рабочего сословия; умственное ничтожество многочисленного и бедного класса трудящихся безвыходно; мало того: в политическом порядке, основанном на подчинении и чиновничестве, и в экономическом порядке, основанном на хищничестве, денежной анархии и феодальном праве капитала, всякое образование, желательное для народа, не только бесполезно, но и опасно. Вот почему государственные люди, занимаясь народным просвещением, не без основания старались низвести его на самую низшую степень и ограничить его необходимое развитие. Они видели ясно, что при высшей степени общего образования нарушится старый порядок вещей и в самом обществе появится масса развитых людей, которые станут искать выхода из своего ненормального положения, избегая при этом полезного труда.

И так, прочь маску лицемерия, прочь с пути лживых заявлений и поползновений на популярность! Господа либералы Оппозиции так часто уже выражали свое отвращение к социализму, что им не приходится изменять прежним убеждениям. Вымогая несколько миллионов франков для раздачи учителям и учительницам, они идут рука об руку с правительством, и хотя, повидимому, тормозят его, но в сущности потворствуют его целям. Нет, не настоящего образования требуют они для народа, а только простого посвящения его в азбучные знания, только того таинства умственного крещения, которое заключается лишь в том, чтобы уметь кое как читать, писать, считать и помнить наизусть несколько молитв и пошлых нравоучений. Этим господам просветителям хочется только того, чтобы, при виде бедных, ограбленных и заморенных работников с исхудалым, обезображенным лицом, все сытые и прилично одетые господа не стыдились бы за себя и за человечество и могли смотреть на трудящихся братьев, измученных работою, как на ручных, безопасных животных.

Да, говорю я, настоящее народное образование безусловно и радикально невозможно при нынешнем порядке вещей: оно мыслимо и удобоисполнимо только в системе взаимности, в которой сознается народное право и дается массе людей истинное развитие; не вымышленное, а согласное с действительными их потребностями.

Вот в нескольких словах вся эта система. –

1. По принципу, каждый глава семейства должен быть в состоянии, посредством обмена своих услуг или произведений своего труда, воспитывать детей на свой счет со дня их рождения до 7 или 8-летнего возраста. Исполнить эту обязанность будет очень легко всякому семьянину, благодаря экономической реформе, о которой я уже говорил раньше.

2. Начиная с 7 и до 18 лет, воспитанием и образованием юношества могут заниматься или сами родители у себя дома, если пожелают, или в частных школах, устроенных на их счет и под их непосредственным управлением, если они не хотят отдавать детей своих в школы публичные. В этом отношении, родителям и общинам предоставляется самая неограниченная свобода: государство вмешивается только в тех случаях, когда, при недостатке средств родителей и общины, ему приходится играть роль помощника.

3. В школах, заведенных самим государством, где, по принципу, образование литературное и научное должно идти совместно с техническим, где молодые люди, с девяти лет и даже раньше этого возраста, должны заниматься ручной, полезной и производительной работою, там все расходы на образование оплачиваются с излишним ремесленным трудом учеников.

Последнее обстоятельство вовсе не новость. Тоже самое происходит в крестьянском быту, где дети рано употребляются на полевые работы и там получают сельское образование. Тоже самое ведется в мастерских и на фабриках, где ученики, работая даром или за известное вознаграждение, оплачивают трудом свое обучение мастерству, продолжая заниматься, вместе с тем, математикой, рисованием и т. д.

Допустим, однако, чтобы не обременять молодежь и теснее связать школу с семейством, что родители учеников будут обязаны снабжать их одеждою, бельем и обувью: это сократит детский труд, по крайней мере на треть, и потребует от семейств расхода в 500 миллионов, то есть один франк в неделю с каждой семьи.

На государство остается только возложить обязанность обобщить эти принципы народного образования. Для достижения подобной цели, ему придется организовать общественные работы так, чтобы в них могла принять участие школьная молодежь; затем ему следует допустить ее к участию в частных работах, земледельческих и промышленных, на фабриках, горных заводах, в портах, и для этого войти в соглашение с компаниями, предпринимателями, фабрикантами, ремесленниками. Плата за производство работ молодежью получается правительством, которое, за вычетом всех издержек по образованию, раздает остаток ученикам, бывшим на работах, пропорционально труду и способности каждого из них.

Само собою разумеется, что в этом случае рабочие ассоциации должны играть весьма важную роль. Поставленные в прямое отношение к системе народного образования, они делают, в тоже самое время, центрами производства и просвещения. Родительский надзор не покидает детей; рабочие массы находятся в ежедневном сближении с молодую армию труженников; работа и образование, так долго и нелюбо раздельные, соединяются, наконец, и становятся вполне неразлучными и солидарными между собою. Не замыкаясь в узкую специальность, техническое образование заявляется целым и непрерывным рядом работ, которые, при постепенном и интегральном их исполнении, делают из каждого ученика настоящего работника. Свободная промышленность находится в этом положительную выгоду. В семействах и в государстве водворяется невозмутимое спокойствие и безопасность. Благодаря этому порядку вещей, контракт обучения обращается в договор взаимности между всеми отцами семейств, которые получают возможность давать своим детям самое разностороннее и действительно-полезное образование.

Что же касается задельной платы, которую станут получать учащаяся молодежь за свои работы, – то в этом нет ничего невероятного, нет ничего, что не делалось бы даже в настоящее время. Пятьдесят пять сантимов в день! – Разве эту плату так трудно заработать шестнадцатилетней девочкой или мальчику 18-ти лет?!

Я говорю и подтверждаю, что, в порядке промышленной ассоциации, политической федерации и взаимного обеспечения, нет ничего легче, как завести такую систему воспитания и образования, которая, давая научное, техническое и ремесленное знание, пищу, одежду и жилище, все это на сумму 1606 миллионов в год, не будет стоить почти ничего ни семействам, ни общинам, ни государству. Теперь же я прибавляю, что, в порядке политической власти, промышленного и финансового феодализма, артистического и литературного цыганства, денежной анархии и взаимного живодерства, которое господствует повсюду, для народного образования нельзя сделать ничего или почти ничего. Ни труд, ни пропитание семейств, первых органов воспитания, положительно не обеспечены; литературное и научное образование, исключая весьма редкие случаи, вовсе не связано с ремесленным обучением; ни промышленности, ни государственные работы, наконец, не устроены так, чтобы в них могли принять участие миллионы юных рабочих, готовых с радостью взяться за полезный, производительный труд и за самую дешевую цену.

Удивляйтесь еще после этого, что наша молодежь так дурно воспитана; что ее полуобразование хуже полного невежества; что сословие рабочих, бессмысленное частичным разделением труда, не может, по настоящему, даже называть себя честным именем «рабочих» и заслуживает скорее всего название толпы поденщиков или шайки наемников! Какая, в самом деле, возмутительная нелюбовность господствующего порядка! – У нас восемь миллионов молодежи, от 7 до 18 лет возраста, способны трудиться и,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org зарабатывая въ сутки, въ теченіе трехсотъ дней въ году, отъ 0,10 до 1 франка, могутъ оплатить сами свое образованіе на сумму свыше 1,300 милліоновъ, требуя отъ семействъ только ничтожныхъ расходовъ на одежду, бѣлье и обувь. И что же? Изъ этой молодежи мы не умѣемъ извлечь никакой пользы и, благодаря нашей позорной неумѣлости, не можемъ найдти средствъ для ея образованія и бросаемъ ее на произволъ несчастныхъ родителей или, что еще хуже, отдаемъ въ жертву безсовѣстныхъ спекуляторовъ монополю промышленності! Вотъ почему наша молодежь осуждается вращаться въ безвыходномъ кругѣ нищеты и преступленій.

Да, вотъ отчего неизлечима та язва невѣжества, которая гложетъ рабочія массы; вотъ отчего мудрые государственные люди пришли къ тому подлomu убѣжденію, что эта язва – соціальная, роковая необходимость; вотъ почему, наконецъ, сословіе туенядцевъ и лихоимцевъ высшаго разряда было бы огорчено, если бы удалось излечить подобную язву! Неудивительно, послѣ этого, появленіе всякихъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ умышленно стараются воспитывать молодежь въ духъ рабской покорности! Неудивительно, послѣ этого, и безсиліе, и лицемѣріе гнуснаго либерализма! Депутаты Оппозиціи просили ассигновать, въ видъ прибавки къ бюджету 1865 г., 6,250,000 франковъ для изученія (!!) бесплатнаго и обязательнаго образованія и, въ чаяніи будущихъ благъ отъ него, предлагали правительству открыть женскія школы и дать небольшое пособіе учителямъ. Нѣтъ сомнѣній, что если это предложеніе будетъ принято, депутаты снова станутъ просить объ ассигновкѣ нѣсколькихъ милліоновъ для продолженія своихъ изученій! Какъ все это говорить въ пользу присяжной демократіи! И какая добросовѣстность, какая преданность и какое знаніе общественныхъ потребностей въ этихъ проповѣдникахъ бесплатнаго и обязательнаго образованія!! Ахъ, господа, не скрывайте вашихъ побужденій, высказывайте ваши заднія мысли и отдавайте справедливость правительству, которое въ наивности своей филантропіи предупреждаетъ ваши желанія и дѣйствуетъ, можетъ быть, несравненно лучше, чѣмъ вы предполагаете. Дѣло въ томъ, что вы ничего не смыслите въ вопросъ народнаго образованія; для разрѣшенія его у васъ нѣтъ ни доброй воли, ни совѣсти. Что вы способны сдѣлать, вы, отъявленные враги социализма, взаимности, обезпеченія федераціи, вы, непримиримые противники представителей рабочаго сословія, что вы способны сдѣлать, спрашиваю я васъ, съ восемью милліонами молодежи, въ которой слѣдуетъ развить путемъ «интегральнаго» воспитанія, какъ выразился Фурье, возможно болѣе наклонности, призванія и способности къ полезной, производительной работѣ? Осмѣлитесь ли вы сказать, что желанія и надежды этой молодежи совершенно напрасны и неумѣстны и что нѣтъ возможности употребить въ дѣло столько искусныхъ молодыхъ людей, столько ловкихъ и образованныхъ рабочихъ, которые могутъ обходиться безъ всякихъ толмачей и адвокатовъ! Осмѣлитесь ли вы сказать, что, въ вашей системѣ, основанной на іерархіи и анархіи, на монополіи и конкуренціи, вамъ нужно только имѣть толпы поденщиковъ, автоматовъ, пролетаріевъ! Вонъ, вонъ, прочь съ нашихъ глазъ! – Не вамъ, присяжнымъ, быть нашими представителями!

ГЛАВА VIII.

Система централизаціи и единства не допускаетъ обезпеченія труда и обмѣна. Какимъ образомъ политическая централизація и феодализмъ капитала возстаютъ сообща противъ освобожденія рабочаго народа и развитія средняго сословія. – Заговоръ свободной торговли.

I. – Во второй части этого сочиненія, гл. XIV, XV и XVI, мы показали и, затѣмъ, не разъ уже повторяли, что политическая централизація находитъ самую сильную поддержку въ меркантильной анархіи, т. е. въ отрицаніи всякаго экономическаго права, всякой общественной гарантіи, короче – всякой взаимности. Какъ правительственный унитаризмъ оказывается несомѣстнымъ съ вольностями 89 г., которая всегда общаются на словахъ, а никогда не допускаются на дѣлѣ, такъ онъ превосходно мирится съ торгашескою спекуляціей, съ анархіей интересовъ и стачками монополистовъ. Экономисты, защитники этой системы, хорошо поняли, къ чему можетъ привести подобное общественное устройство, и съ наслажденіемъ мечтаютъ о созданіи новой аристократіи. Эксплуататоры массъ, враги равенства и среднихъ классовъ охотно предложили бы государю такой дѣлежъ: «Вамъ, сказали бы они, область политики, а намъ царство интересовъ. Устройайте, централизуйте свое правительство и поддерживайте въ немъ дисциплину; а намъ уже предоставьте господство надъ матеріальными интересами: мы устроимъ ихъ по-своему.»

Въ оглавленіи этой послѣдней части стоятъ два слова: «Политическія несомѣстности». Употребивъ подобное выраженіе, я оставилъ бы его темнымъ,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
если бы не доказалъ, что оно получаетъ свой настоящій смыслъ въ той промышленной эксплуатаціи, которую капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти называютъ «свободой». И вотъ, желая доказать это, укажу теперь на двѣ великія побѣды новаго феодализма: на свободу торговли и на свободу стачекъ.

Во время обсужденія торговаго трактата, члены Оппозиціи хранили упорное молчаніе; они утвердили его въ тихомолку, вмѣстѣ съ консерваторами, противъ г. Пуйе-Кертъе и его сторонниковъ. Она, эта храбрая Оппозиція, въ глубинѣ души убѣждена, что, подписывая этотъ трактатъ, императорское правительство оказало странѣ великую услугу, и потому завидуетъ его находчивости и завидуетъ молча, избѣгая гласнаго одобренія. Оппозиціонный депутатъ думаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ воздавать должной справедливости правительству, съ которымъ приходится враждовать: поступать иначе значитъ измѣнять своему призванію. Такъ ведутъ себя эти нищіе популярности; въ этомъ – вся ихъ политика!

Жаль, что императоръ, не пускаясь еще по неизвѣстному и скользкому для него пути, не счелъ нужнымъ обратиться къ мыслящей Франціи съ вопросомъ о свободной торговлѣ и не устроилъ публичнаго конкурса, съ цѣлью обсудить этотъ вопросъ гласно, всенародно, на поученіе странѣ и законодательному ея собранію. Я охотно взялся бы самъ за обсужденіе подобнаго предмета и занялся бы имъ точно такъ же, какъ занимался въ свое время изученіемъ вопросовъ о налогѣ, о литературной собственности, о федеративномъ началѣ, о правѣ войны и о трактатахъ 1815 г. И мнѣ думается, что не взирая на шарлатанство однихъ, предубѣжденія другихъ и невѣжество почти всѣхъ, я успѣлъ бы, можетъ быть, избавить страну отъ политическаго акта, который потомство оцѣнитъ такъ же строго, какъ и всѣ прежнія дѣйствія правительствъ, вызванныя тупоуміемъ или ослѣпленіемъ государственныхъ людей.

Здѣсь было бы уже неумѣстно и даже невозможно развивать вопросъ о свободѣ международной торговли во всей его полнотѣ. Вотъ почему мнѣ хочется теперь только выставить на видъ тотъ любопытный и для многихъ неожиданный фактъ, что теорія свободной торговли, во имя которой былъ составленъ, обсужденъ и, наконецъ, подписанъ торговый нашъ договоръ съ Англіей – просто экономическая ложь, такая ложь, которую обнаруживаютъ недавнія правительственные извѣстія. Я былъ бы радъ, если бы высказанная мною мысль, которую не хотятъ до сихъ поръ понять, какъ слѣдуетъ, была развита писателемъ болѣе меня досужнымъ и располагающимъ, кромѣ времени, всѣми необходимыми матеріалами, цифрами, статистическими данными, политическими и философскими знаніями.

Изъ всѣхъ правъ человѣка и гражданина, рабочіе классы наиболее дорожатъ правомъ на трудъ или, говоря върнѣе, обезпеченіемъ труда; и это понятно, потому что такимъ правомъ обуславливается ихъ существованіе и свобода. Но, знаете ли вы, работники, почему учредительное собраніе 1848 г. отказало вамъ въ этомъ обезпеченіи? – по той простой причинѣ, что для обезпеченія труда рабочихъ необходимо предварительно обезпечить сбытъ товаровъ самимъ хозяевамъ, на что какое собраніе, никакое унитарное правительство, враждебное взаимности, состоящее въ союзѣ съ меркантильнымъ и анархическимъ феодализмомъ, положительно неспособно. Обезпечьте, говорю я вамъ, фабричной и торгующей буржуазіи сбытъ ея товаровъ, и она обезпечитъ вамъ, въ свою очередь, какъ работу, такъ и задѣльную плату: для буржуазіи больше ничего не нужно. Иначе ваше право на трудъ – просто мечта, дѣйствіе безъ причины, и правительство, которое рѣшилось бы привести его въ исполненіе, отъ вашего имени, непременно бы погибло.

Первообразъ этой двойной гарантіи труда и обмѣна, одинаково выгодной какъ для буржуаза, такъ и для рабочаго, заявляется въ томъ, что политическая экономія называетъ торговымъ балансомъ или покровительственной системой, выраженной въ учрежденіи таможенъ.

Въ республикѣ, покровительство, оказываемое государствомъ народному труду и торговлѣ, есть контрактъ обезпеченія, въ силу котораго граждане взаимно обѣщаютъ другъ другу покупать и продавать домашнія произведенія предпочтительно передъ иностранными, когда цѣна тѣхъ и другихъ одинакова. Это предпочтеніе не произвольное, а свойственное идеѣ республиканскаго права, а тѣмъ болѣе республиканскаго федеративнаго права. Безъ этого предпочтенія, какая была бы польза называться членомъ республики? Что связывало бы гражданина съ такимъ порядкомъ вещей, въ которомъ его трудъ, произведенія его ремесла оскорбительно отвергались бы въ пользу чужеземцевъ?

Въ государствахъ монархическихъ, принципъ, разумѣется, совсѣмъ другой, хотя результатъ одинъ и тотъ же: торговля и трудъ обезпечиваются самодержцемъ, императоромъ, королемъ, главою политической семьи, естественнымъ покровителемъ. До 1859 г., во всѣ царствованія, эта мысль была господствующею во Франціи. Король, которому конституція дала право заключать союзные и торговые трактаты, зналъ, что, оказывая покровительство, назначая таможенные пошлины въ пользу національной промышленности, земледѣлія и торговли, онъ дѣйствуетъ во имя всѣхъ интересовъ. Это была первая ступень экономическаго прогресса, краеугольный камень будущаго обезпеченія, будущей свободы и равенства.

Я знаю, что таможня – одно изъ самыхъ неудобныхъ учрежденій; въ ней укоренились вопіющія злоупотребленія. Да гдѣ ихъ нѣтъ! Сколько разъ таможенные пошлины были только орудіемъ монополя, тайною самыхъ наглыхъ грабежей! Сколько разъ покровительство труду и торговлѣ обращалось въ подспорье отсталой промышленности иди нелѣпыхъ предпріятій! Прежде чѣмъ обратить свободную торговлю въ орудіе грабежа, монополь долго пользовался таможенной системою: намъ не приходится скрывать этого. Враги грозятъ намъ со всѣхъ сторонъ и, не задумываясь, бросаются на всякую подлую уловку: вотъ почему такъ трудно разрѣшается экономическая задача. Я не думаю защищать таможню, въ которой уже трудъ болѣе не нуждается; я хочу только оправдать намѣреніе и сказать, что уничтоженіе таможенъ – вовсе не послѣднее слово науки, какъ увѣряютъ экономисты. Противъ клеветы людей заинтересованныхъ я возражаю, что цѣль, первая мысль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы сблизить и связать производителей съ купеческимъ сословіемъ и, въ заключеніе, обезпечить трудъ рабочаго народа. Посмѣютъ ли сказать составители торговаго трактата, что они вовсе не заботились принимать во вниманіе этихъ соображеній!

Въ странѣ, гдѣ взаимное обезпеченіе имѣло бы разумное примѣненіе, масса производителей и торговцевъ, само государство, всѣ наконецъ граждане, поддерживая народное хозяйство, покупку и продажу своихъ произведеній, пришли бы по необходимости къ тому убѣжденію, что собственный ихъ интересъ требуетъ установки дешевыхъ цѣнъ, развитія и улучшенія производства и, слѣдовательно, сокращенія государственныхъ расходовъ или налоговъ, издержекъ банковыхъ, вексельныхъ, комиссіонныхъ и проч., которые составляютъ въ современной Франціи, по меньшей мѣрѣ, 25% съ настоящей цѣны годового производства страны.

И такъ, обезпеченіе труда рабочимъ, обезпеченіе сбыта хозяевамъ, сокращеніе налоговъ, пониженіе процентовъ, получаемыхъ въ различныхъ видахъ капиталомъ съ производства и обращенія товаровъ: вотъ что, съ перваго взгляда, выражаетъ собою идея покровительственной системы; вотъ что лежитъ въ основаніи таможни, этого гадкаго учрежденія.

Вотъ почему, когда экономисты, глашатаи свободной торговли, когда академики, профессора, государственные совѣтники, журналисты, даже нѣкоторые бывшіе фабриканты, подстрекаемые англичанами Брайтомъ и Кобденомъ, предложили Наполеону III рѣшить своею самодержавною властію вопросъ народнаго интереса и права взаимности, вопросъ, въ которомъ императоръ вздумалъ явиться судьей, то, играя роль отца и покровителя народа, онъ долженъ былъ сказать: «Какъ! – у меня есть только одно средство добиться того обезпеченія труда, котораго республика не могла дать рабочимъ, и вы хотите, чтобы я отрекся отъ этого средства ради прославленія вашей нелѣпой системы! Какъ! – для сокращенія налоговъ, для укрощенія ненасытной алчности казны у меня есть только одно средство – поддержать дешевизну нашихъ произведеній, а вы хотите, чтобы я далъ возможность возростать бюджету и уничтожить промышленную и торговую солидарность между департаментами и общинами! Въ виду финансоваго феодализма, наконецъ, который господствуетъ надъ правительствомъ и держитъ всѣхъ насъ въ страхѣ, у насъ есть также единственное средство – научиться обходиться безъ его услугъ, подчиняясь спасительнымъ началамъ взаимности: а вы толкуете о томъ, чтобы еще болѣе усилить гнетъ капитала при содѣйствіи иностранныхъ барышниковъ! Но что же будетъ съ нами, когда исчезнетъ всякая солидарность, когда народное хозяйство пропадетъ въ анархіи, когда собственникъ удвоитъ плату за наемъ своей собственности; когда рабочій потребуетъ увеличенія задѣльной платы; когда банкиръ возвыситъ свой учетъ; когда купецъ набьетъ цѣну на свои товары; когда я самъ, императоръ, буду принужденъ, наконецъ, увеличить жалованье чиновника и солдата?!.. Обезпечьте мнѣ трудъ миллионовъ рабочихъ; обезпечьте мнѣ справедливую плату за этотъ трудъ; обезпечьте мне

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
легкость сбора налоговъ въ два съ половиною милліарда; избавьте имперію отъ этой аристократіи, которая скоро поглотитъ насъ всѣхъ, – и я согласенъ на то, что вы требуете. Я даю вамъ право распоряжаться судьбою всѣхъ отраслей промышленности и земледѣліемъ страны. Я согласенъ, – но только на нѣсколько лѣтъ быть отвѣтственнымъ издателемъ вашей свободной торговли.»

Не такъ разсудило императорское правительство. Правда, что среди его слугъ и друзей не нашлось никого, кто высказалъ бы ему правду и разсѣялъ густой мракъ софистики. Побужденія зависти приняли за справедливость; во имя свободы не признали, отвергнули непремѣнное условіе свободы и государства – экономическую солидарность; разорвали послѣднюю связь рабочаго класса съ буржуазіей; расширили кругъ дѣйствія космополитическаго грабежа, бездомной спекуляціи; отважились даже на такое дѣло, котораго слѣдовало особенно остерегаться, по тому что оно болѣе всего угодно Англіи. Вышло то, чего и надо было ожидать: бюджетъ все растетъ и растетъ, жизнь становится все дороже и труднѣе. Но правительство можетъ сказать и сказать себѣ на славу, какъ увѣряютъ его безразсудные совѣтники, что отнынѣ оно никому не покровительствуетъ, ни работникамъ, ни хозяевамъ, ни народному труду, ни народной торговлѣ, ни промышленности, ни земледѣлію, и даже не обезпечиваетъ неприкосновенности государственныхъ владѣній, потому что иностраннымъ капиталистамъ, друзьямъ свободной торговли, дается полная возможность захватить лучшія земли. И обратно: всякій, сознавая теперь, что онъ долженъ разсчитывать только на себя и заботиться о своемъ интересѣ, будетъ имѣть право сказать, что ему бесполезно дорожить народною пользою. Послѣ этого, какое дѣло департаментамъ до судьбы Франціи, которой они отнынѣ ничѣмъ не обязаны? Одно изъ двухъ: или они будутъ вести конкуренцію съ иностранцами собственными силами, и въ такомъ случаѣ всѣмъ будутъ обязаны только себѣ; или же они падутъ въ этой борьбѣ, и тогда въ правѣ будутъ обвинять въ измѣнѣ эту Францію, съ которою ихъ связала судьба.

Но въ чемъ же состоитъ эта пресловутая теорія свободной торговли, которая получила какимъ то чудомъ во Франціи, въ царствованіе одного Бонапарта и къ явной выгодѣ англичанъ, такое господство надъ экономическимъ порядкомъ и главными интересами страны.

II. – Проповѣдники свободной торговли, Кобденъ и Бастія утверждаютъ слѣдующее:

1) По принципу: всякая взаимность бесполезна; въ ней не нуждаются ни производители и потребители, ни работники и хозяева, ни правила честныхъ сдѣлокъ и общественной нравственности, ни безопасность народа и государства. Система взаимныхъ обезпеченій, имѣя цѣлью уничтожить опасныя послѣдствія конкуренціи, монополя, собственности, машиннаго производства, кредита, налога и проч., принесла бы, вмѣсто пользы, даже гораздо болѣе вреда, чѣмъ таможенная система; слѣдовательно, лучше всего ничего не обѣщать, ничего не обезпечивать – ни труда, ни обмѣна, ни дешевизны, ни честности; слѣдовательно, слѣдуетъ во чтобы то ни стало держаться простой, родной свободы и дѣйствовать въ ея интересахъ; нѣтъ права, справедливости, нравственности, короче – нѣтъ ничего, что могло бы сравняться со свободою, свободою анархическою, свободою безусловною.

2) Что же касается послѣдствій свободной торговли, какъ относительно труда рабочихъ, сбыта товаровъ, риска вновь-заводимой отрасли промышленности, такъ и относительно вывоза звонкой монеты и финансовыхъ кризисовъ, за которыми всегда неизбѣжно слѣдуютъ кризисы торговые, – то теоретики свободной торговли утверждаютъ, что всѣ эти опасенія неумѣстны, что въ сущности товары мѣняются не на деньги, а на товары; что если изъ двухъ народовъ А и В, торгующихъ между собой, въ настоящемъ году А долженъ приплатить извѣстную сумму звонкою монетой, то въ будущемъ году В долженъ будетъ возратить эту сумму; что чѣмъ болѣе въ странѣ денегъ, тѣмъ болѣе уменьшается ихъ относительная цѣнность, какъ товара, тѣмъ болѣе, вслѣдствіе этого, онъ сами стремятся перейти туда, гдѣ ихъ мало, т. е. обмѣняются на товары; что такимъ образомъ возстанавливается равновѣсіе и никто ничего не теряетъ; что наконецъ, такъ какъ не всякій климатъ способствуетъ производству разнаго рода богатствъ, то для народа нѣтъ никакого разчета производить дорого такіе предметы, которые легко и дешево можно получить изъ другихъ, благодатныхъ странъ.

Такова теорія свободной торговли, приведенная къ своему простѣйшему выраженію и освобожденная отъ пустословія и нелѣпой декламации. Такова эта теорія въ дѣйствительности: въ ней ни больше, ни меньше того, что я

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org сказалъ, потому что, при малѣйшемъ намекѣ даже на необходимость социальной, народной гарантіи, все ученіе о свободной торговлѣ теряетъ свой абсолютный смыслъ и обращается въ явное противорѣчіе.

Свободная торговля, даже безъ взаимности, – понимаете ли? – значить со всемъ неравенствомъ, которое поддерживаетъ между людьми рожденіе и богатство, капиталъ и нищета, образованіе и невѣжество. Я твердо убѣжденъ, разумѣется, что, бесѣдуя съ Наполеономъ III, гг. Брайтъ и Кобденъ не доводили своихъ разсужденій до основного принципа. Безъ взаимности! – такой принципъ возмутилъ бы даже Наполеона III.

Я предупредилъ уже, что не буду вдаваться въ подробный разборъ теоріи свободной торговли. Въ настоящую минуту, цѣль моя совершенно иная. Приведа эту пресловутую теорію къ ея простѣйшему выраженію, я укажу только на то, какъ и почему слѣдуетъ ее отрицать.

Софистика свободной торговли очень распространена въ настоящее время; она господствуетъ не только въ политической экономіи, но стремится проникнуть всюду, изгоняя изъ жизни принципы нравственности, права и даже искусства. Эта теорія, радикально ложная, въ сущности ничто иное, какъ та же самая извѣстная и отпѣтая теорія искусства для искусства, любви для любви, наслажденія для наслажденія, войны для войны, правительства для правительства и т. д., короче – всѣ формулы, которыя, отрицая нравственность, науку, право, законы логики, природы и разума, сводятся на нелепую фразу: свобода для свободы.

Нѣтъ, говорю я, Свобода не можетъ сама по себѣ замѣнить законовъ Совѣсти и Науки; другими словами: Истина, Разумъ, Обязанность и Право не разрѣшаются въ Свободѣ, какъ въ основномъ принципѣ. Разумность совсѣмъ не то, что Свобода; любовь и искусство тоже не Свобода; общество и справедливость тѣмъ болѣе не то, что Свобода. Ни одинъ изъ этихъ принциповъ, необходимыхъ для социальнаго порядка, не заключается въ Свободѣ, хотя и всѣ въ ней нуждаются. Вотъ почему мало сказать, что торговля, трудъ, кредитъ или собственность должны быть только свободны: отъ этого они не станутъ еще справедливыми. Какъ членъ общества, я желаю и требую Свободы; но она меня не вполне удовлетворяетъ. Въ экономическихъ отношеніяхъ съ моими ближними, кромѣ одной Свободы, я требую Истины, Взаимности и Права, точно такъ же, какъ въ Искусствѣ требую вкуса и здраваго смысла, въ Промышленности – пользы, въ Наукѣ – точности и метода. Но вотъ этихъ самыхъ условій, безъ которыхъ для меня немислима ни Свобода, ни Искусство, ни Философія, ни Наука, вотъ этихъ условій именно и нѣтъ въ свободной торговлѣ.

Если философія и нравственность доказываютъ a priori всю ложь принципа свободной торговли, то и самые факты, въ свою очередь, подтверждаютъ эту ложь.

Неправда, что всякій народъ долженъ отказаться отъ такой промышленности, которая даетъ ему мало выгодъ, и заняться другимъ, болѣе прибыльнымъ производствомъ. Неправда тутъ очевидна, потому что людямъ пришлось бы отказаться отъ трехъ четвертей человѣческаго труда. Основаніе и средства всякаго производства заключаются въ почвѣ; но почвы бываютъ различной плодородности и, притомъ, если земля уже раздѣлена, то, во имя политической и социальной солидарности, болѣе счастливые земледѣльцы должны какимъ-нибудь образомъ покровительствовать менѣе счастливымъ и уравнивать свои отношенія.

Съ другой стороны, неправда, что различіе въ климатѣ и почвѣ можетъ современемъ изгладиться при помощи капиталовъ, труда и генія, какъ увѣряютъ проповѣдники безусловной свободы торговли, ожидающіе всѣхъ благъ отъ развитія международной конкуренціи. Причины богатства измѣнчивы; промышленность измѣняется въ свою очередь, и само общество, по своей прихоти и минутнымъ увлеченіямъ, постоянно вліяетъ на рынокъ и на самое производство. Сегодня выгоды обмѣна на одной сторонѣ, а завтра – на другой: обращать такое непостоянство, такую борьбу въ законъ международных сношеній и сдѣлокъ не значить ли требовать конкуренціи для конкуренціи, обмѣна для обмѣна, и, взаменъ всеобщаго обезпеченія, укоренять космополитическій ажіотажъ?!

Неправда, что золото и серебро въ монетѣ, какъ ложно и подложно увѣряютъ экономисты, имѣютъ такое же отношеніе къ рынку, какъ всякій другой товаръ, такъ что вывозъ звонкой монеты не наноситъ странѣ никакого ущерба. Нѣтъ, говорю я, неправда! Взгляните, что дѣлается: на нашихъ глазахъ, въ теченіе

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
уже шести мѣсяцевъ, разыгрывается финансовый кризисъ, такой кризисъ,
который поднялъ учетный процентъ съ шести на восемь и обратился, наконецъ,
въ кризисъ торговый и промышленный.

Слушайте, экономисты: неправда даже и то, что торговья выгоды одинаковы въ
случаѣ совершенной взаимности, т. е. въ томъ случаѣ, когда торговый балансъ
равно благопріятенъ обѣимъ сторонамъ; надо имѣть въ виду разницу какъ
цѣнности полезной, которую даетъ сама природа, такъ и цѣнности мѣновой,
созданной трудомъ и заключающейся въ продуктахъ.

Неправда, наконецъ, – и это отрицаніе вытекаетъ изъ предъидущихъ, – что
народу, на сторонѣ котораго былъ бы постоянный перевѣсъ въ торговлѣ, все шло
бы на пользу и обогащеніе: торговымъ балансомъ воспользуются купцы и
богачи-фабриканты; что же касается массы рабочихъ, то они ничего не
выиграютъ; ихъ по прежнему будутъ эксплуатировать и грабить.

Вотъ тѣ главныя положенія, которыя я хотѣлъ бы развить во всей подробности,
съ цѣлью обличить ложь и шарлатанство защитниковъ свободной торговли; къ
сожалѣнію, здѣсь для этого нѣтъ мѣста. Да и къ чему бы это послужило?
Довольно будетъ и того, если, на основаніи собственныхъ признаній
виновниковъ торговаго трактата и объясненій самого правительства, я докажу,
что теорія свободной торговли – экономическая ложь.

Когда, въ последнее засѣданіе законодательнаго корпуса, г. Пуйе-Кертъе
явился со своею критикою торговаго договора и, опираясь на массу цифръ,
показалъ громадность дефицита и доказалъ какимъ образомъ въ этомъ договорѣ,
всѣ выгоды были на сторонѣ Англіи, а невыгоды на сторонѣ Франціи; когда онъ
выставилъ на видъ, что съ увеличеніемъ привоза во Франціи все болѣе и болѣе
падалъ трудъ, уменьшалась задѣльная плата рабочихъ и положеніе ихъ
становилось со дня на день все хуже и хуже, – когда все это разсказалъ и
доказалъ г. Пуйе-Кертъе, – лица членовъ собранія невольно вытянулись и всѣ
зашевелились на мѣстахъ своихъ. Что ожидало правительственную
непогрѣшимость, если бы положеніе дѣлъ, разоблаченное г. Пуйе-Кертъе,
продержалось еще года два?... Тутъ не приходилось уже смѣяться надъ старымъ
предразсудкомъ, т. е. надъ торговымъ балансомъ. Тутъ было уже неумѣстно
издѣваться надъ великимъ Кольберомъ, основателемъ французской
промышленности и торговли, творцемъ всего великолѣпія Людовика XIV, и
называть его жалкимъ министромъ за то, что онъ первый сталъ
покровительствовать народной промышленности. Тутъ нельзя было шутить и на
счетъ непомѣрнаго вывоза за границу звонкой монеты. И что могли возразить
руанскому депутату? Кто рѣшился сказать ему, что отсутствіе взаимности,
которое обнаруживается поминутно на практикѣ договора свободной торговли
вовсе не бѣда; что взаимность ничто, а свобода все; что превосходство
основного принципа торговаго договора въ томъ именно и состоитъ, что онъ не
требуетъ отъ договаривающихся сторонъ никакой взаимности?... Далѣе, входя въ
подробности, кто осмѣлился замѣтить г. Пуйе-Кертъе, что онъ напрасно
безпокоится о вывозѣ звонкой монеты, потому что ее слѣдуетъ считать
простымъ товаромъ, который въ заграничной торговлѣ обмѣнивается только на
другіе товары безъ всякаго ущерба для продавцовъ и покупателей? Кто сталъ
доказывать ему, что вывезенныя деньги рано или поздно возвратятся
непремѣнно, даже и въ томъ случаѣ, когда за нихъ придется отдать въ залогъ
или совсѣмъ уступить иностранцамъ наши земли, по примѣру Италіи? Кто
вздумалъ, наконецъ, возразить ему, что нельзя жаловаться на дурное
состояніе французскаго флота, потому что такое состояніе для насъ
несравненно выгоднѣе: оно доказываетъ, что, при дороговизнѣ перевозки на
французскихъ корабляхъ, Англія охотно возметъ за это дѣло и сдѣлается не
только нашею слугою, но и данницею?!

О нѣтъ! Ни у одного изъ депутатовъ законодательнаго собранія не повернулся
языкъ сдѣлать хоть одно изъ подобныхъ возраженій, которыя приводятъ въ
своихъ сочиненіяхъ проповѣдники свободной торговли. Да, въ палатѣ никто не
рѣшился повторять нелѣпыхъ возраженій, придуманныхъ экономистами, потому
что каждый зналъ, что это возбудило бы общее негодованіе. И вотъ, вмѣсто
всякаго прямого возраженія, ораторы пытались только смягчить и ослабить то
мрачное и тяжелое впечатлѣніе, которое произвелъ г. Пуйе-Кертъе на всю
палату; они старались только указать на, ошибки нѣкоторыхъ его вычисленій
и, осуждая сами торговую дѣятельность съ 1859 по 1862 г., предсказывали
французской торговлѣ блестящую будущность!...

И такъ, въ этомъ спорѣ по поводу торговаго договора, въ этомъ спорѣ, въ
которомъ шло дѣло не только о самой практикѣ торговли, но и о теоріи

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org свободной торговли, – защитники этой теории вовсе не думали опираться на ее основные принципы; напротив того: для защиты ее они прямо пользовались доводами меркантилистов и о будущем ее развитии говорили, как будто дело шло о результатах таможенной системы! Эти защитники говорили, что Франция, как держава промышленная, не имеет соперников; что ей стоит только захотеть – и в труд она будет блистать точно так же, как блистает на войне; что она сама не сомневается в громадности своих средств; что главный ее недостаток заключается в недоверии к своему гению; что если в начале дела она кажется слабой, то скоро потом заявляет свое превосходство; что поэтому не следует никогда осуждать заранее правительство, которое берется за дело народного развития, и не следует обвинять тем более, что впоследствии придется благодарить правительство за его мудрость и благоденствие свободной торговли...

Выслушав такое оправдание торгового договора с Англией, депутаты-патриоты могли спросить в палате: «Кого здесь надувают? Как! – мы считаем себя связанными с Англией договором свободной торговли – и рассуждаем о ней, как будто вопрос идет о покровительственной системе! Как? – тому, кто упрекает правительство за нарушение торгового баланса страны, тому, кто доказывает, что мы в убытке на двести или на триста миллионов, тому говорят: Терпение! – будет и на вашей улице праздник!»... Но о чем говорить! Разве наши пустомели-депутаты чтонибудь смыслят в экономических вопросах? – Эти господа умьют только мутить воду, в которой ловят рыбу другие, искусные ловцы. Этим господам, великим политикам, хочется чесать язык, когда подымается вопрос о принципе национальностей; об этом вопросе они станут охотно рассуждать по три часа сряду, не переводя духа. Но национальный труд, национальная промышленность, национальное обеспечение, – словом все, что составляет самую сущность национальности, – все это для них материализм, эгоизм, шовинизм и больше ничего. О да, французская пресса и трибуна – просто клад для Англии! Ораторы оппозиции стоят на одном уровне умственного развития с журнальными писаками; пусть же они все лучше убираются в Англию: там, конечно, их примут, как друзей и братьев.

Англия и Бельгия доказали своим примером, что если вывозная торговля и промышленность составляют для шайки капиталистов и барышников источник громадного и быстрого обогащения, то она обращается в тоже время для рабочих масс в причину безвыходной нищеты и неискоренимого рабства.

III. – Еще несколько слов об этом предмете, – и я кончаю.

Свободная торговля, точно так же, как свободный труд, свободная конкуренция и множество других вещей, которая в моду теперь величают свободными, может пониматься в двояком смысле. Одно из двух: или дело идет о свободе торговли со всеми ее обеспечениями, какия требуются экономическим правом, а именно – честностью, взаимностью и равенством, – то в этом случае, очевидно, что свобода торговых сделок окажется на практике добросовестною, полезною, плодотворною и вполне безупречною; считаю лишним говорить, что в этом смысле я могу тоже назваться проповедником свободной торговли. Или же наоборот: если под свободой торговли понимать, вместе с экономистами английской школы, необузданное своеволие всякого рода сделок, без малейшего признания права, взаимности, равенства и безопасности: в таком случае не менее очевидно, что подобное торгашество, основанное на плутне, обмане и явной недобросовестности, – ничто иное как подлог и западня; вот почему всякий экономист, если он только дорожит своею честью и благом своей родины, должен с негодованием отрицать такую свободу торговли.

Явления своевольной торговли или торговли анархической, не признающей никаких обеспечений, должны рассматриваться с двух различных точек зрения: 1) смотря потому – будут ли товары, которыми обмениваются две нации, находиться в неравных количествах, т. е. будет ли одна сторона, которая вывозит меньше, чем получает, принуждена оплачивать разницу между привозом и вывозом наличными деньгами; или 2) смотря потому – будут ли товары меняться на товары в равных количествах, т. е. сохранится ли торговый баланс и ни одной нации не придется отдавать звонкой монеты.

Первый из этих случаев, т. е. тот случай, когда при неравенстве обмена товаров на товары, приходится вывозить деньги, до сих пор был единственным, на который обращали внимание экономисты и депутаты

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org законодательного собрания. Какъ противники, такъ и защитники торговыхъ договоровъ, всѣ депутаты и министры, государственные люди и экономисты одинаково понимали, какихъ опасныхъ послѣдствій можетъ ожидать Франція въ случаѣ постоянного нарушенія баланса вѣншей торговли. Кризисъ финансовый, денежный, вынужденная закупка драгоцѣнныхъ металловъ, отдача въ залогъ иностранцамъ государственныхъ земель – еще не всѣ послѣдствія, какихъ можно ожидать отъ подобнаго нарушенія. Вотъ почему, въ виду тѣхъ возмутительныхъ фактовъ, которые обнаружилъ г. Пуйе-Кертъе, ложь свободной торговли не могла устоять, и всѣ софизмы были забыты; спокойствіе настало не раньше той минуты, когда, указывая на статистическія и официальные данныя, стали громко говорить: успокойтесь, потому что въ этомъ году, для уравненія торговаго баланса, намъ заплатятъ 255 милліоновъ звонкою монетой. Ни мудрость властей, ни критика буржуазовъ больше этого ничего не смыслятъ въ вопросъ заграничной торговли.

Кто говоритъ о свободной торговлѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее анархическая школа экономистовъ, тотъ непременно и въ томъ же самомъ смыслѣ говоритъ о свободной конкуренціи: эти два выраженія могутъ приниматься за синонимы. Этого еще мало: по закону аналогіи и по неизбѣжности послѣдствій, въ силу того же самаго отрицательнаго опредѣленія свободы, за свободною торговлею и за свободною конкуренціею слѣдуютъ: свободная промышленность, свободный кредитъ, свободная собственность, свободная ипотека и т. д. Всѣ эти виды свободы выражаются одною формулою подъ названіемъ свободной политической экономіи, т. е. экономіи беззаконной, отрицающей взаимность и права общества.

Намъ извѣстны хорошія и пагубныя явленія вольнаго соперничества въ торговыхъ сношеніяхъ между народами; мы видѣли, и сама исторія ежедневно подтверждаетъ, что это соперничество, выражаясь нарушеніемъ торговаго баланса, разрѣшается неизбѣжнымъ вывозомъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ звонкой монеты, постоянными займами, насильственнымъ отчужденіемъ государственныхъ земель, и влечетъ за собою поработеніе, униженіе и потерю народной независимости. Не говоря уже о другихъ странахъ, укажу только на Францію, гдѣ главными банкирскими дѣлами занимаются преимущественно иностранцы – англичане, голландцы, бельгійцы, нѣмцы, швейцарцы, жида и пр.; гдѣ лучшія наши земли въ Турени, Бургундіи, возлѣ Бордо, и всѣ самыя дорогіе виноградники находятся точно также въ рукахъ иноплемениковъ. Скоро можетъ быть настанетъ пора, когда французскій народъ, все рабочее и среднее сословіе, обратится въ толпу наемниковъ и арендаторовъ, работающихъ на чужіе карманы и желудки.

Дѣйствительно: точно такъ же, какъ свободная торговля или свободная конкуренція неизбѣжно предполагаетъ и вызываетъ вольную промышленность, вольный кредитъ, вольное лихоимство, вольную монополию, вольную собственность, – одинаковымъ образомъ и капитальная торговля (le grand commerce) и капитальная конкуренція, заведенная во славу вольной международной торговли вызываетъ, въ свою очередь, – капитальную промышленность, капитальные банкирскія предпріятія, капитально-чудовищныя анонимныя компаніи, капитально-лихвенные барыши, капитальную спекуляцію, капитально-феодалную собственность, короче всѣ тѣ вопіющія мерзости экономическаго міра, которыя выражаются теперь въ стачкѣ феодаловъ и монополистовъ капитала, промышленности, денежной спекуляціи и собственности.

Вотъ нѣсколько цифръ, вотъ нѣсколько простыхъ вычисленій, которыя дадутъ вамъ разгадку тайны этого ужасающаго общественнаго переворота, предвидѣннаго уже болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ.

При какихъ условіяхъ страна можетъ прокормить наибольшее число жителей, давая имъ наибольшее благосостояніе? Знаете ли это вы, добродушные наемники, которымъ никогда не придется владѣть даже клочкомъ земли? Знаете ли это вы, которые рукоплещете при словахъ: свободная торговля и національность? Думали ли вы даже когда нибудь объ этомъ вопросѣ?

Отвѣчать на заданный вопросъ, впрочемъ, очень легко и стоитъ только повторить его, чтобы отвѣтъ представился самъ собой. И такъ, я повторяю: при какихъ условіяхъ страна можетъ прокормить наибольшее число жителей, давая всѣмъ наибольшее благосостояніе? – и отвѣчаю: при тѣхъ условіяхъ, когда всѣ пользуются плодами своего труда, когда богатства и состоянія возможно болѣе уравнены и когда каждый работаетъ.

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Я увѣренъ, что ни одинъ экономистъ, даже ни одинъ аристократъ не станутъ сомнѣваться въ истинѣ этого отвѣта. Теперѣ слѣдите за моимъ разсужденіемъ.

Современная Франція имѣетъ 54 милліона гектаровъ земли.

Изъ числа этихъ 54 милліоновъ гектаровъ, приблизительно находится:

Пахатныхъ земель	27,000,000	гект.
Виноградниковъ, садовъ и огородовъ	2,777,000	
Луговъ	4,834,000	
Полей для разнаго посѣва	1,000,000	
Пустошей, пастбищъ	7,800,000	
Рошь и лѣсовъ	8,500,000	
Рѣкъ, озеръ, прудовъ, каналовъ и пр.	213,800	

Семейство крестьянъ–собственниковъ, работающее своими руками и состоящее изъ четырехъ или пяти человекъ, можетъ жить безбѣдно, если владѣетъ собственностью, которая заключаетъ въ себѣ:

Пахатныхъ земель	3	гект.	»	аръ.
Садовъ и огородовъ	»		»	30 аръ
Луговъ	»	54		
Полей для разнаго посѣва	»	12		
Лѣсовъ, пустошей, выгоновъ и пр.	»			96
Всего	4	гект.		92 ара.

Говоря проще, каждое семейство крестьянъ, состоящее изъ 4 или 5 человекъ, можетъ просуществовать безъ нужды, владѣя 5 гектарами земли. Занимаясь ея обработкою, оно будетъ имѣть возможность не только уплачивать государственныя подати, но даже имѣть избытокъ продуктовъ, на которые можетъ покупать разныя произведенія промышленности, необходимыя для земледѣльческаго хозяйства и домашняго обихода. Расходъ на всѣ эти покупки, вмѣстѣ съ податью, положимъ, будетъ равняться одной трети общаго годоваго расхода на всѣ потребности.

При такомъ разсчетѣ, мы находимъ, что населеніе Франціи, надѣленное землею и занятое работою, можетъ состоять изъ 9 милліоновъ земледѣльческихъ семействъ, что будетъ равняться населенію до 40 милліоновъ человекъ. Прибавляя къ этому числу еще одну треть населенія, занятаго фабричнымъ, заводскимъ и ремесленнымъ дѣломъ, а также чиновниковъ, солдатъ и пр., т. е. около 13,500,000, – все населеніе Франціи дойдетъ до 53,500,000. Многіе полагаютъ даже, что Франція можетъ легко прокормить вдвое болѣе этого числа жителей.

Но сколько, въ настоящее время, не достаётъ жителей во Франціи, чтобы населеніе ея достигло этой цифры? – Почти 16 милліоновъ.

Отчего же происходитъ такой недостатокъ? Онъ происходитъ, какъ я сказалъ уже, оттого, что состоянія и богатства крайне неравны, множество людей вовсе не работаетъ или занимается трудомъ непроизводительнымъ. Другими словами: причина недостаточнаго населенія кроется въ развитіи капитальной конкуренціи, капитальной промышленности, капитальной спекуляціи и капитально–феодальной собственности. Это развитіе дѣлается на счетъ средняго и рабочаго сословія и стремится охватить собою всю Европу, весь міръ, наконецъ, путемъ свободной торговли.

Я представилъ сейчасъ разсчетъ, по которому семейство крестьянина, въ числѣ четырехъ или пяти человекъ, можетъ существовать безбѣдно и, кромѣ уплаты податей, пользоваться разными произведеніями промышленности въ томъ случаѣ, когда владѣетъ пятью гектарами (десятинами) земли. Этого количества земли, частью пахатной, а частью негодной для обработки, однако далеко недостаточно для такого семейства, которое живетъ арендою и, слѣдовательно, само не работаетъ. Напримѣръ, во Франшъ–Конте, въ провинціи, не одной изъ лучшихъ, но и не изъ худшихъ, чистый поземельный доходъ съ одного гектара пахатной земли бываетъ обыкновенно около 50 франковъ: отсюда видно, что для семейства мелкаго сельскаго буржуаза, который хочетъ получать 5,000 франковъ годоваго дохода, необходимо, по крайней мѣрѣ, до 100 гектаровъ удобной земли, не считая пастбищныхъ выгоновъ и пр., то есть необходимо въ тридцать разъ болѣе того, что достаточно семейству рабочаго крестьянина!... Сообразите это демократы, поклонники свободной торговли! Сообразите еще разъ, что собственность, потребная для семейства буржуаза, живущаго хотя и скромно, но не работою, а доходами, относится къ собственности работника–крестьянина, какъ 30:1. – Остальное – кому придется.

Это еще не все: крупному землевладельцу необходимо, например, разводить парки, аллеи, оранжереи, вырывать пруды, – короче, ему необходимо увеличивать мертвое пространство: в этом выражается его роскошь. Нерядко такой самодур расходует на глупую страсть уничтожить почву гораздо больше, чем целый округ на устройство и поддержание путей сообщения.

По данным статистики можно считать, что количество всякого мяса, рыбы, дичи, которое потребляется во Франции, составляет до 900 миллионов килограммов, то есть по 22 1/2 килогр. в год на человека или по 62 грамма в сутки. Цены на мясо бывают различны, смотря по качеству и вырезке кусков – от 1,20 фр. до 3,60 фр. за килограмм говядины, от 0,90 до 2,20 фр. за баранину и телятину, и от 1,40 до 1,60 фр. за свинину. Предполагая даже, что, в будущем порядке взаимного обеспечения и равенства, общее количество ежегодного потребления мяса не увеличится, то 62 грамма или поль-ливра в сутки на крестьянское семейство все-таки лучше, чем ничего: этого количества мяса достанет, по крайней мере, на то, чтобы иметь подобие супа и не хлебать горячую воду. Но не то дѣлается теперь во Франции, где точно так же, как в Англии, Фландрии и Голландии, всякий имеющий средства покупать мясо, потребляет его в большом количестве: таким образом, считая даже, что во Франции потребляют мясо 12 миллионов чел., окажется, что от мясной пищи воздерживаются больше 25 миллионов.

По вычислениям видно, что во Франции ежегодно выдѣливается до 30,000,000 гектолитров вина. Из этого числа, 5 или 6 миллионов обращаются в водку и почти такое же количество вывозится за границу. Таким образом, для всѣдневнаго потребления остается только 20,000,000 гектолитров, т. е. 50 литров в год на человека, или говоря лучше по стаканчику в день на человека. Вот почему каждый, выпивающий в день больше одного стаканчика заставляет другого воздерживаться от вина.

Здѣсь я считаю нелишним представить приблизительный счет ежедневнаго расхода парижскаго рабочаго на свой обѣдъ:

Хлѣбъ	» франкъ	30	сантим.
Супъ	» франкъ	15	
Мясо и зелень	» франкъ	50	
Вино (четверть литра)	» франкъ	20	
Кофе	» франкъ	10	
Итого	1 франкъ	25	сантим.

Составим теперь расчет – во что обойдется столъ, разумеется не миллионера, а просто достаточнаго и скромнаго буржуаза:

Завтракъ: кофе, котлетка или бивстексъ.	1 фр.	50 с.
Обѣдъ: Хлѣбъ	» фр.	20
Супъ	» фр.	50
Мясо, рыба, дичь	1 фр.	50
Зелень или салатъ	» фр.	75
Дессертъ	» фр.	50
Вино	1	–
Кофе, ликеры	» фр.	80
Итого	6 фр.	75 с.

И такъ, какъ мы видимъ, одному человеку вовсе не тяжело ѣсть за пятерыхъ: все дѣло в томъ, чтобы платить. Но теперь насъ занимаетъ вовсе не этотъ, а другой вопросъ. – Существуетъ ли какая нибудь экономическая независимость между этимъ неравенствомъ отношеній и свободною торговлею? Всякій, кто мало мальски разсуждаетъ и не забылъ того, о чемъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ, согласится вполне со слѣдующимъ выводомъ, который я выражу в нѣсколькихъ словахъ:

Въ обществѣ, основанномъ на истинно-демократическихъ началахъ, въ обществѣ, гдѣ, вслѣдствіе гражданскаго и политическаго равенства, заявляется неудержимое стремленіе къ уравненію богатствъ, представляется только одно средство поддержать туеядство и неравенство наслажденій; это средство заключается в томъ, чтобы связать вмѣстѣ: 1) централизацию; 2) налоги (см. выше гл. I); 3) государственные долги; 4) крупную монополию (анонимныя компаніи желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, газоваго освѣщенія и пр., должность маклеровъ и пр.); 5) несолидарность или экономическую анархію; 6) свободу лихоимства и 7) свободу внѣшней торговли.

На дѣль оказывается, что для удобнаго, я не говорю роскошнаго, проживанія

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
250,000 семействъ, т. е. одного милліона человекъ изъ числа 40,000,000 жителей, приходится взимать изъ суммы общаго потребления страны 2 милліарда, 500,000,000, считая только по 10,000 фр. на семейство. Такъ какъ поземельный доходъ не великъ, потому что онъ даетъ едва ли болѣе 50 франковъ чистаго барыша на десятину, то является необходимость организовать огромную феодальную, меркантильно промышленную систему и за тѣмъ завести множество доходныхъ должностей на государственной и общественной службѣ, уменьшить запашки, съ цѣлью увеличить сборъ овса и фуража для разведенія рогатаго скота, потому что количество мяса было бы очень недостаточно, если бы оставить посѣвы въ прежнихъ размѣрахъ; за тѣмъ необходимо возстановить крупную собственность, роскошное владѣніе, гдѣ было бы довольно мѣста для великолѣпія и забавы тунеядцевъ; наконецъ слѣдуетъ уменьшить размноженіе народонаселенія для избѣжанія опасности отъ развитія нищеты.

Въ этой организаціи новаго феодализма, свободная торговля играетъ большую роль. Благодаря ей, анархическая конкуренція въ международныхъ сношеніяхъ достигаетъ своего высшаго предѣла; мелкая промышленность окончательно поглощается и уничтожается; населенія мелкихъ поземельныхъ собственниковъ исподволь обращаются въ толпу наемниковъ; средній классъ вовсе исчезаетъ и рабочій классъ становится покорною, обузданной массою чернорабочихъ рабовъ; – и все это достигается тѣмъ вѣрнѣе и неизбѣжнѣе, что удары, которые наносятся народу, совершенно неотразимы, кажутся ему рѣшеніемъ самой судьбы. Да, благодаря обаянію слова «свобода», которымъ такъ ловко умѣютъ пользоваться, рабочій народъ увлекается въ бездну ужасной нищеты.

Такимъ образомъ, сама необходимость вещей ведетъ современное французское общество къ такому отчаянному состоянію, которое можно изобразить въ формѣ слѣдующаго договора:

1) Крупные монополисты собственники, капиталисты, фабриканты и заводчики, купцы, ростовщики, банкиры, высшіе государственные чины вступаютъ въ тайный заговоръ и въ стачку противъ разрозненной толпы мелкихъ собственниковъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и вообще противъ всѣхъ рабочихъ, поденщиковъ и наемниковъ, которые путемъ политическаго и гражданскаго равенства въ силу экономическаго права и договора взаимности, стремятся или должны, по крайней мѣрѣ, стремиться къ уравниванію состояній и богатствъ, то есть къ уничтоженію упомянутыхъ крупныхъ собственниковъ, капиталистовъ и проч.

2) Вслѣдствіе того, что самый многочисленный и бѣдный классъ земледѣльцевъ и рабочихъ желаетъ обезпечить свой трудъ и стремится улучшить свое положеніе по принципу взаимности, – монополисты слѣдуютъ противному принципу несолидарности и свободы торговли.

3) Для достиженія этой цѣли, заговорщики принимаютъ самыя рѣшительныя мѣры противъ образованія не только рабочихъ товариществъ, но и всѣхъ мелкихъ промышленныхъ обществъ, которыя добиваются самостоятельнаго существованія; чтобы предупредить ихъ соперничество и скорѣе и вѣрнѣе поглотить и уничтожить всякую независимую мелкую промышленность, они поддерживаютъ временно такія биржевыя и рыночныя цѣны, которыя заставляютъ разоряться и банкротиться мелкихъ фабрикантовъ, ремесленниковъ, мастеровъ и всѣхъ вообще самостоятельныхъ производителей.

4) Приводя въ исполненіе эту мѣру, сообщники распределяютъ и раздѣляютъ всѣ торговыя и промышленныя занятія по своему соображенію и расчету, въ видахъ монополя. Часть земель, которая воздѣлывается руками бѣдныхъ, но свободныхъ поселянъ, исподволь отходитъ въ собственность крупныхъ владѣтелей и если не отличается особеннымъ плодородіемъ, то обращается въ искусственный лугъ, или простой выгонъ, или на ней разводится паркъ, роща, лѣсъ. При этомъ, монополисты стараются задерживать размноженіе населенія всѣми средствами, какія даетъ имъ организація промышленнаго феодализма и практика свободной торговли.

5) Устранивъ всѣ препятствія и одержавъ рѣшительную побѣду, заговорщики составляютъ новую экономическую конституцію. Въ силу этой конституціи опредѣляются разъ на всегда всѣ права, отношенія и обязанности, а также цѣны продуктовъ и услугъ, чѣмъ и будетъ положенъ конецъ революціямъ.

Что будетъ, то будетъ! Пусть власти и представители торговой, промышленной и денежной аристократіи не сознаютъ въ заговоръ противъ рабочаго народа: я не обвиняю ихъ за это. – Но повторяю снова, что представители нынѣшней

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
экономической чепухи далеко не сознають ея логики и не подозревають, куда она ведетъ ихъ. Отличительная черта современнаго высшаго сословія, какъ я уже говорилъ прежде (II часть, гл. IX), – отрицаніе принциповъ, полнѣйшее отсутствіе самосознанія или, выражаясь върнѣе, пониманія тѣхъ идей, въ силу которыхъ она дѣйствуетъ, и малодушная привычка жить только настоящимъ, слѣдую поговоркѣ: на нашъ вѣкъ хватить!

Въ заключеніе этой главы мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ должны были вести себя демократы, противники свободной торговли, въ виду торговаго трактата.

По конституціи 1852 г., главѣ государства дается право заключать торговые договоры. Конституція 1848 г. также утвердила это верховное право. Такимъ образомъ, Наполеонъ III, подписавъ договоръ 1860 г., былъ совершенно правъ легально. Хотя г. Пуйе-Кертъе и критиковалъ трактатъ съ Англіей, но не осмѣлился, однако, требовать его отмѣны: въ рѣчи своей онъ ограничился робкими замѣчаніями правительству и умолялъ его остановиться на пути къ безусловной свободѣ торговли, пока еще есть время.

Но что могли бы сказать мы, демократы–проповѣдники взаимности? Безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ были бы довольны, если бы нашему радикальному и основательному мнѣнію удалось заявить себя съ трибуны и правительство узнало бы отъ насъ: 1) что торговый договоръ, заключенный съ Англіей, нарушаетъ законъ взаимности, законъ основной и неотмѣнимый въ демократіи и соціальной экономіи; 2) что правительственная власть, объясняя по-своему императорское право, исказила смыслъ конституціи; 3) что не одному только государю, а всему народу, въ общихъ собраніяхъ и торговыхъ палатахъ, слѣдуетъ обсуждать и опредѣлять условія экономическихъ сношеній съ иностранными государствами; 4) что съ 89 года нельзя признавать за государемъ самодержавной власти распоряжаться дѣлами торговли, промышленности, собственности, цѣнности и заработной платы; наконецъ 5) что въ поведеніи правительства заключается противорѣчіе, потому что, провозгласивъ принципъ свободной торговли при заключеніи торговаго трактата, оно усиливалось оправдать этотъ трактатъ аргументами, заимствованными у покровительственной системы; что, слѣдовательно, требовали отмѣны договора.

Но замѣтите, что такое заявленіе принциповъ, еслибы оно даже не было признано несостоятельнымъ при самомъ началѣ, неизбѣжно было бы признано, наконецъ, несомѣстнымъ съ существующею политико-экономическою системою. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все гармонически связано, не все идетъ нога въ ногу: централизація и экономическая анархія, громадныя бюджеты и громадныя монополіи, свобода лихоимства и свобода торговли?... Окончивъ свою рѣчь, представителю демократіи и принципа взаимности оставалось бы только подать въ отставку; стоило-ли же хлопотать о кандидатурѣ и принимать присягу?...

Примечанія

1

Единственное за многіе последние десятилетия издание трудовъ П. Ж. Прудона в Россіи: П. Ж. Прудон. Что такое собственность? М., 1998. О Прудоне см.: Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007 и Рябов П. В. Философія классическаго анархизма (проблема личности). М., 2007.

2

Публично возражая в печати противъ патриархализма Прудона, русский публицистъ и революционеръ М. Л. Михайловъ положилъ начало дискуссіямъ вокругъ «женскаго вопроса» в Россіи.

3

Биографію и выразительно–лаконичныя портреты П. Ж. Прудона см.: Герцен А. И. Былое и думы. Глава XLI // Герцен А. И. Собрание сочиненій в восьми томахъ. Т. 6, М., 1975, сс. 178–196 и М. Туган–Барановскій. Пьеръ Жозефъ Прудон // Адамъ Смитъ, Беккариа и Бентамъ, Джонъ Милль, Прудонъ, Ротшильды. Биографическія повѣствованія. Челябинскъ, 1998, сс. 301–386.

4

Подробнее о переводе и обстоятельствах издания «Французской демократии» («De la caracite' politique des classes ouvrie' res») в России см.: Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007, сс. 302–303. Помимо Н. К. Михайловского, сумевшего издать книгу в 1867 году в Санкт-Петербурге, в переводе участвовали виднейшие русские прудонисты–шестидесятники – Николай Соколов и Николай Ножин.

5

Рябов П. В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках. М.: Красанд/URSS, 2010, сс. 17–24 и Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007, сс. 85–198.

6

Манифестъ Шестидесяти говорить прямо: «Мы утверждаемъ, что послѣ двѣнадцати лѣтъ терпѣнія наступила благопріятная минута. Мы не можемъ согласиться, чтобы слѣдовало ждаты слѣдующихъ общихъ выборовъ, т. е. еще шесть лѣтъ; если такъ, то избранія работниковъ пришлось бы ждаты восемнадцать лѣтъ». Такимъ образомъ, видно, что они ведутъ счетъ своему терпѣнію съ 1851 года.

7

Г. Толень въ своей брошюрѣ о выборахъ приводитъ слѣдующій фактъ. Одинъ избиратель работниковъ 9 округа, въ присутствіи котораго разсуждали о достоинствахъ г. Пельтана, писателя, обозрѣвшаго, по словамъ стереотипной рекламы г. Паньера, весь кругозоръ человѣческой мысли, выразился нѣсколько грубо, но въ формѣ, совершенно соотвѣтствующей современному настроенію: «А мнѣ наплевать, что бы ни бросить въ избирательный ящикъ, яблочную середку или капустную кочерыжку, – лишь бы то, что я брошу, значило оппозиція».

8

Свободный обмѣнъ препятствуетъ возвышенію цѣны на хлѣбъ и внушаетъ уваженіе крестьянамъ; можно сказать, что во Франціи почти всюду цѣна хлѣба не превышаетъ стоимости производства. Даже въ Босѣ арендаторъ получаетъ свой доходъ не съ сбора хлѣба, а съ искусственныхъ луговъ и со стадъ.

9

Глава эта во французскомъ изданіи Дантю подъ редакціей Шоде потерпѣла важныя и значительныя измѣненія. Мы печатаемъ ее въ томъ видѣ, какъ она была переведена въ Парижѣ г. Соколовымъ съ рукописи покойнаго автора и напечатана въ № 6 «Русскаго Слова» за 1865 годъ.

10

Это сравненіе можетъ показаться несправедливымъ въ періодъ стачекъ, совершающихся на нашихъ глазахъ. Но, не говоря уже о томъ, что законъ о стачкахъ вызванъ, собственно говоря, не народною инициативой (см. ч. III, г. IX), въ большинствѣ случаевъ правительство поддерживало требованія работниковъ.

Работники заслуживали бы, конечно, похвалу за произведенныя ими избранія, за уступку буржуазіи, если бы, какъ заявилъ манифестъ шестидесяти, эта уступка была внушена высшими политическими соображеніями. Но ничего этого къ сожалѣнію мы не видимъ, и, кромѣ прихоти, эгоизма, есть единственный двигатель работниковъ.

11

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Отвѣтъ четырехъ рабочихъ на статью Siècle 14 марта 1864.

12

См. «Руководство биржеваго спекулятора» и «о реформахъ въ желѣзныхъ дорогахъ» того же автора.

13

Нельзя умолчать еще о слѣдующемъ фактѣ: извѣстные сторонники экономической анархіи, виновники промышленнаго и торгашескаго феодализма, отъявленные противники освобожденія рабочихъ, неотступно требуютъ такъ называемой свободы банковъ или децентрализаціи кредита; они точно также требовали и добились такъ называемой свободной торговли, а теперь скоро потребуютъ еще свободы процента. Въ толкахъ объ этомъ они никогда не пропускаютъ случая обличить взаимный кредитъ въ стремленіи къ централизаціи и обвинить защитниковъ экономического переворота въ поплзновеніи къ правительственности. Стоитъ ли напоминать читателю, что всякая общественная служба, организованная такъ, чтобы не стоить потребителямъ ничего или почти ничего, есть трудъ коллективный, дѣйствующій самъ по себѣ и для себя, стоящій, слѣдовательно, настолько же внѣ общинности, насколько и внѣ централизаціи? Общественные банки каждой провинціи, cadaго города должны быть независимы другъ отъ друга: такимъ образомъ централизація будетъ достаточно разбита. Но считать свободою кредита такую свободу, въ силу которой всякій могъ бы выдавать бумажные денежные знаки, или называть свободою процента право поднимать учетъ до 7, 8, 9, 10 и выше – значить злоупотреблять словами; такое злоупотребленіе въ жизни прикрываетъ подлогъ, а въ наукѣ составляетъ противорѣчіе. – Сказанное о кредитѣ, мы повторимъ и о страхованіи, объ общественныхъ работахъ и т. д. Не будемъ смѣшивать дѣло коллективное, даровое по своей сущности съ явленіями централизаціи, которыя хуже и дороже всѣхъ другихъ.

14

Теорія взаимнаго кредита, стремящагося сдѣлаться даровымъ, въ силу котораго занимающій долженъ оплачивать только издержки по управленію, составляющія 1/4 %, была въ первый разъ теоретически изложена въ брошюрѣ въ 43 страницы, подъ заглавіемъ: Организация кредита и обращенія П. Ж. Прудона, Парижъ 1848. Другіе, напримѣръ Мазель старшій, а въ позднѣйшее время г. Боннаръ, казалось, тоже угадывали этотъ принципъ. Но они имѣли о немъ самое поверхностное понятіе; доказали они это тѣмъ, что обоимъ, особенно Боннару, тотчасъ же пришла мысль эксплуатировать этотъ принципъ въ свою пользу, забывая, что бесплатность то и составляетъ самую сущность взаимности. Контора Боннара теперь въ значительной степени пала; впрочемъ говорятъ, что основатель успѣлъ составить себѣ блестящее состояніе, источникъ котораго, хотя въ глазахъ судей оказался совершенно безукоризненнымъ, но тѣмъ не менѣе не имѣетъ ничего общаго со взаимностью.

Въ числѣ противниковъ взаимнаго кредита я долженъ назвать Фредерика Бастіа. На памяти этого экономиста, заслуживающаго уваженія за большую часть своихъ мнѣній, останется, въ глазахъ здравомыслящихъ людей, пятно недобросовѣстности, которую онъ обнаружилъ во время нашего публичнаго диспута въ 1849 году. Заодно съ Бастіа, я охотно признаю, что въ дѣлѣ кредита частное лицо не можетъ безвозмездно выпустить изъ рукъ свои капиталы, точно также, какъ ему было бы невозможно застраховать какой нибудь торговый домъ безъ значительной преміи; потомъ, когда я хотѣлъ растолковать своему противнику, что при порядкѣ, основанномъ на взаимности, все шло бы совершенно обратнымъ путемъ, Бастіа не хотѣлъ ничего слушать, говоря, что взаимность нисколько его не интересуется, и что онъ довольствуется моимъ признаніемъ касательно результатовъ кредита, который я назвалъ одностороннимъ (unilatéral), чтобы избѣжать ненавистнаго слова: лихоимствующій.

По этому поводу я позволю себѣ представить слѣдующее разсужденіе. Мнѣ меньше, чѣмъ всякому другому, было бы прилично осуждать рабочія массы, особенно въ ту минуту, когда во Франціи, Германіи и Англии онъ стараются дѣйствовать заодно, чтобы отстоять свое освобожденіе противъ коалиціи капиталистовъ и случайностей международной войны. Но выставивъ на видъ

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org ложныя понятія и заблужденія рабочей массы касательно кредита, я не могу не упомянуть о робости тѣхъ, которые, боясь утопій, считаютъ мудростью слѣдить шагъ за шагомъ за буржуазною практикою и охотно свели бы ученіе о взаимности на то, чтобы рабочій классъ имѣлъ своихъ банкировъ, а собственники, предприниматели и лавочники – своихъ. Какъ? Неужели взаимность станетъ стыдиться своего имени! Неужели она станетъ бояться, что ее завлекутъ слишкомъ далеко. Неужели она будетъ протестовать противъ того, что нѣкоторые уже называютъ преувеличеніемъ ея ученія. Пусть рабочіе успокоятся. Ихъ банки, платящіе за капиталы очень дорого, вслѣдствіе чего имъ невозможно отдавать ихъ займы дешево, не въ состояніи приняться за серьезную войну противъ капитализма. Взаимный кредитъ будетъ основанъ въ Европѣ не отпаденіемъ, не незначительными конкуренціями, не филантропическими вспоможеніями или подписками. Для этого нужна, какъ я говорилъ уже не разъ, вся сила коллективной воли, которая откровенно стала бы на сторону преобразованій. Въ 1849 году Народный Банкъ преслѣдовалъ только одну цѣль: трудиться надъ экономическимъ образованіемъ народа и просвѣщать его примѣромъ, опытомъ и гласнымъ обсужденіемъ вопросовъ о кредитѣ. Исполненіе дѣла мы отложили до выборовъ 1852 года. Въ будущемъ, безъ сомнѣнія, скрывается много чудесъ; рабочая демократія непобѣдима. Однако, я думаю, она поступитъ разумно, если не станетъ истощать своихъ силъ въ бесполезныхъ усиліяхъ; въ 1863 году она сдумала хорошо заявить себя; поэтому ей не слѣдуетъ упускать изъ виду политическихъ идей 1852 года.

15

Почтенные граждане, принявшіе въ послѣднее время подъ свое покровительство развитіе рабочихъ обществъ, депутаты, журналисты, банкиры, адвокаты, литераторы, промышленники и т. д., надѣюсь, признаютъ, что, замѣнивъ слово ассоціація выраженіями взаимность, ученіе взаимности и т. д., въ смыслѣ общей формулы экономической революціи, я руководствовался не мелочнымъ тщеславіемъ, а, напротивъ того, интересами научной точности. Во первыхъ слово ассоціація слишкомъ спеціально и неопредѣленно; оно неточно, говоритъ скорѣе чувству, чѣмъ разсудку и не имѣетъ того всеобъемлющаго значенія, которое необходимо въ подобномъ случаѣ. Не говоря уже о томъ, какъ выражается одинъ изъ писателей ассоціаціи, что въ настоящее время существуетъ между рабочими три рода обществъ, между которыми надо отыскать связь: общества производства, общества потребленія и общества кредита, – существуютъ и другія общества – вспомошествованія, страхованія, обученія, чтенія, трезвости, пѣнія и т. д. Прибавьте къ этому общества, опредѣленныя сводомъ законовъ: общества гражданскія и торговыя, общія товарищества имуществъ и барышей или общины; товарищества на вѣрѣ и анонимныя общества. Это все вещи разныя, и писателю, который захотѣлъ бы писать объ ассоціаціи, слѣдовало бы прежде всего постараться отыскать принципъ, которымъ можно было бы привести къ одной общей формулѣ эти безчисленныя ассоціаціи; но тогда этотъ принципъ сталъ бы выше принципа самой ассоціаціи.

Очевидно, что три четверти, если не четыре пятыхъ такой націи, какъ наша, – собственники, земледѣльцы, мелкіе промышленники, литераторы, артисты, чиновники и т. д. – не могутъ считаться живущими въ обществѣ; стало быть или надо объявить ихъ отнынѣ стоящими внѣ реформы, внѣ революціи, или надо допустить, что слово общество, ассоціація не удовлетворяетъ наукѣ; надо найти другое слово, въ которомъ съ простотою и энергіею соединялась бы широта принципа. Наконецъ, мы показали, что въ новѣйшей демократіи политическій принципъ долженъ быть тождествененъ съ принципомъ экономическимъ: а этотъ принципъ уже давно названъ и опредѣленъ; это принципъ федераціи, синонимъ взаимности или взаимной гарантіи, не имѣющій ничего общаго съ принципомъ ассоціаціи.

16

Ложное единство отличается преимущественно своимъ матеріализмомъ. Для управленія подобнымъ строемъ достаточно было бы обезьяны. Машина заведена, – и все повинуется. Никто не осмѣливается требовать отъ центральной власти ни ума, ни обезпеченія, ни нравственности. Она хочетъ, она повелѣваетъ она власть – и все тутъ.

Централизація доставила торжество парижской общинѣ послѣ сентябрьскихъ убійствъ, а потомъ, 31 мая, Марату. Она вызвала триумвиратъ Робеспьера,

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
Сень-Жюста и Бутона; она сделала возможным Террор и поддерживала его четырнадцать месяцев. Она подготовила 18-ое брюмера и едва не помогла, два года спустя, Кадудалю. Если бы Бонапарт был убит адской машиной, Реставрация, начавшаяся только в 1814 году, явилась бы двенадцатью годами раньше. Благодаря централизации, в то самое время, когда Наполеон посылал свои указы из Москвы, в самом Париже едва не воцарился Малеть. Централизация, сделала то, что в 1814 году акт капитуляции Парижа лег в основание тогдашней конституции. Централизация, погубившая династию Бурбонов, погубила и Орлеанов. 2 декабря было делом семи человек. При централизации управляет не человек, не герой или заговорщик, не Лафайет, Дантон или Марат, даже не Конвент, не Директория, не Король, не Император, – все в руках великого города Парижа; все идет из центра.

17

При равенстве федеральных государств, достаточно одного собрания; но если они не равны, то для восстановления равновесия для федерального представительства необходимы две палаты или два совета: в один из них все государства, без различия числа народонаселения и пространства области, посылают равное число представителей; в другой совет депутаты назначаются государствами в число, соответствующем величине каждого. (Такова федеральная конституция Швейцарии, где двойственность парламента имеет совершенно другое значение, чем в конституциях Англии и Франции).

18

По многим причинам, мы охотно согласились бы не переводить этих страниц, где Прудон говорит о политике, между прочим и потому, что совершенно не разделяем практических взглядов автора. Нам даже неприятно видеть, как Прудон, в этой вздорной области политических вопросов, берется еще за несвойственное ему дело «практического» построения, бредет по следам аббата Сэйса и Камбасереса и создает для Франции план новой (уже которой по счету?) конституции. При всем том, нам кажется, что недобросовестно скрывать от русских читателей промахи и увлечения Прудона, тем более, что слабость и наивность его политической практики слишком очевидны и могут предостеречь всякого от увлечений «практическими» решениями, которые теперь совершенно неуместны. (Ред.)

19

Это доказывается фактом, мало известным, но чрезвычайно замечательным. В некоторых местностях Дубского департамента, в Монбеллиарском округе, народонаселение состоит частью из католиков, частью из протестантов, и здесь нередко можно встретить, что одно и то же здание в различные часы служит для богослужения обоих исповеданий и никогда не случается там никаких столкновений. Очевидно, эти добрые люди заключили друг с другом договор взаимной терпимости для обрядов своих исповеданий, и взаимность устранила всякую возможность столкновения. В деревнях этих не было примера и никогда не слыхано, чтобы ктонибудь переменил религию, или чтобы ктонибудь совершал в отношении других враждебные поступки из-за религиозной ревности. Но несколько лет тому назад, архиепископ Безансонский стал сыпать смяна раздора: он велел построить для своих прихожан особую церковь. Истинный друг мира и человечества просто старался бы украсить и расширить дом божий, понял бы что этот храм-церковь – прекраснейшая память, какой только люди могут построить в честь христианского милосердия. Но архиепископ разсудил иначе. По мере сил своих он старается противопоставить одну религию другой, одну церковь другой, одно кладбище другому. Когда наступит страшный суд, не нужно будет отделять козлиц от овец – об этом уже позаботились заблаговременно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Французская демократия. Пьер Жозеф Прудон filosoff.org
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!